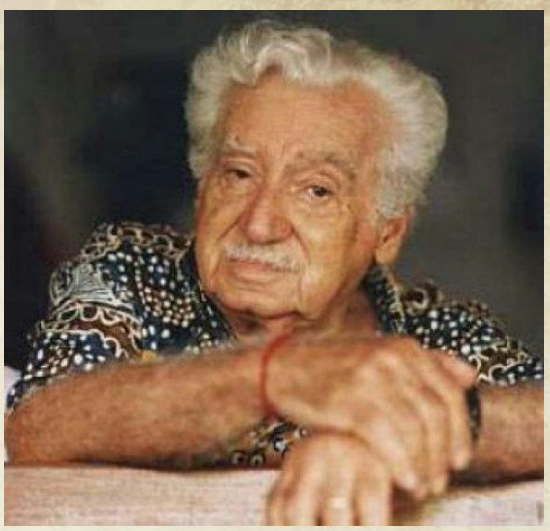
Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/



Жоржи Амаду

Дона Флор и ее два мужа

Jorge Amado.
Dona Flor e seus dois maridos

ДОНА ФЛОР ПРОТИВ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА

В романе «Дона Флор и два ее мужа» я поставил перед собою две задачи. Прежде всего, дать широкую панораму современной баиянской жизни, картину обычаев, нравов, условий и условностей, окрашенную колоритом Салвадора, единственного в своем роде города, где смешались все расы. В широкой панораме баиянской жизни мне хотелось запечатлеть все характерные штрихи быта, которые теперь постепенно исчезают с течением времени: архитектуру, фольклор, музыку, кухню – в общем все то, что в совокупности отражает самый дух народа, его своеобразие, его национальную культуру. Мне хотелось также передать особенности местного говора, отличающегося поэтичностью и изяществом. Думаю, что именно бразильский колорит романа (бразильский потому, что Байя – это и есть Бразилия) и является одной из причин его успеха не только в Бразилии, но и в других странах. Ибо роман этот – и в самом деле панорама баиянской жизни.

Но дело не только в этом. Вторая моя задача была более сложной и отнюдь не сводилась к описанию истории двух замужеств доны Флор, хотя именно эта история дала автору возможность высмеять мелкую буржуазию, ограниченность ее горизонтов, ее неспособность к полнокровной жизни, ее нелепые и смешные предрассудки. Мещанство – это класс, лишенный перспектив, обуреваемый мелочными стремлениями и претензиями, пытающийся добиться привилегий, которыми несправедливо обладает буржуазия. Я хотел показать в этом романе издавна существующий контраст между жизнью народа – тяжелой, страшной, поистине трагической, которую он, однако, переносит с мужеством, решимостью, упорством, настоящим героизмом, всегда веря в лучшее будущее, и нелепой, никчемной жизнью мелкой буржуазии. Достаточно вдуматься в содержание романа, чтобы убедиться: из всех затруднений дону Флор неизменно выручает народ в лице того или иного персонажа книги.

Эту ограниченность жизненных горизонтов, этот почти полный отказ от истинных ценностей жизни, эту деградацию мещанства я показал сквозь призму самого глубокого, благородного и бессмертного чувства – чувства любви. Я хотел также показать, что в буржуазной среде это чувство становится едва ли не преступным и что в наше время лишь люди из народа умеют любить по-настоящему

Дона Флор, зажатая в железные тиски буржуазного общества, не сразу могла отличить ложь от правды; она жаждет любви и отказывается от нее, ее решимость снова и снова отступает перед робостью. Но с помощью простых людей этой поистине волшебной Баии она восстает против предрассудков, против всего, что угнетает и уродует любовь, делая ее либо низменной, либо преступной, против всего, что мешает человеку любить. В конце романа дона Флор твердо стоит на ногах, она борется. Такова

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

была моя вторая задача.

Для моего романа, как и для бразильского романа вообще, характерна вера в народ и его судьбу. Как и другие мои произведения, эта книга – за будущее и против прошлого.

Жоржи Амаду

Тайная, волнующая история, пережитая доной Флор, почетной преподавательницей кулинарного искусства, и ее двумя мужьями: первым, по прозвищу Гуляка, вторым – аптекарем по имени д-р Теодоро Мадурейра, или страшная борьба между духом и плотью

История эта рассказана Жоржи Амаду, народным сочинителем, обосновавшимся в городе Салвадор, в Бухте Всех Святых, в квартале Рио-Вермельо, по соседству с площадью Сант-Ана, где обитает Йеманжа, повелительница вод.

MCMLXVI

«Бог – толстый»

(откровение Гуляки, сделанное им по возвращении из загробного мира)

«Земля – голубая»

(заявил Гагарин после первого полета в космос)

«Каждой вещи свое место, и каждая вещь на своем месте»

(надпись на стене в аптеке д-ра Теодоро Мадурейры)

«Ах!»

(вздохнула дона Флор)

ДОРОГОЙ ДРУГ ЖОРЖИ АМАДУ!

Если говорить откровенно, то мой пирог из маниоки не имеет определенного рецепта. О том, как его готовить, мне рассказала дона Алда, жена Ренато, который работает в музее. Однако, прежде чем я научилась выпекать его как следует, мне пришлось немало повозиться. (Впрочем, кто же научится любить, не любя, или жить, не прожив жизни?)

Можно испечь два десятка пирожков из маниокового теста, а если пожелаете, то и больше, но посоветуйте доне Зелии испечь сразу один большой пирог. Он всегда приходится всем по вкусу. Даже они оба, столь не похожие друг на друга, только в этом сошлись и обожали пирог из маниокового или кукурузного теста. Только ли пирог? Ах, сеу Жоржи, не бередите моей раны. Сахар, соль, тертый сыр, сливочное масло, кокосовое молоко и мякоть кокосового ореха – необходимо и то и другое (как говорил мне один сеньор, пишущий в газетах: почему сердцу человеческому мало одной любви и оно всегда ищет вторую?) – и класть следует все по вкусу. Ведь у каждого свой вкус: один любит посолонее, другой – послаще, не правда ли? Все это хорошенько размешать и сунуть в раскаленную печь.

Думаю, что Вы меня поймете, сеу Жоржи, поэтому шлю Вам не рецепт, а только записку. И пирог. Если он Вам понравится, скажите. Как поживают ваши? У нас все в порядке. Купили еще один пай в аптеке, сняли на летний сезон дом в Итапарике, очень комфортабельный. Что касается остального – Вы знаете, что я имею в виду, – то тут, как говорится, ничего не поделаешь. О своих бессонных ночах я Вам не рассказываю, это было бы бестактно с моей стороны. Но зарю над морем все еще зажигает Ваша покорная слуга.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Флорипедес Пайва Мадурейра дона Флор дос Гимараэнс
(Записка, недавно полученная автором от доны Флор).

I. О смерти гуляки, первого мужа доны Флор, о бдении у его гроба и его похоронах

(Под аккомпанемент кавакиньо несравненного Карлиньоса Маскареньяса)

КУЛИНАРНАЯ ШКОЛА «ВКУС И ИСКУССТВО»

КОГДА И ЧТО СЛЕДУЕТ ПОДАВАТЬ ВО ВРЕМЯ БДЕНИЯ У ГРОБА ПОКОЙНИКА
(Ответ доны Флор на вопрос одной из учениц)

Несмотря на смятение, которое обычно царит в доме покойника в первый день после его смерти, полный горя и слез, нельзя допускать, чтобы бдение у гроба проходило кое-как. Если хозяйка дома рыдает или лежит без чувств, если она в отчаянии и ее нельзя оторвать от гроба, одним словом, если ей не до тех, кто пришел почтить память усопшего, хлопоты должен взять на себя кто-либо из родственников или друзей, поскольку никто из присутствующих не ложится спать и всю ночь бедняги проводят без еды и питья, а зимой иногда и в холоде.

Чтобы люди по-настоящему могли отдать дань уважения покойнику и облегчить ему первую, еще неопределенную ночь после смерти, их надо принять радушно, позаботиться о том, чтобы сохранить им силы, накормить и напоить.

Когда и что следует в таких случаях подавать?

Вот вам распорядок на всю ночь. Кофе следует предлагать все время, разумеется, черный. Полный завтрак: кофе с молоком, хлеб, масло, сыр, бисквиты, пирожки из сладкой маниоки или кукурузы, рисовые или кукурузные оладьи с яичницей-глазуньей – утром и только для тех, кто не уходил до рассвета.

Лучше всего постоянно иметь в чайнике горячую воду, тогда не будет недостатка в кофе; ведь люди приходят непрерывно. К черному кофе подают галеты и бисквиты; время от времени гостям следует предлагать бутерброды с сыром, ветчиной, колбасой или же просто легкую закуску; обычно этого вполне достаточно.

Если бдение у гроба устраивается более пышно и на затраты не скупятся, в полночь можно предложить по чашке горячего шоколада или жирного куриного бульона. А затем, если кто пожелает, биточки из трески, жареное мясо, пирожки и всевозможные сласти и засахаренные фрукты.

Помимо кофе, в богатых домах может быть подано пиво или вино – по стакану, не больше – только чтобы залить бульон или жареное мясо. Шампанское ни в коем случае подавать не следует, это считается признаком дурного тона.

Как в богатых, так и в бедных семьях бдение не обходится без водки: может не быть чего угодно, даже кофе, только не кашасы. Бдение без кашасы свидетельствует о неуважении к покойнику, о равнодушии и нелюбви к нему.

1

Гуляка, первый муж доны Флор, скончался в воскресенье утром во время карнавала, когда в костюме баиянки вдохновенно отплясывал самбу в одной из групп карнавальной процессии на площади Второго июля, неподалеку от своего дома. Он не принадлежал к этой группе, а только что присоединился к ней в компании четырех своих приятелей, тоже одетых

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

баиянками, которые вместе с Гулякой возвращались из бара на площади Кабеса, где виски лилось рекой за счет некоего Мойзеса Алвеса, богатого и расточительного владельца какаовых плантаций.

Во главе этой карнавальной группы шествовал небольшой оркестр гитаристов и флейтистов, среди которых был тощий Карлиньос Маскареньяс, хорошо известный в местных публичных домах. Он играл – и как божественно играл! – на своей маленькой гитаре-кавакиньо. Юноши были одеты в цыганские костюмы, девушки – в костюмы венгерских и румынских крестьянок. Но ни одна венгерка, румынка, болгарка или югославка не могла извиваться в танце так, как извивались эти веселые девушки в расцвете молодости.

Гуляка, завидев появившуюся из-за угла процессию и услышав божественную музыку тощего Маскареньяса, быстро направился ей навстречу и очутился перед пышной, смуглой румынкой, величественной, как церковь. Она и впрямь походила на церковь св. Франциска, так сверкало ее покрытое золотыми блестками платье. Гуляка обратился к ней со словами:

– Вот и я, моя русская красавица…

Маскареньяс в цыганском камзоле, расшитом стеклярусом и бисером, с нарядными серьгами-кольцами в ушах, изощрялся на своем кавакиньо. Стонали флейты и гитары. Гуляка танцевал самбу самозабвенно, как делал все, кроме работы. Он вертелся вокруг мулатки, притопывал каблуками и наступал на нее, словно петух. И вдруг совершенно неожиданно издал глухой хрип, покачнулся и плашмя рухнул на землю. Изо рта показалась желтая пена. Однако гримаса смерти не смогла стереть с его лица улыбку заправского весельчака, каким он был при жизни.

Друзья единодушно решили, что во всем виновата кашаса, но не виски плантатора. Какие-то четыре или пять стопок виски не могли свалить такого человека, как Гуляка. А вот кашаса, которую он пил в баре «Триунфо» на Муниципальной площади со вчерашнего полудня, то есть с самого открытия карнавала, словно восстала вдруг, свалила его, и он заснул. Впрочем, величественную мулатку не так-то легко было обмануть. Медицинская сестра по профессии, она привыкла к смерти, ежедневно сталкиваясь с ней в больнице. И все же она не позволила себе фамильярничать со смертью, подмигивать ей и танцевать с ней самбу. Она склонилась над Гулякой, приложила руку к его груди и, почувствовав, как по спине поползли мурашки, воскликнула:

– Боже, он мертв!

К телу молодого человека потянулись руки, стали щупать пульс, приподнимать кудрявую белокурую голову, искать уже не бившееся сердце. Все было напрасно, Гуляка не подавал никаких признаков жизни: он навсегда расстался с баиянским карнавалом.

2

Среди участников карнавальной процессии и в уличной толпе поднялся переполох, началась суматоха. Этим воспользовалась Анете, взбалмошная, романтичная учительница, чтобы изобразить истерический припадок с громкими всхлипываниями и угрозами упасть в обморок. Представление было затеяно для жеманного Карлиньоса Маскареньяса, по которому вздыхала эта слабонервная особа. Анете считала себя необычайно чувствительной и изгибалась, как кошка, когда он играл на своем кавакиньо. Теперь кавакиньо безмолвствовало, никчемно свисая с руки артиста, будто Гуляка унес с собой в иной мир его последние аккорды.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Отовсюду сбегались люди: весть быстро донеслась до Сан-Педро, до Седьмой авениды, до площади Кампо Гранде, собирая любопытных. Вокруг покойника столпился народ, толкая друг друга и обсуждая случившееся. Вызвали врача, проживающего на Содре, полицейский вытащил свисток и беспрерывно свистел, как бы оповещая весь город и всех участников карнавала о смерти Гуляки.

«Так это же Гуляка, бедняжка!» – с сожалением воскликнул кто-то из ряженых. Покойника все хорошо знали: он пользовался славой неукротимого весельчака и гордого, вольнолюбивого бродяги. Его любили те, кто с ним выпивал и кутил; и здесь, вблизи от его дома, не было человека, который бы его не знал.

Другой ряженый, в мешковине и с большой медвежьей мордой на голове, пробравшись сквозь толпу, подошел к Гуляке и склонился над ним. Он сорвал с себя маску, обнажив лысину и встревоженное лицо с обвисшими усами, и пробормотал:

– Гуляка, приятель, как же это тебя угораздило?

«Что с ним, отчего он умер?» – спрашивали друг у друга собравшиеся. Кто-то ответил: «Во всем виновата кашаса». И, пожалуй, нельзя было найти более простого объяснения столь внезапной смерти. Какая-то согбенная старушонка, взглянув на покойника, пробормотала:

– Он же совсем молодой, отчего он умер?

Вопросы и ответы раздавались до тех пор, пока не появился врач. Он приложил ухо к груди Гуляки и, удостоверившись в том, что сердце действительно перестало биться, констатировал смерть.

– Он танцевал самбу и вдруг ни с того ни с сего повалился наземь, – пояснил доктору один из четырех приятелей Гуляки, который сразу вдруг протрезвел и стал мрачным, хотя выпил немало кашасы: он был взволнован и испытывал неловкость оттого, что на нем костюм баиянки, что щеки его накрашены кармином, а глаза подведены жженой пробкой.

То обстоятельство, что приятели нарядились баиянками, не должно было вызывать насмешек, ибо все пятеро не раз доказывали свою мужественность. Они оделись баиянками ради шутки, из обыкновенного мальчишества, а отнюдь не потому, что стремились походить на женщин или имели порочные наклонности. Среди них, слава богу, не было гомосексуалистов. Да и покойник выглядел сейчас очень порядочным и скромным: он мирно скончался во время карнавала и на груди его не было раны от пули или ножа, которая заставила бы забыть о том, что он ряженый.

Дону Флор вела ее подруга дона Норма, энергично прокладывавшая дорогу в толпе, и подошли они почти одновременно с полицейским. Как только дона Флор появилась на углу в окружении сердобольных кумушек, все сразу догадались, что это жена Гуляки, ибо шла она с громким плачем и причитаниями и даже не пыталась сдерживать слез. Была она не причесана, в домашнем, довольно поношенном платье и шлепанцах. Однако это ничуть не портило ее, и она выглядела очень хорошенькой: невысокая, в меру полная, с бронзовой кожей, говорившей о негритянской и индейской крови, с прямыми, иссиня-черными волосами, томными глазами и пухлыми губками, приоткрытыми над белоснежными зубами. Аппетитненькая, как обычно называл ее Гуляка в минуты особой нежности – редкие и, быть может, именно поэтому незабываемые. Наверное, кулинарное искусство жены вдохновляло его, когда в подобные минуты он шептал: «Мой медовый пряник, мое пахучее акараже, моя толстенькая курочка». Эти сравнения довольно точно отражали чувственную натуру доны Флор и вместе с тем ее скромное очарование, таившееся под обличьем спокойствия и податливости. Гуляка хорошо знал ее слабости и умел пробудить в своей скромнице стыдливое желание, иногда сменяющееся бурными порывами и даже страстью… Стоило Гуляке захотеть, и не было человека обаятельнее его. Перед ним не могла устоять ни одна женщина. Сколько раз дона Флор, преисполненная негодования и обиды, пыталась не поддаваться его чарам, случалось даже, она ненавидела его и проклинала тот день, когда соединила свою судьбу с этим легкомысленным человеком.

Но сейчас, узнав о внезапной смерти мужа, дона Флор шла ошеломленная, без единой мысли в голове, без единого воспоминания: ни о минутах глубокой нежности, ни тем более о

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

печальных днях тоски и одиночества, словно, скончавшись, Гуляка лишился всех своих недостатков или же вовсе их не имел, пока совершал «свой недолгий путь в этой юдоли слез».

«Недолгим был его путь в этой юдоли слез», – произнес досточтимый профессор Эпаминондас Соуза Пинто, пораженный случившимся. Он поспешив поздороваться с вдовой и принести ей свои соболезнования, прежде чем она подойдет к покойнику. Дона Гиза, учительница, не менее уважаемая, чем профессор, не торопилась с выводами, как ее коллега. Думая о Гуляке, она сдержанно улыбалась: если и вправду недолгим оказался его жизненный путь – ему едва исполнился тридцать один, – мир для него, как хорошо знала дона Гиза, не был юдолью слез, скорее театром, где разыгрывался веселый фарс греховных соблазнов и надувательства. Правда, многое приносило ему огорчения и заботы, доставляло тяжкие страдания: невыплаченные долги, учтенные и опротестованные векселя, поручительства, продление срока займов, нотариусы, банки, ростовщики, хмурые лица друзей, не говоря уже о физических и моральных муках доны Флор. «И все же, – думала про себя дона Гиза на своем ломаном португальском языке (по происхождению она была американкой, но осела в Бразилии и чувствовала себя бразильянкой, хотя ей так и не удалось постичь этот дьявольский язык), – если и были слезы на недолгом жизненном пути Гуляки, то не его, а доны Флор, и было их более чем достаточно и хватало на обоих: на жену и на мужа».

Узнав о внезапной смерти Гуляки, дона Гиза огорчилась: он был ей симпатичен, несмотря на свои недостатки, к тому же у него была на редкость привлекательная внешность. Но даже сейчас, когда он лежит на мостовой мертвый, в платье баиянки, она не станет изображать его святым и искажать истину, придумывая иного Гуляку. Так заявила она доне Норме, своей соседке и близкой подруге, от которой, впрочем, не получила желаемой поддержки. Дона Норма не раз ругала Гуляку последними словами, ссорилась с ним, пыталась наставить на путь истинный и однажды даже пригрозила ему полицией. Однако в этот печальный час она не желала вспоминать о недостатках покойного и оживляла в памяти лишь хорошее: его природное благородство, сострадание, которое он всегда готов был проявить, его преданность друзьям и непомерную щедрость (особенно на чужой счет), его не знающую границ жизнерадостность. К тому же доне Норме, озабоченной тем, чтобы проводить дону Флор и оказать ей посильную помощь, было сейчас не до суровой правды доны Гизы. Но ничего не поделаешь: истина для доны Гизы была дороже всего, даже если делала ее в глазах людей слишком жестокой и непримиримой. Впрочем, не исключено, что этим правдолюбием она оборонялась от собственной излишней доверчивости и чрезмерного легковерия. Дона Гиза вспоминала сейчас дурные поступки Гуляки не для того, чтобы осуждать его; он ей нравился, и часто они вели долгие беседы: дона Гиза интересовалась психологией мирка, в котором жил Гуляка, он же рассказывал ей забавные случаи, поглядывая на ее декольте, обнажавшее пышную веснушчатую грудь. Возможно, дона Гиза понимала Гуляку лучше, чем дона Норма, но в отличие от последней не намеревалась оправдывать ни один из его недостатков и лгать только потому, что он умер. Дона Гиза не лгала даже себе самой, разве только когда это было очень необходимо. Но данный случай был не таким.

Дона Флор шла вслед за доной Нормой, которая, пользуясь своей известностью, локтями прокладывала дорогу в толпе.

– Посторонитесь, люди добрые, дайте бедняжке пройти…

Вот он, Гуляка, лежит на брусчатке мостовой с застывшей улыбкой, бледный, белокурый. Вид у него такой мирный и невинный. Дона Флор остановилась, глядя на него так, словно сомневалась, он ли это, или же – и это более вероятно – отказываясь признать ставший теперь уже неоспоримым факт смерти. Но это длилось лишь мгновение. С криком, исторгнутым из самой глубины души, она бросилась на труп Гуляки и, вцепившись в неподвижное тело, стала целовать волосы мужа, лицо, накрашенное кармином, открытые глаза, задорные усики и навсегда охладевшие уста.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

3

Хотя в этот воскресный день продолжался карнавал и каждому хотелось принять участие в параде автомобилей и веселиться до утра, бдение у гроба Гуляки имело успех. «Настоящий успех», – с гордостью заявила дона Норма.

Служащие бюро похоронных процессий доставили тело покойного и положили на кровать в спальне. Лишь позднее соседи перенесли его в гостиную. Служащие похоронного бюро очень спешили, поскольку работы у них с карнавалом прибавилось. И пока остальные развлекались, они возились с покойниками – жертвами несчастных случаев и драк. Доставив Гуляку домой, они сняли грязную простыню, в которую он был завернут, и вручили вдове свидетельство о смерти.

И обнаженный Гуляка остался лежать на своей супружеской железной кровати с украшениями в голове и в ногах, которую перед самым замужеством купила дона Флор на распродаже подержанных вещей. Оставшись в комнате наедине с покойником, дона Флор вынула из конверта свидетельство о смерти, прочла его и покачала головой, как бы не веря своим глазам. Кто бы мог подумать?! С виду такой сильный и здоровый, такой молодой!

Гуляка часто похвалялся, что ни разу в жизни не болел и может несколько ночей подряд провести без сна, за игорным столом, за выпивкой или же кутя с женщинами. А разве не пропадал он иногда из дому на целую неделю, оставляя дону Флор в отчаянии и в слезах? И вот медицинское заключение: он был обречен на смерть, неизлечимая болезнь печени и почек, изношенное сердце. Он мог умереть в любую минуту. Так же внезапно, как умер Кашаса: ночи напролет в казино, оргии, погоня за деньгами подорвали этот молодой, сильный организм, осталась лишь видимость силы и молодости. Именно видимость, поскольку, глядя на Гуляку со стороны, никто бы не сказал, что он так безнадежно болен…

Дона Флор долго смотрела на тело мужа, прежде чем позвать нетерпеливых соседей, любезно вызвавшихся выполнить столь деликатную миссию – одеть покойника, прежде чем положить его в гроб. Вот он лежит перед ней в постели, обнаженный, с золотистым пушком на руках и ногах, с зарослью белокурых волос на груди, со шрамом от ножевой раны на левом плече. Такой красивый и мужественный, такой искусный в любви! Слезы снова навернулись на глаза молодой вдовы. Она попыталась отогнать от себя грешные мысли – о таком не пристало думать в день бдения у гроба усопшего.

Однако, глядя на обнаженное тело мужа, брошенное на постель, дона Флор не могла, как ни старалась, не вспоминать, каким он бывал в часы безудержной страсти. Гуляка не

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

терпел никаких покровов, даже легкой простыни, которой стыдливо прикрывалась дона Флор. Стыдливость вообще была ему не свойственна. Он умел любить. И любовь для него была гимном безграничной радости и свободы, он отдавался ей безраздельно и самозабвенно, с умением, которое могли засвидетельствовать женщины самых различных сословий и классов. Первое время после замужества дона Флор стеснялась и робела, когда Гуляка настаивал, чтобы, прежде чем лечь в постель, она снимала с себя все.

– Ну зачем эта ночная рубашка? К чему тебе прятаться? Любовь – дело святое, ее сам бог придумал в раю, разве ты не знаешь?

Он сам раздевал дону Флор, ласкал ее упругую грудь, гладкий живот, широкие бедра, любовался таинственной игрой света и тени на ее нежной коже. Дона Флор пыталась прикрыться, но Гуляка со смехом срывал с нее простыню. Она была для него игрушкой или нераспустившейся розой, которую он заставлял расцветать в каждую ночь наслаждений. Дона Флор постепенно освобождалась от своей застенчивости и, подчиняясь торжествующему сладострастию, становилась смелой и пылкой любовницей. И все же не могла она до конца отделаться от собственной робости. Каждый раз Гуляке приходилось вновь завоевывать ее, ибо, очнувшись после безумных и дерзких объятий, она опять становилась скромной и стыдливой супругой.

Только оставшись наедине с покойником, дона Флор окончательно поняла, что теперь она вдова, что никогда больше не увидит Гуляку, не задохнется от наслаждения в его объятиях. До сих пор, с той минуты, как трагическое известие о смерти ее мужа, передаваясь из уст в уста, достигло ее ушей, и до прибытия катафалка, дона Флор будто видела дурной и в то же время волнующий сон: страшная новость, путь в слезах до площади Второго июля, мертвое тело мужа, толпа сочувствующих, которые пытались утешить ее, возвращение домой чуть ли не на руках у доны Нормы, доны Гизы, профессора Эпаминондаса и Мендеса, испанца из кафе. Все это произошло столь стремительно и внезапно, что у доны Флор, по существу, не было времени осознать смерть Гуляки.

С площади тело отвезли в морг, но дону Флор ни на секунду не оставляли в покое. В этот воскресный день карнавала она вдруг стала центром внимания не только своей улицы,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

но и всех ближайших кварталов! И пока не привезли домой Гуляку, завернутого в грязную простыню, и маленький пестрый узелок с костюмом баиянки, к доне Флор не прекращалось паломничество соседей, знакомых, друзей, выражавших ей свои соболезнования, дружеское участие и сочувствие. Дона Норма и дона Гиза совершенно забросили свои домашние дела, и без того запущенные из-за карнавала; приготовление завтраков и обедов было поручено прислуге. Обе не отходили от доны Флор, и, утешая ее, каждая старалась перещеголять другую в проявлении преданности.

А на улице продолжалось шествие ряженых в ярких забавных костюмах, с танцами и представлениями. Играли оркестры, звенели тамбурины, ухали барабаны Время от времени дона Норма, не в силах больше бороться с собой, подбегала к окну и, выглянув наружу, перебрасывалась шуткой с кем-нибудь из ряженых; сообщив о смерти Гуляки, она аплодировала оригинальному костюму или другой изобретательной выдумке. Иногда, если ей что-нибудь особенно нравилось, она звала дону Гизу. А к вечеру, когда на улицу вышли «сыновья моря» в сопровождении толпы, танцующей самбу, даже заплаканная дона Флор подошла к окну, чтобы взглянуть на них; газеты писали о «сыновьях моря» как о самой интересной группе баиянского карнавала. Дона Флор выглядывала из-за широких плеч доны Гизы. А дона Норма, забыв о покойнике и всяких приличиях, громко зааплодировала.

Так продолжалось весь день. Даже дона Нанси, заносчивая аргентинка, поселившаяся на этой улице после того, как вышла замуж за мрачного Бернабо, владельца фабрики керамических изделий, спустилась с бельэтажа своего богатого особняка и, отбросив надменность, выразила соболезнование доне Флор, а также предложила помощь, тем самым показав себя приятной и воспитанной особой. При этом она обменялась с доной Гизой кое-какими философскими соображениями насчет того, что жизнь наша коротка и недолговечна.

Теперь понятно, почему у доны Флор не было времени подумать о своем вдовстве и о переменах в своей жизни. И только когда Гуляку привезли из морга и голого положили на супружескую постель, где они не раз предавались любви, дона Флор почувствовала себя вдовой, оставшись наедине с мертвым мужем. Никогда больше не ляжет он с ней на эту постель, не снимет с нее платья, не сбросит простыню на туалетный столик и не овладеет каждой клеточкой ее тела, пока исступление не охватит ее.

«Никогда больше!» – подумала она и почувствовала, как к горлу подступил комок и подогнулись колени. Только теперь она поняла, что все кончено. Она стояла молча, без слез, словно остолбенев, забыв обо всем на свете, кроме обнаженного трупа Гуляки, навсегда отошедшего в мир иной. Не придется ей больше ждать его до рассвета, прятать от него деньги, полученные от учениц, ревновать к самым хорошеньким из них, терпеть побои в те дни, когда он напивался пьяным и был в плохом настроении, и выслушивать ехидные замечания соседей. Не придется больше покоряться его страстному желанию, забыв о стыдливости ради торжества любви. Комок в горле душил ее; дона Флор ощутила вдруг боль в груди, будто ее пронзил острый кинжал.

– Флор, не пора ли его одевать? – услышала она настойчивый голос доны Нормы, доносившийся из гостиной. – Скоро начнут приходить люди…

Дона Флор открыла дверь. Она была серьезна и молчалива, холодна и сдержанна, она не плакала и не стенала, отныне одна во всем мире. Вошли соседи, чтобы помочь ей. Сеу Вивалдо из похоронного бюро «Цветущий рай» самолично привез гроб он уступил его вдове задешево, поскольку был партнером Гуляки по рулетке и баккара. Со знанием дела помог он одеть покойника, превратив молодого и беспутного кутилу в солидного человека. Дона Флор присутствовала при этом и не проронила ни единого слова, ни единой слезинки. Она была одна во всем мире.

4

Тело Гуляки положили в гроб и перенесли в гостиную, где из стульев соорудили импровизированный постамент. Сеу Вивалдо доставил еще цветы – бесплатное подношение

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

от бюро похоронных процессий, и дона Гиза вложила красную скабиозу в скрещенные пальцы Гуляки. Сеу Вивалдо это показалось по меньшей мере нелепым: умершему следовало бы вложить в руки игральную фишку… Фишку, а не красный цветок… И если бы вместо карнавальной музыки и смеха с улицы донесся вдруг шум у столов с рулеткой, хриплый голос крупье, стук фишек, нервные восклицания игроков, возможно, Гуляка встал бы из гроба и, забыв о смерти, как он умел забывать обо всех преследовавших его неприятностях, пошел бы и поставил на свое любимое число 17. А на что ему эта красная скабиоза? Она быстро завянет и высохнет, и никакой крупье ее не примет.

Сеу Вивалдо задержался в доме Гуляки; заядлый любитель карнавалов, он отпер похоронное бюро в это праздничное воскресенье только ради того, чтобы обслужить своего лучшего друга Гуляку. Будь на его месте другой покойник, Вивалдо не стал бы портить себе праздник, пусть бы тот устраивался как угодно.

Впрочем, не один Вивалдо нарушил из-за смерти Гуляки свою карнавальную программу. Всю ночь у гроба Гуляки проходили люди. Одни являлись потому, что Гуляка происходил от обедневшей побочной ветви знатного рода Гимараэнс. Какой-то из его предков был сенатором штата и довольно видным политиком. Другой его дядя, по прозвищу Шимбо, занимал в течение нескольких месяцев пост помощника полицейского инспектора. Этот дядя был одним из немногих Гимараэнсов, который признавал Гуляку своим родственником и устроил его в префектуру смотрителем садов; должность была довольно скромная, с грошовым жалованьем, не хватавшим даже на то, чтобы провести вечер в «Табарисе». Вряд ли стоит говорить, как относился к своим обязанностям молодой муниципальный чиновник: он никогда не инспектировал никаких садов и являлся на службу только затем, чтобы получить свое скудное месячное жалованье. Или же выманить у шефа поручительство по векселю, или выпросить у коллег взаймы двадцать либо пятьдесят мильрейсов. Сады его не интересовали, он не собирался терять время на какие-то там деревья и цветы, даже если б они все пропали, он и глазом бы не моргнул. Гуляка был ночной пташкой, его клумбами были игорные столы, а цветами, как верно заметил сеу

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Вивалдо, – фишки и колоды карт.

Гимараэнсов, которые явились, можно было сосчитать по пальцам; впрочем, принадлежность их к этой фамилии представлялась сомнительной, и все они спешили поскорее уйти. Остальные же – а таких было великое множество – пришли еще раз взглянуть на Гуляку, улыбнуться приятным воспоминаниям, сказать ему последнее «прости». Ибо Гуляку любили, несмотря на его безумные выходки, и ценили его доброе сердце.

Одним из первых в этот вечер пришел парадно одетый (так как позднее должен был отвести своих хорошеньких дочерей на бал в роскошный клуб) командор Селестино, португалец по происхождению, банкир и экспортер. Он не прошел торопливо мимо гроба, как человек, выполняющий неприятную обязанность, а задержался в гостиной, вспомнил добрым словом Гуляку, обнял дону Флор и предложил ей свою помощь. Не правда ли, странно такое отношение важной персоны к мелкому чиновнику префектуры, завсегдатаю второразрядных кабаре, игроку, никогда не вылезавшему из долгов?

Но Гуляка умел обвести вокруг пальца кого угодно. И еще как умел! Однажды ему удалось заполучить от этого преуспевающего португальца подпись на поручительство в несколько конторейсов. Гуляка никогда не забывал о долгах, как и о сроках погашения векселей, банковских или выданных ростовщиками. Другое дело, что ему нечем было платить. Поэтому он и не платил. И все же количество его векселей с каждым днем увеличивалось, росло и число поручителей. Как ему это удавалось?

Во второй раз Селестино не попался на удочку и не дал Гуляке поручительства. Однако продолжал иногда ссужать небольшие суммы, когда Гуляка вдруг являлся к нему без тостана в кармане и уверял, что сегодня непременно сорвет банк. Однако находились такие, что ручались за Гуляку по нескольку раз, словно он не просрочил ни одного векселя или имел солидный банковский счет. Гуляка покорял их своими манерами, своим драматическим, проникновенным голосом.

Например, Зе Сампайо, муж доны Нормы, владелец обувного магазина в Нижнем городе, в отличие от своей жены очень замкнутый, молчаливый и необщительный, не раз давал Гуляке провести себя и все же не лишил его своего уважения и кредита в магазине. Даже после того, как Гуляка однажды утром взял в его магазине в долг несколько пар самых изящных и дорогих туфель, а затем тут же, на глазах у изумленных приказчиков Сампайо, перепродал их по дешевке в недавно открывшийся поблизости магазин конкурента; Гуляке срочно понадобилась небольшая сумма наличными для игры в подпольной лотерее.

Тем не менее коммерсант нашел для мошенника некоторое оправдание, объяснявшее его некрасивый поступок, и простил Гуляку.

Всегда веселый и беззаботный, Гуляка в тот же вечер рассказал Зе Сампайо, что всю ночь его преследовала во сне дона Гиза, принявшая обличье страуса. Она гонялась за ним по бескрайней степи, а он никак не мог понять, то ли она добивается его ласк в зеленой густой траве, то ли собирается заклевать его, так как огромный клюв ее был угрожающе раскрыт, хотя в глазах сверкал плутовской огонек. Он в страхе просыпался, гнал от себя кошмарный сон, потом снова засыпал, заставляя себя думать о приятном, но упрямая учительница опять неслась за ним, сверкая распутными глазами и раскрыв свой алчный клюв. Если бы дона Гиза была в своем обычном виде, Гуляка не стал бы бегать от нее и уступил бы домогательствам чертовой гринги с ее акцентом и любовью к психологии. Но поскольку на ней были страусовые перья, Гуляке оставалось только пуститься в постыдное бегство. Кошмар преследовал его всю ночь, и утром он встал совсем разбитый, устав от этой беготни, весь в поту. Потом, через какое-то время, он пришел в себя и тут обнаружил, что карманы его пусты. Он обшарил весь дом, но тщетно, накануне он забрал у доны Флор даже мелочь. Тогда он вышел в надежде выпросить взаймы у кого-нибудь из знакомых, однако из этого ничего не получилось. Последнее время Гуляка слишком злоупотреблял доверием кредиторов. И вот, когда он шел мимо «Казы Стелы», магазина с богатейшим ассортиментом обуви, принадлежащего Зе Сампайо, его осенило: можно произвести торговый оборот с несколькими парами туфель и таким образом быстро заполучить кое-какую сумму.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Не проделай он эту, может быть и нечестную, но хитроумную и прибыльную коммерческую операцию, пришлось бы ему раскаяться. В тот же день он поставил в лотерее на страуса – дона Гиза не лгала даже во сне, – и ему достался крупный выигрыш. Преисполненный благодарности, он с важным видом зашел вечером в магазин Зе Сампайо и в присутствии пораженных приказчиков уплатил стоимость приобретенного утром товара, затем со смехом рассказал о своей изящной проделке и пригласил Зе Сампайо выпить по этому случаю. Тот отклонил приглашение, но не рассердился на Гуляку и продолжал поддерживать с ним дружеские отношения и продавать ему обувь с десятипроцентной скидкой и в кредит. В кредит отпускалась только одна пара и только после того, как Гуляка погасит предыдущую задолженность.

Еще более веским доказательством хорошего отношения Зе Сампайо к Гуляке был его визит, правда очень короткий. Но за последние десять лет он впервые являлся на подобную церемонию, ибо испытывал отвращение к похоронам, бдениям, поминкам и панихидам.

Дона Норма не раз кричала на него, когда Зе Сампайо отказывался сопровождать ее на эти печальные празднества.

– Стыдись, Сампайо, когда ты умрешь, некому будет нести твой гроб…

Муж бросал на нее свирепый взгляд и не отвечал, кусая большой палец правой руки – так он обычно поступал, когда не хотел перечить разъяренной супруге.

Итак, проститься с Гулякой пришли такие важные особы, как Селестино, Зе Сампайо, Шимбо, архитектор Шавес, доктор Баррейрос – видная фигура в правосудии, поэт Годофредо Фильо. Пришли его коллеги по службе – всем им Гуляка остался должен небольшие суммы – во главе с досточтимым директором парков и садов, одетым в черное, велеречивым и торжественным. Собрались соседи, богатые, бедные и среднего достатка. А также завсегдатаи казино, кабаре, игорных притонов и веселых публичных домов. Это были друзья Гуляки – Мирандон, Курвело, Пе де Жегэ, Валдомир Линс и его молодой брат Вилсон, Анакреон, Кардозо Переба, Аригоф и Пьер Верже с птичьим профилем… Некоторых же, например доктора Джованни Гимараэнса – врача и журналиста, трудно было отнести к той или иной категории. Он был близок людям большим и малым, всеми уважаемым и безвестным.

Важные особы с улыбкой вспоминали о Гуляке, о его хитрых проделках, дерзких махинациях, его затруднениях и неудачах, его добром сердце и общительности, его любви к неприличным анекдотам. Таким он остался и в памяти соседей: жизнерадостным, легкомысленным, взбалмошным. Впрочем, те и другие приукрашивали то, что было в действительности, выдумывали несуществующие подробности, приписывали Гуляке разные подвиги. Тут же, у гроба с телом Гуляки, родилась легенда о его похождениях. Доктор Джованни Гимараэнс выдумывал целые истории и так рассказывал их, что трудно было отличить ложь от правды.

– Однажды, четыре года тому назад, в марте, я видел, как в «Трех герцогах» Гуляка ставил на 17. На нем был непромокаемый плащ, одетый прямо на голое тело. Оказывается, он заложил все свои вещи, чтобы сыграть. Рамиро, этот скупердяй-испанец из «Семидесяти семи», хотел взять у него только брюки и пиджак – на кой черт ему рубашка с рваным воротничком, старые трусы и дешевый галстук? Но Гуляка всучил ему даже носки, оставив себе только туфли. Он уговаривал его таким елейным голоском, что Рамиро – вы же знаете этого зверя – одолжил ему почти совсем новый дождевик: не голому же было идти Гуляке в «Три герцога»…

– И что же, он выиграл? – поинтересовался Артур, сын Сампайо и доны Нормы. Этот юный гимназист был почитателем Гуляки и слушал рассказ журналиста с разинутым ртом.

Доктор Джованни, взглянув на юношу, сделал паузу и широко улыбнулся:

– Куда там… На рассвете он проиграл, ставя на 17, даже плащ испанца, а сам отправился домой, завернувшись в газету. – Доктор громко и заразительно расхохотался; никто лучше его не умел оживить беседу.

Как раз в эту минуту в комнату вошел журналист Робато, мастер на все руки. Все еще

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

смеясь, Джованни обратился к нему за подтверждением.

– Вот человек, который не даст мне соврать… Помнишь, Робато, ту ночь, когда Гуляка отправился домой голый, завернувшись в газету?

Робато был не из тех, кто взвешивает свои ответы; он внимательно оглядел собравшихся в углу столовой и, удостоверившись, что его не слышит скромная и безутешная вдова, не долго думая, откликнулся:

– Нагишом, завернувшись в газету? Ну, конечно, помню. – Он откашлялся, чтобы прочистить глотку, и дал волю воображению. – Так ведь и газета была моя… Это произошло в публичном доме Однозубой Эунисы. Кроме нас с тобой и Гуляки, там, помнится, были еще Карлиньос Маскареньяс, Женнер и Вириато Танажура… Мы пили весь вечер и, кажется,, здорово набрались…

В отличие от Гуляки Робато не соблазняла игра, а работа не пугала. Напротив, он знал самые разные профессии и слыл мастером на все руки: делал зубные протезы, ремонтировал радиоприемники и радиолы, фотографировал для удостоверения личности. Любознательный от природы, он умело пользовался любыми приборами. Но истинной его страстью была поэзия с хорошим размером и четкой рифмой. Постоянным пристанищем Робато были бары и кабаре, где он ночи напролет проводил в приятном обществе других одержимых литераторов и окололитературных девиц – поклонниц муз и талантов, декламируя оды, вольнолюбивые стихи, лирические поэмы и любовные сонеты – всё свои собственные творения. Он сам провозгласил себя «всемирным королем сонета», побив все известные рекорды. Робато сочинил двадцать тысяч восемьсот шестьдесят пять сонетов, десятистопных и александрийских стихов. Пробивающаяся лысина угрожала его темной романтической шевелюре, но не уменьшала его симпатии.

Стоило ему заговорить, и все увидели перед собой Гуляку как живого. Таким он и запомнится юному Артуру, для которого Гуляка, завернутый в страницы «А тарде», навсегда останется героем запретного и чарующего мира.

Одна история следовала за другой. Дона Норма, дона Гиза, Режина – девица на выданье – и другие женщины подавали гостям кофе с пирожками, кашасу и фруктовый ликер. Соседи позаботились о том, чтобы в день поминовения ни в чем не было недостатка.

Важные особы, рассевшись в столовой, в коридоре, у входной двери, с веселым смехом вспоминали Гуляку. Партнеры Гуляки по играм и собутыльники вспоминали о нем молча, потрясенные случившимся. Они стояли возле гроба покойника хмурые. Но сначала подходили к доне Флор и смущенно пожимали ей руку, будто чувствовали себя виноватыми за проделки Гуляки. Многие из них даже не были с ней знакомы и никогда ее не видели. Только слышали о ней, знали, что Гуляка частенько забирал у нее все деньги, даже предназначенные на домашние расходы, чтобы сыграть в «Паласе», «Табарисе», «Абайшадиньо», в притонах Зезе Менингита, Абилио Мокеки и в многочисленных подпольных игорных домах, в том числе в игорном доме негра Паранагуа Вентуры, пользовавшемся дурной славой, ибо там обычно выигрывал только крупье.

Зловещей, темной личностью был этот негр Паранагуа Вентура. За ним числилось немало приводов в полицию и длинный список обвинений, правда полностью не доказанных. Он пользовался славой грабителя, насильника и убийцы, был судим за убийство, но оправдан скорее из-за недостатка мужества присяжных, чем из-за отсутствия улик. Негру приписывали еще два убийства, если не считать женщины, которую средь бела дня он пытался заколоть на Ладейра-де-Сан-Мигел, но которая выжила, хотя и была на волосок от смерти. Притон Паранагуа посещали лишь профессиональные шулера, жулики, воры и мошенники, в общем люди, которым уже нечего было терять. Всегда беззаботный, Гуляка тоже бывал там со своими жалкими грошами. Он принадлежал, возможно, к тем немногочисленным игрокам, которые могли похвастать, что иногда выигрывали у Паранагуа. Очевидно, время от времени негр все же позволял обыгрывать себя партнеру, пользующемуся его особым расположением.

Пришли также почти все ученицы доны Флор, в том числе и окончившие школу. Они

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

горели желанием утешить всеми уважаемую преподавательницу, такую сведущую, добрую и несчастную. Каждые три месяца набирались новые группы на курсы общей кулинарии (занятия по утрам) и баиянской кулинарии (по вечерам). В витрине магазина на Седьмой авениде был выставлен диплом доны Флор со списком всех выпускниц. Среди них была выпускница самой первой группы дона Оскарлинда – медицинская сестра высшей категории из Португальской больницы, стройная, порывистая особа, обожавшая сплетни. Именно она потребовала вывесить диплом и список выпускниц, собрала на это деньги и вообще наделала переполох. Она же разыскала где-то художника, который согласился работать бесплатно, поругалась с доной Флор, но своего добилась. Дона Флор уступила. Пригласили художника, знакомого доны Оскарлинды, хотя дона Флор не преминула предложить своего брата Эйтора, который написал вывеску для школы, когда та еще стояла на Ладейро-до-Алво, и который, к сожалению, жил теперь в Назарет-дас-Фариньясе. Как бы там ни было, но доне Флор льстило читать вывеску, где крупными буквами было написано:

КУЛИНАРНАЯ ШКОЛА «ВКУС И ИСКУССТВО»

И ниже, затейливо:

Директор – Флорипедес Пайва Гимараэнс

В те редкие дни, когда Гуляка просыпался раньше обычного и оставался дома, он вертелся среди учениц, мешая занятиям по кулинарии. Стоя вокруг доны Флор, шаловливые и грациозные девушки записывали рецепты, где точно указывалось количество креветок, пальмового масла, мякоти кокосового ореха, королевского перца, учились чистить рыбу, готовить мясо, сбивать яйца. Гуляка прерывал объяснения двусмысленными, а часто и непристойными шутками, дерзкие ученицы смеялись.

Все они были бесстыдницы. К доне Флор относились очень дружелюбно, даже подобострастно, но это не мешало им глазеть на Гуляку. Он торчал на кухне, развалившись на стуле или же присев на ступеньке у порога, и нахально и в то же время высокомерно разглядывал девушек. Взгляд его скользил от ног к коленям, к бедрам и останавливался на груди. Девушки опускали глаза, но Гуляку это не смущало.

На практических занятиях дона Флор готовила соленья, пироги, торты и всевозможные сласти. Гуляка лез со своими советами, отпускал шуточки, поедал все самое вкусное и заигрывал с самыми хорошенькими девушками, давая волю рукам, если какая-нибудь посмелее приближалась к нему.

Дона Флор отвлекалась, нервничала, клала не в той пропорции сливочное масло, растопленное для кукурузного пирога с медом, и молила бога, чтобы Гуляка убрался из дому, пусть даже ради своих мошеннических проделок или злосчастной игры – лишь бы оставил учениц в покое.

Сейчас девушки, окружив дону Флор, утешали ее, и только маленькая Йеда с мордочкой, как у дикой кошки, едва удерживалась от слез и не могла отвести глаз от лица покойного. Дона Флор сразу же заметила ее чрезмерную печаль, и сердце ее болезненно сжалось. Неужели между Гулякой и Йедой что-то было? Она, правда, никогда не замечала ничего подозрительного, но кто может поручиться, что они не встречались вне стен школы и не завершили свой флирт в каком-нибудь доме свиданий? После скандала с кокеткой Ноэмией Гуляка вроде бы перестал волочиться за ученицами. Но он был слишком хитер и, вполне возможно, поджидая эту нахалку на углу, заводил с ней игривые разговоры. А какая женщина могла устоять против него? Дона Флор, внимательно последив за Йедой, увидела, как дрожат ее губы. Не оставалось сомнений, что это еще одна любовница Гуляки…

Самой большой неприятностью, которую причинил муж доне Флор, была его связь с невинной блудницей Ноэмией, происходившей из благородного семейства и к тому же

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

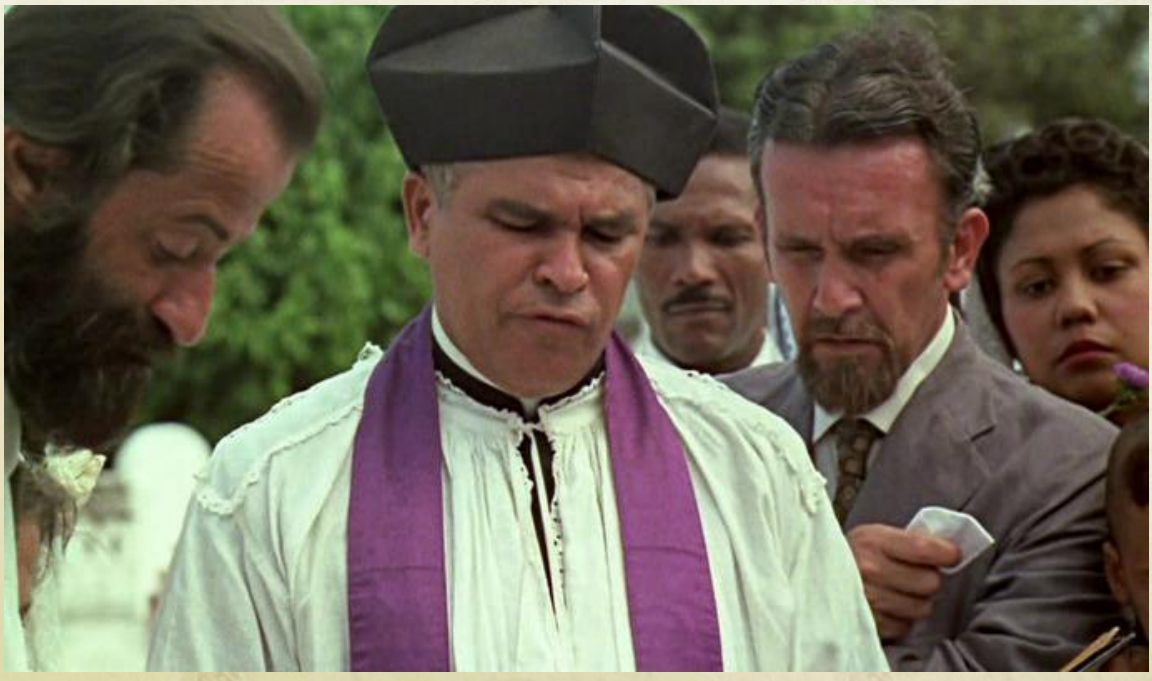
помолвленной. Какой позор! Дона Флор не хотела вспоминать эту грустную историю сейчас, когда в последний раз вглядывалась в лицо Гуляки. Теперь все это стало далеким прошлым. Ноэмия вышла замуж и уехала со своим Алберто, который любил называть себя талантливым журналистом и, несмотря на свою молодость, уже успел обзавестись рогами. К тому же сразу после замужества обманщица очень подурнела и растолстела.

Когда вся эта история каким-то чудом кончилась благополучно, Гуляка примирительно сказал жене, лежа в теплой постели: «Только ты никогда мне не надоешь. Все остальные женщины просто так, для развлечения». Сейчас, окруженная множеством людей, которые выражали ей свое соболезнование, дона Флор не желала вспоминать эту давно забытую историю, точно так же как не желала больше следить за маленькой Йедой, которая с трудом сдерживала слезы и все же не выдала своей тайны. Но разве теперь, когда Гуляка умер, это имело значение? К чему что-то выяснять, выводить кого-то на чистую воду, кого-то обвинять, на кого-то жаловаться? Он умер, заплатив за все слишком дорогую цену, в самом расцвете молодости! И дона Флор все простила своему мужу и не желала сводить с ним счеты.

Опустив голову, она перестала наблюдать за девушкой, и представила себе, как Гуляка, лежа на железной кровати, ласкает ее, дону Флор, говорит ей на ухо: «Все остальные женщины просто для развлечения. Только ты никогда мне не надоешь, мой цветок базилика, только ты». – «Что он имел в виду под „развлечением“?» – подумала вдруг дона Флор. Жалко, что она ни разу его об этом не спросила, хотя вряд ли это могло означать что-нибудь хорошее. Она улыбнулась. Все остальные просто для развлечения, только она цветок в его руке, цветок, с которого он обрывал лепестки.

5

В понедельник в десять утра состоялся вынос тела. Похоронная процессия была очень многолюдной. Даже в этот карнавальный день похороны Гуляки оказались самым значительным, ярким и своеобразным зрелищем.



– Ты только посмотри… Ну хоть в окно… – сказала дона Норма мужу, отчаявшись уговорить его пойти на кладбище, – посмотри, как хоронят человека, который умел поддерживать со всеми добрые отношения и никого не дичился, как ты… Пускай Гуляка был легкомысленным, игроком, имел свои недостатки, пускай у него не было ни кола ни двора, и

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

тем не менее… Видишь, сколько народу пришло, сколько хороших людей… И это в день карнавала!… А когда ты умрешь, Зе Сампайо, некому будет нести твой гроб…

Зе Сампайо ничего не ответил и не посмотрел в окно. Лежа на кровати в старой пижаме, он лишь испустил слабый стон и сунул в рот большой палец. Он был очень мнителен и страшно боялся смерти, а потому не любил бывать в больницах, на поминках и похоронах; теперь ему казалось, что вот-вот его хватит сердечный удар. Это чувство появилось у него, едва жена сообщила о том, что Гуляка умер от разрыва сердца. Зе Сампайо всю ночь промучился в ожидании удара, обливаясь холодным потом, ворочаясь в постели и сжимая рукой левую сторону груди.

Дона Норма, накинув на свою красивую копну каштановых волос черную шаль по случаю траура, безжалостно заключила:

– Что касается меня, то, если на моих похоронах не будет по меньшей мере пятисот человек, я сочту, что прожила жизнь напрасно. По меньшей мере пятисот…

Исходя из этого, можно было заключить, что Гуляка прожил жизнь не напрасно, ибо половина Баии пришла проводить его в последний путь; даже негр Паранагуа Вентура покинул свое мрачное логово и явился на похороны в белом накрахмаленном костюме, при черном галстуке, с траурной повязкой на левой руке и с букетом красных роз. Он приготовился нести гроб и, посочувствовав доне Флор, высказал то, что думали все, в самой короткой и самой прекрасной надгробной речи, произнесенной над телом Гуляки:

– Он был молодчина!

Лирическое отступление

Небольшое сообщение (кажущееся ненужным) о полемике, развернувшейся вокруг автора анонимной поэмы, переходящей из бара в бар, в которой поэт оплакивает смерть Гуляки и в которой наконец выявляется на основании конкретных данных истинное лицо неизвестного барда.

(Декламация Робато Фильо мастера на все руки)

Нет, эта литературная тайна не останется неразгаданной и не явится еще одной неразрешенной проблемой всемирной культуры, над которой по прошествии веков будут ломать головы университетские ученые, научные сотрудники и биографы, философы и критики; она не станет предметом исследований и изысканий, темой для соискания ученых степеней на институтских кафедрах, усладой и развлечением для ученых старцев. Не будет ничего похожего на загадку Шекспира, если не считать маленькой тайны – смерти Гуляки, подсказавшей поэту сюжет и ставшей для него источником вдохновения.

Однако в литературных кругах Салвадора вопрос о том, кто из поэтов города сложил «Элегию на смерть Валдомиро дос Сантос Гимараэнса, или Гуляки, как его звали близкие и друзья», вызвал бурную полемику. Спор быстро разгорелся и вскоре принял скандальный характер, послужив поводом для ссор, перебранок, эпиграмм и даже пощечин. Однако споры эти и злопыхательства, сомнительные и достоверные факты, утверждения и отрицания можно было услышать только за столиками баров, где за кружкой холодного пива собирались по вечерам непризнанные молодые таланты, поносившие литературу и искусство, которые существовали до этого нового решительного поколения, призванного осчастливить человечество, а также скучные низкопробные писаки, ожесточенно противящиеся всяким нововведениям и расточающие свои каламбуры, эпиграммы и возвышенные глупости. И те и другие – безбородые гении и небритые беллетристы – были одержимы одной страстью: читать вслух собственные творения – будь то проза или поэзия, – которым, по их мнению, суждено было совершить переворот в бразильской литературе, если бог того пожелает. И хотя дебаты эти не вышли за пределы штата Баия (заметьте, всего

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

штата, а не только его столицы, ибо они нашли отклик и во всех крупных городах: например, в анналах Академии литературы Ильеуса имеется заслуживающее внимания сообщение о вечере, посвященном данной проблеме) и не были упомянуты в газетных приложениях и журналах, а велись лишь устно, дискуссия не могла не вызвать всеобщего интереса, если речь шла о доне Флор и ее двух мужьях, а Гуляка стал главным персонажем, героем первого плана.

Герой ли он на самом деле или подлец, развратник, причинявший страдания молодой женщине, то есть доне Флор, преданной и верной супруге? Это уже другой вопрос, не связанный с литературной дискуссией, занимавшей поэтов и прозаиков, и, наверное, еще более сложный и серьезный. На него-то вы и должны дать ответ, если терпеливо дочитаете эту книгу до конца.

Из элегии же, в которой он превозносился до небес, явствовало, что Гуляка, несомненно, был героем, «как никто близким к звездам, игральным фишкам и шлюхам, шутом и волшебником». И если для элегии, ставшей предметом полемики, не нашлось места на страницах литературных журналов, то отнюдь не потому, что она этого не заслуживала. Некий Одорико Таварес, крупный поэт, на голову выше всех других поэтов (которые, кстати, кормились из его рук и были у него под башмаком, так как он контролировал две газеты и радио), прочитав машинописный экземпляр элегии, сокрушенно покачал головой: «Жаль, что ее нельзя опубликовать…» – «К тому же она анонимная…» – заметил другой поэт.

Это был Карлос Эдуардо, смазливый молодой человек, знаток старины, вместе с Таваресом он занимался какими-то темными делишками, скупая старинные изображения святых. Литераторы-неудачники и самые пылкие юнцы из числа гениев, которые не питали никакой надежды опубликоваться в воскресном приложении Одорико, обвиняли его и Карлоса Эдуардо в том, что они будто бы прячут у себя распятия и церковную утварь. А их будто бы крадет из церквей шайка бандитов, специализирующаяся на этом и возглавляемая Марио Краво, субъектом с сомнительной репутацией; об этом Краво ходили самые невероятные слухи, и, между прочим, он был приятелем и собутыльником Гуляки. Худой и усатый Краво славился чрезвычайной изобретательностью. Он собирал автомобильные части, листы железа, всякие поломанные машины и, расположив этот хлам особым образом, создавал современную скульптуру. По единодушному мнению многих знатоков искусства и двух поэтов, этот негодяй был выдающимся революционным художником. Но это особая тема, и мы не станем ее касаться, оценивать мастерство Краво и анализировать его творчество. Сообщим только в порядке информации, что критика впоследствии превознесла его творения, его работами заинтересовались иностранные журналисты. Но в те времена Краво еще не снискал признания и если и пользовался некоторой известностью, то только благодаря своим сомнительным подвигам в ризницах и алтарях.

Говорят, Гуляка тоже участвовал (ему позарез нужны были деньги) в тайном ночном паломничестве в старинную церковь Реконкаво, которое возглавлял еретик Марио. Ограбление церкви вызвало тогда переполох, так как одна из украденных вещей приписывалась самому Агостиньо да Пьедаде и монахи не стали молчать о краже. Сейчас это ценное полотно находится в одном из музеев на юге страны, куда оно попало, если верить сплетням литераторов, с помощью этих двух компаньонов по части муз и благочестивой торговли.

В то утро еще до завтрака они сидели в редакции и беседовали о святых и их изображениях, когда Карлос Эдуардо, вытащив из кармана экземпляр элегии, дал ее прочесть Одорико.

Сетуя на то, что ее нельзя опубликовать, и не потому, что неизвестно имя автора – можно было бы поставить любой псевдоним, – но по цензурным соображениям, Таварес еще раз повторил: «Жаль…» – и вслух прочел:

– «В трауре все игроки и негритянки Баии». – Затем поинтересовался: – Ты сразу узнал автора?

– Думаешь, это он? Похоже, но…

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Это совершенно очевидно… Послушай: «Во всех казино воцарилась минута молчанья, приспущены флаги в публичных домах, в отчаянье девки рыдают».

– Пожалуй, он…

– Разумеется… Я нисколько не сомневаюсь. – И, рассмеявшись, добавил: – Старый бесстыдник…

Однако литературные круги не разделяли этой уверенности. Элегия приписывалась различным поэтам, известным и еще совсем молодым. Назывались имена Сосиженеса Косты, Карвальо Фильо, Алвеса Рибейро, Элио Симоэнса, Эурико Алвеса. Многие считали, что стихи принадлежат Робато. Иначе разве стал бы он декламировать с таким вдохновением и так проникновенно: «С ним унесся рассвет верхом на луне»? Разве стал бы он вообще читать чужие стихи? В их кругу это не было принято. Но они забыли о щедрой натуре «короля сонета», о его умении восхищаться творением другого и аплодировать ему.

Успех элегии и возникший вокруг нее спор родились в доме свиданий Карлы, толстой Карлы, опытной профессионалки, привезенной из Италии, чья культура была чрезмерно высокой для ее ремесла, в котором, впрочем, она превзошла всех своих товарок, что подтверждал Нестор Дуарте, который славился своим умом, объездил много стран и слыл человеком знающим. Начитавшись Д'Аннунцио, Карла с ума сходила по стихам. «Романтична, как корова», – так охарактеризовал ее усатый Краво, с которым она в свое время была близка. Карла не могла жить без драм и страстей: ее любовниками были обитатели мира богемы, и она переходила от одного к другому, вздыхая, стеная и терзаясь ревностью. У нее были огромные голубые глаза, бюст примадонны и изумительные бедра. Гуляка тоже когда-то добился ее расположения, и ему перепало кое-что от щедрот толстой Карлы, но она предпочитала поэтов и сама слагала стихи «на нежном языке Данте и с большим вдохновением», как льстил ей Робато.

По вечерам каждый четверг в своих просторных апартаментах Карла устраивала нечто вроде литературного салона. У нее собирались поэты и художники, представители богемы и некоторые важные особы, такие, например, как судейский чиновник Айроза. А также девицы из дома терпимости, любившие стихи и нескромные анекдоты. Подавались вина и сласти.

Карла председательствовала, возлежа на заваленном подушками диване, в греческой тунике или вся в драгоценностях, наподобие афинянки из журнала мод либо голливудской египтянки, только что сошедшей с экрана. Поэты декламировали свои стихи, перебрасывались остротами, эпиграммами, каламбурами; судейский чиновник изрекал какую-нибудь прописную истину, над которой размышлял целую неделю. Кульминационный момент вечеринки наступал, когда хозяйка дома, приподняв на подушках свое необъятное белоснежное тело, сверкающее фальшивыми драгоценностями, тонким голоском, который так не гармонировал с фигурой этой монументальной женщины, декламировала на итальянском языке свои слащавые стихи, воспевающие ее любовь к последнему избраннику. Тем временем художник Краво и другие грубые материалисты, пользуясь полумраком, который создавался для лучшего восприятия поэзии, и невзирая на царивший здесь возвышенный дух, самым наглым образом липли к девкам, стремясь, в ущерб кассе дома терпимости, удовлетворить свою страсть.

Под конец от поэзии обычно переходили к неприличным анекдотам. И тут наставала очередь Гуляки, Джованни, Мирандона, Карлиньоса Маскареньяса и в особенности Льва, начинающего архитектора, сына иммигрантов, огромного, ростом с жирафу детины, знавшего неисчислимое множество анекдотов и отлично умевшего их рассказывать. У него была русская фамилия, которую никто не мог выговорить, и девицы звали его просто Лев Серебряный Язык, возможно за его анекдоты. Возможно.

На одном из таких изысканных празднеств «ума и чувственности» своим выразительным голосом Робато продекламировал элегию на смерть Гуляки, предварительно сказав несколько взволнованных слов о покойном друге всех посетителей этого «прелестного уголка любви и поэзии». Робато заявил, между прочим, что автор элегии предпочел «мрак неизвестности солнцу популярности и славы», он же, Робато, получил

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

экземпляр элегии из рук офицера военной полиции, капитана Кризостомо, который тоже был близким другом Гуляки. Однако и офицер не мог сказать точно, кто автор элегии.

Многие приписывали стихи самому Робато, но, так как тот упорно отказывался признать их своими, стали называть различных поэтов, подвизавшихся в городе, особенно связанных с богемой. Нашлись, однако, и такие, кто не верил Робато, считая, что он отказывается от авторства из скромности, и упорно настаивали на своем. Некоторые и по сей день полагают, что элегия принадлежит его перу.

Спор принял настолько острый характер, что однажды, выйдя за границы литературы и учтивости, вылился в ссору, кончившуюся дракой. Это случилось, когда поэт Кловис Аморим, который всех подряд разил ядовитым жалом своих эпиграмм, посасывая вонючую сигару, заявил, что бард Эрмес Климако никак не может быть автором пресловутых стихов, поскольку у него не хватило бы для этого ни таланта, ни элементарной грамотности.

– Климако? Не говорите глупостей… Он едва-едва сочиняет семистопный стишок. Дрянной поэтишко…

Как нарочно, в эту минуту Климако появился в дверях бара в своем неизменном черном костюме, непромокаемом плаще и с зонтиком, с которым никогда не расставался. Он поднял зонтик и с яростью бросился на обидчика:

– Дрянной была та сука, что тебя родила…

Они схватились, награждая друг друга тумаками и оплеухами, при явном преимуществе Аморима, более одаренного и более могучего, чем его соперник.

Забавная история произошла с одним поэтом, автором нескольких тощих тетрадок стихов, которому менее осведомленные лица тоже приписывали элегию. Сначала он категорически отказывался, но, по мере того как его почитатели становились настойчивей, упорствовал все меньше и меньше и наконец отпирался так смущенно и робко, что это весьма походило на застенчивое подтверждение.

– Сомнений нет, он автор элегии, – говорили те, кто видел, как он, потупив глаза, неуверенно потирает руки и бормочет:

– Конечно это очень похоже на мои стихи, конечно. И все же не я это писал…

Он отрицал свое авторство и в то же время спорил с каждым, кто приписывал стихи кому-нибудь другому. Услышав это, он из кожи вон лез, доказывая несостоятельность подобных предположений. А если все-таки какой-нибудь упрямец продолжал настаивать, приводя те или иные аргументы, он решительно и таинственно намекал:

– И это вы говорите мне?… Уж кто-кто, а я-то знаю…

Всякий раз, слушая, как декламируют элегию, он внимательно следил за текстом и поправлял, если какое-нибудь слово оказывалось неточным, ревниво оберегая каждый стих, словно это было его собственное творение. Только позднее, когда настоящий автор стал известен, ему пришлось расстаться с незаслуженной славой. Тогда он начал поносить элегию, не признавая никаких достоинств за этой «навозной поэзией для проституток», как он выражался.

Горячая полемика, развернувшаяся вокруг элегии, сделала ее чрезвычайно популярной, ее читали и заучивали наизусть, декламировали в барах на рассвете, когда кашаса пробуждала самые благородные чувства. Чтецы меняли прилагательные и глаголы, иногда путали и проглатывали целые строфы. Но, даже искаженная, залитая кашасой или валяющаяся на полу в кабаре, элегия превозносила Гуляку до небес.

Кто бы ни был автор этих строк, он выразил общее настроение того мирка, где Гуляка обитал с юношеских лет, став со временем его своеобразным символом. Элегия была самой большой похвалой молодому игроку: если бы Гуляка услышал столько лестных и печальных слов в свой адрес, он не поверил бы своим ушам. При жизни он ни разу не заслужил таких похвал. Напротив, ему постоянно приходилось выслушивать упреки, советы и проповеди по поводу его непутевой жизни и бесчисленных пороков.

Впрочем, забвение дурных поступков Гуляки и прославление его мнимых достоинств, благодаря чему он превратился в героя, личность почти легендарную, оказалось недолгим.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Спустя неделю после его смерти все постепенно стало на свои места. Мнение консервативных кругов, пекущихся о морали и благопристойности, выразили кумушки и соседки, вступившие в единоборство с проникнутым духом анархии и безнравственности панегириком Гуляке, который исходил от вольнолюбивого сброда, завсегдатаев публичных домов и казино, пытавшихся подорвать устои общества.

Так возникла еще одна волнующая проблема, словно недостаточно было волнений с элегией. Впрочем, имя автора, теперь навечно вошедшее в золотой фонд отечественной литературы, было наконец установлено.

Через несколько лет после смерти Гуляки Одорико получил в подарок от поэта «Нескромные элегии» – кроме него, еще двое удостоились этой чести, – замечательно изданные, тиражом сто экземпляров, с автографом автора и гравюрами Салазанса Нето. Обернувшись к Карлосу Эдуарде, Одорико протянул ему эту не имеющую цены книгу.

Оба друга сидели в редакции в той же комнате, где когда-то вместе читали элегию. Только теперь они стали почтенными и уважаемыми господами, владельцами огромной коллекции дорогих картин.

– Значит, я был прав? – напомнил Одорико. – Я же говорил, что это он. – И заключил с той же улыбкой и в тех же словах, что и тогда: – Старый бесстыдник…

Карлос Эдуарде весело, но с достоинством рассмеялся и залюбовался изящным изданием. На обложке вырезанными по дереву буквами было напечатано имя автора: Годофредо Фильо. Медленно перелистывая страницы, Карлос Эдуарде не без зависти думал: «По каким тайным улицам и закоулкам, каким невидимым во мраке дорожкам и горным пахучим тропам бродили вместе знаменитый поэт и нищий Гуляка, если между ними родилась эта странная дружба?» Размышляя так, Карлос Эдуардо гладил бумагу, словно ласкал нежную кожу женщины – как знать, может быть, черную, словно ночь? Четвертая элегия из пяти вошедших в сборник была посвящена смерти Гуляки: «Синяя фишка, позабытая на ковре».

Итак, как и было обещано, эта загадка разрешилась. Но возникла новая, и кто знает, удастся ли когда-нибудь с ней справиться… Мы предоставляем проницательному читателю отгадать тайну Гуляки.

Кто он? Каков его истинный портрет? И что это за фигура? Загар ли покрывал его лицо или тень? Шут из элегии, молодчина, как сказал про него Паранагуа Вентура, или же просто презренный мошенник, неисправимый вымогатель и плохой муж, как считают соседки и знакомые доны Флор? Кто прав: набожные прихожанки церкви св. Терезы или завсегдатаи «Табариса», где вертится шарик рулетки, трещат колоды карт, кидают кости и делают последнюю ставку?

II. О первом периоде вдовства, периоде печали, строгого траура и воспоминаний, о мечтах и заблуждениях, о флирте и браке, о супружеской жизни Гуляки и доны Флор, с фишками, игральными костями и горестным ожиданием, теперь уже безнадежным (при докучливом участии доны Розилды)

(Под аккомпанемент скрипки Эдгаро Коко, гитары Каимми и чарующей флейты доктора Валтера да Силвейры)

КУЛИНАРНАЯ ШКОЛА “ВКУС И ИСКУССТВО”

РЕЦЕПТ ДОНЫ ФЛОР: МОКЕКА ИЗ КРАБОВ

Теоретическое занятие.

Ингредиенты (на 8 персон): чашка кокосового молока, не разбавленного водой, чашка

пальмового масла, килограмм крабов.

Для соуса: три дольки чеснока, соль по вкусу, сок лимона, кориандр, петрушка, головка зеленого лука и две репчатого, полчашки сладкого уксуса, перец, полкило помидоров, потом еще четыре помидора, луковица, перец.

Практическое занятие:

Натрите на терке пару луковиц, разотрите чеснок в ступке: лук и чеснок вовсе не распространяют зловония, это самые душистые овощи.

Нарежьте мелко кориандр, петрушку, несколько помидоров, головку зеленого лука и положите половину перца. Смешайте все с оливковым маслом и пока оставьте этот ароматный соус. (Эти дуры считают лук зловонным, но что понимают они в запахах? Гуляка любил сырой лук, поэтому его поцелуи обжигали.)

Промойте крабов целиком в лимонной воде, промойте хорошенько: так, чтобы удалить грязь, но не лишить их запаха моря. Теперь опускайте их в соус, потом кладите на сковороду. Остатки соуса осторожно вылейте на крабов, потому что блюдо очень деликатное. (Самое любимое блюдо Гуляки!)

Выберите четыре лучших помидора, возьмите перец, луковицу, нарежьте все это кружочками и красиво уложите на блюде. Крабы должны пролежать часа два на сковороде и как следует пропитаться соусом. Затем поставьте сковороду на огонь. (Гуляка сам ходил покупать крабов, на рынке у него был постоянный поставщик…)

Когда крабы будут почти готовы, добавьте кокосового молока, и уже перед тем как снять их с огня, полейте пальмовым маслом. (Он ежеминутно пробовал соус, ни у кого не было такого тонкого вкуса.)

Это самое изысканное, самое сложное блюдо; та, что сумеет его приготовить, может по праву считать себя отличной кухаркой.

Но если нет сноровки, лучше не браться, ведь не каждый рожден для кулинарного искусства. (Это было самое любимое блюдо Гуляки, никогда больше не подам его к своему столу.

Никогда больше не вопьются в крабов его зубы, а губы не станут желтыми от масла.

Никогда больше он не поцелует меня!

Никогда больше не вопьются в меня его обжигающие уста, пахнущие луком!)

1

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

На седьмой день после смерти Гуляки в церкви св. Терезы шла заупокойная служба, которую отправлял дон Клементе Нигра. Неф был залит голубоватым и прозрачным утренним светом, лившимся со стороны моря, над которым возвышался храм. Храм был похож на корабль, готовый отчалить от берега. К алтарю, где стояла на коленях дона Флор, неслись сочувственный шепот. Вдова была вся в черном, в кружевной мантилье, одолженной на время доной Нормой, и с четками в руках. Мантилья скрывала волосы доны Флор и глаза, полные слез, которые она не в силах была сдержать. Однако те, кто перешептывался, сочувствовали ей не потому, что она потеряла мужа, а потому, что приобрела его в свое время. Склонившись перед алтарем, дона Флор ничего не слышала, будто в церкви не было никого, кроме нее, священника и покойного Гуляки.

Шепот старых ризничных крыс, этих богомолок, ненавидевших смех и веселье, поднимался вверх вместе с дымом ладана.

– Этот отступник не заслужил молитвы.

– Не будь она святой, стоило бы вместо мессы устроить вечеринку. С танцами и прочим…

– Его смерть для нее освобождение…

Даже дон Клементе, молясь за душу усопшего Гуляки, всей своей умерщвленной долгими бдениями над древними книгами плотью ощущал в чудесной атмосфере едва пробудившегося утра это злобное волнение, словно демон – Люцифер или Эшу, скорее всего Эшу, – свободно разгуливал по нефу. Почему они не оставят Гуляку в покое, не дадут ему почить в мире? Дон Клементе хорошо знал Гуляку. Тот любил прийти во двор монастыря побеседовать; садился на каменную ограду и рассказывал разные истории, не всегда подходящие для святых стен. Но священник внимательно выслушивал его, так как интересовался жизнью каждого человека.

В коридоре между нефом и ризницей было устроено нечто вроде алтаря. И ангел оттуда, вырезанный из дерева неизвестным скульптором примерно XVII века, очень напоминал Гуляку. Казалось, он послужил художнику моделью: та же невинная и в то же время бесстыдная физиономия, то же нежное и наглое выражение лица. Ангел, стоя на коленях перед статуей святой Клары – гораздо более поздней работы, в стиле барокко, – протягивал к ней руки. Как-то дон Клементе повел Гуляку взглянуть на ангела: интересно, заметит ли он сходство? Увидев ангела, Гуляка рассмеялся.

– Чему ты смеешься? – спросил священник.

– Прости меня, господи… Но вам не кажется, падре, что ангел щупает святую?

– Бог мой! Что за выражения!

– Извините, дон Клементе, но у этого ангела физиономия альфонса… Он совсем не похож на святого… Вы только взгляните на его блудливые глаза…

Подняв руку для благословения, священник услышал, что богомолки продолжают перешептываться: демон зла все еще тут. Ах, эти нечестивые уста! Ворчливые, всем недовольные девственницы! Жалкие и алчные вдовицы во главе с Розилдой, да простит их бог, ибо бесконечна его доброта!

– Бедняжка натерпелась от него. Она ела хлеб, замешанный дьяволом…

– Сама во всем виновата. Разве я не давала ей советов?! Не будь она так строптива, она бы послушалась меня… Я сделала все, что было в моих силах…

Так разглагольствовала дона Розилда, мать доны Флор, скорее походившая на мачеху, чем на мать, готовую до конца выполнить свой долг.

– Она же взбунтовалась. О господи! Ничего не хотела слушать, делала все по-своему… И в ком нашла поддержку, в чьем доме укрылась…

Произнеся эти слова, она посмотрела в ту сторону, где, преклонив колена, молилась ее сестра дона Лита, и заключила:

– Заказывать панихиду для этого подлеца – все равно что бросать деньги на ветер или набивать брюхо священнику…

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Дон Клементе взял кадило и, махнув им пустил клубы ладана против зловонного дьявольского дыхания, которое исходило из уст богомолок. Он сошел с алтаря, остановился перед доной Флор, ласково положил ей руку на плечо и сказал так, чтобы его услышали эти злобные, ядовитые старухи:

– Даже падшие ангелы находят себе место рядом с богом, приобщаясь к его благодати.

– Ангелы… Будь он проклят!… Он был исчадием ада… – прорычала дона Розилда.

Дон Клементе, немного ссутулившись, пересек неф, направляясь в ризницу. В коридоре он остановился перед ангелом, созерцая эту странную скульптуру, где неизвестный художник запечатлел одновременно и грацию и цинизм. Какими чувствами он руководствовался, что хотел выразить? Охваченный земными страстями, ангел похотливым взором пожирал бедную святую. «Блудливые глаза, сказал тогда Гуляка, – наглая улыбка, бесстыдное выражение». Совсем как у Гуляки. Никогда еще священник не встречал подобного сходства! И не ошибся ли он, дон Клементе, поспешив приобщить Гуляку к благодати господней?

Он подошел к окну, вырубленному в каменной стене, и посмотрел во двор монастыря. Здесь обычно Гуляка усаживался на ограду. У ног его плескалось море, по которому сновали парусники. Гуляка говорил:

– Если бог всемогущ, падре, пусть он сделает так, чтобы на семнадцать выпал выигрыш двенадцать раз подряд. Тогда бы он действительно совершил чудо! А я пришел бы сюда и засыпал всю церковь цветами…

– Бог не вмешивается в игру, сын мой…

– Тогда, падре, он не знает, что хорошо, а что плохо. Ему неведомы переживания, которые испытывает человек, когда видит, как крутится шарик рулетки, когда он рискует последней фишкой и сердце его готово вот-вот разорваться…

И доверительно, словно о тайне, известной только ему и священнику, Гуляка спрашивал:

– Неужели бог не знает этого, падре?

А между тем дона Розилда, стоя на паперти, продолжала разглагольствовать:

– Выброшенные на ветер деньги… Никакая панихида не спасет этого пройдоху. Бог справедлив!

Дона Флор в мантилье, скрывающей ее скорбное лицо, появилась из глубины церкви, опираясь на дону Гизу и дону Норму. В голубом и прозрачном утреннем воздухе храм плыл, точно каменный корабль.

2

Только во вторник к вечеру известие о смерти Гуляки достигло Назарет-дас-Фариньяса, где дона Розилда жила у своего женатого сына – служащего железной дороги, отравляя существование невестке, которую превратила в свою рабыню. Не теряя времени, она отправилась в Баию в послекарнавальную среду – такую же скучную, как и сама дона Розилда, если верить ее зятю, Антонио Мораису. «Это не женщина, а послекарнавальная среда, она убивает любое веселье», – говаривал он. Желание держаться как можно дальше от тещи, несомненно, было одной из причин, почему Мораис уже несколько лет жил в пригороде Рио-де-Жанейро. Хороший механик, он принял приглашение своего друга и отправился попытать счастья на юге, где добился довольно приличного положения. Теперь он не желал появляться в Баии даже во время отпуска, «пока эта мегера отравляет там воздух».

Дона Розилда, однако, не испытывала ненависти ни к Антонио Мораису, ни к невестке. Она ненавидела Гуляку и никогда не могла простить доне Флор ее замужества, удавшегося в результате подлого заговора против ее авторитета и ее воли. Что касается брака ее старшей дочери Розалии, то хоть дона Розилда и не была от него в восторге, все же не стала мешать молодым и возражать против их обручения. Просто она не ладила с зятем и с невесткой,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

поскольку не могла не досаждать ближнему, и если не ссорилась с кем-нибудь, то чувствовала себя несчастной.

Гуляку она возненавидела, еще когда он ухаживал за ее дочерью, раскидывая сеть обманов и обольщений, в которую и запутал дону Флор этот ненавистный претендент на ее руку. Мать не могла даже слышать его имя. «Была бы у нас настоящая полиция, этот негодяй давно бы сидел в тюрьме», – говорила она всякий раз, если ей напоминали о зяте, справлялись о нем или же посылали ему поклон.

И хоть она лишь изредка навещала дону Флор, она не переставала терзать ее целыми днями разговорами о мошенничествах Гуляки, о его распутстве и постоянных скандалах.

Еще стоя на борту парохода, она разверзла свои мерзкие уста и прокричала доне Норме, которая по просьбе доны Флор встречала ее:

– Наконец-то подох проклятый!

Пакебот причаливал, набитый нетерпеливыми пассажирами с узлами, корзинами, мешками, всевозможными свертками и сумками с фруктами, маниоковой мукой, бататом, сладким маниоком, сушеным мясом, капустой и тыквами. Сходя по трапу, дона Розилда продолжала кричать:

– Этому бесовскому отродью давно пора было отправиться на тот свет!

Дона Норма растерялась. Дона Розилда всегда ее обескураживала. Сердобольная соседка пришла спозаранку в маленькую гавань, чтобы поддержать и ободрить тещу, которую ожидала увидеть в трауре и в слезах, посетовать вместе на превратность судьбы: сегодня человек жив и полон энергии, а завтра уже лежит в гробу… Выслушать ее жалобы, утешить, посоветовать покориться воле господа, который ведает, что творит. А потом мать и близкая подруга доны Флор обсудили бы, как теперь жить вдове, которая осталась совсем одна на белом свете и такая молодая. Вот к чему приготовилась дона Норма. Все ее жесты, слова, позы выражали лишь искренность и сочувствие: в ее поведении не было ни малейшей фальши. Дона Норма привыкла себя чувствовать ответственной за всех, кто ее окружал; она была провидением, своеобразной скорой помощью для соседей, которые приходили в ее дом, лучший на улице (если не считать дом аргентинца Бернабо, владельца керамической фабрики, кстати сказать, чересчур роскошный), чтобы одолжить денег или посуду для гостей, соль, перец и даже кое-что из ее личных вещей пощеголять на празднике.

– Дона Норма, мама прислала меня за чашкой пшеничной муки для пирога. Она потом отдаст… – просила Анинья, младшая дочь д-ра Ивеса, жившего поблизости. Его жена, дона Эмина, пела арабские песни под аккомпанемент рояля.

– Ведь твоя мать вчера была на рынке! До чего она рассеянна!… Одной чашки хватит? Если понадобится еще, пусть присылает…

Или же негритенок из дома доны Амелии кричал своим пронзительным голосом:

– Дона Норма, хозяйка велела попросить у вас черный галстук сеу Сампайо, тот, что завязывается бабочкой, а то галстук сеу Руаса съела моль…

Иногда появлялась дона Ризолета и своим драматическим меццо-сопрано томно говорила:

– Норминья, помоги ради бога…

– Что случилось?

– Какой-то пьяный уселся у моего дома, и я не могу войти!

Дона Норма шла туда и, узнав нарушителя спокойствия, улыбалась:

Да ведь это Бастион Кашаса… А ну-ка, Бастион, уходи отсюда проспись-ка лучше в гараже…

И так весь день: кто-то просит одолжить денег, кто-то присмотреть или поухаживать за больным. Дона Норма бесплатно делала уколы, конкурируя с врачами и аптекарями (не говоря уже о ветеринарах, поскольку все окрестные кошки приходили к ней котиться и всегда находили помощь и пропитание), снабжала нуждающихся рецептами д-ра Ивеса, кроила платья – у нее был диплом портнихи, строчила письма служанкам, давала советы и выслушивала жалобы, помогала в сватовстве, наблюдала за влюбленными и разрешала

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

самые различные вопросы. Целый день она хлопотала, и Зе Сампайо не раз раздраженно говорил ей:

– Ну что за непоседа, тебе некогда даже телевизор посмотреть… – И с безнадежным видом совал в рот большой палец.

Добрячка дона Норма готовилась прижать к груди скорбящую дону Розилду, ободрить и утешить ее. А та вела себя так, будто смерть зятя была для нее радостным событием. Вот она спускается по трапу, держа в одной руке пакет с мукой из Назарета, хорошо поджаренной и ароматной, и корзинку, где шевелятся строптивые крабы, которых она купила на борту парохода; в другой руке – зонтик и чемодан, хорошо еще, подумала дона Норма, что чемодан небольшой, иначе она задержалась бы здесь надолго. А этот маленький чемоданчик она берет в короткие поездки, на несколько дней. Дона Норма поспешила ей навстречу, чтобы помочь и торжественно обнять, выразив сочувствие: она ни за что на свете не отказалась бы от выполнения своего печального долга.

– Примите мои соболезнования…

– Соболезнования? Мне? Ну нет, дорогая, не тратьте времени на вежливые излияния! По мне, он мог бы отправиться к праотцам уже давно, я о его смерти ничуть не жалею. Теперь могу хоть вздохнуть свободно и снова сказать, что в моей семье нет подонков. И надо же, какой позор, а? Нашел где умереть – посреди карнавала, ряженым… Это он нарочно…

Она остановилась перед доной Нормой, опустила на землю чемодан, корзину и сверток и, смерив ее взглядом с головы до ног, не преминула сказать завуалированную гадость:

– Не хотела бы вам льстить, но вы очень пополнели… Настоящая современная красотка, такая толстенькая, прямо приятно смотреть, тьфу, тьфу, не сглазить бы…

Дона Розилда поправила корзинку, откуда попытались убежать крабы, и продолжала:

– Вот это по мне: женщина не должна обращать внимания на превратности моды… Те, что морят себя голодом ради того, чтобы похудеть, кончают чахоткой… Вы же…

– Ну что вы, дона Розилда?! А я-то думала, что похудела. Ведь сижу на самой строгой диете… Не обедаю и уже целый месяц не притрагиваюсь к фасоли…

Дона Розилда оглядела ее критически:

– Что-то не похоже…

Взяв вещи, они направились к подъемнику Ласерды. Дона Розилда не переставала тараторить:

– А как поживает сеу Сампайо? По-прежнему валяется в постели? Никогда не встречала такого лежебоку. Будто старый пес…

– Что поделать, такой уж он уродился… – возразила дона Норма, которой не очень понравилось это сравнение.

Однако дона Розилда не склонна была прощать людям их слабости:

– Черт побери!… Такой высокомерный муж, как у вас, должно быть, сущее наказание. Вот мой… покойный Жиль… Я не стану, конечно, утверждать, что он был особенный, он вовсе не был святым… Но по сравнению с вашим… Ах, дорогая моя, послушайте, что я вам скажу: будь я на вашем месте, я бы не вытерпела… Муж, который никуда не выходит, нигде не бывает, упрямится и всегда торчит дома…

Дона Норма попыталась вернуть разговор к главной теме: в конце концов дона Розилда потеряла зятя и только поэтому приехала в Баию. Об этом трагическом событии и следовало говорить.

– Флор очень печальна и подавлена. Она слишком много пережила…

– Потому что она размазня и дура и всегда была такой. Не похоже даже, что она моя дочь. Наверное, в отца. Вы не знали покойного Жиля? Я это говорю не для того, чтобы набить себе цену, но хозяйкой в доме всегда была я. Он был ни рыба ни мясо, и все дела решала ваша покорная слуга. Флор пошла в него, такая же рохля, иначе разве стала бы она столько времени терпеть своего мужа?

Дона Норма подумала, что если бы покойный Жиль не был таким рохлей, он бы наверняка не смог выносить так долго такую жену, и пожалела о судьбе отца доны Флор. А

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

самой доне Флор теперь угрожали постоянные визиты матери, как знать, вдруг решит переехать к овдовевшей дочери и тем самым нарушит сердечную обстановку, царившую в их квартале.

Еще когда был жив Гуляка, дона Розилда являлась к доне Флор, чтобы наговорить всяких пакостей про зятя и пуститься в обратный путь, пока этот дьявол не явился со своими пошлостями, ибо доне Розилде никогда не удавалось справиться с Гулякой. Не удавалось даже вывести его из себя. Гуляке достаточно было увидеть тещу, как он разражался веселым смехом и принимал такой вид, будто она была для него самой дорогой и желанной гостьей.

– Ба, смотрите, кто приехал! Моя дорогая теща! Моя вторая мать! Это золотое сердце, эта незлобливая голубка! А как поживает ваш хорошо отточенный язычок? Садитесь сюда, моя святая, рядышком со своим любимым зятьком, давайте вместе покопаемся в мусоре Баии…

И он хохотал звучно и задорно, как человек, довольный жизнью. Уж если Гуляку не могли привести в отчаяние просроченные векселя, бесконечные долги, постоянная нужда и вечные поиски денег на игру, то неужели теща надеялась испортить ему настроение? Она ненавидела его за неизменно хорошее расположение духа и за то, что он неподобающе вел себя по отношению к ней, пока ухаживал за Флор. Охваченная злобой, она покидала поле сражения, преследуемая смехом Гуляки, и отыгрывалась на доне Флор, всячески понося ее на оживленных сборищах кумушек.

– Ноги моей больше не будет в твоем проклятом доме, непутевая! Оставайся со своим муженьком, пусть эта грязная собака оскорбляет твою мать, которая вскормила тебя своим молоком… Я ухожу, чтобы он меня не избил… В отличие от тебя мне не нравится ходить с синяками…

От смеха Гуляки, который преследовал ее даже на улице, от его насмешек дона Розилда теряла голову. Однажды она пришла в такую ярость, что, забыв о своем положении скромной вдовы, прямо на улице, полной народа, повернулась к окну, где зять покатывался со смеху, и запустила в него чуть ли не целую связку бананов. При этом срывающимся от бешенства голосом она выкрикивала проклятия и оскорбления:

– Вот тебе, грязная скотина, мерзавец, засунь себе в…

Прохожие, в том числе досточтимый профессор Эпаминондас и красавица дона Гиза, возмущались.

– Какая непристойность… – осуждающе изрек профессор.

– Истеричка… – поддержала его учительница.

И хотя дона Норма хорошо знала дону Розилду и не раз была свидетельницей ее злобных выходок, хотя она привыкла к ехидству доны Розилды, все же, стоя в очереди у подъемника, она не переставала удивляться. Она не представляла себе, что неприязнь тещи к зятю окажется столь велика; даже после его смерти дона Розилда не сказала ни слова сожаления о покойном, хотя бы и неискреннего, ради приличия. Наоборот.

– Даже воздух вроде стал чище после того, как сдох этот проходимец…

Дона Норма больше не могла сдерживаться:

– Как можно так говорить! Вы, наверное, очень злы на Гуляку?

– А как же мне на него не злиться? Бездельник, всегда без гроша в кармане, пьяница, игрок. И такой человек влез в нашу семью, вскружил голову моей дочери и увел несчастную из родительского дома, чтобы жить на ее деньги…

Конечно, он был пьяницей, игроком, бездельником и плохим мужем, размышляла про себя дона Норма, но как можно ненавидеть человека после его смерти? Разве не следует из уважения к мертвым забывать все их грехи? Однако дона Розилда была совсем иного мнения.

– Он обзывал меня старой каргой, никогда не относился ко мне с почтением, смеялся надо мной… Он меня обманул, одурачил, причинил мне кучу неприятностей… И я должна забыть все это только потому, что он мертв и лежит на кладбище? Ну, нет!

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

3

Уходя из этого мира в лучший, эта рохля Жиль – будь благословенна его память! – оставил семью в очень затруднительном положении. В данном случае избитое выражение насчет «лучшего мира» имеет отнюдь не переносный, а самый прямой смысл. Что бы ни ожидало его в таинственном потустороннем существовании: рай ли, полный лучезарного света, сладостной музыки и ангелов, или мрачный ад с бурлящими котлами, влажный лимб или вечное странствие в небесах, а может, и просто небытие, – любой из этих вариантов был лучше его супружеской жизни.

Худой и безропотный, сеу Жиль содержал семью, зарабатывая продажей неходовых товаров, что приносило скудный доход, которого едва хватало на ежедневное пропитание, оплату квартиры во втором этаже на Ладейра-до-Алво, покупку одежды для детей, а также удовлетворение мещанского тщеславия доны Розилды с ее претензиями на роскошь, не уступающую роскоши самых зажиточных семей, с ее заветной мечтой проникнуть в светское общество. Дона Розилда питала отвращение к большинству своих соседей, которым, по ее мнению, не повезло, – приказчикам, конторским служащим, кассирам и портнихам. Она презирала этих простолюдинов, не умеющих скрыть свою бедность, чуралась их, держалась с ними надменно, считая, что нужно выказывать уважение лишь «респектабельным семьям», о чем не раз говорила покойному Жилю, когда заставала его на месте преступления – потягивающим пиво в компании Казузы Воронки, лотерейного маклера и вымогателя, мнившего себя философом и, пожалуй, самого непутевого человека в квартале. Прозвище было дано ему не случайно. Казуза любил выпить, и его ненасытную глотку можно было сравнить лишь с воронкой.

Почему Жиль не желал знаться с д-ром Карлосом Пассосом, врачом с обширной клиентурой, с инженером Вале, занимавшим крупный пост в секретариате путей сообщения, с телеграфистом Пейшото, пожилым господином, собиравшимся на пенсию и сделавшим приличную карьеру в почтовом ведомстве, с журналистом Насифе, еще молодым, но получавшим немалую прибыль от «Современного торговца», который, если верить рекламе, «неколебимо защищал интересы баиянской коммерции»? Все эти люди были их соседями и принадлежали к кругу «респектабельных семей»… Глупый Жиль не умел скрывать свои дружеские привязанности; если он не сидел с Воронкой в баре «Чудесное местечко», то играл возле дома Атенора Лимы в триктрак или в шашки, что было, пожалуй, единственной радостью в его жизни. Этого Атенора Лиму, торговца, обосновавшегося в Табоане, и одного из неизменных покупателей Жиля, можно было бы занести в список «респектабельных» соседей, если бы не его всем известная связь с негритянкой Жувентиной, служившей, у него поначалу кухаркой. Теперь она постоянно восседала у окна, у нее была прислуга, словом, держалась нагло и дерзко, и ее перебранки с доной Розилдой славились на всю Ладейра-до-Алво. А Жиль усаживался прямо на тротуаре грязной улицы и любезно приветствовал эту простолюдинку, будто она была женой священника или судьи.

Впрочем, тщетными оказались усилия доны Розилды установить дружеские связи с влиятельными людьми: семейством Коста – потомками видного политического деятеля и владельцами огромной плантации в Матату (имя этого старого политика носила одна из улиц, а его внук Нелсон стал крупным банкиром и промышленником), семейством Мариньо Фалкона из Фейра-де-Сант-Аны, в магазине которого Жиль в молодые годы проходил обучение (сеу Жоан Мариньо одолжил ему денег, чтобы он мог обосноваться в столице штата), д-ром Луисом Энрике Диасом Таваресом, директором отдела, слывшим умницей и публиковавшим свои статьи в газетах (его имя она произносила с особой гордостью и всякий раз подчеркивала свое с ним родство: «Он мой кум, крестил нашего Эйтора»).

Перечисляя эти громкие имена и сурово осуждая приятелей Жиля, она драматически вопрошала собеседников, соседей, улицу, город, весь мир: чем она провинилась перед богом, за что он наказал ее мужем, который не способен обеспечить ей приличное существование, подобающее ее происхождению и кругу ее друзей? У одних коммерсантов дело процветало,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

клиентура росла, их конторы все увеличивали месячный оборот и получали новые солидные куртажи. Они приобретали дома или же земельные участки, чтобы потом строить особняки. Другие позволяли себе роскошь купить автомобиль, как, например, Розалво Медейрос, уроженец штата Алагоас, прибывший всего несколько лет назад из Масейо с пустыми руками, а теперь ездивший на собственном «студебеккере»! Этот Розалво так заважничал, что в один прекрасный день, проезжая по улице Чили, не узнал дону Розилду и чуть не задавил ее – та шла пешком и с любезной улыбкой бросилась навстречу машине приветствовать преуспевающего коллегу мужа. Однако тот не только перепугал ее, резко загудев, но еще и обругал:

– Тебе что, жить надоело, каракатица?

Этот грубиян за три-четыре года сумел отлично заработать на фармацевтических товарах, пустив в ход хитрость и все свое обаяние, приобрел автомобиль, вступил в члены Баиянского теннисного клуба, сблизился со многими политиками и богачами, словом, стал важной персоной и задрал нос! Дона Розилда скрежетала зубами: ну что ей делать с этим болваном Жилем?!

А Жиль таскался пешком или ехал трамваем с образцами своих товаров: тесемками, подтяжками, крахмальными воротничками и манжетами; он специализировался на товарах, вышедших из моды, ограничиваясь узким кругом клиентов из предместий и старыми мелочными лавчонками. Он решительно не умел выдвинуться и всю жизнь топтался на месте. Никто не верил в его способности, даже он сам.

И вот настал день, когда он понял, что не может больше слышать упреки и жалобы жены, осознал всю тщетность своих усилий. Порто, его свояк, муж Литы – сестры Розилды, тоже выбивался из сил, чтобы заработать на жизнь уроками черчения и математики в государственном ремесленном училище Парипе. Порто ездил туда на поезде ежедневно, вставая на рассвете и возвращаясь поздно вечером. Но по воскресеньям он выходил на улицы с красками и кистями и писал яркие городские пейзажи, которые приносили ему столько радости; поэтому никто никогда не видел, чтобы он был в плохом настроении или скучал. И женился он не на Розилде, а на Лите, а та в противоположность сестре была святой женщиной, от нее никто не слыхал дурного слова.

Жилю не везло даже в игре. Атенор Лима садился с ним играть, только если не было партнера посильнее; что же касается сеу Зеки Серры, чемпиона Ладейры, то он, даже чтобы убить время, ни за что не соглашался на такого неинтересного и рассеянного партнера. К тому же дона Розилда потребовала, чтобы Жиль раз и навсегда порвал с Казузой Воронкой, который недавно вышел из тюрьмы и все еще находился под следствием, а значит, очень нуждался в сочувствии и поддержке. И Жиль, как последний подлец, обходил стороной те места, где мог встретиться с Воронкой, покорно выполняя приказание супруги.

Так и не преуспев на своем поприще, он поздней осенью заболел пневмонией в легкой форме – «даже не двусторонним воспалением легких», как иронически заметил д-р Карлос Пассос, – и покинул подлунную. Тихо и мирно, смиренно покашливая. На его месте любой другой справился бы с недугом, который был ненамного опаснее гриппа. Но Жиль устал, так устал, что ему не хотелось дожидаться более серьезного и опасного заболевания. Он и мечтать не смел о тяжелой, модной и дорогой болезни, о которой писали в газетах. Ему вполне достаточно было обычной пневмонии. А посему, ни с кем не простившись, он расстался со своей телесной оболочкой и отправился на вечный покой.

4

Уже давно дона Розилда вела самую строгую экономию, выдавая мужу еженедельно из тех скудных сумм, которые он выручал в виде комиссионных, несколько монет на трамвай и на сигареты «Ароматичные» – из расчета пачка на два дня. И все же сэкономленных денег едва хватило на похороны, траурные платья и расходы в первые траурные дни. Комиссионных от последних торговых операций почти не оказалось, это были жалкие

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

гроши, и дона Розилда осталась с сыном, мальчиком-гимназистом, и двумя дочерьми, молоденькими девушками, без всяких средств к существованию.

И хотя была она особой суровой, резкой, своенравной и мало приятной, нельзя не признать за ней и положительных качеств. Решительная и волевая, дона Розилда сделала все, чтобы ее дети получили образование, и, сумев удержаться в положении, в котором ее застала смерть мужа, не докатилась до лачуги на Ладейра-до-Алве или же грязной комнатушки на Пелоуриньо.

Дона Розилда упрямо держалась за свою квартиру. Переехать отсюда в более дешевое жилье означало бы для нее конец всем надеждам на преуспеяние в обществе. Она должна была заставить Эйтора окончить среднюю школу, устроить его на работу, а также выдать замуж дочерей, и выдать хорошо. А чтобы достичь этого, нельзя было опускаться, поддаваться нужде или выставлять ее напоказ, потеряв стыд и совесть. Дона Розилда стыдилась бедности пуще всего на свете, стыдилась, как преступления, достойного суровой кары.

Съезжать с квартиры на Ладейра-до-Алво нельзя ни в коем случае. Так она заявила зятю, когда тот принес ей деньги от доны Литы; надо отдать должное доне Розилде – деньги эти через какое-то время она вернула сполна. Ее не устраивал ни дом, который можно было снять по сходной цене, правда, у черта на куличках, ни подвал на Лапинье, ни квартирка из двух комнат в Портас-до-Кармо. Она оставалась на Ладейра-до-Алво, хотя за эту квартиру и приходилось сравнительно дорого платить, особенно для вдовы, не располагающей никакими средствами, ни большими, ни малыми.

Отсюда, с широких балконов второго этажа, она могла взирать на будущее с уверенностью: не все еще было для нее потеряно. Она изменила свои прежние планы, не отказавшись, однако, от своих претензий. Если бы она сразу отступила, покинув благоустроенную, хорошо меблированную квартиру с коврами и шторами и переехав в дом, битком набитый беднотой, ей пришлось бы навсегда распроститься со всеми своими надеждами и мечтами. Тогда бы Эйтор встал за прилавок бакалейной лавки, в лучшем случае – магазина, и всю жизнь оставался бы приказчиком, как, впрочем, и девочки, если только не пошли бы в официантки, а из баров и кафе, где девушкам приходится терпеть вольное обхождение хозяев и посетителей, прямая дорога в публичный дом и на панель. Оставаясь в своей квартире, дона Розилда еще могла противостоять этим угрозам. Покинуть ее значило сдаться без борьбы.

Вот почему она не согласилась на предложение Атенора Лимы устроить Эйтора. И не сочла нужным долго объясняться с Розалией, когда та заявила, что хочет устроиться кем-то вроде приемщицы-секретаря в процветающем фотоателье на Байша-дос-Сапатейросе, где Андрес Гутьеррес, смуглый испанец с подстриженными усиками, изощрялся в фотоискусстве в самых различных его формах: от моментальных фотокарточек три на четыре сантиметра для удостоверений личности и обычных снимков («исполнение в двадцать четыре часа») до цветных, крупным планом фотографий – подлинных «шедевров», в том числе портретов всевозможных размеров и групповых снимков во время крещения, свадьбы, первого причастия и других праздничных событий, заслуживающих места в пожелтевших семейных альбомах. Что бы вы ни пожелали запечатлеть, тут же появлялся Андрес Гутьеррес со своим аппаратом и с помощником-китайцем весьма подозрительного вида, настолько старым и сморщенным, что возраст его невозможно было определить. Ходили слухи – дошли они и до ушей доны Розилды, всегда охочей до подобных разговоров, будто Андрес и его помощник печатают открытки, исполненные в высшей степени натуралистической манере и пользующиеся неизменным успехом, которые китаец продавал в запечатанных конвертах. По утверждению кумушек, им позировали бедные и легкодоступные молоденькие девушки, получавшие за это грошовое вознаграждение. Заодно они, должно быть, ублажали Андреса, а возможно, и китайца. Святоши рассказывали про фотоателье всякие ужасы. Не удивительно поэтому, что дона Розилда набросилась на дочь, как только та с самым невинным видом сообщила ей о предложении испанца:

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Если ты еще раз заговоришь со мною об этом, я с тебя шкуру спущу… отлуплю так, что на всю жизнь запомнишь…

Она пригрозила Андресу тюрьмой, не забыв перечислить всех своих «респектабельных» знакомых; если он будет приставать к ее дочери, сам увидит, чем это кончится, – она не станет молчать о его грязных делах и заявит в полицию на этого испанского борова…

Андрес, не уступавший доне Розилде в дерзости и вспыльчивый, как все испанцы, отвечал ей в том же духе. Он начал с того, что боров не кто иной, как отец доны Розилды, рогоносец, он же, Андрее, сочувствуя положению семьи после смерти сеу Жиля, человека воспитанного и доброго, который, без сомнения, заслуживал лучшей жены, пришел предложить работу девушке, едва зная ее в лицо и с единственным намерением помочь, а в благодарность эта истеричная корова орет теперь у дверей его заведения и еще угрожает, выдумывая всякие небылицы и возводя на него напраслину! Если она не заткнет сейчас же свой рот, эту помойную яму, то пусть лучше катится ко всем чертям, да побыстрее, ибо он – уважаемый гражданин, почитающий законы, аккуратный налогоплательщик и выходец из старинного андалузского рода, никому не позволит называть себя боровом… Безразличный к этому спору китаец чистил спичкой свои длинные загибающиеся ногти, о которых сплетники выдумывали бог знает что…

Правду говорили про ателье или нет, но дона Розилда не для того растила дочерей, воспитала их и дала им образование, чтобы они попали в лапы какого-то Андреса Гутьерреса, андалузца, галисийца или китайца, ей плевать, кто он… Дочери были теперь ее надеждой, с их помощью она хотела изменить свою судьбу и свое положение в обществе. Она отвергала все предложения пристроить Розалию и Флор, которые делались с самыми лучшими намерениями. Дона Розилда не желала выставлять напоказ своих дочерей и подвергать их хоть малейшей опасности. Место порядочной девицы – в семье; ее цель – замужество, так считала дона Розилда. Разрешить дочерям встать за прилавок мелочной лавки, пойти работать в кассу кинотеатра или зал ожидания зубоврачебного кабинета означало бы капитуляцию, признание в собственной бедности; это было бы все равно что обнажить для всеобщего обозрения отвратительную, зловонную язву! Пускай девочки работают, но дома, приобретая навыки, необходимые для замужней женщины. И если раньше эти навыки занимали немалое место в планах доны Розилды, то теперь заняли основное.

Пока муж был жив, дона Розилда мечтала дать сыну высшее образование, сделать его врачом, адвокатом или инженером. Докторское звание и университетский диплом помогли бы ему приобщиться к элите, блистать среди сильных мира сего. Докторское кольцо на пальце Эйтора стало бы ключом, который отворил бы перед нею двери высшего общества, этих недоступных сфер, таких далеких от Витории, Канелы, Грасы. Вместе с тем положение брата помогло бы девочкам найти выгодных женихов среди его товарищей из приличных семей и с блестящим будущим.

Смерть Жиля сделала этот план невыполнимым. Эйтор еще учился в гимназии, ему осталось два года до окончания, но он не успевал и проваливался на экзаменах А на какие средства будет она содержать его долгие пять или шесть лет учебы в университете? С большим трудом она еще могла подождать, пока он кончит курс в государственной гимназии, где обучение было бесплатным. После колледжа ему не угрожала жалкая участь приказчика, он надеялся даже получить место в банке или – почему бы нет? – государственную должность, гарантирующую премии, повышение жалованья и повышения по службе, пособия и другие блага. Этой цели дона Розилда рассчитывала достичь с помощью своих влиятельных знакомых.

Больше она не делала ставки на докторское звание, на кольцо, свидетельствующее об окончании университета, – с изумрудом, рубином или сапфиром, – чтобы достигнуть высот, о которых она мечтала. Жаль, но ничего не поделаешь. Ее муж, этот рохля, еще раз нарушил ее планы своей идиотской смертью.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Зато теперь он не сможет разрушить ее планы, заново составленные в дни, траура. На сей раз она делала ставку на замужество Розалии и Флор. Теперь брак стал тем ключом, который отопрет двери комфорта и благополучия. Надо выдать их замуж, «пристроить», как говорила дона Розилда, и как можно лучше. Выдать за именитых молодых людей, отпрысков богатых родителей, сыновей полковников-плантаторов, или же за коммерсантов, желательно оптовых, с положением, деньгами и большим кредитом в банках. А раз уж она поставила перед собой такую цель, не могла она пристраивать девочек в сомнительные места и выставлять напоказ их бедность. Когда девушка хороша собой и бедна, богачи и важные особы могут питать к ней лишь низменные, греховные чувства. Она наверняка получит предложение, но отнюдь не руки и сердца!

Дона Розилда хотела, чтобы дочери сидели дома, были скромными, помогали ей по хозяйству и поддерживали хотя бы видимость богатства, словом, чтобы могли сойти за обеспеченных и благовоспитанных невест. В приличные семейные дома, на воскресные утренники или вечеринки к друзьям девушки являлись нарядными, ни дать ни взять благородные барышни. Бережливая дона Розилда считала каждый грош и, едва сводила концы с концами, но не терпела неряшливости в одежде дочерей, даже домашней. Им всегда надлежало быть безупречно одетыми и готовыми в любой момент принять сказочного принца, если тот вдруг появится. И тут дона Розилда не жалела усилий.

Как-то Розалию пригласили на танцы по случаю дня рождения старшей дочери д-ра Жоана Фалкона, человека состоятельного, в его особняк с хрустальными люстрами, столовым серебром и официантами во фраках. Там собралось общество поистине изысканное, все сплошь богачи и знать из высшего общества. И Розалия произвела настоящий фурор: ее туалет оказался самым роскошным. Дона Дентинья, хозяйка дома, женщина весьма добродушная, не удержалась от похвалы:

– Вы здесь самая хорошенькая, Розалия… Ну прямо куколка, прелесть…

Она и впрямь выглядела самой богатой и аристократичной. А между тем на балу присутствовали состоятельные и благородные девицы из местной знати, с голубой кровью бакалавров и врачей, чиновников и банкиров, лавочников и коммерсантов. Матовая кожа метиски, нежная и бледная, казалась самой светлой в этом собрании прелестных баиянок, поражавших всеми оттенками смуглости, – пока никто не слышит, могу вам сказать: собрании самых изящных метисок и прекрасных «белых» мулаток!

Глядя на Розалию, столь элегантно одетую, никто бы не подумал, что платье, которое так расхваливали на празднике, было сшито самой Розалией и доной Розилдой, да и не только платье, но и все остальное, в том числе и туфли, этот шедевр из атласа, переделанные из старых. Самым выдающимся достоинством Розалии было ее умение кроить и шить, вышивать и вязать.

Девушки сами, без посторонней помощи, лишь благодаря своим способностям и твердому руководству доны Розилды чудом преодолели все трудности. Эйтор продолжал учиться в колледже, заканчивая курс, за квартиру платили в срок, так же как и за радиоприемник и новую плиту, и еще откладывали кое-что на приданое, подвенечные платья, вуали, гирлянды, поскольку постельное и всякое прочее белье уже давно лежало в сундуках. Все это девушки приготовили своими руками. Розалия на ножной швейной машинке шила на заказ, вышивала изящные блузки. Флор же сначала готовила подносы с закусками и сластями для семейных праздников и небольших торжественных сборищ: дней рождений, первых причастий. Если Розалия великолепно шила, то призванием младшей сестры была кухня. Флор будто родилась с талантом кухарки. С малых лет она научилась печь пироги и приготовлять лакомые блюда, все время вертелась у плиты, обучаясь тайнам кулинарии у тети Литы, на редкость искусной поварихи. Дядя Порто, кроме живописи, любил еще хорошо поесть. Он обожал каруру и сарапател, фейжоаду и козидо. Научившись приготовлять пирожки с мясом и рыбой, а также завтраки, она занялась составлением рецептов и стала давать уроки. А потом открыла кулинарную школу.

Так они и жили – Розалия за швейной машинкой, Флор – на кухне у плиты, дона

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Розилда – у кормила правления. Жили скромно, в ожидании, когда на каком-нибудь празднике или прогулке появятся вдруг странствующие рыцари с тугой мошной и пышными титулами. Один пленит Розалию, другой уведет Флор, и обе под звуки свадебного марша направятся к алтарю и приобщатся к сонму сильных мира сего. Первой – Розалия, поскольку она старшая.

Дона Розилда пристально вглядывалась в каждого, кто появлялся на горизонте, ожидая принца, всего в золоте, серебре и алмазах. Временами ею овладевало уныние, а что, если волшебный принц так и не объявится? Пора бы уже, нельзя же всю жизнь ждать. Девушки в том возрасте, когда начинают мечтать о женихах. Розалия, которой уже минуло двадцать, вздыхая у окна, без устали крутит швейную машинку, так когда же за ней придет герцог, или граф, или барон? Это томительное ожидание настолько затянулось, что Розалия уже стала рисовать себе страшные картины, как она останется старой девой, озлобится, а потом превратится в брюзгливую старуху, на что шутливо намекал добрый дядя Порто, издеваясь над аристократическими притязаниями доны Розилды.

Но иногда Розалия мечтала, как встретит суженого на вечеринке, по дороге к тетке в Рио-Вермельо, на утреннем сеансе в кино, за рулем малолитражки или на воскресной регате, в белом с головы до ног; он рисовался ей то веселым студентом, то серьезным ученым с толстыми фолиантами под мышкой, то танцором, выделывающим замысловатые па аргентинского танго, то романтиком, вздыхающим под звуки ночной серенады.

Дона Розилда тоже ждала, и ее нетерпение все росло: где же он, этот долгожданный зять, этот миллионер, лорд, дворянин, этот доктор в черной шапочке, этот оптовый торговец из Нижнего города, этот какаовый или табачный плантатор, этот владелец магазина или хотя бы мелочной лавки или на худой конец этот потный гринго из бакалейного магазина? Где он?

5

Они ждали недели, месяцы, годы, всегда хорошо одетые, в уютной квартире, но дворянин так и не появился; не появился и молодой аристократ из Барры или Грасы, ни сын какаового плантатора-полковника, ни крупный коммерсант, ни даже португалец, разбогатевший на тяжелой работе в складах и пекарнях. Зато появился Антонио Мораис, владелец механической мастерской, всего достигший самоучкой, в своем видавшем виды

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

комбинезоне, черном от масла. Он появился вовремя и поэтому был хорошо принят. Розалия уже проливала слезы, смирившись с участью одинокой старой ханжи, а дона Розилда была не в силах сопротивляться. Это, конечно, не тот зять, о котором она мечтала, не спуская глаз с дочерей, пока одна сидела за швейной машинкой, а другая стояла у раскаленной плиты. Однако по разным соображениям она уже не могла противостоять устрашающему гневу и резким выходкам пышущей здоровьем Розалии, которая в свои двадцать (с лишним) лет рвалась поскорее выйти замуж.

И хотя Антонио Мораис не был ни богатым, ни важным, он все же не служил у хозяина, а имел собственную, хоть и небольшую, мастерскую с постоянной клиентурой и зарабатывал достаточно, чтобы прокормить жену и детей. Доне Розилде пришлось смириться с судьбой. А что еще оставалось?

Эйтор при содействии своего крестного д-ра Луиса Энрике уже получил место на Назаретской железной дороге и жил в Реконкаво, изредка навещая своих в Баии. Служба открывала перед ним заманчивые перспективы, и доне Розилде не приходилось за него беспокоиться. Флор, уже успевшая приобрести славу хорошей преподавательницы, давала уроки кулинарии девушкам и дамам. Теперь деньги на домашние расходы в основном добывала она, потому что Розалия тратила все, что зарабатывала, на платья, туфли и кружева – ей надо было заботиться о своей внешности.

Антонио Мораис впервые заметил Розалию на утреннике в кинотеатре «Олимпия». Кроме двух фильмов и киножурнала, владелец театра сеу Мота включил в тот день в программу выступление оказавшихся в Баии нескольких померкших звезд из трупп, которые распались во время гастрольных поездок по провинциям. Пока Мирабел, «чувственная греза Варшавы», уже немолодая полька, уставшая от войны, сцены и публичных домов, вертела своим тощим задом, к восторгу мальчишек, проходивших там школу жизни, Антонио Мораис заметил сидевших неподалеку дону Розилду и двух ее дочерей: Розалию, охваченную тревожным ожиданием, и Флор с ее пленительными грудью и бедрами.

Механик сразу же отвернулся от изощрявшейся перед публикой потрепанной «грезы Варшавы». Взволнованный взгляд Розалии скрестился с его смиренным взором. Выйдя из кинотеатра, молодой человек на почтительном расстоянии последовал за матерью и дочерьми до их вполне приличной квартиры на Ладейра-до-Алво. На мгновение Розалия появилась на балконе, и ее уста дрогнули в улыбке.

На другой день после обеда Антонио Мораис в любовном томлении бродил по Ладейра-до-Алво, подолгу задерживаясь напротив дома доны Розилды. Розалия ободряюще поглядывала на него из окна. Бредя вверх или вниз по улочке, механик не отрывал своих глаз от балкона и насвистывал песенки. Спустя некоторое время Розалия в сопровождении Флор вышла из дому. Мораис осторожно приблизился к ним.

Дона Розилда, которая всегда была начеку, заметила зарождавшийся флирт еще на утреннике в кинотеатре. Поняв, что загоревшаяся страстью Розалия не станет ее слушать, она отправилась разузнать, что представляет из себя этот парень. Атенор Лима хорошо знал его, и сведения оказались самыми благоприятными: Антонио Мораис был хорошим механиком, мастером на все руки, очень трудолюбивым и имел собственную мастерскую в Галесе. Девятилетним мальчиком, лишившись отца и матери во время автобусной катастрофы, он остался совсем один, однако ни бродяжничество, ни разгульная жизнь его не соблазнили. Он поступил в мастерскую негра Пе де Пилана, отличного парня, который ростом был повыше собора. В мастерской мальчишка делал все, что ему поручали, не брезговал никакой работой и показал себя на редкость смышленым. Твердого жалованья он не получал, но ему разрешалось ночевать в мастерской и брать чаевые, часто довольно щедрые. Он самостоятельно осилил грамоту и научился ремеслу у Пе де Пилана. Уже юношей на свой страх и риск Антонио попробовал взяться за мелкий ремонт. У него были ловкие руки и светлая голова: моторы автомобилей не таили от него секретов. Разумеется, у Антонио нет образования, равно как и больших средств, но ни один механик не может с ним сравниться. У него верный заработок, и вряд ли доне Розилде удастся найти лучшего мужа

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

для Розалии, раз она не принцесса и не владелица какаовой плантации, без околичностей заявил Лима своей тщеславной и ворчливой соседке.

Приблизительно так же отозвались об Антонио и другие знакомые. Тогда дона Розилда, посоветовавшись со своим кумом д-ром Луисом Энрике, который слыл мудрецом и всегда давал дельные советы, тщательно взвесила все «за» и «против» и вынесла решение в пользу механика.

Конечно, это не тот зять, о котором она мечтала, не принц голубой крови с сундуками, набитыми золотом. Правда, в жилах Мораиса текла благородная кровь – его дальним предком был принц африканского племени Обитико, привезенный в свое время в Баию работорговцем; но потом эта кровь смешалась с плебейской кровью португальского отребья и голландских купцов. Результатом такого смешения и явился этот мулат – симпатичный смуглый парень с приятной улыбкой. Не оказалось и сундуков, набитых золотом; накопленных механиком денег не хватило даже на постройку маленького домика. Но Розалия, пылавшая в огне любовной страсти, и слышать не желала о темном происхождении и скудных средствах Антонио. Розалия взбунтовалась, дерзко отвечала матери, раздражалась из-за любого пустяка, и доне Розилде пришлось покориться. Это случилось, когда Мораис в пятый или шестой раз зашел к ним вечером; в накрахмаленном белом костюме, надвинутой на глаза шляпе и щегольских ботинках он выглядел совершенно неотразимым.

Влюбленные сидели, тесно прижавшись и нежно глядя в глаза друг другу; держась за руки, они шептали всякие глупости, как вдруг из мрака лестницы с инквизиторским видом вынырнула дона Розилда.

– Розалия, дочь моя, не хочешь ли ты познакомить меня со своим кавалером? – раздался ее грозный голос.

После того как, заикаясь от страха, Розалия представила друг другу совершенно растерявшегося Мораиса и дону Розилду, та сразу же набросилась на него:

– Моя дочь не любезничает смужчинами в парадных и на улицах и не ходит гулять с поклонниками, я воспитывала дочь не для потехи какого-то проходимца…

– Но я…

– Кто хочет разговаривать с моей дочерью, должен заявить прежде о своих намерениях.

Антонио Мораис заверил, что мечтает лишь о женитьбе на Розалии, он уже не мальчишка и не собирается никого обманывать. А потом с готовностью ответил на подробные расспросы доны Розилды, которая получила полное подтверждение добытым ранее сведениям, главным образом насчет доходов мастерской.

Механик заручился благосклонностью, доны Розилды, и ему было разрешено приходить по вечерам к парадной двери, где теперь Розалия поджидала его, сидя на стуле. Дона Розилда из окна следила за соблюдением семейной чести; она растила дочь не для того, чтобы над ней надсмеялся какой-нибудь бродяга. А поэтому, когда Мораис, трепеща, протягивал руку к нежной ручке девушки, сверху слышалось строгое покашливание доны Розилды:

– Розалия!

Естественно, что Мораис поторопился с помолвкой, желая скорее получить полную свободу действий и отделаться от этого несносного контроля. Теперь жених стал чаще бывать в доме, ходить с Розалией на воскресные утренники, куда их неизменно сопровождала Флор, которой было велено следить, чтобы влюбленные не целовались и не нежничали. Дона Розилда требовала максимального уважения к дочери. Но Флор не родилась шпионкой. Она сочувствовала влюбленным и, отвернувшись от сестры и будущего зятя, впивалась глазами в экран; Флор жевала конфеты и не обращала никакого внимания на влюбленную парочку, занятую поцелуями.

До и после помолвки дона Розилда старалась держаться, насколько это было в ее силах, любезно и не проявлять наиболее неприятных черт своего характера. Она горела желанием во что бы то ни стало выдать дочерей замуж, а Розалия уже достигла критического возраста. Девушек, ищущих мужей, было хоть отбавляй, молодых же людей, решивших жениться,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

явно не хватало. И дона Розилда отлично знала, что найти дочерям женихов не так-то просто. Почти все ее знакомые дамы считали, что механик – хорошая партия. Некая дона Элвира, мать трех надутых, пышнотелых девиц, обреченных на вечное безбрачие, даже подсылала этих сов к Мораису. Жеманные кривляки откровенно и многообещающе улыбались ему, но затащить Мораиса в постель им не удалось. К тому же, рассуждала дона Розилда, Мораис человек работящий и воспитанный, его нетрудно будет после женитьбы подчинить себе. Тут она, впрочем, обманулась: зять впоследствии немало удивил ее.

Что в действительности представляла из себя дона Розилда, механик узнал лишь после свадьбы. Было решено всем вместе занять второй этаж дома на Ладейра-до-Алво – это было экономно и вместе с тем трогательно: меньше расходов и не надо расставаться, поскольку Мораис и дона Розилда и думать не желали о жизни порознь. Розалия воспротивилась этим безрассудным планам. «Всегда лучше жить отдельно», – напомнила она золотое правило, но как пойти против воли матери и жениха?

Не прошло и шести медовых месяцев, как все планы тещи расстроились… Ибо, как сообщил зять знакомым: «Только Христос мог бы выдержать жизнь бок о бок с доной Розилдой, и то прежде надо было бы попробовать, возможно, и Иисусу не удалось бы поладить с ней, терпения не хватило бы».

Молодожены уехали к черту на рога, в Кабулу, почти за город. Мораис предпочитал ездить на ползущем как черепаха трамвае, который во время своего нескончаемого путешествия то и дело сходил с рельсов и постоянно опаздывал, предпочитал выходить чуть свет, чтобы к открытию добираться до мастерской, расположенной вблизи Ладейра-дос-Галес; он предпочел бы даже жить в дремучем лесу, где шипели ядовитые гремучие змеи и где Эшу, эти злые духи, свободно бродили по дорогам, причиняя всякие несчастья, только не под одной крышей с тещей. Лучше уж гремучие змеи и Эшу!

Во втором этаже дома на Ладейро-до-Алво остались лишь юная Флор – теперь красивая девушка с нежным лицом, высокой грудью и пышными бедрами, и дона Розилда, ставшая еще более желчной. Свои надежды после отъезда Розалии она связывала только с младшей дочерью, ее последним козырем в борьбе за высокое положение в обществе, в которой она столько раз терпела неудачу.

И все же дона Розилда не утратила твердой веры в успех и непоколебимого желания подняться вверх по ступеням социальной лестницы, ведущей в мир богачей. В бессонные ночи (она не могла уснуть, обдумывая различные планы) дона Розилда решила, что ее младшая дочь не станет добычей никакого другого Мораиса. В мужья Флор она прочила достойного молодого человека, настоящего белого аристократа: дипломированного доктора или богатого коммерсанта. И приготовилась зубами и когтями защищать этот последний бастион. То, что случилось с Розалией, не повторится. Флор не в пример старшей сестре была послушна и благоразумна, не боялась остаться старой девой, не заговаривала поминутно о замужестве и не противилась, когда мать запретила ей любезничать с конторскими служащими, приказчиками из мелочной лавки и португальцами, торговавшими в булочной. Она безропотно подчинялась, не поднимала крика, не запиралась в спальне и не угрожала самоубийством, на что часто пускалась Розалия, когда дона Розилда, заботясь о ее будущем, запрещала ей даже самое невинное кокетство. И вот результат – Розалия замужем за этим ничтожеством, даже не приказчиком, а простым механиком, рабочим! Какой ужас! Какое падение! Пускай он хороший мастер, много зарабатывает и добрый человек, все равно ее дочь не только не поднялась вверх по общественной лестнице, но спустилась еще ниже, причинив тем самым немалое огорчение доне Розилде, рассчитывавшей совсем на другое. Нет, с Флор будет иначе, ошибка не повторится.

А пока дона Розилда вынашивала свои планы, Флор приобрела славу лучшей преподавательницы кулинарного искусства. Она слыла специалисткой по баиянской кухне. Прирожденный талант Флор развивала с детства, уже тогда она научилась готовить приправы, составлять рецепты, угадывать нужное количество соли и сахара для лакомых соусов. Заказы на баиянские блюда поступали постоянно, Флор помогала готовить ватапу и

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

эфо, мокеку и шиншин для самых больших праздников, а также семейных торжеств у тети Литы и Дороти Алвес, где собиралось много приглашенных, а еды готовили вдвое больше. Со временем Флор приобрела широкую популярность, к ней приходили за рецептами, приглашали в богатые дома с просьбой научить готовить особо сложные блюда и приправы. Дона Детинья Фалкон, дона Лижия Олива, дона Лаурита Таварес, дона Ивани Силвейра и другие «респектабельные» сеньоры, дружбой с которыми очень гордилась дона Розилда, рекомендовали ее своим подругам, так что Флор не сидела без дела. Именно одна из этих высокочтимых дам подала мысль открыть школу, где будут вестись теоретические и практические занятия. Дама эта предложила оплату, заверив Флор, что вознаграждает отличную преподавательницу и подругу, а не повариху. На эти льстивые ухищрения пускалась Луиза Силвейра, знатная уроженка Сержипе, необыкновенно изобретательная и лицемерная особа.

Однако по-настоящему давать уроки Флор начала только после отъезда Розалии и Мораиса в Рио-де-Жанейро. Расстояние между Кабулой и Ладейра-до-Алво показалось механику недостаточным, он хотел бы, чтобы его и тещу разделял океан, до того возненавидел дону Розилду, эту мегеру, как он выражался, «эту чуму».

Школа процветала. Даже дамы из Канелы, Гракве и Барры приходили узнать секреты оливкового и пальмового масла. Одной из первых явилась дона Мага Патерностро, очень богатая и с большими связями, убежденная пропагандистка кулинарных талантов Флор.

Время шло, бежали годы, а Флор не торопилась обзавестись семьей. Это начинало беспокоить дону Розилду, ведь Флор уже давно не девочка. Флор пожимала плечами и помышляла только о школе. В один из своих приездов Эйтор, способности которого к рисованию всегда все хвалили, написал цветной тушью вывеску и поместил ее на балконе:

КУЛИНАРНАЯ ШКОЛА “ВКУС И ИСКУССТВО”

Как-то в газете Эйтор прочел пространное сообщение о школе «Знание и искусство», открытой неким Анизио Тейшейрой, прибывшим из Соединенных Штатов. Заменив слово «знание» словом «вкус», он переделал это название для сестры. Рядом с затейливыми буквами Эйтор изобразил изящно скрещенные ложку, вилку и нож. Если бы это произведение искусства было создано в наши дни, Эйтор вполне мог бы устроить выставку своих полотен и продать некоторые из них по хорошей цене. Но в те далекие времена железнодорожный служащий мог рассчитывать только на похвалу матери, сестры да одной из учениц Флор, девушки с влажно блестевшими глазами, по имени Селесте.

Денег, которые получала Флор за уроки, вполне хватало на содержание дома, скромные расходы маленькой семьи да еще на то, чтобы отложить на приданое и на будущую свадьбу. Но главное, занятия эти заполняли время Флор и освобождали хоть немного от необходимости выслушивать постоянные напоминания доны Розилды о том, чего ей стоило вырастить и воспитать двух дочерей, и о том, что Флор нужно поскорее найти такого мужа, который вытащил бы их отсюда, с Ладейра-до-Алво, увел бы от этой плиты в богатые кварталы.

Однако Флор, казалось, совсем не интересовали любовь и замужество. На вечеринках она танцевала то с одним, то с другим юношей, выслушивала комплименты, благосклонно улыбалась, но дальше этого не шла. Не тронули ее и страстные мольбы студента-медика, веселого уроженца штата Пара, любителя развлечься и пофрантить. Флор осталась равнодушной к его ухаживаниям, хотя дона Розилда так и загорелась: наконец-то студент, почти доктор, домогается руки ее дочери.

– Он мне не нравится… – решительно заявила Флор. – Шелудив, как пес…

Ни увещевания, ни брань разгневанной доны Розилды не смогли заставить ее переменить мнение. Мать охватила паника: неужели повторится история с Розалией, неужели Флор окажется такой же упрямой, как сестра, и сама выберет себе жениха? Дона

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Розилда привыкла считать, что у младшей дочери характер покойного Жиля, что она целиком подчинится воле матери, а Флор, видите ли, и знать не хочет этого студента, скоро кончающего университет, сына латифундиста из Пара, владельца пароходов и островов, каучуковых лесов и какаовых плантаций, диких индейцев и огромных рек. Да это же мешок, набитый золотом! Дона Розилда отправилась разузнать о нем поподробнее и, выслушав отзывы нескольких знакомых, вообразила себя владелицей необъятных просторов Амазонии, крестьян-метисов и индейцев. Наконец-то явился сказочный принц, не напрасными оказались ее ожидания и жертвы, бесполезные до сих пор. Она станет приезжать в Баию на пароходе, и хозяева великолепных домов Барры и особняков Грасы будут ухаживать за ней, льстить и заискивать.

Флор же со своим нежным округлым личиком, матовой кожей, своими красивыми ямочками на щеках делала удивленные глаза и повторяла устало и кокетливо:

– Он мне не нравится… Он противен, как сама нищета…

«Черт возьми, что она о себе думает? – сердилась дона Розилда. – Неужели эта девчонка всерьез считает, что главное в браке – любовь и красота, что такие женихи, как Педро Боржес, толпой разгуливают по Ладейра-до-Алво?»

– Дорогая моя графиня, любовь приходит, когда люди начинают жить вместе, когда у них появляются общие интересы, дети. А поначалу – лишь бы не было неприязни. Может, он тебя рассердил чем-нибудь?

– Нет, упаси боже. Он, видимо, хороший человек. Но я выйду замуж только за того, кого полюблю… А Педро очень некрасив… – Флор запоем читала романы из «Библиотеки для девушек» и мечтала о бедном белокуром юноше, отважном и красивом.

С пеной у рта дона Розилда так пронзительно заверещала, что ее голос разнесся далеко по улице:

– Некрасивый! Да какое это имеет значение? Красота мужчины, дура ты этакая, не в лице, а в характере, в общественном положении, в богатстве. Видела ты когда-нибудь, чтобы богатый человек был некрасивым?

Что до нее, уж она ни за что не променяла бы этого увальня Боржеса (впрочем, не такой уж он безобразный: высокий, крепкий, лицо, правда, немного грубое) на целую свору дерзких юнцов из Рио-Вермельо, без кола, без двора. Доктор Боржес – она заранее наградила его этим титулом – приличный молодой человек, это сразу видно по его манерам, из знаменитого семейства и очень богат. Дона Розилда выяснила, что их резиденция в Белеме – настоящий дворец, одних слуг больше дюжины. Дюжины, слышишь ты, непутевая, взбалмошная дура, сумасбродка! Там мраморные полы и лестницы! И, вытянув вперед руки, дона Розилда с пафосом повторила:

– Ты видела когда-нибудь, чтобы богатый человек был некрасивым?

На щеках Флор снова появились прелестные ямочки; замуж она не торопилась и решительно возразила матери:

– Вы, мама, говорите так, будто я продаюсь мужчинам за деньги… Он мне не нравится, вот и все!…

Борьба за Педро Боржеса между разъяренной и все более распалявшейся доной Розилдой и Флор, которая была спокойна, точно ничего не случилось, достигла своего апогея во время выпускного бала, куда их пригласил Педро.

Для такого торжественного случая дона Розилда разоделась в пух и прах: в блестящей тафте, надутая, как распустивший хвост индюк, с оборками на рукавах и испанским гребнем в пучке, она вызывала смех. Зато Флор была восхитительна в своих кружевах и ни минуты не сидела. Она не пропустила ни одной кадрили. И все же не подала никакой надежды новоиспеченному доктору.

Даже когда он накануне отъезда в далекую Амазонию пришел с визитом, взяв с собой отца, чтобы произвести большее впечатление. Отца звали Рикардо. Это был величественный старик с громоподобным голосом. Пальцы его были унизаны кольцами, и дона Розилда чуть не упала в обморок, когда увидела столько драгоценных камней. Один из них, огромный

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

черный алмаз, стоил по меньшей мере пятьдесят конторейсов!

Старик рассказывал о своих владениях, о прирученных индейцах, о каучуке, словом, всякие истории про Амазонию. Потом заявил, что рад, видя наконец своего сына врачом. Теперь ему остается только жениться на порядочной, скромной и простой девушке, деньги их не интересуют, накоплено уже достаточно; при этом старик зашевелил пальцами, и бриллианты засверкали, озарив всю гостиную. Он мечтал о невестке, которая народит ему внучат, а те заполнят веселым криком и согреют их сумрачный роскошный дом в Белеме, где старый Рикардо одиноко жил, пока Педро учился. Старик не спускал глаз с Флор, словно ожидал от нее ответа или хотя бы жеста, улыбки (если это не было сватовством, значит, дона Розилда ничего не понимала в таких вещах). Дона Розилда дрожала от волнения, наконец-то наступил долгожданный час, никогда еще она не была так близка к своей цели… Она смотрела на дуреху дочь – сейчас Флор скромно, но решительно даст согласие. Однако та лишь сказала равнодушно:

– Я не сомневаюсь, что не будет недостатка в красивых и порядочных девушках, которые согласятся выйти замуж за Педро. Мне бы только хотелось, чтобы свадьба состоялась в Баии, я бы тогда приготовила все для банкета.

Педро Боржес, нисколько не обидевшись, спрятал купленное заранее обручальное кольцо, а старый Рикардо, кашлянув, переменил тему разговора. Дона Розилда почувствовала, что ей дурно и она задыхается, сердце ее готово было вот-вот разорваться. В бешенстве она вышла из гостиной, боясь упасть в обморок. Если б сейчас эта неблагодарная дура, эта идиотка, подлая тварь умерла, она и глазом бы не моргнула. Отказать доктору – теперь уже настоящему доктору, – богатому молодому человеку, будущему владельцу острова, рек, индейцев, мраморных особняков, драгоценных колец?! Несчастная дура!

Непреодолимая стена ненависти и вражды, рокового непонимания, глухой злобы встала бы между матерью и дочерью, навсегда соединив их и навсегда отделив друг от друга, если бы вскоре после отъезда отвергнутого Педро Боржеса не появился Гуляка. Ах, по сравнению с титулами, положением и богатством Гуляки – о чем дона Розилда узнала от него самого и некоторых его друзей – Педро со всем его мрамором, дюжиной слуг, реками и обширными землями был просто нищим.

6

С коротким, вежливым поклоном Мирандон, лицо которого было на редкость обаятельным, попросил у доны Розилды разрешения и сел с ней рядом на один из стульев с соломенными сиденьями, расставленных вдоль стен зала. Вечный студент («постоянный», поправлял он, когда ему напоминали о том, что уже семь лет он учится в Агрономической школе) вытянул ноги и аккуратно расправил складку на брюках. Глядя на пары, выделывающие почти акробатические па в замысловатом аргентинском танго, он одобрительно улыбнулся: ни один танцор не мог сравниться с Гулякой, никто не танцевал так, как он. Благослови его, боже, и сохрани от дурного глаза! Мирандон был человеком суеверным, что не мешало этому светлому мулату в свои двадцать восемь лет слыть бездельником и самой популярной личностью в публичных домах и игорных заведениях Баии.

Почувствовав, что дона Розилда смотрит на него, он повернулся к ней, расплылся в еще более чарующей улыбке и, окинув ее критическим взглядом, с сожалением заключил: «Окончательно вышла в тираж, использовать невозможно». Дело было не в возрасте: уже давно Мирандон записал в свои правила обращения с женщинами параграф, гласящий, что зрелый возраст никак не может быть препятствием, иначе неизбежны самые роковые ошибки. Женщины, которым уже перевалило за пятьдесят, нередко сохраняют молодость и способны на удивительные превращения. Он это знал по собственному опыту и сейчас, взирая на руины, уцелевшие от доны Розилды, вспомнил мрачное великолепие Селии Марии Пии дос Уандерлей э Прата. Эта крошечная женщина была из самого высшего общества,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

однако обладала поистине бешеным темпераментом и не знала никаких запретов. В свои шестьдесят с лишним лет, на которые она соглашалась, она без устали наставляла рога, целые заросли рогов, своему мужу и любовникам. Имея внучек бальзаковского возраста и правнучек на выданье, она оставалась пылкой и щедрой любовницей, проявляя сострадание (и какое сострадание!) к нуждающимся молодым студентам. Мирандон, полузакрыв глаза, чтобы не видеть соседку – этот скелет, к которому страшно прикоснуться и от которого никуда не денешься, – вспомнил небывалый темперамент Селии Марии Пии дос Уандерлей э Прата и банкноты в пятьдесят и сто мильрейсов, которые она в знак благодарности, не считая, засовывала ему потихоньку в карман пиджака. Да, хорошие были времена! Мирандон, первокурсник Агрономической школы, только начинавший познавать науку и жизнь, и Мария Пия дос Уандерлей, душившаяся настоящими французскими духами.

Он снова открыл глаза и оглядел залу, услышал незабываемый аромат духов прапрабабушки, но рядом сидела отвратительная старуха, настоящая ведьма с испорченными зубами, дряблой кожей и пучком на затылке, которая продолжала изучать его своими близорукими глазами. Старое пугало, от нее исходит запах тления; Мирандон мысленно вдохнул аромат духов, все еще хранившийся в его памяти. О благородная Уандерлей, где ты сейчас, моя шестидесятилетняя красотка? Ты была совсем не такая, как эта старуха рядом, явно чуждая тому состраданию, на которое ты была так щедра.

Однако, как человек воспитанный и гордящийся своим воспитанием, вечный студент не преминул улыбнуться доне Розилде. Ну и страшилище, старая карга, высохшая жаба, даже подумать противно… И все же Мирандон оставался учтивым и внимательным к этой изнуренной матери семейства, почтенной вдове. В глубине души он был порядочным человеком, просто сбился с пути в игорных домах. К тому же сейчас у Мирандона было хорошее настроение.

– Веселая вечеринка, не правда ли? – обратился он к доне Розилде, начиная свой исторический диалог.

Во время частых пирушек с ним всякий раз бывало одно и то же. Сначала прилив бурной радости. Мирандон видел окружающее в розовом свете, жизнь казалась ему легкой и беззаботной. В такие минуты он мог все понять, всему радовался, легко завязывал дружбу даже с таким пугалом, как его соседка. Он становился очень любезным, общительным, давал волю своей необузданной фантазии. Забывал о том, что он бедный студент, «вечный студент, томимый вечной жаждой», как он сам себя называл, и казался себе подающим надежды, важным молодым человеком или же преуспевающим агрономом и завзятым сердцеедом. Он любил рассказывать всякие истории и делал это превосходно, мастерски создавая колоритные типажи и острые ситуации; Мирандон вполне мог бы стать знаменитым писателем.

Если, однако, попойка затягивалась, то к ночи весь его оптимизм и хорошее настроение улетучивались, и к концу оргии Мирандон начинал сетовать на свою судьбу, безжалостно бичевать себя и поносить, вспоминая жену – невинную жертву его падения, четырех детей, оставшихся без еды, и всю семью, которой угрожает выселение, пока он прожигает жизнь в игорных притонах и публичных домах. «Я презренный развратник, подлец». Таким был этот бесхитростный и порядочный человек, когда его мучила совесть. Впрочем, эта вторая сущность Мирандона проступала сравнительно редко, только после слишком обильных возлияний.

Но сейчас, в половине одиннадцатого, на вечеринке у майора Пержентино Пиментела, отставного офицера военной полиции штата, Мирандон был всем доволен и расположен к сердечной беседе с доной Розилдой. Он только что наелся до отвала, отведав все блюда, а некоторые даже по нескольку раз. Стол был уставлен всевозможными баиянскими яствами. Ватапа и эфо, абара и каруру, мокека из креветок и рыбы, акараже, шиншин, рис с вяленым мясом и перцем, а кроме того, горы жареных цыплят и индеек, свиные окорока и жареная рыба для невежд, которые все еще не оценили пальмового масла (ибо, как рассуждал с полным ртом Мирандон, не перевелись на этом свете презренные личности, способные на

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

любую низость). Это опасное количество еды обильно орошалось алуа, кашасой, пивом и португальским вином. Уже более десяти лет майор ежегодно устраивал этот праздник, выполняя строгий обет кандомблэ, с тех пор как божества Ориша спасли ему жену, которой угрожала смерть из-за камней в почках. Он не жалел денег, копил весь год и с радостью тратил за один вечер. Итак, Мирандон наелся до отвала – он любил поесть, но еще больше выпить – и сейчас, сытый, отяжелевший от еды и выпивки, жаждал лишь интересной беседы, способствующей пищеварению.

В зале танцевали аргентинское танго под чудесную музыку Жоанзиньо Наварро, который слыл самым известным пианистом в Баии. Тонкие знатоки музыки, как, например, судья Кокейко, включали радио только для того, чтобы послушать его песни. А разве уже на рассвете в «Табарисе» не его игра заставила всех забыть об усталости? В частные дома Наварро нелегко было заполучить: у него не оставалось времени для вечеринок. Однако майору он не мог отказать и всегда принимал его приглашение, поскольку когда-то давно майор оказывал ему немалые услуги.

Мирандон снисходительно поглядывал на танцующих, с одобрением отзывался об игре Жоанзиньо, улыбался соседке и уверял, что самые щеголеватые молодые люди здесь – он и Гуляка. Проникнуть на праздник майора Тиририки (как прозвали бравого Пержентино мальчишки Рио-Вермельо) считалось делом невероятно сложным, по этому поводу даже заключались пари. Мирандон был наверху блаженства: наконец-то им с Гулякой удалось преодолеть барьер, воздвигнутый майором, наконец-то тяжелая, запертая на ключ дубовая дверь, открывающаяся только перед приглашенными, близкими и давними друзьями дома, распахнулась перед ними. Мало того, оба были приняты с распростертыми объятиями майором и доной Ауророй, его женой, которая еще более ревниво, чем муж, следила за тем, чтобы в доме бывали лишь достойные и уважаемые люди. А на улице, в оживленной толпе зевак, неудачливые спорщики с горечью признали свое поражение, когда Гуляка и Мирандон, обменявшись короткими приветствиями с майором, под громкие восклицания доны Ауроры вошли в дом. И как только им это удалось?

Мирандон вздохнул, поглаживая свое туго набитое брюхо, и блаженно улыбнулся. Мимо скользил в танце Гуляка, держа в объятиях хорошенькую, пухленькую смуглянку – кости ведь любят только собаки, – с блестящими глазками, нежной кожей и прекрасными бедрами и грудью.

– На редкость привлекательная девушка, просто красотка. – Мирандон показал на девушку, танцевавшую с его другом.

Старое чучело насторожилось, распрямило свою сухую грудь и воинственно взвизгнуло:

– Это моя дочь!

Мирандон не смутился.

– Тогда примите мои поздравления, сеньора. Сразу видно, порядочная девушка и из хорошей семьи. Мой друг…

– Молодой человек, который с ней танцует, ваш друг?

– Друг?! Да, самый что ни на есть близкий, сеньора. Мы с ним как родные братья…

– И кто же он, позвольте узнать?

Мирандон выпрямился на стуле, вытащил из кармана надушенный платок, вытер пот с широкого лба и, расплывшись в довольной улыбке, ибо больше всего на свете любил сочинять забавные истории, сказал:

– Разрешите мне сначала представиться: доктор Жозе Родригес де Миранда, инженер-агроном, прикомандированный к канцелярии помощника инспектора полиции… – И с самым сердечным видом протянул руку.

Борясь с последним приступом подозрительности, дона Розилда окинула собеседника враждебным взглядом. Но бесхитростная физиономия и открытая улыбка Мирандона умели побеждать любую недружелюбность, любое недоверие, обезоруживали и завоевывали любого противника, даже такого злобного и ворчливого, как дона Розилда.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

7

Интермедия, посвященная Шимбо и Рите де Шимбо

Однажды к вечеру, когда жара стала совершенно невыносимой, а воздух накалился до предела, Гуляка и Мирандон сидели в баре «Аламеда» на Сан-Педро за первой в тот день рюмкой кашасы. Они обсуждали, как лучше провести праздничный вечер в Рио-Вермельо, когда в дверях показалась румяная физиономия Шимбо, именитого родственника Гуляки, недавно назначенного помощником инспектора, то есть вторым по значению лицом в полиции.

Секретарь по регистрации браков и сын влиятельного политического деятеля консервативного толка, Гимараэнс нисколько не уважал традиционный аскетизм отца, равно как и правила приличия. Этот отпрыск знатного и богатого семейства был легкомысленным шалопаем, любителем кутежей, азартных игр и дам легкого поведения, короче говоря, бесшабашным повесой. Правда, последнее время он вел себя несколько скромнее, подавляя свою неуемную натуру ввиду занимаемого поста. Но ему недолго было суждено там продержаться, ибо он предпочитал свободу солидному положению и ради нее готов был пожертвовать самым высоким доверием и самым звонким титулом.

Он уже пожертвовал постом в Бельмонте, городе, где родился и вырос и где стал главой муниципалитета с помощью отца – сенатора и крупного землевладельца – после проведения так называемых выборов. Он покинул этот завидный пост, отказавшись от почетных обязанностей и немалых выгод, так как слишком дорого приходилось за них платить. Жителям Бельмонте мало было его административных талантов, они потребовали от своего правителя еще и нравственности, а это он счел чрезмерным.

Эти крикуны подняли грандиозный скандал только, из-за того, что Шимбо, человек смелых, прогрессивных взглядов, выписал из Баии несколько веселых девиц, желая нарушить монотонную жизнь маленького провинциального городка, в том числе Риту де Шимбо, очаровательную вдохновительницу бурных ночей в «Табарисе». Своей фамилией она была обязана старой и длительной связи с Гимараэнсом, воспетой поэтами богемы в прозе и стихах. Они ссорились, ругались, расходились навсегда, а через несколько дней мирились, чтобы насладиться безмятежной идиллией и страстью. Поэтому Рита и называла себя де Шимбо, подобно тому как жена берет себе фамилию мужа. Узнав, что он стал главой муниципалитета, неограниченным властелином города, вершителем судеб беззащитного населения, она отправила ему телеграмму, в которой выразила желание разделить эту власть со своим возлюбленным. Самое высокое наслаждение в мире – это наслаждение властью, и сладострастная Рита захотела испытать его. Шимбо, чувствовавший себя в Бельмонте очень одиноким, внял горячей мольбе Риты и вызвал ее к себе.

Рита де Шимбо не могла явиться к главе муниципалитета, правителю Бельмонте, как простая смертная – ведь она была фавориткой короля, королевской наложницей. Поэтому ее сопровождала свита из трех красоток; все они были совершенно не похожи друг на друга, но каждая в своем роде великолепна. Зулейка Маррон, капризная, взбалмошная мулатка, умела так покачивать бедрами, что на улице, по которой она шла, создавались пробки; Амалия Фуэнтес, загадочная перуанка с мелодичным голосом, имела склонность к мистике, а Зизи Кульюдинья, обворожительная кокетка, была хрупкой и золотистой, как пшеничный колос. Однако это немногочисленное и прелестное общество – стыдно признаться! – не встретило в Бельмонте должного приема, больше того, стало мишенью враждебных выпадов со стороны дам и даже кавалеров. Если не считать безусых студентов, очень немногих бездельников, пьяниц и еще нескольких человек, жители городка отнеслись к красоткам с подозрением и держались от них подальше.

Риту де Шимбо видели в полночь на балконе муниципалитета; она еле держалась на ногах и выкрикивала на весь город ругательства, запас которых у нее, наверное, был

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

неистощимый. Поползли слухи, будто старый коммерсант Абраам, имевший внуков, бросился всем на потеху к ногам Зулейки, проматывая деньги наследников в кутежах с любовницей; почтовый чиновник Береко, чистый и целомудренный юноша, влюбился в Амалию Фуэнтес и, обнаружив в ней религиозную натуру, предложил руку и сердце, повергнув в отчаяние свою родню, полную предрассудков. Скандал достиг кульминации, когда Кульюдинья стала мечтой всех гимназистов, их королевой, их знаменем, их чистым идеалом. Дело дошло до того, что прелестная блондинка без всякого стыда расхаживала вечерами по Бельмонте, окруженная мальчишками, а поэт Сосиженес Коста посвящал ей сонеты. Такого позора город еще никогда не переживал!

Даже высокомерный викарий своим пронзительным голосом произнес против Шимбо горячую проповедь, обвинив его в распутстве. Он назвал этих милых девиц «самыми низкопробными столичными проститутками», «исчадием ада»… Бедняжки! С этой проповедью священник обратился к толпе прихожан, заполнивших церковь во время воскресной мессы, обвинив Шимбо в том, что он превращает тихий Бельмонте в Содом и Гоморру, разоряет домашние очаги, рушит семьи. Вообще несчастному городу не повезло, потому что во главе муниципалитета стоит развратник, «Нерон в кальсонах». Не лишенный чувства юмора Шимбо посмеялся над злопыхательством падре. Девушки расплакались. Рита де Шимбо призывала к мести, а секретарь муниципалитета Мигел Турко, экзальтированный сириец, беззаветно преданный Гимараэнсам и всем известный льстец, предложил посчитаться с викарием, послав двух отпетых бандитов отлупить его, чтобы он научился хорошим манерам.

Шимбо утер слезы Рите, поблагодарил сирийца за преданность и, дав денег двум наемным убийцам, бежавшим из Ильеуса, отпустил их. Шимбо только казался беспечным, на самом же деле был осторожным, ловким человеком, с незаурядным политическим чутьем. Он хорошо представлял себе, как реагировал бы старый сенатор, если б он, Шимбо, объявил войну церкви и избил священника, мстя за публичных девок. К тому же у падре были причины для ненависти к Шимбо. Обозвав Шимбо «Нероном в кальсонах» он намекал на ту ночь, когда уважаемый глава муниципалитета в одних трусах бежал по всему городу, поскольку викарий застал его на месте преступления, в объятиях простодушной Марикоты, усердной служанки, любимой овечки викария, которая служила ему не только за столом, но и в постели.

У Шимбо был один-единственный выход: собрать свои пожитки, оскорбленных гостей и под руку с Ритой де Шимбо уехать на ближайшем пароходе в Баию, отказавшись, таким образом, от высокого поста, почестей и отчислений с подпольной лотереи. Бельмонте осиротел, лишившись способного администратора и столичных красоток. После себя Шимбо оставил отремонтированный причал, надстроенную школу и подправленную кладбищенскую ограду, девицы же – приятное воспоминание, еще долго нарушавшее сон Бельмонте.

В Баии Шимбо получил доходное место служителя правосудия, никто за ним больше не следил и не контролировал каждый его шаг. Он вновь окунулся в ночную жизнь города, а в «Табарисе» вновь воцарилась Рита де Шимбо. Отец-сенатор время от времени отрывал его от бурных похождений и исполнения скромных обязанностей секретаря по регистрации браков, чтобы использовать в политических маневрах, суливших положение и почести, которых добивались другие, только не Шимбо. Он хотел оставаться свободным и жить, как ему заблагорассудится.

Причиной уважения Шимбо к Гуляке было не столько их далекое и, кстати сказать, весьма сомнительное родство, сколько общая любовь к рулетке и кабаре. Услышав однажды, как кто-то обозвал Гуляку нищим и тунеядцем, он тут же устроил его в префектуру на должность инспектора садов. «Человек, носящий фамилию Гимараэнс, должен занимать положение в обществе».

– Среди Гимараэнсов никогда не было тунеядцев…

В этом противоречии и заключалось обаяние Шимбо: с одной стороны, он презирал условности и законы, с другой – обладал глубокими родственными чувствами и ревностно

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

заботился о могущественном клане Гимараэнсов.

Итак, однажды на Сан-Педро Шимбо встретил Гуляку и Мирандона, когда направлялся в управление полиции. Утомленный жизнью, Шимбо был одет так, как одеваются на похороны и на свадьбу: воротничок с загнутыми уголками, манишка, жилет, гамаши, палка с золотым набалдашником. Облаченный в темный вечерний костюм в этот знойный февральский день, Шимбо больше всего на свете жаждал хорошо охлажденного пива…

– Только полярная буря может спасти нас! – воскликнул Гуляка, обнимая своего родственника и покровителя.

Шимбо проклинал судьбу, не скупясь на выражения:

– Вот ведь сволочная жизнь и служба дерьмовая – таскайся за губернатором на все церемонии, на эти вонючие сборища… Вы не видели его в форме португальского комендадора? Сегодня вечером явится на медицинский факультет по случаю торжественного открытия национального конгресса акушеров. Черт бы побрал все эти речи, тезисы, дебаты и заключения о родах и абортах!

Шимбо залпом выпил пиво в надежде умерить жажду и злость на отца, у которого просто мания использовать его для своих политических махинаций.

К тому же по иронии судьбы конгресс открывается как раз в тот вечер, когда майор Пержентино Тиририка из Рио-Вермельо, о котором они наверняка слышали, устраивает праздник. Он, Шимбо, как-то оказал услугу майору, освободив по его просьбе одного дебошира, и вот теперь майор во что бы то ни стало хочет его отблагодарить. Говорят, балы у Тиририки потрясающие: весело, еды и выпивки вволю. И его, Шимбо, ждут как почетного гостя, подумать только!

– А вместо этого я должен слушать научные споры о родах… Отец все старается поручить мне какое-нибудь выгодное дело…

И почему сенатору не оставить его в покое, если перед этим старым сатрапом трепещет сам губернатор? Глаза Гуляки заблестели, Мирандон улыбнулся. Шимбо открыл перед ними врата славы и двери дома майора Пержентино.

8

Вечером перед домом майора оба бездельника держали пари со своими приятелями, такими же бездельниками, что проникнут на бал и будут приняты хозяевами как самые желанные гости. Они действительно проникли туда и были встречены с распростертыми объятиями, поскольку Гуляка представился майору и доне Ауроре как племянник помощника инспектора, заявив, что тот не смог при ехать; Мирандон же, по его словам, занимал несуществующий пост личного секретаря Шимбо.

– Доктор Айртон Гимараэнс, мой дядя, был вынужден сопровождать губернатора на конгресс акушеров. Но так как он ни в коем случае не хотел пренебречь вашим приглашением, то попросил присутствовать меня и своего секретаря доктора Миранду. Разрешите представиться – доктор Валдомиро Гимараэнс…

Майор признался, что тронут любезностью инспектора, который послал свои извинения с племянником, выразил сожаление, что тот не приедет на бал, поскольку собирался поднять тост за его здоровье, и заверил, что они с женой рады видеть в своем доме друзей инспектора. Он уже протянул руку Гуляке, когда Мирандон, вдохновленный вежливостью хозяина, решил пойти еще дальше:

– Простите, майор, что я вмешиваюсь. Собственно, высокой чести представлять помощника инспектора удостоен я, доктор Жозе Родригес де Миранда, доцент Агрономического института, прикомандированный к доктору Айртону… Мой же друг Валдомиро, хотя он и племянник инспектора, представляет не его, а сеньора губернатора…

– Губернатора? – воскликнул майор, остолбенев.

– Да, это верно, – поддержал Гуляка приятеля, – когда губернатор услышал, что помощник инспектора просит своего секретаря и своего племянника представлять его на

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

вашем празднестве, он попросил меня, поскольку я служу в канцелярии его превосходительства, обнять «его лучшего друга Пержентино и передать привет его достойной супруге».

Майор и дона Аурора, которых так и распирало тщеславие, введи столь почетных гостей в дом, представили их собравшимся, велели наполнить их бокалы вином и подать самые лучшие блюда. Дружки Гуляки и Мирандона отказывались верить своим глазам. Что придумали эти два нахала? Почему их так принимают? Еще ни разу никому из их круга не удалось переступить порог майора, который приглашал только избранных друзей. Для майора это было вопросом чести. Он не раз похвалялся, клянясь своими галунами: «Ни один пройдоха не попадет на мой праздник, разве только через мой труп!» И в самом деле, даже ловкачи, проникавшие, несмотря на полицейскую охрану, и на приемы в правительственный дворец и к доктору Клементе Мариани, каждый год терпели поражение у майора, а ведь по сравнению с этими приемами праздник в доме майора был обычной вечеринкой. И все же никому из них не удалось переступить порог этой бдительно охраняемой крепости.

Правда, Эдио Гантоису, студенту-проныре, и Льву Серебряному Языку, о котором мы уже упоминали, тоже хитрецу под стать Эдио, однажды удалось переступить порог майора и продержаться около получаса; однако по прошествии этого времени они были изгнаны пинками и оплеухами, причем мускулистый Эдио пытался драться с гостями, а верзила Лев вступил в единоборство с майором. У Эдио была старая плачущая пила, у Льва – русского по происхождению – смешное имя. Оба были любителями приключений, и, завернув в бумагу пилу и выпив для смелости несколько рюмок кашасы, они явились в дом майора, представившись как русский музыкант и его импресарио.

Майор Тиририка со своим тонким чутьем на всякого рода проходимцев сразу же понял, что дело нечисто. Едва он бросил взгляд на Льва и Эдио, как внутренний голос шепнул ему, что надо быть настороже. Но гости, услышав о прибытии «русского с волшебной пилой», пришли в восторг. Обуреваемый сомнениями, майор молча открыл дверь и разрешил мошенникам войти, однако не спускал с них глаз. Самозванцы поставили пилу за вешалку, майор же заметил, с какой поспешностью они направились в столовую. Переглянувшись с доной Ауророй, которой вся эта история тоже показалась подозрительной, майор при полной поддержке нетерпеливых гостей потребовал, чтобы концерт начался немедленно. Угощение будет потом. Как ни пытался Эдио выкрутиться и оттянуть неминуемый провал, ему не удалось найти выход из создавшегося положения, получив необходимую отсрочку.

К тому же, почувствовав прилив какого-то странного вдохновения, Лев вошел в роль русского музыканта: он не заставил себя долго просить и взялся за пилу под бурные аплодисменты и крики присутствующих. Его аристократический вид – согнутое над пилой худое, длинное тело, растрепанная шевелюра, устремленные вдаль глаза, ни дать ни взять настоящий маэстро – на какую-то минуту поколебал даже майора и дону Аурору. Но едва он коснулся кофейной ложечкой пилы, как всем без исключения стало ясно, что их разыгрывают, – об этом потом рассказывал сам Эдио. Тем не менее Лев, все более и более распаляясь, изображал из себя артиста и упорно ударял ложкой по пиле. Однако хозяин дома, его жена и гости не оценили должным образом его рвения и мастерства.

Майор и несколько его друзей, не выносившие подобных неостроумных шуток, решили проучить нахалов. Их путь до дверей был долгим и поистине легендарным. Эдио и Лев сохранят его в своей памяти навечно. Они шли под градом пинков и оплеух, спотыкаясь и падая. Дона Аурора рвалась выцарапать им глаза, но майор вышвырнул их на улицу прямо в притихшую толпу, а вслед им полетела пила, которая, упав на мостовую, жалобно задребезжала и смолкла.

С Гулякой и Мирандоном ничего подобного не случилось: ни у майора, ни у доны Ауроры не возникло и тени подозрения. Приятели поели и выпили на славу – их угощали самым лучшим, что было на столе. Теперь Гуляка кружился в вальсе, а Мирандон размышлял, не следует ли ему от имени Шимбо поднять тост за майора и дону Аурору. С рассеянной улыбкой отвечал он на вопросы доны Розилды об этом молодом человеке,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

кавалере ее дочери. Желая произвести впечатление, Мирандон на вопрос ответил вопросом:

– Разве майор вам его не представил?

– Нет, я была в зале и не видела, когда он вошел.

– Тогда, уважаемая сеньора, разрешите сообщить вам, что это доктор Валдомиро Гимараэнс, племянник доктора Айртона Гимараэмса, помощника полицейского инспектора, внук сенатора…

– Не хотите ли вы сказать, что он внук того самого сенатора Гимараэнса, о котором столько говорят?…

– Именно, уважаемая сеньора. Племянник всемогущего влиятельнейшего политика, моего крестного отца…

– Он вас крестил?

– Разумеется. Это дед Гуляки.

– Гуляки?

– Это его прозвище с детских лет. Он любимый внук сенатора.

– Он что, студент?

– Разве я вам не сказал? У него уже диплом. Закончил университет, адвокат. Сотрудник канцелярии губернатора крупный муниципальный чиновник, инспектор…

– Налоговый? – Эти сведения превосходили самые дерзкие мечты доны Розилды.

– Нет, наблюдает за игорными домами, моя дражайшая сеньора. – И приглушенным голосом Мирандон добавил: – А это приносит самый большой доход, целое состояние ежемесячно, не говоря уже о подношениях… В данное время он, помимо всего прочего, прикомандирован к канцелярии губернатора…

Охваченный порывом великодушия, Мирандон поинтересовался.

– У вас, сеньора, нет бедного родственника, который хотел бы поступить на службу? Если есть, вам достаточно назвать имя… – И с гордостью продолжал: – Сейчас он танцует, не правда ли? Но не удивляйтесь, если на будущих выборах он станет депутатом…

– Но он еще совсем молодой…

– Ну и что, сеньора?… Он родился в сорочке, удача ему сопутствует с детства, путь его усыпан розами. – В эту ночь Мирандон чувствовал себя поэтом и мог бы растрогать до слез самое дону Аурору, эту тигрицу из Рио-Вермельо.

Дона Розилда сощурила близорукие глаза, словно ослепленная желтым пламенем тщеславия. Свое танго Жоанзиньо Наварро кончил причудливыми аккордами. Гуляка и Флор улыбались друг другу и дона Розилда вздрогнула: никогда еще она не видела дочь такой, а уж она-то знала свою Флор. «Неужели, – спрашивала она себя, – парень тоже попался?» Гуляка казался таким простодушным и бесхитростным. Дона Розилда почувствовала волнение. О святой чудотворец, неужели это он, богатый и знатный зять, ниспосланный ей небесами? Богаче и знатнее Педро Боржеса с его необозримыми землями и толпами слуг, внук сенатора, близкий к правительству, да и сам все равно что правительство. «О пресвятая богородица из Капистолы, помоги мне! Яви свою милость, господь, соверши чудо, и я босая пойду в процессии омовения с цветами и кувшином чистой воды».

Когда в зале появился майор, дона Розилда поблагодарила собеседника и, подойдя к хозяину дома, показала пальцем на стоявших в углу Гуляку и Флор, дону Литу и Порто. А Мирандон, проследив за действиями старого пугала, отправился выпить пива.

– Майор, представьте мне, пожалуйста, этого молодого человека… – попросила дона Розилда.

– Разве вы с ним не знакомы? Это же родственник доктора Айртона Гимараэнса, помощника полицейского инспектора, самого близкого моего друга… – И с самодовольной улыбкой майор добавил: – Для близких друзей он Шимбо… Он сам мне сказал: «Пержентино, зови меня просто Шимбо, мы ведь друзья!» На редкость приятный и очень порядочный человек… Он оказал мне большую услугу… – Майор говорил громко, явно хвастаясь своей дружбой с инспектором.

Дона Розилда пожала руку молодому человеку, и Флор представила их друг другу:

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Моя мать, доктор Валдомиро…

– Для друзей – Гуляка.

– Доктор Валдомиро пользуется покровительством нашего выдающегося губернатора. Он работает в его канцелярии…

– Губернатор очень ценит вас, майор. Только сегодня он говорил мне: «Обними Пержентино, самого сердечного моего друга…»

Майор таял от удовольствия.

– Спасибо, доктор…

Порто, который явно робел перед такой важной персоной, заметил:

– Очень ответственный, но и высокий пост…

– Ну что вы… К тому же я еще не знаю, останусь ли я в канцелярии, – скромно отозвался Гуляка.

– А почему? – поинтересовалась дона Лита.

– Мой дед, – доверительно сообщил Гуляка, – сенатор…

– Сенатор Гимараэнс… – тихо вставила дона Розилда.

Гуляка улыбнулся ей с самым простодушным видом, а потом печально посмотрел на Флор, свою очаровательную партнершу.

– Дед хочет, чтобы я переехал в Рио, предлагает мне там место…

– И вы согласитесь? – Блестящие глазки Флор затуманились.

– Ничто меня не привязывает к нашим местам… Вернее, никто… Я так одинок…

Флор подавила вздох.

– Я тоже…

Из столовой позвали майора; он не знал ни минуты покоя и все время занимал, гостей, ибо был поистине гостеприимным хозяином. Вскоре оттуда донеслись аплодисменты и чей-то голос потребовал тишины – доктор Мирандон собирался чествовать майора и его супругу. Выстрелила пробка, взлетев к потолку из бутылки с шампанским.

Гуляка и Флор тоже пошли послушать здравицу… «Речью Мирандона, – сказал Гуляка, – нельзя пренебрегать». Дона Розилда, не в силах сдержать свою радость, заявила, глядя вслед удаляющимся под руку молодым людям:

– Чем не пара? Разве не созданы они друг для друга? Если будет на то воля божья…

– Что ты говоришь?! Одумайся! Ведь они только познакомились, а ты уже мечтаешь о свадьбе! – Лита покачала головой: сестра совсем спятила в погоне за богатым женихом для дочери.

Дона Розилда выпятила свою высохшую грудь и бросила высокомерный взгляд на недоверчивую Литу, а затем направилась в столовую, откуда доносился чей-то бархатистый, смягченный пивом голос, произносивший тост. Удачное начало было встречено аплодисментами, а Мирандон отважно продолжал:

– На нетленных страницах истории, дамы и господа, сверкающими золотыми буквами будет запечатлено славное имя майора Пержентино, человека экстраординарных заслуг, – оратор слегка запнулся на этом длинном слове, – а также имя его благороднейшей супруги, украшающей наше общество, – доны Ауроры, ангела воплоти… Да, дорогие дамы и господа, ангела чистого и невинного, преданной супруги, добродетельной, как бронзовая дева…

Пройдоха Мирандон стоял среди гостей с бокалом шампанского в поднятой руке и пленял всех, в том числе и хозяев дома, своим красноречием. Майор блаженно улыбался; его преданная супруга, «добродетельная, как бронзовая дева», смиренно потупилась: еще никогда праздники в ее доме не бывали такими торжественными.

– …дона Аурора, это неземное существо, поистине святая, божье создание…

Глаза божьего создания наполнились слезами.

9

Роман Флор с Гулякой кончился тем, что они поженились, но, как выяснится

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

впоследствии, без помолвки, а значит, нарушив общепринятый порядок и обычаи, которые свято соблюдаются во всех уважаемых семьях. Роман этот как бы пережил два этапа, резко отличных друг от друга. Первый – спокойный и лучезарный – можно было бы назвать голубым или розовым, он характеризовался ясностью, всеобщим согласием, какой-то праздничностью. Второй этап – тревожный, с преследованиями и встречами украдкой – характеризовался ненавистью и враждой, перешедшей в открытую войну. Сначала дона Розилда превзошла самое себя; проявив редкую любезность и понимание, она во всем потакала молодым. А потом ее словно подменили, она преисполнилась отвращением и мстительной злобой; наблюдать это, возможно, было и любопытно, но не очень приятно. Теперь она пошла бы на все, только бы не допустить брака дочери с этим негодяем – «подонком, язвой, чумой». Эти мерзкие определения относилась к Гуляке, которого еще совсем недавно она считала лучшим юношей в Баии, самым выгодным женихом, самым красивым, самым великодушным, самым чистым и мужественным.

После того как Мирандон на празднике у майора ввел дону Розилду в приятное заблуждение своим путаным рассказом, который совершенно неожиданно подтвердился, она чувствовала себя счастливой около двух месяцев. За эти незабываемые дни она обошла всю Ладейра-до-Алво и все соседние с ней улочки, не преминув посетить и негритянку Жувентину, изображавшую из себя знатную сеньору, и доктора Карлоса Пассоса, имевшего обширную клиентуру. Дона Розилда не считала нужным умалчивать о своем влиянии в обществе, своей близости к правительству, а также самым высшим кругам, к которым и принадлежал Гуляка, ухаживающий за ее дочерью. Но особенно она гордилась его элегантностью, его обаянием, его красноречием и осанкой. Гуляка был для нее божеством, кумиром, и дона Розилда из кожи лезла вон, чтобы понравиться парню, покорить его и привязать к себе.

Одно курьезное недоразумение лишь способствовало ослеплению доны Розилды. Среди школьных подруг Флор была девушка по имени Селия, из бедной семьи, некрасивая и к тому же хромая. С большим трудом ей удалось закончить педагогическое училище и получить диплом учительницы с правом преподавать в государственной начальной школе. Несколько месяцев она добивалась этого места, но не смогла даже попасть на прием к директору департамента просвещения. Дона Розилда сочувствовала ей и, чем могла, старалась помочь. Возможно, потому, что в сравнении с этой несчастной девушкой она и Флор казались богачками, она внимательно выслушивала жалобы Селии на тяжелую жизнь, на всемогущее начальство, разные сплетни про чиновников и подробности интимной жизни этих «вампиров». Ощерив свои почерневшие, гнилые зубы, Селия шипела, будто назначение получают лишь те, кто соглашается провести вечёрок в доме свиданий. Порядочные же девушки обречены протирать кожаные кресла в приемной. И Селия столько там насиделась, что стала своего рода хранилищем злых сплетен о чиновниках, заведующих отделами, не говоря уже о директоре департамента просвещения – мифическом персонаже, о котором, впрочем, неудачливая просительница знала все: каковы его привычки, велико ли состояние, привязан ли он к жене и детям, кто его любовница. Ничто от нее не ускользнуло, хотя еще ни разу ей не удалось попасть к нему на прием.

И вот однажды вечером, в самом начале романа Флор и Гуляки, Селия, охваченная отчаянием, поскольку срок назначения преподавательниц на вакантные места вскоре истекал, была представлена Гуляке. Дона Розилда хотела, чтобы девушку приняли на службу, но еще больше она хотела утвердить в глазах соседей могущество и авторитет ее будущего зятя, который распоряжался всеми вакансиями и заправлял в администрации штата. И вот этим-то могуществом, этим-то влиянием она, дона Розилда, будет пользоваться по своему усмотрению.

И если, опутанная сетями лжи, вдова заблуждалась относительно положения обманщика, который ухаживал за ее дочерью, то, расхваливая знакомым его легкий характер и доброе сердце, она не ошиблась: всякое страдание для Гуляки было несправедливым и противоестественным. Вот почему, едва дона Розилда рассказала ему историю Селии,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

сгустив краски и преувеличив ее увечье («даже если б она захотела, все равно не могла бы принять приглашение этих развратников из департамента»), а потом описала бедность девушки, ее пятерых братьев, мать, больную ревматизмом, и отца – ночного сторожа, Гуляка проникся сочувствием и взялся помочь делу. Он решил поговорить со своими знакомыми – партнерами по карточной игре, которые пользовались известным влиянием, а доне Розилде и Флор поклялся на другое же утро явиться на прием к губернатору и потребовать, чтобы директор департамента просвещения немедленно предоставил место Селии. Селия же должна днем пойти к директору – к этому времени ее назначение будет оформлено.

– Можете на меня рассчитывать…

– Можешь на него рассчитывать… – повторила дона Розилда.

Флор только улыбнулась: для нее высокие связи Гуляки не имели значения, она бы даже предпочла, чтобы он не был столь влиятельным, зато менее занятым. Им не всегда удавалось видеться. Порой Гуляка не приходил поболтать с ней у крыльца, а когда наконец появлялся, то выглядел утомленным от бессонных ночей, проведенных за работой.

Гуляка осведомился о фамилии девушки и прочих обычных в таких случаях данных. В какой уже раз без всякой надежды написала Селия на клочке бумаги эти сведения. За нее уже и просили и хлопотали, но пока это не дало никакого результата. Чего же ради этот развязный, плутоватый тип взялся устраивать ее судьбу? Сам падре Барбоза давал ей свою визитную карточку, чтобы произвести впечатление на директора. И если уж это не помогло, чем ей поможет возлюбленный Флор? Кто он, собственно, такой? Забулдыга и только, это сразу видно по его помятому лицу. От бесконечного хождения по холодным кабинетам департамента Селия прониклась неверием и горечью. Чужое счастье не трогало ее, даже если были счастливы люди, которые сочувствовали ей и стремились помочь. Сердце девушки очерствело. И когда она записывала имена отца и матери, год рождения и номер диплома, она нисколько не сомневалась, что зря теряет время, что все равно этот негодяй ничего для нее не сделает. Ей уже надоели эти надменные ничтожества и их пустые обещания. Но что делать? Дона Розилда словно спятила, до небес превознося этого фанфарона, – доктор Валдомиро может то, доктор Валдомиро может это, так что ей оставалось, если иной раз приходится напрашиваться на обед к этой взбалмошной старухе? Что же до хвастуна Валдомиро, то достаточно взглянуть на него, и сразу станет ясно, что он обманет Флор, а потом смоется, даже не попрощавшись.

Селия была несправедлива к Гуляке. Чтобы помочь ей, он обошел в тот вечер все игорные дома, но ему не повезло вдвойне: он проиграл все до последнего гроша и не встретил ни одного влиятельного друга, которому мог бы рассказать о несчастной Селии и у которого мог бы попросить покровительства. Ни Джованни Гимараэнс, ни Мирабо Сампайо, ни его тезка Валдомиро Лине так и не появились, будто провалились сквозь землю, оставив на произвол судьбы рулетку, баккара, ронду и двадцать одно. Гуляка бродил до позднего вечера, и самой значительной фигурой из тех, кого он повстречал, был Мирандон. С ним он и отправился поужинать великолепным сарапателом к Андрезе – дочери Ошума и крестной студента-агронома.

– Не девка, а настоящая кайпора… – заключил Гуляка, рассказав историю Селии, пока они шли к негритянке Андрезе. – Кривоногая, высохшая и к тому же еще невезучая…

Мирандон посоветовал Гуляке не огорчаться: есть люди, которым всегда не везет, и, как ни бейся, им ничем не поможешь. Сейчас расстраиваться тем более не стоит – может пропасть аппетит, а сарапател Андрезы известен всей Баии, его хвалит даже доктор Годофредо Фильо, а он понимает толк в еде. Делом же можно заняться и завтра. В конце концов, эта неудачница столько ждала, что из-за одного дня проволочки не станет кончать самоубийством. Что же касается сарапатела крестной, то разве не воспел его в стихах маэстро Годофредо?

Каково же было их изумление, когда за столом негритянки они встретили самого Годофредо. Вкушая яства Андрезы, он не скупился на похвалы и кушаньям и поварихе – этой «красотке, королевской пальме, утреннему бризу, статуе на носу корабля». Андреза,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

гордо и величественно улыбаясь, толкла перец для соуса.

– Ба, кого я вяжу! – приветствовал поэта Мирандон. – Мой бессмертный учитель, преклоняю колена перед вашей гениальностью.

– Колена следует преклонить перед этим несравненным сарапателом, – рассмеялся поэт, пожимая руки приятелям.

Они уселись за стол, и Андреза сразу заметила озабоченное лицо Гуляки. Обычно этот шутник и задира был таким веселым. Что же с ним сталось, отчего он помрачнел, чем опечален?

– Расскажи, в чем дело, Гуляка, облегчи душу, забудь об огорчениях. – Андреза в желтом платье, в браслетах и ожерельях очень напоминала прелестную и кокетливую негритянскую богиню. – Расскажи, мой белый, не печалься, твоя негритянка тут, она готова выслушать тебя и утешить.

Скатерть, постланная на столе, пахла пачулями, а пол был усыпан ароматными листьями питанги. Угощаясь сарапателом и неразбавленной кашасой, Гуляка подробно рассказал о злоключениях несчастной Селии. Негритянка растрогалась и, положив руку на вздымающуюся грудь, искренне пожалела девушку, которая, наверное, очень страдает из-за своей хромоты и от голода. Бедняжка так хочет работать, а устроиться не может. Неужели Годофредо, который так часто печатается в газетах, да к тому же и крупный чиновник, не замолвит за нее словечка и ничего для нее не сделает? Губы Андрезы задрожали, Гуляка прав – разве станешь веселиться, когда твой ближний страдает и жизнь так тяжела? И зачем ей только рассказали эту печальную историю? Теперь она не улыбнется, пока не узнает, что девушка получила место. Поэт Годофредо обещал похлопотать – как знать, может быть, ему что-нибудь и удастся сделать для Селии. Завтра… Вернее, сегодня во второй половине дня, потому что уже начинает светать, Годофредо постарается выяснить, чем можно ей помочь… Он не сказал, что директор департамента просвещения – его близкий родственник и задушевный друг и что его просьба обязательно будет удовлетворена. Поэт вообще не любил хвастать и даже свои поэмы публиковал лишь изредка. Просто он хотел, чтобы Андреза снова улыбнулась: ведь без ее улыбки ночь грустна, а мир пуст и холоден.

Итак, когда на следующий день Селия без всякой надежды на успех проковыляла вверх по лестнице и вошла в приемную кабинета директора, ее поразила приветливость секретаря его превосходительства, который прежде держался с нею сухо и надменно.

– Я ожидал вас, дона Селия. Примите мои поздравления, ваше назначение уже подписано…

– Да что вы? – удивилась Селия. – Неужели?!

Секретарь с заискивающим видом доверительно объяснил ей:

– Вот именно… Директор подписал его, едва прибыл… Наверняка по распоряжению лица, занимающего очень высокий пост… Это была одна из последних вакансий, остальные уже все заняты… Хотите совет? Немедленно отправляйтесь к директору школы и представьтесь ему.

Селия так и поступила, после чего, собрав всю свою семью, отправилась в домик на Ладейра-до-Алво поблагодарить хозяйку. Она передала слова секретаря насчет лица, занимающего высокий пост, и дона Розилда повторила их, наслаждаясь каждым звуком, словно ощущала во рту сладкий вкус власти. От удовольствия дону Розилду пробрала дрожь: откровенно говоря, она не ожидала столь быстрого и столь эффектного решения вопроса. Так быстро исполняются только распоряжения губернатора. Да, губернатора, ни больше ни меньше, а значит, Гуляка пользуется влиянием в правительстве.

О назначении Селии узнал весь квартал, и, когда Гуляка пришел вечером в надежде побыть наедине с Флор, его горячо приветствовали соседи, устроившие в его честь чуть ли не манифестацию. Он очень удивился всем этим благодарностям, объятиям, похвалам и восторженным крикам доны Розилды, визгливо превозносившей его заслуги. После бессонной ночи Гуляка весь день проспал и начисто забыл о невзгодах учительницы.

– О, – воскликнул он, – какие пустяки, тут и благодарить не за что!

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Поэт выполнил свое обещание, которое он дал скорее Андрезе, чем ему, Гуляке. Но как сказать правду, как рассеять заблуждение? Разве дона Розилда и ее соседи, разве горемыка-учительница и её истощенные, мрачные и неопрятные родственники, пришедшие выразить ему свою признательность, поймут запутанные пути, по которым следуют мир и люди? Разве поверят они, что Селия обязана своим назначением не ему, а негритянке Андрезе, поварихе, намного беднее ее, но всегда веселой в своей деревянной лачуге, стоящей на морском побережье Агуа-дос-Менинос, где завтракают матросы и грузчики?

Об этой истории быстро узнали в городе, и на Гуляку со всех сторон посыпались просьбы: менее чем за неделю их поступило восемь. Кандидаты на самые различные места – от трамвайного вагоновожатого до финансового инспектора – заискивали перед доной Розилдой и являлись прежде всего на Ладейра-до-Алво. Просили даже о месте ризничего в церкви Консейсан да Прайа, которое якобы должно было скоро освободиться, хотя наверняка этого никто не знал. Будь Гуляка одновременно губернатором и архиепископом, и то вряд ли ему удалось справиться со всеми этими просьбами.

10

Дона Розилда наслаждалась своим могуществом и ни с чем не сравнимым вкусом славы, а Гуляка – прикосновением к упругой груди Флор на темной лестнице и ее робкими и в то же время жадными поцелуями. Он открывал перед ней мир запретных наслаждений, о котором она едва догадывалась, каждый день понемногу завоевывая ее тело, побеждая ее стыдливость, ее опасения. Флор сгорала от страсти и желания, но старалась не терять головы. Однако чувствовала, что уже близка к этому, что не в силах больше сопротивляться, постепенно подчиняясь отчаянному парню, который завладел ею, готовой сгореть в этом адском огне.

Дерзкий Гуляка! Он не объяснялся в любви, не говорил о своих чувствах и не просил разрешения ухаживать. Вместо возвышенных речей и громких фраз Флор выслушивала двусмысленные намеки. Через несколько дней после их знакомства на празднике у

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Пержентино они, возвращаясь от тети Литы, поднимались по Ладейра-до Алво. Гуляка, который шел вслед за девушкой, прочитал вывеску на их доме и склонился к уху Флор так, словно собирался сделать самый невинный комплимент.

– Кулинарная школа «Вкус и искусство»… «Вкус и искусство»… – повторил он, понизив голос, и его усики защекотали щеку девушки. – До чего же мне хочется тебя попробовать… – Эта двусмысленная и плоская острота откровенно говорила о намерениях Гуляки.

Никто еще и никогда не шептал Флор подобных вещей, и она не представляла себе, что можно ухаживать подобным образом. Почему же она сразу не прогнала Гуляку прочь?

Флор не относилась к числу тех девиц, которые часами просиживают у окна или бесстыдно кокетничают в парадных и подворотнях. Даже самые смелые ее поклонники отваживались лишь на робкий поцелуй. Педро Боржес едва коснулся губами ее щеки. Флор не допускала вольностей. Если мужчина протягивал руку, чтобы обнять ее, Флор вспыхивала от негодования и прогоняла наглеца, словно хотела сберечь себя для того, кого действительно полюбит. А вот избраннику она ни в чем не откажет, и таким избранником оказался

Гуляка. Поэтому девушка и не прогнала его, как прогоняла других: вежливо, без скандала, но решительно и непреклонно.

Флор не отвергла его и после второй встречи, хотя они накануне привели вместе лишь несколько часов. Это произошло в воскресенье, на другой день после бала в доме майора Тиририки. Флор с подругами отправилась посмотреть карнавальное шествие, а Гуляка подошел и встал сзади. Усмехаясь, подружки отошли в сторону, считая, что сейчас состоится признание (робкое или пылкое, в зависимости от темперамента поклонника, самые застенчивые предпочитали признаваться в письмах, прибегая, если требовалось, к советам из книги «В помощь влюбленным»). Девушки принялись обсуждать поведение парня: он ни на минуту не оставлял Флор и был на карнавале ее постоянным кавалером. Конечно, он сделает ей признание, а это было очень важным моментом: девушке полагалось либо сразу дать согласие, либо попросить дать отсрочки хотя бы на сутки, чтобы подумать. Флор объявила подругам, что заставит Гуляку помучиться несколько дней, но те усомнились, хватит ли у нее на это мужества.

Однако Гуляка и не думал делать никакого признания, оживленный разговор вертелся вокруг самых различных тем. Гуляка был на редкость легкомысленным. И вот, когда две карнавальные группы, соперничавшие между собой, встретились возле церкви св. Анны, Гуляка, воспользовавшись давкой, прижал к себе Флор и, обхватив руками ее грудь, жадно поцеловал в затылок. Флор лишь вздрогнула, прикрыв глаза и предоставив ему полную свободу действий, замерев от страха и наслаждения.

Эти первые встречи, хотя между влюбленными и не произошло никакого объяснения, были поистине незабываемы. Каждое лето во время местных праздников Флор гостила у тети Литы и дяди Порто, которых очень любила. В феврале кулинарная школа обычно была закрыта.

И на этот раз второго февраля Флор отправилась полюбоваться на процессию в честь Йеманжи. По волнам неслись парусники с цветами и подарками для повелительницы вод и бурь, от которой зависела удача в рыбной ловле и жизнь моряка. Флор подарила Йеманже гребень, флакон духов, дешевый перстень. Живет Йеманжа в Рио-Вермельо, в молельне, что возвышается над океаном.

Вместе с другими девушками из этого квартала Флор веселилась, принимая участие во всех праздничных развлечениях: утром – морское купание, после обеда – прогулки к маяку Барры и в Армаралину (иногда даже в Питубу), потом оживленные и утомительные репетиции карнавальной процессии, пикники в Итапойе у доктора Натала, друга дяди Порто, или же на озере Абаэтэ, где пели под гитару и устраивали бои конфетти. Вечером прогуливались по Ларго-де-Сант-Ана или на Мариките, среди пестрых киосков, если не было танцев у кого-нибудь из знакомых, а иногда и без приглашения вторгались в дом, пугая

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

хозяев, и захватывали гостиную.

Дом Порто, увитый цветущими растениями, стоял на Ладейра-де-Папагайо, и по воскресеньям дядя неизменно отправлялся на прогулку с другим любителем живописи – Жозе де Домэ, уроженцем штата Сержипе и очень застенчивым человеком. Они писали дома и пейзажи. Лет пять назад, когда Розалия и Антонио Мораис уехали в Рио, Флор, которой было одиноко и грустно, почувствовала смутное влечение к этому крепкому и сухощавому кабокло, выглядевшему гораздо моложе своих сорока шести лет. Поборов природную робость, Жозе предложил Флор написать ее портрет; фон портрета был ярко-желтых и оранжевых тонов, отчего матовое лицо Флор совершенно преобразилось. «Идиотская затея! Впрочем, что взять с этого полоумного», – заявила дона Розилда при виде ослепительных красок. В изобразительном искусстве она признавала только хромогравюры из календарей. Однако Жозе де Домэ так и не удалось закончить портрет. Флор пора было возвращаться на Ладейра-до-Алво, и, хотя она обещала позировать по воскресеньям, так ни разу и не приехала: она тоже не могла оценить живопись сержипца. Гораздо больше ей нравились его улыбки и его одиночество, но чувство это не стало влюбленностью, ибо не назовешь же влюбленностью долгое молчание и мимолетные взгляды, пока Флор позировала. Скорее это было увлечение, которое длилось несколько летних дней и оказалось неспособным победить робость художника. В следующий свой приезд в Рио-Вермельо Флор встретилась с другом дяди очень сердечно, однако очарование прошедшего лета не вернулось, словно между ними и не было ничего. Неоконченный же портрет Флор и поныне висит в ателье художника на четвертом этаже старого дома на Ларго-де-Сант-Ана; но, если вы хотите на него взглянуть, наберитесь мужества, чтобы подняться по ветхим ступенькам.

С Гулякой все было иначе… Он увлек ее, подобно неудержимой лавине, подчинил своей воле и решил ее судьбу. К концу праздника в Рио-Вермельо, этих так быстро промелькнувших прекрасных дней, Флор поняла, что не сможет жить без Гуляки, остроумного, веселого и шального. Она подчинялась ему во всем: на вечеринках не танцевала ни с кем другим, подолгу бродила, держа его за руку, между праздничных балаганов на Ларго, а поздним вечером шла на берег моря – Гуляка был уверен, что там удобнее целоваться, – и с трепетом ощущала его ласковые ладони на своих бедрах. Думала ли дона Розилда, что ее дочь окажется столь снисходительной? Да и она сама закрывала глаза на эти смелые ухаживания, так что даже тетя Лита, которую никак нельзя было обвинить в ханжестве, выразила ей свое удивление:

– Ты не находишь, Розилда, что Флор слишком много позволяет этому юноше? Они всюду бывают вместе, словно уже обручены, невозможно поверить, что они познакомились всего несколько дней назад…

На что дона Розилда возмущенно возразила:

– Не понимаю, почему это ты со своим муженьком взъелась на парня… Он богат, занимает высокое положение, вот про него и сочиняют всякие сплетни. Но вы-то чего суетесь? Наслушались этого прощелыгу, что изображает из себя художника? А сами только и мечтаете женить его на Флор. Но не надейтесь, за этого рохлю я свою дочь не отдам. И что Гуляка вам сделал? Не вижу ничего дурного в том, что он ухаживает за Флор, ей уже давно пора замуж. И теперь, когда сам господь, услышав мои молитвы, посылает такого выгодного жениха, ты и Порто поднимаете шум, обвиняете его во всех смертных грехах… Оставь меня в покое, все это твои домыслы…

– Зачем кипятиться? Ничего плохого я не сказала… Это ты всегда была не в меру требовательна и считала, что все девушки должны быть недотрогами. Стоило тебе увидеть, как девчонка прогуливается с парнем, и ты уже называла ее пропащей… А сейчас тебя словно подменили, ты совсем не следишь за Флор.

– Так, по-твоему, она пропащая? Да? Говори, не стесняйся.

– Зачем сочинять? Ты же знаешь, что я этого не думаю!

– Я знаю, что делаю, дочь – моя, и если, бог даст, они поженятся в этом году… – сказала дона Розилда, кончая спор.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Дай-то бог, дай-то бог…

– Так и будет, вот увидишь… И нечего ехидничать, просто вы невзлюбили за что-то Гуляку…

Но это было не так. Напротив, Гуляка своей приятной речью и богатой фантазией очаровал сначала всех на Рио-Вермельо, а затем и на Ладейра-до-Алво. Дона Лита и Порто подружились с ним и очень хотели, чтобы он стал мужем Флор. Что же касается доны Розилды, то она, казалось, думала только о том, как бы угодить ему и выполнить малейшее его желание.

А желание у Гуляки было одно: быть наедине с Флор, обнимать ее и, преодолев ее сопротивление и стыдливость, овладеть ею. Однако желание это не мешало ему с каждой встречей все больше и больше привязываться к девушке: к ее блестящим, будто удивленным глазам, к ее трепетному робкому телу, горящему от страсти и все же целомудренному. Его пленили мягкость и женственность Флор. В уютной домашней обстановке от девушки исходило особое очарование, которое поразило Гуляку в самое сердце.

С детства он рос без семьи: мать умерла родами, а отец слишком быстро исчез с его горизонта. Явившись на этот свет в результате случайной связи сына мелких буржуа и горничной, он жил у отца, дальнего родственника знатных Гимараэнсов, покуда тот оставался холостым. Однако, едва женившись, отец поторопился избавиться от внебрачного ребенка, которого его супруга, ханжа и невежда, со священным негодованием называла «дитя греха». Гуляку поместили в интернат, где он с трудом добрался до последнего класса, но так его и не закончил, влюбившись в мать своего товарища – видную сорокалетнюю женщину жену коммерсанта, слывшую самой доступной шлюхой в высшем обществе. Любовь Гуляки не осталась безответной.

Это была очень романтичная история. В родительские дни красавица бросала на юношу томные взгляды и вздыхала, пока Гуляка бродил вокруг нее по двору интерната, мрачному и тоскливому, как тюремный. Она угощала его шоколадом и бисквитами, привезенными для сына. А Гуляка тайком преподнес ей орхидею, украденную из оранжереи священника. В день посещения родителей (первое воскресенье каждого месяца) которым Гуляка, впрочем, никогда не пользовался, поскольку за ним никто не приезжал, она увезла его завтракать в свой особняк на Ларго-да-Граса и представила мужу:

– Однокашник Зезито, сирота.

Немного придурковатый Зезито разводил каких-то грызунов и те воскресенья, когда его привозили из интерната, просиживал в подвале дома со своими питомцами. Воспользовавшись тем, что коммерсант лег спать во время сиесты, сеньора увела Гуляку в швейную комнату, стала целовать, ласкать и наконец овладела им. «Мой мальчик, мой гимназист, мой ученик, теперь я твоя учительница, мой девственник», – шептала она и действительно взялась его обучать, пробудив в нем ненасытную и грубую страсть. Она клялась, что никогда никого так не любила, цинично уверяя, будто Гуляка ее первый любовник и она только мечтает о том, как бы уехать с ним и наслаждаться их безбрежной любовью в каком-нибудь укромном уголке. Жаль, что он учится в интернате.

А если бы я ушел из интерната, ты стала бы жить со мной?

К вечеру он сбежал из интерната, чтобы освободить свою возлюбленную от этого «скота», который заставлял ее так страдать и унижал своей близостью. Сняв жалкую комнатушку в третьеразрядном пансионе, он купил хлеба, болонской колбасы – своей любимой, – дешевого вина и цветов. После этого оставалось еще несколько мильрейсов: Гуляка был всеобщим любимцем, и друзья, которых он ввел в курс дела, собрали ему денег, сколько могли.

Почтенная дама чуть не умерла от страха, когда он ворвался к ней в дом, муж в это время в соседней комнате ковырял в зубах и читал газеты. Возмущенная до глубины души, она заявила, что Гуляка спятил, что она не какая-нибудь авантюристка и никогда не оставит свой дом, мужа и сына, чтобы стать любовницей мальчишки, никогда не променяет комфорт и положение в обществе на нищету и бесчестье. Она просила Гуляку быть благоразумным,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

вернуться в интернат, где, возможно, его еще не хватились, а в следующее воскресенье она обещает…

Но Гуляка не стал больше ее слушать, его охватили гнев и обида от этого подлого обмана. Нисколько не заботясь о муже в соседней комнате, он схватил даму своего сердца за длинные, крашенные перекисью волосы, надавал ей пощечин, громко обозвал всякими нелестными именами, словом, поднял такой шум, что сбежались не только муж и слуги, но и жители всей фешенебельной Ларго-да-Грасы. В тот день, как уверял Гуляка впоследствии, он стал настоящим мужчиной, навсегда приобретя горький опыт.

После этой скандальной истории Гуляка вскоре познакомился с ночной жизнью города, к нему, семнадцатилетнему мальчишке, привязался Анакреон, шулер, прославившийся своей изящной игрой. Неопытный юноша не мог найти лучшего наставника в тонкостях карточной игры, рулетки и костей. Ибо Анакреон был не только знатоком своего дела, он еще обладал добрым сердцем, чем-то смахивая на Дон-Кихота. Во время короткой встречи с отцом Гуляка отказался вернуться в интернат, а подлец Гимараэнс под этим предлогом отказал ему в отцовском благословении и денежной поддержке: у него, мол, нет средств содержать хулиганов. Разбогатев после женитьбы, он стал скупцом и моралистом. К тому же, с тех пор как его имя замелькало в отделе хроники, его начали одолевать сомнения: действительно ли он отец Гуляки? Покойная Валдета упрекала его в том, что он ее обесчестил и она забеременела. Но можно ли верить какой-то служанке? Она никогда не знала другого мужчины, говорили ее подруги, оплакивая покойницу. Но разве можно верить тем, у кого нет ни кола ни двора? Разве могут их слова быть доказательством? Все это случилось в дни далекой молодости, а молодость безрассудна и легкомысленна. Возможно, Гуляка и его сын, но, может быть, и не его. Кто взялся бы это утверждать с уверенностью? А пока ясно одно: Гуляка – сукин сын и подлец! Ведь он пытался изнасиловать порядочную женщину, мать своего однокашника, которая приняла его в своем доме как родного… Видно, отец Гуляки и вправду был «гнилой ветвью Гимараэнсов», как уверял Шимбо, и не унаследовал благородных традиций этого рода.

С тех пор Гуляка, лишенный родителей, не испытывал ни к кому ни родственных чувств, ни глубокой привязанности. Его жизнь была бурной: многочисленные любовницы самого различного возраста, общественного положения и цвета кожи сменяли одна другую. Он стал завсегдатаем публичных домов и кабаре, где заводил интрижки с женщинами легкого поведения, бывали у него мимолетные связи с замужними. Но ни одну из них он не любил по-настоящему, и ни одна из них не заставила его почувствовать полноту и прелесть жизни. Никогда еще ссора или разрыв с женщиной не омрачали его души, не привели к мысли о самоубийстве. Он переходил от одной женщины к другой, как ходил от стола к столу в игорном зале, если его любимое число – семнадцать – подводило его.

И только встреча с Флор на празднике у майора вдруг пробудила в нем мечты о семейном очаге, домашнем уюте, красиво накрытом столе и чистой постели. До сих пор у Гуляки, по существу, не было даже постоянного адреса, поскольку каждый месяц он переезжал из одного дешевого пансиона в другой, не имея денег, чтобы заплатить хозяйке. Да и мог ли он тратиться на эти пустяки, когда *у* него почти не оставалось на игру?

Флор внесла в его жизнь нечто новое: спокойствие, тепло и нежность. Он стал ценить семейный уют.

– Ты мне нравишься, милая, ты покорна, как домашний зверек.

Гуляка настолько увлекся Флор, что терпел даже ее мать, на редкость противную, надоедливую и нелепую старуху. Простота и бесхитростность жизнерадостной и скромной девушки очаровали Гуляку. Мечтая побороть ее сопротивление, он в то же время гордился стыдливостью и целомудрием Флор. Ибо именно он со временем преодолеет эту стыдливость и насладится этим целомудрием. Друзья Гуляки стали замечать, что глаза его как-то странно блестят, и он сам иногда стоит с отсутствующим видом у рулетки, забыв сделать ставку.

Вот почему они нисколько не удивились, увидев его на карнавале танцующим в группе

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

«Веселые газетчики», которая была организована уважаемыми семьями Рио-Вермельо и оформлена дядей Порто. Девушки и парни, одетые продавцами газет, размахивали «Диарио да Баия», «А тарде», «Дтиарио де нотисиас» и «О имтгарсиал». В воздухе кружились конфетти, летели нити серпантина, пульверизаторы опрыскивали духами влюбленные парочки, и не было кашасы. Словом, все это совсем не походило на те карнавалы, в которых Гуляка участвовал прежде и которые продолжались с субботы до вторника. Там он присоединялся к любителям выпить, вертелся среди девчонок, танцевал самбу на мостовой, а к вечеру, пьяный, валился с ног, где попало. И так все четыре дня.

– Посмотрите только, кто идет в той группе с бубном в руках! Это же Гуляка, кто бы мог подумать! – удивлялись прохожие, привыкшие его видеть в развеселой компании. Гуляка шел рядом с Флор, осыпая ее конфетти и нежными словами.

Однако после того, как он около полуночи расставался с Флор, он по-прежнему кутил в компании самого низкого пошиба и напивался кашасы. От Флор он отправлялся прямо в «Табарис», или «Мейя-Луз», или «Флозо». А в понедельник, заявив, что у него срочная работа в губернаторском дворце, удирал в десять вечера – не мог же он опоздать на бал, где Андреза и другие мулатки блистали в костюмах придворных дам эпохи Марии Антуанетты из сатина и бархата и в белоснежных париках из ваты.

Какой бы сильной ни была страсть Гуляки к Флор, как бы он ни мечтал о семейной идиллии и домашнем очаге, он не собирался менять свою жизнь, свои привычки не в пример Мирандону, который иногда вдруг говорил:

– А знаешь, приятель, я, пожалуй, начну новую жизнь… С завтрашнего же дня…

Гуляка никогда не делал подобных заявлений. Да, он был влюблен, он собирался жениться, но отказываться от своих привычек, игры, плутовства, от выпивок и уличных потасовок, от казино и публичных домов не думал.

11

Море роз, необозримые горизонты, лазурное небо, мир и согласие, Флор и Гуляка, влюбленные друг в друга. И вдруг внезапно налетает шквал, небо закрывают свинцовые тучи, объявляется беспощадная война, любовь Флор и Гуляки под запретом.

Несколько смущенный сознанием собственной вины, поскольку именно он воздвиг этот карточный домик, который не смог выдержать даже малейшего дыхания опасности, Мирандон, почитавший себя философом, заметил наставительно:

– Вот так… Есть у нас гарантия? Никакой… Мотор грузовика после ремонта и тот получает гарантию на полгода… А люди? Стоит нам подумать, что у нас все в порядке к дела в конце концов пошли на лад, как все летит кувырком, самое дорогое рушится, превращается в груду пепла…

Это и случилось, по мнению Мирандона, с Гулякой, и теперь не было никакой возможности восстановить в глазах доны Розилды репутацию отставного чиновника канцелярии губернатора. Впрочем, в равной степени и в глазах доны Флор… А какого еще отношения заслуживал обманщик, одурачивший ее? Мирандон знал этих ласковых и покорных девушек: узнав о том, что их доверие обмануто, они становятся гордыми и неприступными.

– Уж если они разозлятся, пощады от них не жди… – пессимистически заключил он.

Ничтожество, мошенник, подлец, мерзавец! Нет, язык человеческий не мог передать негодование доны Розилды, ее возмущение этим негодяем, этим подонком. Еще вчера он был для нее идеальным женихом, едва ли не святым, которого она превозносила да небес. А сегодня она скорее согласится увидеть дочь за полицейским, за преступником, за убийцей, приговоренным к тюрьме, только не за этим канальей. Узнав от соседей о преисполненных решимости: словах доны Розилды, Мирандон, мучимый угрызениями совести и все же трезво смотревший на вещи, покачал головой: если Гуляка и после этого намерен ухаживать за Флор, значит, он ничего не смыслит в женщинах. Обычно благоразумный, сейчас он

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ослеплен любовью и не хочет понять, что все провалилось и ничего с этим не поделаешь. Чтобы утешиться, Мирандон заказал себе вина в баре «Триунфо».

А Гуляка и не собирался восстанавливать свое доброе имя в глазах доны Розилды, утихомиривать ярость этой чертовой старухи, настоящей ведьмы и несносной ханжи. Не собирался он и рвать с Флор, лишать себя ее приятного смеха, спокойной нежности, томных вздохов. Напротив, он решил на ней жениться. В конце концов, главным было то, что они любили и понимали друг друга, а все остальное лишь глупая шутка. Ведь Флор полюбила Гуляку не за выдуманную должность и положение, которого он не занимал, и не за деньги, которых у него не было.

Больше всего в этой истории Гуляку поразило то, что разоблачила его Селия, его протеже, эта колченогая уродка, которая благодаря ему получила место учительницы. Именно она подняла шум, докопалась до истины и донесла на Гуляку доне Розилде. Она приковыляла на второй этаж в таком волнении, что не сразу смогла говорить, но вид у нее был очень довольный.

Лицо, занимающее очень высокий пост? Да он никогда не поднимался даже на ступеньки дворца; единственный дворец, который Гуляка посещает, – это «Палас», пристанище шулеров, развратников и девиц легкого поведения… Уважение? Он пользовался им только среди самых дешевых проституток, хозяек публичных домов и мошенников. Чиновник канцелярии губернатора? Да если бы он осмелился войти к губернатору в кабинет, его бы немедленно арестовали и посадили в кутузку. Как же ее назначили преподавательницей? Лучше не думать об этом, кто знает, на какие махинации пустился этот жулик.

Как Селии, этой невзрачной учительнице начальной школы, удалось раскрыть обман Гуляки, разоблачить во всех подробностях комедию, которую он разыгрывал перед доной Розилдой, не вызвав у нее и тени сомнения, ни желания ухватиться хоть за какую-то соломинку в этом море лжи? Чем объяснить ее рвение в разоблачении обманщика и нищего соблазнителя?

Огорченный Гуляка не переставал удивляться:

– Подумать только! Ведь я не сделал ничего плохого этой девушке, напротив…

А может, услуга Гуляки заставила Селию почувствовать себя не столько благодарной, сколько оскорбленной? Она не могла простить ему, что обманулась в своих подозрениях, что он оказался совсем не таким, каким его видело это желчное и завистливое существо: жалкая жизнь, которую влачила Селия, озлобила и ожесточила ее, и с каждым днем чувство обиды все больше брало верх над признательностью, она не верила, что Гуляка мог помочь ей… Селия случайно напала на след и стала доискиваться, пока не распутала до конца всю паутину лжи, которую начал плести Мирандон на празднике у майора и которая с каждым днем все увеличивалась, хотя виноват в этом был не столько Гуляка, сколько стечение обстоятельств. И только после того, как Селия акт за актом восстановила этот фарс, она почувствовала удовлетворение: значит, ее не так-то легко провести, значит, есть у нее чутье и ее не обманешь никакими сказками про губернатора. Довольная и счастливая, забыв о своей хромоте, она взлетела на второй этаж, где дона Розилда и Флор шили приданое. «Он просто пижон и жалкий мошенник, я всегда это знала». Ее обычно хмурое лицо сияло. Чужие слезы и проклятия доставляли ей ни с чем не сравнимую радость. Разве есть в мире более великолепное и волнующее зрелище, чем зрелище чужого страдания? Для Селии не было. Ни один мужчина не взглянул на нее с вожделением, никто не улыбнулся ей с любовью, а дети в школе боялись ее и убегали прочь.

Дона Розилда в ярости грозилась убить обманщика, покончить с собой, истерически рыдала, умоляла дать ей воды. Но Флор не обращала на мать внимания, она смотрела на Селию.

– Убирайся отсюда, гадина, и чтобы ноги твоей здесь больше не было…

– Это ты мне, Флор? Но в чем дело?

– Даже если он такой, как ты говоришь, как ты могла так поступить? Он ведь устроил

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

тебя на работу… И ты должна была скрыть то, что узнала, потому что, когда ты подыхала с голоду, он помог получить тебе место…

– А почему ты так решила? Это еще неизвестно! Я уверена, что сыграло роль письмо падре Барбозы…

Флор говорила тихо, но голос ее был полон презрения:

– Убирайся отсюда пока я не отучила тебя совать нос в чужую жизнь.

– Ну и оставайся с ним, он еще опозорит тебя и выставит на всеобщее посмешище…

Возмущенная человеческой неблагодарностью, Селия заковыляла вниз по лестнице.

С той же минуты между доной Розилдой и Флор началась беспощадная война. Именно война, по-другому и не скажешь. Едва за Селией захлопнулась дверь, как дона Розилда, забыв об обмороке и хороших манерах, закричала, чтоб учительница вернулась. Ей надо было продолжить разговор, еще раз повернуть нож в открытой ране.

– Селия! Селия! Подождите…

– Я ее выгнала… – мрачно сказала Флор.

– Она пришла к нам с добрыми намерениями, а ты ее выгнала, вместо того, чтобы поблагодарить?!

– Нога этой гадины больше не ступит через наш порог…

– С каких это пор ты стала здесь командовать?

– Если она еще когда-нибудь войдет в наш дом, я уйду…

Мирандон не ошибся, утверждая, что разоблачение Гуляки вызовет бурю негодования со стороны доны Розилды. Однако он целиком ошибся в отношении Флор. Разумеется, Флор была им недовольна: зачем Гуляке понадобилось так глупо врать? Но она и минуты не думала с ним расстаться. Она любила Гуляку, и для нее было безразлично, какой пост он занимает, пользуется ли влиянием в общественной и политической жизни.

Так она и заявила ему в тот же вечер, когда вопреки запрету доны Розилды вышла повидаться с возлюбленным на ближайший угол. Она выслушала его и простила, немного поплакав и назвав «глупеньким сумасбродом и красавчиком». Гуляка впервые заговорил о своих чувствах, о том, как страстно любит ее и как хочет на ней жениться. И этого было вполне достаточно, чтобы Флор забыла обо всех огорчениях, обманах и никому не нужных измышлениях.

А потому Флор сказала, что придется им набраться терпения и подождать еще десять месяцев, пока ей не исполнится двадцать один год, и тогда она достигнет совершеннолетия и сможет уже не считаться с матерью, ибо на согласие ее надеяться не следует. Никогда еще Флор не видела ее такой разъяренной, поэтому надо обдумать, как они теперь будут встречаться тайком от матери. Их любовь, которой дона Розилда поначалу покровительствовала, может существовать только в подполье: мать запретила ей видеться с Гулякой. Престиж его на Ладейра-до-Алво лопнул как мыльный пузырь. Гуляка осушал слезы возлюбленной поцелуями, не обращая внимания на прохожих.

Взбешенная дона Розилда поджидала дочь с плеткой из сыромятной кожи, когда-то сделанной для того, чтобы наказывать животных и детей за непослушание. Плетка давно висела в бездействии, хотя в свое время изрядно погуляла по спине Эйтора, неисправимого лентяя; Розалия тоже получила свою долю, да и Флор драли несколько раз, когда она была маленькой. Сейчас же плетка стала лишь символом материнской власти, красовавшимся на стене в столовой. Но едва Флор переступила порог, как плеть обрушилась на ее грудь и шею, оставив на коже багровые рубцы – красноречивый след войны, длившейся более недели.

Флор приняла удары, не проронив ни звука, только защищала руками лицо; она не предала своей любви. «Пока я жива, он на тебе не женится», – в бешенстве рычала дона Розилда. На другой день Флор поднялась с трудам, избитое тело болело, на шее алел подтек. Происшедшее обсуждала вся улица: негритянка Жувентина, как обычно восседавшая у окна, делилась с соседками подробностями, доктор Карлос Пассос осуждал систему воспитания доны Розилды, хотя и признавал, что причины длят неудовольствия и гнева у нее были.

Когда в обычный час Гуляка появился перед домом, окна второго этажа были закрыты,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

балкон пуст, засов на входной двери задвинут. Сквозь жалюзи в комнате Флор, выходившей на боковую улицу, пробивался свет. Кто-то рассказал ему о вчерашнем побоище, кумушки утверждали, что опечаленную Флор мать заперла на ключ.

Гуляка согласился с негритянкой Жувентиной, любовницей Атенора Лимы, когда та заявила: «Гиена, вот кто она, эта дона Розилда», – молча выслушал все, что ему рассказали, и ушел…

Ушел, чтобы вернуться после полуночи и разбудить всю Ладейру и примыкавшие к ней улицы серенадой, самой нежной и страстной, какую редко услышишь в нашем, да и любом другом городе. Те, кто слышал эту серенаду, навсегда ее запомнят и сохранят в своем сердце.

Еще бы! Гуляка собрал для Флор самых лучших музыкантов: несравненное кавакиньо тощего Карлинъоса Маскареньяса, которого он разыскал в постели гостеприимной Марианильи Пентельюды, скрипка знаменитого Эдгара Коко, с которым могут сравниться музыканты разве только в Рио-де-Жанейро или за границей, флейта виртуоза Валтера да Силвейры, бакалавра. Гуляка оторвал его от книг: недавний выпускник готовился к конкурсу на судейскую должность, рассчитывая в скором времени получить этот почетный пост. Тогда уже не послушаешь его прославленную флейту, доставляющую поистине неземное наслаждение. На гитаре играл молодой человек, которого все любили за галантность, веселый нрав, скромные и вместе с тем благородные манеры, за его остроумие, утонченность, редкие музыкальные способности и чарующий голос. С недавних пор он стал выступать по радио и уже пользовался заслуженной славой. Его имя раздавалось повсюду. Доривал Каимми и другие близкие друзья гитариста превозносили его еще не изданные произведения, утверждая, что, едва они будут опубликованы, мулат станет знаменитостью. Все это были закадычные дружки Гуляки, с которыми он пил и кутил ночи напролет. Еще он привел с собой бледного певца из кабаре и пьяного Мирандона.

В начале Ладейры они остановились, и скрипка Эдгара Коко издала первые душераздирающие крики. Ее поддержали кавакиньо, флейта и гитара, а затем вступили голоса Каимми и Гуляки. Гуляка не был отличным певцом, но его вдохновляли страсть, желание отомстить за возлюбленную, утолить ее печаль, утешить, доказать ей свою любовь:

Ночь. Улыбка уснувших небес.
Звезд любовная дрожь.
Лунный свет, наполняющий лес,
как серебряный дождь,
как роскошный, сверкающий дождь…
Я пою. Я тебя умоляю: «Услышь!»
Ты не слышишь. Ты спишь…

Серенада плыла вдоль по улице, и из окон стали высовываться головы любопытных, плененных музыкой и пением Даривала Каимми. Негритянка Жувентина захлопала в ладоши от радости, она была на стороне Флор и Гуляки и, к тому же очень любила серенады. Некоторые рассердились оттого, что их разбудили, и хотели было выразить свое недовольство, но чарующая мелодия покорила их и они заснули, убаюканные серенадой. Доктор Карлас Пассос принадлежал к числу этих недовольных; он вскочил с постели в страшной ярости, ибо работал в больнице с шести утра, а домой возвращался только в девять вечера. Но пока доктор шел от кровати к окну, гнев его утих, и он стал мурлыкать себе под нос, облокотившись на подоконник, чтобы лучше слышать музыкантов.

О луна! Свой серебряный ливень пролей
в изголовье любимой моей…

Освещенные уличным фонарем певцы стояли как раз на углу, против дома Флор, а Гуляка подошел поближе к свету, чтобы Флор могла лучше его разглядеть. Звуки флейты

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

доктора Силвейры словно ползли вверх по стене; скрипка же Эдгара Коко, проникнув сквозь закрытые жалюзи в комнату девушки, заставила ее, трепеща, вскочить с постели. «Владыка небесный, да это же Гуляка!» Флор подбежала к окну вот он, светловолосый и красивый, стоит под фонарем, протянув к ней руки:

Я в объятьях тебя задушу! Отвори!
Мою страсть утоли…

Несколько человек вышли послушать серенаду. Привлеченный музыкой и в надежде, что кто-нибудь из певцов прихватил с собой бутылку, в старой пижаме появился Казува Воронка.

На балконе второго этажа показалась дона Розилда и яростно набросилась на музыкантов, пытаясь прервать серенаду:

– Бродяги! Бездельники!

Я пою…
и тебя умоляю: «Услышь!»
Ты не слышишь. Ты спишь…

Откуда взяла Флор такую красную, почти черную розу? Гуляка поймал ее на лету. Прекрасная волшебная ночь, в небе светит золотая луна, воздух напоен ароматом розмарина, вся улица поет серенаду для Флор, запертой в комнате:

Там, вверху, молодая луна
так задумчива, так холодна,
так высокие звезды чисты…

Распахнув дверь, дона Розилда выскочила на улицу в грязном халате, растрепанная и с ненавистью накинулась на товарищей Гуляки:

– Убирайтесь отсюда! – пронзительно кричала она. – Я вызову полицию, заявлю в полицейский участок, псы паршивые!

Ее появление было столь внезапным, что на какое-то мгновение музыканты смешались ипрекратили петь. Торжествующая дона Розилда выпрямилась с видом победителя, встав посреди умолкнувшей улицы.

– Псы паршивые, убирайтесь прочь!

Однако смятение, охватившее певцов, длилось недолго Тотчас зазвучала флейта доктора Силвейры, подражая смеху и улюлюканью мальчишек и явно издеваясь над доной Розилдой.

Будь ко мне благосклонна! На склон
мне подняться, Иайя, позволь…

Гуляка направился к своей будущей теще и с подлинным изяществом и мастерством изобразил знаменитое па из сирибосета Лишившись от негодования голоса, дона Розилда в панике отступила и из последних сил вскарабкалась к себе на второй этаж.

Серенада снова разлилась в ночи, заполнив всю улицу, и продолжалась до рассвета. Ей подпевали подгулявшие прохожие, аплодировал ночной сторож, потом появилась бутылка, которую так ждал Казуза Воронка. Пели Гуляка и Каимми, пел Женнер Аугусто, пел своим густым басом доктор Валтер, пел ночной сторож, всю жизнь мечтавший выступать на радио. Вся улица пела серенаду в честь Флор, которая в пеньюаре с оборками и кружевами выглядывала из своего окна. А внизу галантный кавалер Гуляка с красной, почти черной розой в руке пел ей о своей любви.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

12

Бежав от преследований матери из дому, чтобы соединиться с Гулякой, Флор нашла приют в Рио-Вермельо, у тети Литы и ее мужа Талеса Порто.

Сначала Порто колебался: ему не хотелось осложнять отношения с доной Розилдой – женщиной взбалмошной и грубой. Порто же был человеком добродушным и любил покой. Этот скромный служащий мирно жил в своем тихом уголке, все свободное время отдавал живописи. Дона Розилда не раз набрасывалась на него и дону Литу, когда еще во время карнавала они высказывались против романа племянницы с Гулякой. Дона Розилда тогда, наоборот, считала его завидным женихом, которого посылает сам бог и которому, по ее словам, не хватало только нимба, чтобы стать святым. В глазах Порто дона Розилда была упрямой и злобной дурой, корчившей из себя всезнайку, а поэтому он не хотел с ней связываться. Но что будешь делать, если к тебе в дом является вся в слезах племянница, а с ней серьезный и торжественный юноша, сознающий всю свою ответственность за совершенный поступок? Случилось непоправимое: Гуляка лишил ее невинности, а значит, им надо срочно обвенчаться – хочет того или нет дона Розилда, исполнился Флор двадцать один год или нет. Теперь только брак может спасти честь девушки.

Флор с плачем умоляла дядю и тетю простить ее, обвиняя во всем дону Розилду, и уверяла, что забыла о строгих семейных традициях и стыде и уступила настойчивому возлюбленному только потому, что мать требовала порвать с Гулякой и категорически запретила с ним видеться. Она запирала ее в доме, как маленькую, а между тем ей через несколько месяцев исполняется двадцать один. Мать даже избила ее, ну кто станет терпеть такое? В конце концов Гуляка не преступник, не злодей, укрывающийся от правосудия, и не бандит какой-нибудь, да и она, Флор, уже не девочка, которая ничего не смыслит в жизни. Разве она не зарабатывает на хлеб, не оплачивает квартиру? После отъезда Розалии их ателье получало не более одного-двух заказов, меж тем как кулинарная школа процветала; на доходы от нее и существовали они с матерью. Почему же тогда дона Розилда считает себя вправе решать все одна? Почему она пренебрегает мнением таких разумных людей, как тетя Лита, сеу Атенор Лима и доктор Луис Энрике, крестный отец Эйтора, которого она прежде так почитала, а теперь не желает слушать? Талес Порто сочувственно кивал, понимая, что Флор совсем потеряла голову от любви.

Флор и Гуляка не желали мириться с таким положением. Гуляка поставил на карту все, словно делал решающую ставку, когда ему не везло. Страсть к Флор захватила его без остатка, помутила разум: для него не существовало в мире другой женщины, будто пухленькая, с ямочками на щеках Флор была самой красивой, самой привлекательной во всей Баии, единственной, кто мог утолить голод и жажду Гуляки, избавить его от одиночества. «Никогда и ни за что, пока я жива», – твердила дона Розилда, не желая даже слушать предложения Гуляки, передаваемые через родственников и друзей.

Тетя Лита как-то попробовала вступиться за Гуляку, но дона Розилда набросилась на нее с проклятиями:

– Пока, слава богу, я жива, этот каналья не женится на моей дочери. И не потому, что она заслуживает материнской заботы, нет! Но пока я отвечаю за эту неблагодарную притворщицу, за это ничтожество, я ни за что не дам своего согласия. Лучше пусть умрет чем станет женой этого проходимца.

Лита приводила разные доводы, пыталась убедить сестру, сломить эту стену ненависти: любовь творит чудеса, вполне вероятно, что Гуляка станет совсем другим человеком, но дона Розилда рычала от бешенства:

– Достаточно с нас и того, что ты вышла замуж за Порто. Потом он, правда, исправился, ну а если бы этого не случилось? Если бы он так и погряз в грехе? – Она подчеркнула последнее слово, будто обвиняла Порто в самых тяжелых пороках.

Дона Розилда намекала на прошлое Порто, молодость которого прошла в театральных

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

кругах Рио-де-Жанейро, в гастролях по другим городам и провинциям. Он был одновременно сценаристом и хореографом, а если возникала необходимость, заменял актеров, суфлера, директора и костюмера. После женитьбы Порто остепенился и устроился на работу в Баии. От жизни на подмостках у него сохранился лишь альбом с вырезками да смешные анекдоты, и он никогда не упускал случая показать альбом и вспомнить кстати анекдот.

– Но в конечном счете все образовалось, не так ли? – возразила дона Лита, в глубине души гордившаяся театральным прошлым мужа. – Разве мы не счастливы? И потом, я нисколько не стыжусь его работы на сцене. Он никого не обворовал, никого не обманул, девушек не соблазнял…

– О чем ты говоришь?! Какие там девушки, если он знался только со шлюхами? Откуда бы он их взял? А уж наверное, был не прочь, вон какой здоровенный…

Мягкая и добрая от природы дона Лита не выносила, когда оскорбляли ее мужа. И уж если кто-нибудь задевал его, в обиду не давала:

– Ну, знаешь ли, попридержи-ка лучше свой язык и не смей больше трогать моего мужа, я сюда пришла не затем, чтобы выслушивать твои гадости…

Дона Розилда покорно умолкла, бормоча извинения. Сестра была единственной, к кому она питала хоть какое-то уважение и с кем боялась поссориться.

– Я пришла потому, что Флор для меня как дочь… Какого черта ты не даешь девочке выйти замуж? Только потому, что он оказался не таким всемогущим, как ты это вбила себе в голову? Ведь они любят друг друга.

– Сколько раз тебе повторять, что ничего я себе в голову не вбивала, это они обманули меня, негодники! – Вспомнив об этом чудовищном надувательстве, дона Розилда снова пришла в ярость. – Лучше нам никогда больше не возвращаться к этому разговору. Я не допущу, чтобы она вышла замуж за этого подонка, пока я за: нее отвечаю. Когда ей исполнится двадцать один год, если хочет, может катиться ко всем чертям и губить себя сколько угодно. А до этих пор я не даю своего согласия, вот и все.

– Ты сама ищешь для себя огорчений… Смотрит, как бы беды не случилось…

Так и вышло. После неудачного визита тети Литы – последней посланницы Флор – девушка решила внять голосу разума. То есть покориться Гуляке, который, вооружившись самыми вескими доводами, убеждал ее, что есть только одна возможность разрешить эту проблему и в то же время доказать ему свою любовь и доверие. Как только Гуляка ее убедил, она не стала тянуть и вскоре позволила ему то, чего он так давно добивался. Однако, чтобы быть откровенными до конца (даже при всем нашем хорошем отношении к Флор и стремлении защитить перед читателями целомудрие и скромность нашей героини, ставшей жертвой неотразимого Дон-Жуана), следует сказать, что Флор сама безумно желала того же, ибо в ней пылал огонь, на котором сгорела ее стыдливость.

Один из состоятельных приятелей Гуляки – Марио Португал, в те времена ветреный холостяк, предоставил ему свой скромный домик в окрестностях Итапоа. Легкий ветерок шевелил гладкие черные волосы Флор, солнечные блики трепетали на ее коже. Под рокот моря, овеваемый легким ласковым ветерком, Гуляка целовал Флор и, крепко прижимая к себе, с улыбкой говорил, пока его пальцы расстегивали пуговицы на ее платье:

– Я не умею любить ни под простыней, ни тем более одетым. Чего ты стыдишься, дурочка? Разве мы поженимся не для того же самого? Да и без женитьбы все равно это дело божье. Это он повелел, чтобы люди любили друг друга. «Возлюбите друг друга, дети мои, и у вас родится потомство», – сказал он, и это была одна из самых справедливых его заповедей.

– Умоляю тебя, Гуляка, не кощунствуй… – Флор закуталась в красное одеяло. Все в этой комнате действовало на нее возбуждающе: обнаженные женщины на стенах, репродукции рисунков, изображающие фавнов, которые преследуют нимф, огромное зеркало напротив кровати… Марио Португал был аристократом и создал в своей спальне утонченно эротическую атмосферу. На туалетном столике стояли духи, прохладительные напитки. У

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Флор похолодело в животе.

– Если бы он не хотел, чтобы мы любили друг друга, он оскопил бы всех, и у детей не было бы ни отца, ни матери… Ну, не будь дурочкой, отбрось одеяло…

Он сдернул с Флор красное одеяло и увидел ее обнаженное смуглое тело, которое красиво выделялось на белой простыне. Гуляка с радостным удивлением воскликнул:

– Боже, да ты вся словно пушком покрыта… Как это забавно и как прекрасно…

– Гуляка…

Чтобы она не стыдилась, он закрыл ее своим телом. Флор зажмурилась. Над морем грянула аллилуйя, ветер донес стон любви, и он проник в морскую тишь, где обитают рыбы и сирены. Голос Флор вступил в аллилуйю, которая теперь звучала в море и на земле, на небесах и в аду.

В то утро Флор пошла помочь доне Маге Патерностро, своей бывшей ученице, происходившей из очень богатой семьи, приготовить по случаю дня рождения завтрак на пятьдесят с лишним персон и столы со сластями и закусками на вечер. А оттуда она отправилась на свидание с Гулякой, где и случилось неизбежное. Дона Розилда думала, что Флор трудится у плиты доны Маги, а она лежала в объятиях Гуляки в Итапоа.

С того дня Флор была занята только одним: искала предлога поудобней, чтобы улизнуть на свидание с Гулякой. Она часто просила своих подруг и учениц: «Если мать тебя спросит, говори, что я была с тобой». Девушки не отказывались, они любили Флор, а многие откровенно покровительствовали ее роману. Обычно после уроков кто-нибудь из девушек говорил:

– Я возьму с собой Флор на утренник, бедняжке нужно развлечься…

Могло показаться, будто Флор и впрямь начинает забывать Гуляку. Дона Розилда торжествовала: последнее время Флор уже не была так мрачна, больше не сидела в своей комнате, ожидая, когда Гуляка появится на улице, чтобы высунуться в окно назло матери, когда этот негодяй остановится поболтать с негритянкой Жувентиной. Эта нахалка да и кое-кто еще всячески помогали влюбленным. Злобные интриганки! Дона Розилда насквозь видела их козни, ничего, придет день, когда она отплатит им с лихвой. Флор бросала Гуляке записки, посылала воздушные поцелуи. Тогда дона Розилда не выдерживала и начинала на чем свет стоит ругать дочь и этого пройдоху. А он только посмеивался, стоя на углу.

Потом, однако, дона Розилда заметила кое-какие перемены: Флор перестала петь грустные песни и без конца упоминать имя своего возлюбленного, да и он больше не показывался на их улице. Флор снова улыбалась, говорила «доброе утро» и «добрый вечер», отвечала на вопросы доны Розилды.

Однажды на Байша-дос-Сапатейрос случайная подруга предупредила Флор:

– Смотри, будь благоразумна! – И загадочно улыбнулась.

Флор и Гуляка тоже улыбались, когда садились в такси – всегда одно и то же, принадлежавшее Цыгану, старому другу Гуляки, и мчались по направлению к Итапоа, крепко держась за руки и украдкой целуясь. Цыган приезжал за ними в сумерки. Возвращались они не торопясь: голова Флор на плече Гуляки. Ее черные волосы треплет ветер, любовники утомлены и полны нежности друг к другу; им совсем не хочется расставаться. С каждым разом Гуляка становился все настойчивее, требовал, чтобы Флор осталась с ним на всю ночь; ему уже недостаточно было просто обладать ею, хотелось, засыпая, чувствовать рядом ее дыхание, видеть те же сны. Флор тоже хотела более полной близости, и ее пылкую натуру не удовлетворяли короткие свидания.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Но если я не явлюсь домой ночевать, – сказала она однажды вечером, когда он снова попросил ее остаться, – я не смогу вернуться к матери…

– А зачем тебе возвращаться? Поженимся – и делу конец. Не понимаю, почему ты не хочешь ей во всем сознаться…

– А куда я денусь до свадьбы?

Они решили, что лучше всего Флор будет у тети Литы и дяди Порто, у них она чувствовала себя как дома. На следующий же день, сразу после занятий с ученицами, Флор уложила свои вещи в два чемодана и баул, заперла дверь своей комнаты на ключ, положила его в сумочку и сказала матери, что идет на рынок в Байша-дос-Сапатейрос. Там Гуляка ожидал ее в такси Цыгана, который снова увез их в Итапоа, но вернулся с ними только на следующее утро.

Знакомой, которая пришла узнать новости и получить готовое шитье, дона Розилда сказала:

– Флор ушла на рынок, скоро вернется. Слава богу, она больше даже не заикается об этом негодяе и стала гораздо спокойнее…

– Скоро совсем его забудет… Так всегда бывает…

– Придется забыть, хочет она того или нет…

Они проболтали довольно долго, дона Розилда подробно рассказала об одной семье, недавно приехавшей из Амаргозы и поселившейся по соседству.

– Ну, мне пора. Раз Флор задерживается, я пойду. Кланяйтесь ей.

Оставшись одна, дона Розилда стала поджидать дочь. Сначала она просто беспокоилась, потом ее охватила тревога. А к ночи дона Розилда знала наверняка: безумная Флор сбежала из дому. Открыв перочинным ножом замок на дверях ее комнаты, дона Розилда увидела набитые вещами чемоданы и баул. Итак, притворщица обманывала ее, делая вид, будто порвала с этим канальей, а сама продолжала встречаться с ним. Дона Розилда всю ночь просидела с плеткой в руках. О, если б Флор набралась мужества вернуться…

Когда на следующий день перед обедом сестра и зять, явно чувствовавший себя не в своей тарелке, зашли к доне Розилде, та закатила одну из своих обычных сцен – рвала на себе волосы и кричала:

– Я ее знать не желаю… Я эту потаскуху больше сюда не пущу, ее место в публичном доме…

Дона Лита тоже вскипела:

– Я попрошу относиться ко мне с уважением. Флор у меня, а у меня не публичный дом. Если тебе безразлично счастье твоей дочери – это твое дело. Но нам с Талесом оно не безразлично. Я пришла сказать тебе, что Флор выходит замуж. Хочешь, свадьба будет здесь, как положено. А нет, мы устроим ее у себя, и с большим удовольствием.

– Шлюхе незачем выходить замуж, она может и так путаться…

– Послушай, сестра…

Но красноречие тети Литы и укоризненное молчание дяди Порто ни к чему не привели. Дона Розилда отказалась присутствовать на свадьбе и дать согласие на брак, пусть неблагодарная сама получает разрешение судьи, чтобы весь город узнал о ее позоре и бесчестье. Пусть эта бесстыдница не рассчитывает на нее, она не станет покрывать ее грех и спасать ее репутацию.

На другой же день дона Розилда уехала в Назарет к своему сыну, который принял ее без особого восторга. Эйтор сам подумывал жениться, и если до сих пор не женился, то только потому, что пока мало зарабатывал.

Однако, как только он сэкономит несколько конторейсов, он обязательно это сделает. У него уже и невеста была на примете – бывшая ученица Флор, с влажными, блестящими глазами, по имени Селесте.

13

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

По дороге в Содре, куда Флор направилась, чтобы посмотреть сдающийся по объявлению дом, ей повстречалась ее бывшая ученица, дона Норма Сампайо, довольно состоятельная дама, жена коммерсанта из Нижнего города. Это была обаятельная, жизнерадостная женщина, любознательная и добрая, в чем мы уже имели возможность убедиться. Она жила как раз поблизости от дома, который сдавался внаем.

Дом оказался вполне подходящим. Он годился и для жилья и для занятий Флор с ученицами, к тому же плата была очень умеренной. Дона Норма сказала, что Флор может считать дело решенным, потому что владелец дома ее хороший знакомый и наверняка отдаст Флор предпочтение перед другими претендентами. Уж об этом она позаботится, пусть Флор не волнуется.

Дона Норма утешала и подбадривала Флор в течение всего этого беспокойного периода. Она помогала решать все проблемы, вставшие перед девушкой, и во всем ее поддерживала.

Прежде всего дона Норма не давала ей упасть духом. Флор подробно рассказала ей обо всем, что произошло, а дона Норма с удовольствием задавала вопросы – ей хотелось знать всю историю в подробностях, по порядку. Флор страдала, ей казалось, что всему миру известен ее дурной поступок, как деликатно выражалась тетя Лита, что на лице у нее словно выжгли клеймо легкомысленной распутницы.

– Послушай, девочка, перестань дурить… Кто знает, что ты отдалась? Четыре-пять человек, от силы полдюжины, не больше… Если ты хочешь, можешь венчаться в фате и с флердоранжем. Кому какое дело! Твоя мать уехала, а вот она действительно могла явиться в церковь и устроить скандал…

Флор стыдилась своего позора, своего дурного поступка, но ведь другого выхода у нее не было. А дона Норма считала все ее страхи пустяками.

– Да каждая третья девушка отдается до свадьбы, в том числе и из самых приличных семей, моя милая… – Она привела несколько примеров, очень утешительных, для Флор. Разве дочь доктора такого-то не отдалась другу своего жениха перед самой свадьбой и, нарушив обещание, не убежала с ним, наспех обвенчавшись? А между тем сейчас она принадлежит к дамам самого высшего общества, о которых пишут в газетах: «Дона такая-то приняла друзей… и так далее, и тому подобное…» А разве ночной сторож не застал за маяком дочь судьи и ее жениха – хорошо хоть, что жених был не чужой! Сторож, поймавший их на месте преступления, не отвел парочку в полицию только потому, что проворный кавалер сунул ему крупную сумму. Правда, это не помешало потом сторожу показывать всем трусики девушки, кстати сказать, роскошные, с черными кружевами. И все же дочь судьи не постеснялась венчаться в фате, флердоранже и белоснежном платье: у нее были деньги и вкус. А та красотка, у которой отец еще почище доны Розилды следил за своими дочерьми, постоянно пилил их и держал взаперти, разве не застали ее в кустах с женатым мужчиной, да еще кумом ее родителей? Потом она вышла замуж за бедняка и теперь изменяет ему направо и налево. Чем больше, тем лучше – таков ее девиз; она путается и с холостыми, и с женатыми, знакомыми и незнакомыми, богатыми и бедными.

– Многие, моя милая, только потому и не грешат до свадьбы, что не знают, как это приятно, или же потому, что жених не настаивает. В конце концов, до или после, какая разница, скажи мне?

Дона Норма не только вернула Флор мужество, убедив ее в том, что не такой уж большой грех она совершила, но и помогла приобрести все необходимое для дома, в том числе и железную кровать с украшениями в головах и ногах, перекупленную у Жорже Тарраппа, владельца антикварного магазина на улице Руя Барбозы и друга – иначе и быть не могло – доны Нормы. Жорже Тарраппа оказался очень симпатичным сирийцем, высоким и краснощеким, несколько апоплексического вида. Узнав о предстоящей свадьбе Флор, он подарил ей полдюжины ликерных рюмок. Дона Норма со своей стороны подарила пару личных и пару банных алагоанских полотенец самого высокого качества. Кроме того, она

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

почти за бесценок продала Флор великолепное одеяло из голубого сатина с узором в виде лиловых веток глицинии. Это дорогое одеяло подарили на свадьбу доне Норме ее дядя и тетка, проживающие в Рио. Однако мнительный Зе Сампайо с первого взгляда возненавидел этот подарок; по его мнению, красивое одеяло слишком напоминало погребальный покров своими лиловыми ветками. Из-за этого проклятого одеяла они чуть было не поссорились в первую же брачную ночь. Если бы дона Норма не сгорала от любопытства узнать, что будет дальше, она бы достойно ответила на воркотню и ругань Зе Сампайо, который не успокоился до тех пор, пока одеяло не было убрано. С тех пор его больше не доставали, и оно осталось совершенно новым. На улице Чили такое одеяло стоило больших денег.

Кстати говоря, раз уж речь зашла об одеялах, единственным вкладом Гуляки в семейный очаг было лоскутное одеяло – коллективное произведение девиц из дома Инасии. Все они были почитательницами жениха, включая и благородную Инасию, мулатку с лицом, изрытым оспинами, самую молодую, однако едва ли не самую опытную из всех хозяек подобных заведений Баии. Время от времени она приводила Гуляку к себе в постель, и он иногда неделями хранил ей верность.

Гуляка не был повинен в том, что его вклад оказался столь мизерным и что деньги Флор накопленные годами быстро улетучились. Он очень хотел бы взять на себя все расходы, во всяком случае большую их часть, и ради этого не пожалел сил. Никогда еще приятели не видели его таким напряженным и упрямым за столом казино, однако семнадцать – его любимая цифра выпадала крайне редко, будто ее вообще изъяли из употребления. Гуляка пытал счастья и в рулетке, и в ронде, и в баккара. Но ему удивительно не везло судьба была против него. Как он ни старался, у него ничего не выходило Ему уже не у кого было брать взаймы, кроме собственной невесты, у нее он и попросил сто мильрейсов.

– Не может быть, чтобы мне не повезло и сегодня, моя дорогая. К утру я привезу тачку денег, а ты купишь пол-Баии, в том числе и дюжину шампанского для свадебного пира.

Но Гуляка не принес ни денег, ни шампанского. Ему действительно не везло.

В результате шампанское было только на гражданской свадьбе, состоявшейся в доме

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

дяди Порто и тети Литы. Талес Порто торжественно откупорил бутылку, а судья произнес тост за здоровье новобрачных. Венчанье тоже было скромным и кратким, на нем присутствовали лишь самые близкие подруги Флор и сеу Атенор Лима, не считая тети Литы, дяди Порто и, разумеется, доны Нормы. Миллионерша дона Мага Патерностро прийти не смогла, но наутро она прислала целую батарею кухонной посуды – очень практичный и нужный подарок. Со стороны жениха присутствовали директор департамента парков и садов, у которого неисправимый Гуляка под предлогом свадьбы выклянчил денег, как, впрочем, и у других своих коллег, затем Мирандон со своей худощавой и свежей, но уже стареющей белокурой женой и Шимбо. Увидев в церкви помощника полицейского инспектора, Талес Порто заметил потом доне Лите. «Значит, не все было ложью в шутке, которую они затеяли, чтобы поиздеваться над доной Розилдой. Гуляка действительно в родстве с важным Гимараэнсом».

Венчал их по просьбе доны Нормы дон Клементе – приходский священник церкви святой Терезы. Гуляка выглядел на редкость элегантным завсегдатаем кабаре, Флор, вся в голубом, тихо улыбалась, потупив взгляд. Доне Норме так и не удалось убедить ее быть в белом, с фатой и флердоранжем – у Флор не хватило мужества. Обручальные кольца одолжили у Мирандона перед самой свадьбой. Накануне в «Табарисе» собрали денег для того, чтобы Гуляка оплатил уже выбранные в ювелирном магазине Рено кольца, но через полчаса он проиграл все до последнего тостана. И все же если бы Гуляка сходил за кольцами, ему бы удалось их выпросить. Ювелир, хоть и славился своей скупостью, не всегда мог устоять перед настойчивостью Гуляки и не раз одалживал ему денег. Но после бессонной ночи жених проспал допоздна и в последнюю минуту примчался за невестой на такси Цыгана.

Все уже выходили из церкви, когда появился банкир Селестино с букетиком фиалок в руке. Он был представлен Флор, вернее доне Флор, как и полагается звать замужнюю женщину, поцеловал ей руку, извинился за опоздание: он только что узнал о свадьбе и не имел времени купить подарок, – и незаметно сунул кредитку Гуляке. Гости поспешили поздороваться с важным португальцем, и раньше остальных – Шимбо и дон Клементе.

Во дворе монастыря все распрощались с новобрачными, только дона Норма проводила их до их нового дома, на фасаде которого уже красовалась вывеска «Кулинарная школа „Вкус и искусство“. Дона Флор пригласила соседку:

– Зайдите к нам, посидим немножко…

Но дона Норма лукаво рассмеялась:

– Неужели я кажусь такой глупой? – И, показав на потемневшие облака над морем, заключила: – Скоро ночь, пора спать…

Гуляка согласился с ней:

– В ваших словах сущая правда, соседка. Впрочем, этим делом я могу заниматься в любое время. – Обняв дону Флор за талию, он пошел с нею по коридору, на ходу нетерпеливо расстегивая платье жены.

В спальне Гуляка положил ее на голубое одеяло, обнаженное тело Флор окутали первые сумерки.

– Умоляю тебя, убери это покрывало, оно похоже на саван, – сказал Гуляка. – Принеси лучше то, лоскутное, на нем ты будешь еще привлекательнее, моя пушистенькая. А это мы сохраним, чтобы заложить в ломбарде, за него дадут немало…

И вот на пестром лоскутном одеяле, немая от стыда, лежит наконец-то замужняя дона Флор, одетая лишь прозрачной те ю сумерек. Лежит рядом со своим мужем Гулякой, которого она сама избрала, не послушав советов старших, невзирая на запрет матери. Она отдалась ему до свадьбы, поступив, может быть, неразумно, но она не могла жить без Гуляки. Она горела на огне, которым пылали уста Гуляки, его пальцы жгли ее тело. Теперь, когда они женаты, он по праву супруга раздел ее и, лежа рядом на железной кровати, смотрел на нее с улыбкой. Ее муж красив, золотой пушок покрывает его руки и ноги, на груди густые белокурые волосы, на левом плече шрам от удара ножом. Подле него дона

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Флор казалась негритянкой, такая она была темная. Их обнаженные тела, полные желания, слились. Гуляка шептал на ухо Флор нежные, глупые слова.

Они предавались любви, пока не обессилели. Тогда дона Флор, натянув на себя одеяло, заснула. Гуляка улыбался и, ласково глядя на жену, гладил ее по волосам. Гуляка – ее муж, красивый, мужественный, нежный и добрый.

Когда дона Флор проснулась, будильник на ночном столике показывал два часа. Гуляки в постели не было. Дона Флор встала и пошла его искать, но Гуляка исчез из дому – наверняка отправился попытать счастья на деньги, подаренные банкиром. И это в первую брачную ночь! Дона Флор ворочалась в кровати и впервые лила горькие слезы замужней женщины.

14

Семь лет прошло с этой далекой ночи до того тревожного воскресного утра, когда Гуляка упал бездыханным, танцуя с ряженными самбу на карнавале. И как тогда справедливо заметила дона Гиза – а слов эта женщина на ветер не бросала, – хоть все эти семь лет дона Флор оплакивала свои маленькие грехи и большие грехи мужа, у нее еще остались слезы. Слезы стыда и страдания, боли и унижения.

Она проливала их ночами, когда Гуляки не было дома. Бессонными ночами, полными нескончаемого ожидания, будто заря отступила к границам ада. Дождливыми ночами, когда струи воды заводили свою протяжную заунывную песню, монотонно барабаня по крышам. Ей не хватало теплой груди Гуляки, его сильных рук. Дона Флор вслушивалась в каждый шорох и не могла заснуть, словно ее мучила открытая рана. Охваченная тоской, она дрожала в леденящем ознобе, одна в супружеской кровати.

Зато когда Гуляка был рядом, холод и грусть отступали. От него исходило радостное тепло, которое охватывало дону Флор, и начиналась упоительная ночь. Доне Флор было уютно, она чувствовала себя счастливой и немного возбужденной, словно выпила стакан вина или рюмку ликера. Близость Гуляки пьянила ее, как крепкий напиток, и она не могла устоять перед его поцелуями и ласками. То были ночи безудержной, феерической страсти.

Таких вечеров, когда Гуляка оставался с женой после обеда и, растянувшись на софе и положив ей голову на грудь, слушал радио и рассказывал разные истории, было слишком мало. Его смелая рука гладила ее, ласкала, а потом они пораньше укладывались на свою железную кровать. Но таких вечеров было слишком мало, они выпадали, когда Гуляку вдруг охватывало отвращение к беспорядочной жизни и он оставлял приятелей, кашасу, рулетку на три-четыре дня, а то и на неделю и сидел дома. Тогда он обычно спал, рылся в шкафах, заигрывал с ученицами, приставал к доне Флор, чтобы она ложилась с ним в постель в самое неподходящее время. Эти дни пролетали быстро. Легкомысленный Гуляка ставил все вверх дном, его задорный смех раздавался в коридоре, он переговаривался из окна с соседями, слушал, как ругаются между собой дона Норма и дона Гиза, и наполнял весь дом и улицу своим весельем. Да, эти ночи можно было сосчитать по пальцам – полные безумного восторга, смеха и страстных ласк. «Моя кокосовая конфетка, мой цветочек базилика, соль моей жизни, мой пушистый зверек, твой поцелуй для меня слаще меда». Чего только он не шептал ей! Зато других ночей было бесконечно много. Дона Флор спала тревожно, просыпаясь от малейшего шороха, а то и вовсе не смыкала глаз, охваченная гневом, пока не угадывала его шагов вдалеке и не слышала, как поворачивается в замке ключ. По тому, как открывается дверь, она уже знала, насколько Гуляка пьян и была ли удачной игра. Смежив веки, дона Флор притворялась спящей.

Иногда он приходил на рассвете, и она ласково встречала его, оберегая его поздний сон. На усталом лице Гуляки блуждала виноватая улыбка, свернувшись клубком, он прижимался к жене. Дона Флор молча глотала слезы, чтобы Гуляка не заметил, что она плачет, – у него ведь и без того было достаточно причин для раздражения: нервы его сдавали от превратностей борьбы с фортуной. Он приходил почти всегда навеселе, а иногда и пьяный

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

и сразу засыпал, однако прежде приласкав жену и шепнув: «Сегодня я продулся, моя пушистенькая, но завтра обязательно отыграюсь…» Дона Флор не спала, охваченная нежностью, чувствуя, как муж, прижавшийся к ней, вздрагивает; он и во сне продолжал играть, все так же несчастливо, повторяя: «Семнадцать, восемнадцать, двадцать, двадцать три», – четыре роковые для него цифры… Флор наблюдала за мужем и представляла себе, как он ставит на одно из этих чисел и выигрывает. Она уже имела представление, что такое рулетка с ее соблазнами и собственными математическими законами. Сейчас, на рассвете, она охраняла его от всего мира, от фишек и костей, от крупье и, невезения. Она прикрывала его своим телом и. согревала; спящий Гуляка казался большим белокурым ребенком.

Случалось, он не приходил ночевать; дона Флор ждала его весь день и следующую ночь, страдая от унижения. Видя ее такой молчаливой и печальной, ученицы избегали задавать щекотливые вопросы, опасаясь, как бы бедняжка не расплакалась от стыда. Между собой они осуждали легкомысленного обманщика и жизнь, которую он вел, и как только ему не совестно мучить свою милую жену? Но стоило им увидеть Гуляку, стоило услышать его вкрадчивый голос, его веселые шутки, как все они, за очень редким исключением, начинали таять и млеть.

Все дни Гуляка проводил в беготне, разыскивая кредиторов, зачастую безуспешно: в залах, где идет игра, в долг не дают, фишки можно получить только за наличные. Он обходил банки, убеждал управляющих и их заместителей учесть векселя; применял всю свою хитрость, вырывая у поручителей гарантии, или выклянчивал под чудовищные проценты несколько сот мильрейсов у жадного ростовщика. Все послеобеденное время он мог потратить на скрягу, которого уговорить было почти невозможно, и ликовал, если ему удавалось одержать победу, когда скупец брал наконец ручку и ставил свою подпись на поручительстве, больше не в силах сопротивляться. Впрочем, некоторые наиболее практичные предпочитали действовать так: едва Гуляка появлялся с векселем на тысячу крузейро, жертва швыряла ему купюру в сто или двести крузейро, только бы от него отделаться. Через месяц или два вексель обязательно оказался бы просроченным.

Гуляка редко уходил с пустыми руками. Чтоб не поддаться его уговорам, недостаточно было простой жадности, нужно было обладать железной волей, не испытывать никакого сочувствия к чужому горю, словом, быть человеком бессердечным, как итальянец Гильермо Риччи с Ладейра-да-Табоан. Он прославился тем, что мужественно сопротивлялся Гуляке в течение нескольких лет.

Еще можно назвать книжного торговца Дмевала Шавеса, в те времена этот богач был

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

еще директором магазина. Он долго сдерживал натиск Гуляки, но однажды тот осаждал Дмевала целый день. Они вместе пообедали, приближался вечер. Гуляка терзал торговца шесть часов подряд – Мирандой специально засек время на своих швейцарских часах. Кончилось тем, что хитрец Дмевал, одурев от усталости и россказней Гуляки, сдался:

Клянусь, вы первый, кому я даю поручительство.

Что ж, дружище, неплохое начало, лучше и не придумать. Дальше пойдет как по-писаному: кто хоть раз дает мне поручительство уже не может остановиться, входит во вкус.

Гуляка помчался в банк, оставив толстого директора с открытым ртом: он печально склонился над бухгалтерскими книгами, не понимая, как его угораздило уступить Гуляке и поставить свою подпись на векселе.

Когда по вечерам в «Табарисе» шла игра, Гуляка не приходил обедать. Он съедал только сандвич или еще что-нибудь и ужинал уже поздней ночью, когда закрывались двери во всех игорных заведениях… Самые упорные – он, Джованни, Анакреон, Мирабо Сампайо, Мейя Порсан, негр Аригоф, элегантный, словно русский князь, – направлялись всей компанией на площадь Семи Ворот, к Андрезе, или в какую-нибудь таверну, где подавали каруру в листьях, рыбу, холодное пиво и кашасу.

Если случалось, что он забегал домой пообедать, то сразу же после еды исчезал, всегда торопясь. Дона Флор навеки рассталась с надеждой, что муж ее, как все другие мужья, будет возвращаться с работы, располагаться по-домашнему, в пижаме, читать газеты, обсуждать новости, ходить в гости, в кино. Она уже забыла, когда в последний раз была там! Разве что дона Норма затащит ее на утренний сеанс.

Они месяцами нигде не бывали. И все же всякий раз, когда он снимал пиджак и ослаблял узел галстука, она неизменно спрашивала.

– Больше никуда не пойдешь?

Гуляка с улыбкой отвечал:

– Ненадолго, дорогая. Меня ждут, но я не задержусь…

Иногда он заходил домой до обеда, но только с одной целью. Это означало, что Гуляка проигрался в пух и прах и нигде не добыл ни гроша: его подвела интуиция, а управляющие банками оказались бесчувственными и поручители куда-то исчезли. Словом, не у кого было перехватить взаймы. В такие дни он был раздражен. Гурман Гуляка, обычно смакующий изысканные блюда доны Флор, ел молча, без аппетита, даже не замечая, что ему подают. Он украдкой поглядывал на жену, пытаясь определить, какое у нее настроение и найдет ли он у нее сочувствие. Ибо он приходил лишь за одним: выпросить у жены денег. Он всегда просил взаймы, но, разумеется, долгов никогда не возвращал. И все же дона Флор каждый раз уступала ему и давала кое-какую мелочь, хотя частенько и сама испытывала денежные затруднения. В такие дни Гуляка становился грубым и жестоким, его обаяние и галантность исчезали без следа.

Едва завидев его, дона Флор сразу же догадывалась о его намерениях. За прошедшие годы она хорошо изучила своего мужа: его походку, плутовской блеск его глаз, когда он поглядывал на какую-нибудь красотку, на ее болтливых учениц, на декольте доны Гизы или вообще на всех встречных женщин, когда супруги шли по улице. Гуляка ни одной не оставлял без внимания, разве только совсем уродливых.

Итак, после полудня Гуляка был в поисках денег и в зависимости от результатов являлся или не являлся домой обедать, был ласков или груб. А к вечеру снова шел навстречу своей мрачной судьбе.

Мрачной? Вряд ли это торжественное слово подходит к характеру Гуляки и его беспечной жизни. Ее можно было назвать ночной, но не мрачной. Гуляке никак не шли темные, зловещие краски, какими любят рисовать игроков те, кто затевает против них кампании. У Гуляки не дрожали руки, когда он делал ставку, и его не мучила нечистая совесть после бессонной ночи.

Правда, его охватывало тревожное волнение, когда он следил за шариком рулетки, но это было приятное волнение. Ни разу ему не приходила в голову мысль о самоубийстве, ни

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

разу его грудь не терзало раскаяние, а в ушах не раздавался требовательный голос разума. Все эти ужасы, от которых погибают азартные игроки, были неведомы Гуляке. Жаль, конечно! Но что поделаешь, если это так? Невозможно представить себе Гуляку этаким романтическим героем, который не в силах бороться со своим роком, презирает себя, хочет пустить себе пулю в висок у дверей казино, но не может набраться смелости.

Жизнь Гуляки, напряженная и суровая, была по плечу лишь настоящему мужчине, слабый не выдержал бы этой битвы, которая велась каждый вечер, каждое мгновение каждого вечера. Для Гуляки удары коварной судьбы никогда не становились катастрофой, непоправимым несчастьем. Жизнь его была переменчивой, но веселой, и всегда находился кто-нибудь, кто соглашался одолжить ему денег. Невероятно, что столько людей шло на это. Впрочем, может быть, таким образом они наслаждались риском, не посещая казино, пользующиеся дурной славой? Глубокие переживания дарила судьба Гуляке.

Например, в тот августовский вечер, начавшийся так неудачно – он пытался выпросить денег у доны Флор, но та не дала, поскольку у нее оставалось лишь немного на домашние расходы, – они поссорились, наговорили друг другу бог знает чего. В конце концов дона Флор бросила ему тридцать жалких мильрейсов, и с ними Гуляка начал свой славный поход в «Абайшадиньо», где играли в рулетку Он поставил десять мильрейсов на свое любимое число, и вдруг… Вдруг его число выиграло – хотите верьте, хотите нет! – четырнадцать раз подряд. Гуляка продолжал играть, окруженный взбудораженной толпой, и не собирался ставить на другое число. Узнав об этом, Мирандой как сумасшедший примчался из другого зала, где играли в ронду, и крикнул Гуляке:

– Остановись ради своих детей, везение не вечно.

У Гуляки не было детей, и он не остановился, но Мирандон, у которого дети были, прикрыл руками фишки и, оттолкнув Гуляку, увел его от стола. И правильно сделал: хотя Гуляка и вышел из игры против воли, зато в выигрыше.

В тот вечер он покинул казино с карманами, полными денег. Вспомнил, как кричал рыдающей доне Флор: «Ты просто никуда не годишься, ничего не стоишь и ни капельки меня не любишь», – и решил явиться домой пораньше и с подарком. Да не с каким-нибудь, а с дорогим ожерельем, кольцом, браслетом, драгоценным камнем. Но где его взять, если магазины уже закрыты? Мирандон предложил поискать что-нибудь подходящее в публичных домах. Девицы иногда получали дорогие подарки от какаовых плантаторов или помещиков. Некоторым даже удавалось кое-что скопить, и, оставив свое ремесло, они открывали салоны красоты или мелочные лавки. Мирандон знал двоих, которые даже вышли замуж и стали вполне порядочными дамами.

Приятели отправились на поиски. Они ходили по кабаре, веселым заведениям, гостиницам и всюду угощали всех, кто хотел выпить, пивом вермутом и коньяком. Платил Гуляка. Пересмотрели десятки украшений, но все это были жалкие, дешевые побрякушки из хромированного металла и латуни с разноцветными стекляшками. Ночь между тем приближалась.

А ведь он хотел прийти домой пораньше – сюрприз так сюрприз. Гуляка торопился, представляя, как обрадуется дона Флор, когда он явится до полуночи да еще с подарком. Но подарок должен быть дорогой, не из тех, что покупают у бродячих торговцев. Наконец на Ладейра-де-Сан-Мигел, в будуаре – как манерно выразился Мирандон мадам Клодетты, стареющей куртизанки, существовавшей за счет скудной клиентуры, привлеченной ее французским происхождением они нашли то, что было надо.

Бирюза необыкновенной голубизны поразила Гуляку и Мирандона. Исключительно красивая оправа была из настоящего золота. Мадам Клодетта крепко зажала кольцо в руке, словно защищая фамильную драгоценность, и сообщила по секрету, что привезла кольцо из Европы, его носили мать мадам Клодетты и бабка, и потому оно для нее особенно дорого. Только за большие деньги она согласится расстаться с этой не имеющей цены вещью, которая напоминает ей о покинутой Лотарингии и детстве. Да, за большие, очень большие деньги. У le petit Vadinho, le pauvre, никогда не будет такой суммы, а если и будет, вряд ли он

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ее истратит на женские украшения. Но что значат деньги для Гуляки, мадам? Даже проигравшись в пух и прах, он ищет их только для того, чтобы снова попытать счастья в рулетке. Гуляка швырял кредитки полными горстями, пока в карманах почти ничего не осталось; глазки мадам Клодетты загорелись алчным огнем. Покрытая слоем пудры и крема, эта мумия задрожала при виде банкнот в сто и двести мильрейсов.

Без четверти двенадцать, то есть раньше полуночи, как и собирался, Гуляка приехал домой на такси Цыгана. Дона Флор едва задремала,когда он ворвался в спальню и, положив ей на грудь кольцо с бирюзой, сказал улыбаясь:

– А ты не хотела одолжить мне денег, дурочка… – Оставшиеся деньги, около двух конторейсов, он разбросал по постели.

Так можно ли назвать «мрачной» судьбу человека, который был таким жизнерадостным и улыбался, даже если ему не везло?

Возможно, доне Флор с ее позиций судьба эта и казалась мрачной. Особенно с позиций, которые она занимала сейчас, поджидая своего мужа в спальне.

Как, впрочем, и все семь лет, то есть целую вечность. За эти годы дона Флор пролила немало слез, но и пережила немало приятных минут на супружеском ложе. Нежностью и лаской старался Гуляка вознаградить ее за томительные часы ожидания, за горечь унижений. Как-то раз дона Гиза, хваставшаяся своими познаниями в области психологии, психоанализа, психографии и прочих американских штучек, объяснила доне Флор, что она замужем за исключительной личностью – исключительной, правда, не в том смысле, в каком привыкла употреблять это слово дона Флор, то есть великий, лучший, – отнюдь! Дона Гиза имела в виду совсем другое: натуру из ряда вон выходящую, не укладывающуюся в рамки скучной обывательской жизни. Способна ли дона Флор понять его и быть с ним счастливой? – спрашивала дона Гиза, без сомнения хорошая подруга, но чересчур уж ученая и злая на язык.

Дона Флор хотела, чтобы у нее было все как у людей и чтобы муж ее был как все мужья. Разве не служил он в муниципалитете, куда его устроил богатый родственник, доктор Айртон Гимараэнс, он же Шимбо? Ей хотелось, чтобы Гуляка приходил с работы с газетами под мышкой, с пакетом бисквитов или сластей из кокоса. Обедал в положенное время, перед сном прогуливался с нею под руку, наслаждаясь легким ветерком и луной. А потом ласкал ее, но не поздней ночью и не тогда, когда ему вздумается:

У них же все было не так Гуляка приходил домой, когда ему хотелось, а то и вовсе не приходил, ночуя у потаскух, с которыми возобновил прежние связи. Супружеской любви он отводил самое неподходящее время, не считаясь ни с часами, ни с календарем. Между ними не было ни молчаливого согласия, ни привычки, которая обычно существует у супругов. В доме царил беспорядок, по вечерам Гуляка пропадал неизвестно где, а она томилась в ожидании на своей железной кровати, страдая от ревности и тоски. Почему все мужья считаются со своими женами и только Гуляка не считается с ней? Почему он не такой, как другие? Почему нельзя жить спокойно, размеренно, без тревог без сплетен и без этого бесконечного ожидания? Почему?

Постепенно это ожидание, рулетка, кашаса, ночевки мужа вне дома, грубая ругань стали для доны Флор привычными, и все же она не хотела с этим мириться, да так, наверное, и умерла бы, не смирившись.

Но первым умер Гуляка. И теперь – увы! – ей некого больше ждать, но и не на что надеяться, некого любить. Гуляка ушел из дому навсегда, и дона Флор вдруг обнаружила, что бремя ее страданий непереносимо. Теперь ей незачем с бьющимся сердцем прислушиваться к каждому шороху, к шагам пьяных на улице, к тихому скрежету ключа в замке, к звукам далекой серенады.

Далекой и страстной. Иногда Гуляка будил ее песней под аккомпанемент скрипки и кавакиньо, гитары и флейты, трубы и мандолины, совсем как тогда на Ладейра-до-Алво, когда она впервые узнала все о своем возлюбленном: о том, что он бедняк без гроша в кармане, мелкий чиновник, плут, вымогатель, пьяница, развратник и игрок.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

15

Сейчас, лежа на железной кровати, дона Флор старалась не слушать трескотню доны Розилды, которая, стоя у дверей, оживленно беседовала с доной Нормой. Она вспоминала забытые голоса певцов и мелодию прелестной серенады, которую услышала на Ладейра-до-Алво. Так дона Флор пыталась заполнить пустые часы и успокоить сердце, ведь ей уже некого было ждать. Теперь ей остался только мир воспоминаний, и в него она стремилась уйти, засыпать пеплом былого огонь неумирающего желания. Перед нею вдруг словно встала толстая стена, через которую не проникали шушуканье соседок и сплетни, вдову не трогали все эти пересуды. В первые дни траура дона Флор страдала оттого, что ее желание видеть мужа рядом с собой было невыполнимо, и она понимала это. Понимала, что уже никогда больше его не увидит.

Под ругань доны Розилды и звуки далекой песни, раздававшейся в ее душе, дона Флор погружалась в воспоминания: в ту ночь она подошла к окну, как только услышала первые аккорды. Тело ее болело от побоев, на шее алел кровавый рубец, сердце ныло от незаслуженной обиды и унижения. И вдруг она увидела Гуляку под фонарем с простертыми к ней руками. Узнала она и остальных: Каимми, голос которого нельзя было спутать ни с каким другим, Женнера Аугусто, выглядевшего при свете луны еще бледнее обычного, Карлиньо Маскареньяса, Эдгара Коко, доктора Валтера да Силвейру и Мирандона. А потом побежала за этой почти черной розой, которую сорвала накануне в саду тети Литы. Вся ее жизнь перевернулась, хотя она по-прежнему подчинялась железной воле доны Розилды. Словно эта музыка влила в нее новые силы, вселила мужество. Флор вдруг даже обрадовалась тому, что Гуляка оказался всего лишь мелким муниципальным служащим на жалкой должности, а то, что он неисправимый игрок, ее вовсе не трогало.

Мучимая бессонницей, дона Флор вспоминала эти лунные ночи, напоенные нежностью, пытаясь заглушить отчаяние, которое охватывало ее всякий раз, когда она вспоминала, что Гуляка никогда больше не споет для нее и ее не приласкает, не будет больше долгого ожидания по ночам, нарушаемого вдруг чудесной серенадой.

Бывало, он переходил всякие границы: несколько ночей не ночевал дома или же ставил ее в глупое положение, как это случилось, когда они еще были новобрачными и он проиграл деньги, которые надо было внести за аренду дома, а ей ничего не сказал и она получилась обманщицей в глазах хозяина. В таких случаях он искал примирения, поскольку дона Флор с ним не разговаривала, не замечала его, будто у нее вообще не было мужа. Гуляка вертелся вокруг нее, всячески заискивал и делал заманчивые предложения пойти куда-нибудь, приставал с ласками. Но, окопавшись в траншеях обиды, дона Флор стойко сопротивлялась.

Гуляка готов был на самые крупные жертвы: отправиться в кино, сопровождать дону Флор в гости к доне Мага или крестному отцу Эйтора – доктору Луису Энрике, которых уже давно надо было навестить. Или же приводил музыкантов под ее окно и пел серенаду, убаюкивая свою жену и будоража всю улицу. Правда, Доривала Каимми и доктора Валтера да Силвейры уже не было. Каимми переехал в Рио, где выступал на радио и записывался на пластинки, известные певцы исполняли его самбы и морские песенки. А доктор Валтер стал судьей в провинции и своей волшебной флейтой убаюкивал теперь собственных детишек – мальчишек и девчонок, которых жена каждый год рожала ему по одному, а то и по двое. В наш легкомысленный век необдуманных поступков и сумасбродств редко встретишь человека, столь ревностно относящегося к своим обязанностям, как просвещенный судья.

Теперь же не стало и Гуляки. Увы! Не стало его голоса, его насмешливой улыбки, его ласковых рук, белокурых волос, его дерзких усиков, никто уже не бредит рулеткой рядом с ней в постели. Даже мучительного ожидания не стало у доны Флор; чего бы она сейчас не отдала за то, чтобы снова страдать, ожидая мужа, с тревогой прислушиваться в ночной тишине к его нетвердым, пьяным шагам!

Уговоры доны Нормы, пытавшейся по дороге образумить дону Розилду, ни к чему не привели.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Чем меньше напоминать ей о Гуляке, тем скорее она его забудет. Она очень страдает, не стоит говорить в ее присутствии о его недостатках и пороках! Зачем досаждать бедняжке?!

Все оказалось напрасным. У доны Розилды были свои планы: она считала, что слезы, которых покойный не заслужил, можно остановить, если поносить его последними словами. Она и раньше твердила, что смерть Гуляки может только обрадовать, но не огорчить. И по приезде еще раз высказала свое мнение чуть не на всю улицу: ей плевать было что ее кто-нибудь услышит.

Утешения доны Нормы, впрочем, тоже не очень помогали: дона Флор не могла забыть дурных поступков и пороков своего мужа, но тем более блаженных часов, проведенных с ним, его ласки и безумные слова, его выносливость в любви и его слабость, когда он искал забвения у нее на груди и находил его в нежности доны Флор.

Дона Флор испытывала мучительное, почти физическое страдание и полное безразличие ко всему на свете. Повседневными заботами пыталась она заполнить внутреннюю пустоту, сдержать горькие слезы, чтобы как-то жить дальше. На седьмой день после панихиды занятия в кулинарной школе возобновились. Поначалу ученицы избегали, как это было у них принято, шутить, дружески посмеиваясь друг над другом у горячей плиты. Но выдержали не более двух-трех дней, а потом вернулась обычная веселая атмосфера, против чего не возражала и сама дона Флор; это помогало ей отвлечься от печальных мыслей.

Не пришла на занятия только маленькая Йеда с кошачьим личиком, подтвердив тем самым подозрения доны Флор. Боялась ли она встречи с доной Флор или дома, опустевшего без Гуляки, его веселого смеха и дерзких проделок?

Напрасно, потому что дона Флор теперь ничего не имела против Йеды: ей ни к чему было что-то выяснять, ссориться и тем более кого-то в чем-то обвинять. Она хотела бы знать только одно: не беременна ли обманщица и не носит ли она под сердцем ребенка Гуляки?

У самой доны Флор, и она знала об этом, детей быть не могло. Доктор Лоурдес Бургес объяснил ей, в чем дело, а доктор Жаир, подтвердив диагноз, предложил сделать несложную операцию. Однако дона Флор отклонила это предложение, поскольку доктор Жаир не мог гарантировать полный успех операции. Вот почему в изменах мужа ее больше всего беспокоила опасность появления внебрачного ребенка.

Доне Флор так и не удалось выяснить, хотел ли ребенка Гуляка Может быть, страх, что ей придется делать операцию, помешал более откровенному разговору? Кто знает… Правда, дона Флор не раз спрашивала мужа:

– Ты не очень страдаешь оттого, что у нас нет детей?

Но Гуляка, может быть, знал, что она бесплодна и боится операции, а поэтому скрывал свое желание иметь белокурую кудрявую девочку, похожую на него, или черноволосого, с бронзовой кожей мальчика, похожего на дону Флор. Как-то раз, когда он стал восхищаться толстым, розовощеким бутузом на календаре, победителем конкурса на самого здорового ребенка, дона Флор снова коснулась волновавшего ее вопроса.

– Если тебе очень хочется ребенка, я сделаю операцию. Доктор Жаир говорит, что возможен благоприятный исход. Но гарантировать он не может…

Гуляка слушал ее рассеянно, занятый своими мыслями, и ответил не сразу. Доне Флор пришлось повысить голос, чтобы вывести его из задумчивости.

– Не получится так не получится… По крайней мере тогда никто не посмеет сказать, что ты хотел ребенка, а я не сделала все от меня зависящее… Я справлюсь со своим страхом, стоит только тебе сказать… – Она вдруг зарыдала.

Гуляка не выносил, когда она плакала, и, нежно проведя ладонью по ее расстроенному личику, улыбнулся:

– Какая же ты у меня дурочка… Неужели тебе хочется, чтобы тебя искромсали? Оставь эту затею я не позволю, чтобы ты себя уродовала. И не смей больше говорить ни о каком ребенке.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Желая покончить с этим разговором, он обнял ее, но так и не сказал, хочет ли ребенка, которого она не могла ему родить и которого он так легко мог подарить любой другой женщине. Гуляка ласками заставил забыть то, что ее так волновало.

Но он любил детей… Очень любил!… Дети, завидев его, бросали игрушки и мчались ему навстречу. Когда он играл с детьми, сам словно становился их ровесником и никогда не раздражался. Мирандон пригласил Гуляку и дону Флор быть крестными родителями младшего из четырех своих сыновей, и тот, едва подрос, без памяти полюбил своего крестного: при виде его малыш разевал свой большой, как у лягушки, рот, махал ручонками и, вырываясь от матери, тянулся к Гуляке. Они играли часами: Гуляка подражал крикам диких зверей, прыгал, как кенгуру, смеялся. Как мог не хотеть ребенка тот, кто так любил детей? Однако Гуляка никогда не признавался в этом жене, очевидно боясь рокового исхода операции.

Сейчас дона Флор, лежа на своей вдовьей постели, чувствует угрызение совести. В конце концов, можно было рискнуть, невзирая на пессимизм обоих врачей. Но она, наверное, поддалась влиянию доны Гизы, мнение которой разделяли многие соседи и даже дядька с теткой. Дона Гиза авторитетным тоном изложила теорию наследственности, чтобы утешить бесплодную женщину. Даже тетя Лита, всегда такая добрая, не раз говорила ей:

– Нет худа без добра, доченька. Ты могла бы родить мальчика, такого же безобразника, как Гуляка. Подумай об этом! Господь ведает, что творит…

Телес Порто поддакнул жене:

– Лита права. Чтобы жить счастливо, совсем не обязательно заводить детей. Посмотри на нас, а ведь у нас никогда не было детей…

Они и в самом деле любили друг друга и были счастливы: Порто со своими пейзажами, а дона Лита со своими цветами и старым, толстым котом, которого она баловала, как единственного ребенка.

Многие думали так же и старались утешить дону Флор теми же доводами. А'дона Флор находила в этих утешениях оправдание своему страху перед операцией и, если уж говорить откровенно, своему эгоизму.

И вот сейчас, слушая ехидный голос доны Розилды и вспоминая ту нежную, далекую серенаду, она призналась себе, что не в страхе перед операцией было дело. Если бы она так же, как Гуляка, хотела ребенка, который наполнит дом шумом и смехом, она, наверное, нашла бы в себе силы лечь в больницу. Но она жила только мужем, только его хотела видеть в доме: для нее он был большим ребенком, заменял ей сына.

Дона Норма возражала доне Розилде:

– Ей надо забыться, это для нее сейчас самое лучшее. Она молода, еще сможет заново устроить свою жизнь…

– Она по собственной воле вышла замуж за этого негодяя… – раздавался голос доны Розилды.

– Пусть он никуда не годится, но к чему все время поносить его, тревожить покойника? Мы должны подумать о Флор, отвлечь бедняжку от ее печальных воспоминаний. Правда, она возобновила занятия в школе, но этого мало, нужно, чтобы она чаще выходила, развлекалась… – Ворчание доны Розилды снова заглушил голос доброй доны Нормы: – Если б у нее хоть был ребенок…

Дона Флор услышала это. Да, тогда ей было бы намного легче… Не так одиноко и пусто и хоть какой-то интерес в жизни. Дона Розилда между тем не скупилась на проклятия зятю: он и такой, и сякой, и негодяй, и проходимец. И дона Флор заткнула уши, чтобы не слышать ничего, кроме той серенады, одна на железной кровати, без мужа и без ребенка, который мог бы утешить ее.

За семь лет, прожитые с Гулякой, больше всего ее испугал слух о том, что мулатка Дионизия, жившая недалеко от Террейро, якобы родила Гуляке сына. Дона Флор всегда боялась женщин, которые, родив от ее мужа, уведут его с собой. Стоило ей услышать об очередном похождении Гуляки, узнать, что роман слишком затянулся, сердце ее сжималось

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

от страха, она уже видела, как ребенок соперницы тянет ручки к ее мужу.

Женщин она не боялась, хотя и ревновала. «Это просто так, для развлечения», – Гуляка не оправдывался, просто давал понять, что бояться ей нечего. А если все же появится ребенок? С ним бороться будет невозможно, и никакой надежды у нее не останется. Дона Флор прямо обезумела, когда дона Динора – и откуда только она обо всем узнавала? – с извинениями сообщила имя любовницы Гуляки и подробности их связи, вплоть до самых интимных. Какой ужас! Неужели на свет появится ребенок, которого она не могла, а возможно, и не хотела родить?

Представьте же себе состояние доны Флор, когда в один прекрасный день дона Динора рассказала ей, что Дионизия уже родила. Мулатка, слывшая красавицей, была натурщицей (один художник назло общественному мнению изобразил ее в костюме королевы) и в то же время лучшим украшением чрезвычайно демократического и широко известного заведения Лусианы Паки в самом многолюдном районе.

Дона Динора руководствовалась лишь добрыми чувствами и отнюдь не намеревалась строить козни, она была не из таких. Ей этого совсем не хотелось, но она считала себя обязанной выполнить свой долг перед подругой, чтобы дона Флор, такая добрая и порядочная, не оставалась в неведении, пока другие смеются у нее за спиной.

– Эта шлюха родила от него…

Она не стала употреблять более сильное выражение. Дона Динора была очень деликатна и ужасно боялась оскорбить кого бы то ни было, даже пропащую, беспутную женщину, родившую от чужого мужа. «Я не интриганка и зла никому не желаю», – уверяла дона Динора, и находились такие, что ей верили.

Замолкли последние аккорды серенады и голоса певцов, исчезла черная роза. Дона Флор вздрагивает, лежа на своей вдовьей кровати и вспоминая те тревожные дни, когда она приняла твердое решение: ни за что не пускать Гуляку, сохранить его для себя, такого, какой он есть – игрока и бабника. И она ему доказала, что способна на это.

16

Ясным и прохладным июньским утром две женщины вышли из церкви святого Франциска после мессы и, решительным шагом перейдя через площадь Террейро-де-Жезус, направились к лабиринту старинных узких улочек Пелоуриньо. Мальчишки напевали

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

рискованную самбу, отбивая ритм по пустым консервным банкам.

Дона Норма, обращаясь к спутнице, проворчала:

– Почему эти молокососы не обратят внимания на зады своих матерей?

Возможно, это было простое совпадение и мальчишек вдохновили вовсе не ее пышные телеса, однако дона Норма на всякий случай бросила на нахалов строгий взгляд, который тут же смягчился, упав на чумазого малыша лет трех, одетого в лохмотья: он танцевал самбу в центре хоровода.

– Посмотри, Флор, какая прелесть, до чего ж хорош этот дьяволенок…

Дона Флор взглянула на ватагу оборванных детей. Некоторые из них толклись на оживленной площади среди бродячих фотографов или торговцев фруктами, норовя украсть из их корзин апельсины, лимоны, мандарины. Другие аплодировали человеку, продававшему чудодейственные лекарства, который расхаживал со змеей на шее, обвившейся наподобие отвратительного галстука. Третьи клянчили милостыню у церквей, налетая на богатых прихожан, либо перебрасывались шуточками с сонными девицами, еще совсем молоденькими, бродившими по скверу в ожидании утренних клиентов. Все эти пострелята появились на свет от случайных связей, у них не было ни отца, ни крыши над головой. Они жили беспризорными, носились по переулкам и в будущем, вероятно став карманными воришками, познакомятся с коридорами полицейских участков.

Дона Флор вздрогнула. Она пришла сюда взять малыша, только что родившегося, который ничего не будет знать о своем происхождении. Но при виде ребятишек, бегающих по площади Террейро, сердце ее преисполнилось жалости: сейчас она усыновила бы их всех, а не только ребенка Гуляки. Впрочем, Гуляка и без нее позаботился бы о своем сыне, никогда бы его не бросил на произвол судьбы, не такой он был человек, чтобы оставить ребенка без помощи, тем более своего родного, плоть от плоти. Он не стал бы отказываться от отцовства, а с гордостью, во всеуслышание объявил, бы о нем.

Дона Флор никогда в этом не сомневалась, хотя муж не сказал ей на этот счет ни слова. Но дона Флор знала, знала наверняка, что ребенок для него был бы самой большой удачей, самым большим выигрышем, самой крупной ставкой. Поэтому ее так встревожило известие, принесенное доной Динорой. Ведь Гуляка и без того почти не принадлежал ей из-за своего пристрастия к игре и веселой жизни. Что же ей останется, если между ними к тому же встанет ребенок, тянущий ручонки к своему отцу? Тот самый ребенок, которого она не смогла ему дать.

Сообщение доны Диноры повергло дону Флор в отчаяние. Даже дона Норма ничего не могла посоветовать. Всегда решительная и собранная, она не находила выхода из создавшегося положения и чувствовала себя растерянной.

– А почему бы тебе не сказать, что ты беременна? – Умнее она ничего не могла придумать.

– Ну и что дальше? Потом он узнает правду и будет еще хуже…

Соломоново решение приняла дона Гиза – оно было не только достойным и практическим, но и помогало справиться с другими проблемами. Дона Гиза была докой в вопросах психологии и метафизики. Сам профессор Эпаминондас Соуза Пинто почтительно снимал перед ней шляпу. «Весьма эрудированная женщина», – говорил он, а ведь профессор никогда не ошибался в расстановке знаков препинания и бесплатно корректировал еженедельник Пауло Насифе, издававшийся небольшим тиражом, но процветавший за счет объявлений.

Когда огорченная дона Флор и растерявшаяся дона Норма ввели в курс дону Гизу, та сразу же нашла выход. На своем отвратительном португальском языке она объявила, что, если Гуляка так хотел ребенка, что не побрезговал проституткой, поскольку дона Флор бесплодна, если дона Флор боится из-за этого ребенка, родившегося от другой, навсегда потерять Гуляку, чтобы сохранить мужа, ей остается только одно: принести домой этого незаконорожденного отпрыска Гуляки и стать для него матерью.

Но в чем дело? Почему так раскричалась дона Флор, ругаясь, как американская

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

миллионерша – сравнение принадлежало доне Гизе, которая была поражена реакцией соседки, – и клянясь, что этого никогда не случится и что она ни за что не возьмет себе ребенка другой женщины, особенно потаскухи?… К чему этот скандал? Ведь Бразилия, по мнению американки, тем и отличается от других стран, что здесь все относятся друг к другу с сочувствием и пониманием. Замужние женщины воспитывают внебрачных детей своих мужей. Она сама знает несколько таких случаев в бедных и богатых семьях. Разве соседка дона Абигайл не воспитывает дочку своего мужа от какой-то женщины с такой же любовью, с какой воспитывает собственных четырех детей? Просто замечательно! Этим-то и понравилась Бразилия доне Гизе, поэтому-то она и приняла бразильское подданство.

Чем виноват ребенок, какой грех он совершил? Как можно оставить бедного малыша, плоть и кровь ее мужа, Гуляки, обреченным на лишения и голод, среди нищеты и пороков, не дать ему образование и других жизненных благ? К тому же разве не боится дона Флор – и не без оснований, – что Гуляка останется с матерью ребенка, чтобы быть ближе к сыну? Но если дона Флор возьмет этого ребенка к себе, чтобы воспитывать его как родного, разве не будет это самым убедительным доказательством ее любви к мужу? Ребенок, рожденный другой женщиной, навсегда свяжет Гуляку и Флор, и тогда исчезнут все ее страхи и опасения.

А если благодаря заботам доны Флор в доме будет расти здоровый, красивый ребенок, который станет для Гуляки источником постоянной радости, кто знает, может быть, это пробудит в нем ответственность, заставит его изменить образ жизни, взяться за ум и устыдиться прошлого, раз и навсегда оставив игру и женщин? Вполне возможно, что так и будет, примеров тому более чем достаточно.

Вдохновившись этой идеей – «до чего ж хитра гринга!» – дона Норма поддержала дону Гизу. Она так и посыпала примерами. Взять хотя бы азартного игрока и пьяницу доктора Сисеро Араужо из Санто-Амаро-да-Пурификасана. Бедная его жена, дона Пекена, совсем с ним измучилась. Но когда она родила ребенка, доктор Сисеро превратился в самого примерного мужа. А сеу Мануэл Лима, без ума влюбившийся в женщину легкого поведения… Хотя он, по правде говоря, не очень хотел ребенка, но исправился, как только вступил в брак, и не было супруга вернее его…

Одним словом, дона Гиза считала, что ребенок, в котором дона Флор видела такую угрозу своему домашнему очагу, может, будто по мановению волшебной палочки, стать его оплотом, гарантией любви Гуляки к жене и его перевоспитания. Правда, подумала про себя дона Гиза, этот новый Гуляка лишится своего обаяния, своей загадочности и своего грубоватого остроумия.

У доны Флор словно пелена с глаз упала. Лицо ее осветилось радостью, и со словами благодарности она бросилась в объятия подруги. Они разработали подробный план действий. А это было совсем не просто. Без поддержки доны Нормы вряд ли дона Флор нашла бы в себе достаточно мужества, чтобы отправиться в квартал, где обитали падшие женщины и «самый низменный разврат», как выражались репортеры уголовной хроники, на поиски Дионизии, чтобы отобрать у нее новорожденного и усыновить его по всей форме в нотариальной конторе с соответствующими записями и свидетелями. Дона Норма, побуждаемая самыми дружескими чувствами, сразу же предложила сопровождать подругу. К тому же ей уже давно хотелось взглянуть на этот квартал и его обитательниц, а случая удовлетворить любопытство до сих пор не подворачивалось.

– Не могу же я отпустить бедняжку Флор одну в это логово! – урезонивала она Зе Сампайо, когда тот, пораженный до крайности пытался ее отговорить.

– Я уже не девчонка, а взрослая, почтенная дама, никто не осмелится ко мне пристать. – И дона Норма посвятила в свои планы Зе Сампайо, который больше не сопротивлялся энергичной супруге: – Мы отправимся туда завтра утром. Я пойду якобы для того, чтобы навестить своего крестника, внука Жоана Алвеса, а потом попрошу Жоана, чтобы он отвел нас к этой особе. Жоан же, как тебе известно, мастер капоэйры.

Так они и сделали. В воскресенье после мессы в церкви святого Франциска, где дона

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Флор поставила украшенную цветами свечу, чтобы все сошло хорошо, они пересекли площадь Террейро и разыскали негра Жоана Алвеса, чистильщика обуви, на тротуаре рядом со зданием медицинского факультета. Вокруг него толпились ребятишки, и все они – и курчавый негритенок, и мулаты, и светлые блондины – называли его дедушкой. Они, как и еще очень многие дети, бегающие по узким и кривым улочкам между Террейро-де-Жезус и Байша-дос-Сапатейрос, были его крестниками. У негра Жоана Алвеса никогда не было детей ни от жены, ни от других женщин, но он добывал своим крестникам крестных матерей, еду, старую одежду и даже буквари. Жил он в подвале тут же поблизости вместе с несколькими крестниками. Этот свирепый на вид старик, бранчливый и вздорный, слыл колдуном. Из своего подвала, откуда открывался вид на зеленую долину, негр Жоан Алвес как бы распоряжался красками и светом Баии.

– Кого я вижу! Да благословит вас господь, кума дона Норма… А как поживает сеу Зе Сампайо? Передайте ему, что я на днях зайду в его магазин купить для ребят несколько пар обуви…

Мальчишки окружили подошедших женщин. В руках доны Нормы появился кулек с карамелью. Жоан Алвес свистнул, сразу подбежало еще несколько пострелят и среди них мулатик лет четырех-пяти. Негр погладил его по голове:

– Попроси благословения у своей крестной матери, негодник…

Дона Норма благословила мальчика и дала ему монетку. Негр поинтересовался, каким добрым ветром занесло сюда куму.

– Видите ли, кум, я хочу попросить вас об одной услуге в очень деликатном деле.

– Деликатное дело не для меня, я ведь, как вы знаете, человек грубый…

– Я хочу сказать, это дело должно остаться в строгой тайне.

– Что верно, то верно, я не болтун и не сплетник. Можете говорить, кума…

– Вы, кум, не знаете некой Дионизии? Говорят, она живет где-то здесь.

– И у вашей милости есть к ней дело?

– У меня лично нет, кум. А вот у моей подруги…

Жоан Алвес окинул дону Флор взглядом с головы до ног.

– Дело к Дионизии Ошосси?

– Наверное, к ней… Я слышала, она очень хорошенькая.

Жоан Алвес почесал свою поросшую жесткими, курчавыми волосами голову.

– Хорошенькая? Вы меня извините, кума, но вам следует выбирать выражения. Хорошенькой можно назвать белую, но не мулатку, да еще такую, как Дионизия. Таких красоток, как она, во всем мире, я думаю, найдется не больше полудюжины, и то надо еще поискать.

– У нее недавно родился ребенок…

– Тогда это она, она недавно родила и еще не вернулась к своему занятию…

Дона Флор наконец открыла рот, поинтересовавшись:

– А чем она занимается?

Жоан Алвес снова смерил ее взглядом, но на сей раз с некоторым презрением, явно пораженный ее невежеством:

– Она проститутка, сеньора, это ее занятие.

Дона Норма не хотела отвлекаться от главного.

– И вы, кум, водите с ней дружбу, знаете, где она живет?

– А почему бы мне с ней не дружить, кума? А живет она совсем рядом, на Масиэле.

– Отведите нас туда, кум, моя подруга хочет потолковать с ней об одном деле…

Жоан Алвес еще раз пристально посмотрел на дону Флор и почесал голову, будто что-то в этих словах показалось ему подозрительным и не внушающим доверия.

– А почему бы ей не пойти туда одной, кума? Я покажу дом, где живет Дионизия.

– Будьте рыцарем, кум. Неужели вы допустите, чтобы женщины одни ходили по этому кварталу? А вдруг к нам пристанет какой-нибудь нахал…

Благородство Жоана Алвеса было общеизвестно.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Ну что ж, я провожу вас, но ручаюсь, никто не позволит себе по отношению к вам никакой выходки, у нас этого не водится…

Он встал и поручил своим крестникам присматривать за ящиком и щетками. Это был стройный, крепкий негр лет пятидесяти с лишним, его курчавые волосы уже начали седеть. На шее он носил ожерелье божества Ориша, красные и белые четки божества Шанго. Только морщины под глазами говорили о его пристрастии к кашасе. Поднявшись, Жоан поинтересовался:

– А что за дело к Дио у этой девицы? – В последнем слове прозвучала насмешка.

– Ничего плохого, кум…

– А иначе при всем уважении к вам, кума, я с вами не пойду… Да это ни к чему и не приведет: ее святой всемогущ. – Он коснулся земли кончиками пальцев, приветствуя божество. – Окэ аро Ошосси! Ничто не может причинить ей зло, и любое колдовство обернется против того, кто его затевает…

– Когда вы меня сведете на макумбу, кум? Я очень хочу побывать на кандомблэ…

Так, беседуя, они вошли в квартал, где жила Дионизия. Поскольку было воскресенье и субботний кутеж продолжался до рассвета, улицы были пусты. Лишь у немногих дверей сидели женщины, но и они скорее наслаждались погожим утром, чем поджидали мужчин. Тишь и благодать царили вокруг.

Дона Норма почувствовала разочарование – неинтересное время выбрали они для своего визита. Сейчас этот квартал ничем не отличался от тех, где живут самые добродетельные люди. К тому же дом Дионизии находился в начале улицы.

Когда они поднимались вверх по шатким ступеням, мимо них в темноте шмыгнула огромная крыса. Отовсюду слышались голоса, кто-то тихо напевал грустную песню. На площадке четвертого этажа до них донесся запах лаванды, курящейся в глиняных сосудах, – верный знак того, что в доме новорожденный. Они пошли по коридору и остановились у одной из дверей.

Жоан Алвес постучал костяшками пальцев.

– Кто там? – откликнулся тихий, спокойный голос.

– С миром, Дио… Это я, Жоан Алвес. Тут со мной две сеньоры, они хотят с тобой поговорить. Одну из них я знаю, это моя кума Норма, достойная женщина.

– Так входите и извините за беспорядок, я еще не успела убрать…

Женщины вошли вслед за негром. В тесной комнатушке стояла двухспальная кровать, покосившийся шкаф, железный умывальник с эмалированным тазом и ведром. Все сияло чистотой. На стене висели зеркало с трещиной и гравюра, изображающая святого Бонфима, украшенная лентами. Через окно, выходившее во двор, лился солнечный свет вместе с грустной песенкой. Облокотившись на подушки, до половины прикрытая простыней, мулатка Дионизия приветливо улыбалась нежданным гостям. Декольте ее кружевного пеньюара обнажало пышную грудь к которой она прижимала спящего младенца – крупного и очень смуглого. В сосуде под стулом курилась лаванда, и ее ароматом пропитывалась одежда новорожденного, положенная на плетеное сиденье. Два ящика из-под керосина, покрытые шелковистой бумагой, заменяли табуретки. В заднем углу комнаты были развешаны лук и стрелы Ошосси, изображение Георгия-победоносца, поражающего дракона, зеленый камень – вероятно, фетиш Йеманжи, четки из бирюзы.

– Сеу Жоан, – сказала мулатка своим спокойным голосом, – сделайте милость, снимите со стула детские вещи и положите в шкаф: я приготовила их, чтобы переодеть малыша после купания. Дайте стул этой девушке… Она указала на дону Норму и, повернувшись затем к доне Флор, сказала с улыбкой: – А сеньора, что помоложе, пусть меня извинит, ей придется сесть на ящик.

Продолжая оставаться в кровати, она следила, как чистильщик выполняет ее распоряжения. Невозмутимо улыбающаяся, Дионизия не выказывала ни малейшего любопытства по поводу появления непрошеных гостей. Теперь было понятно, почему художник Карибэ изобразил ее в костюме королевы на троне афошэ.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Опередив негра, дона Норма взяла распашонку и пеленки и открыла шкаф, чтобы заодно выяснить, сколько у мулатки платьев, блузок туфель и сандалий.

– Возьмите ящик и для себя, сеу Жоан, и садитесь.

– Я постою, Дио, мне и так хорошо.

– Лучше разговаривать сидя и не спеша, сеу Жоан, стоя, труднее договориться.

Негр, однако, предпочел встать у подоконника, заслонив собой ослепительно сияющее солнце. В комнату лилась грустная песенка.

Я в страстях – как в цепях,
я рабыня твоя,
господин!

Когда дона Норма и дона Флор уселись, наступила короткая пауза. Дионизия своим приятным голосом первая нарушила молчание. Она заговорила о том, какой сегодня прекрасный день, и пожалела, что не может еще выходить на улицу:

– Трудно оставаться дома, когда умытое дождем солнышко еще радостнее сияет в листве…

Дона Норма согласилась с ней, и они стали мирно беседовать о солнце, о дожде, о лунных ночах в Итапоа, в Кабуле и не известно каким образом добрались до Ресифе, где жила сестра доны Нормы, вышедшая замуж за тамошнего инженера, и где Дио пробыла несколько месяцев.

– Больше полугода я таскалась повсюду с одним типом, который скрывался от полиции. Этот сумасброд вскружил мне голову, а потом бросил меня в Ресифе…

Они б, наверное, долго еще говорили, ибо обе любили поболтать, если бы дона Флор, услышав звон церковных колоколов, оповещавший, что наступил полдень, не встревожилась, прервав их оживленную беседу:

– Мы очень задержались, Норминья…

– Не беспокойтесь, мне очень приятно поговорить с вами… – сказала Дионизия.

– В следующий раз мы посидим подольше, – пообещала дона Норма. – А сегодня мы зашли по делу…

– Я к вашим услугам.

– У моей подруги, доны Флор, нет детей, она не может рожать, и, к сожалению, это неизлечимо.

– Знаю, это бывает, но Марилдес, одна моя знакомая, вылечилась.

– У Флор ничего не получится, врач сказал.

– Врач?! – Дионизия расхохоталась. – Врачи только и умеют, что красиво говорить да неразборчиво писать. Если барышня обратится к Пайзиньо, он ей в два счета поможет. Как, по-вашему, сеу Жоан?

Жоан Алвес поддержал ее:

– Пайзиньо сделает пассы над ее животом, и дети пойдут каждый год.

Однако дона Флор пренебрегла этим советом обратиться к знахарю, хотя тот и пользовался отличной репутацией. Она бросила взгляд на спящего младенца. Не лучше ли сразу объясниться начистоту, узнать, действительно ли это сын Гуляки. Ребенок, такой чернокожий, совсем не похож на него. Дона Флор предпочла сразу приступить к самой неприятной части переговоров, и, как все робкие люди, слишком громко и решительно сказала:

– Я пришла к вам по очень серьезному делу, хочу кое-что предложить и выяснить, не придем ли мы к соглашению.

– Так говорите, барышня, я внимательно вас слушаю.

– Мальчик… – начала дона Флор и тут же смолкла, не зная, как продолжать.

Дона Норма пришла ей на помощь:

– У вас ребенок родился всего несколько дней назад?

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Дионизия взглянула на сына и улыбнулась в подтверждение.

– Так вот, моя подруга хочет узнать… Она, видите ли, дала обет, когда была при смерти, что ее первенец станет священником, если святой Бонфим ей поможет и она выживет. – Дона Норма говорила не спеша: эта история, придуманная ею накануне, ей самой не очень нравилась. – И вот бог внял ее молитвам, и она выздоровела каким-то чудом.

Мулатка слушала с любопытством, стараясь уловить связь между болезнью этой девушки, чудом святого Бонфима и ее ребенком. Дона Норма заторопилась, желая поскорее миновать щекотливую тему.

– Но разве можно выполнить такой обет, не имея ребенка? И тогда она решила усыновить чужого, воспитать его, а потом отдать учиться в семинарию. Она узнала о вашем сыне и выбрала его…

Польщенная Дионизия мягко улыбнулась, и дона Норма, поняв эту улыбку как знак согласия, пояснила:

Она хочет усыновить вашего ребенка, оформив нужный документ в нотариальной конторе. Словом, взять его насовсем и воспитать как сына.

Дионизия молчала, прикрыв глаза. Слушала ли она дону Норму или доносившуюся издалека песню?

Я хотел бы
в объятьях твоих умереть!
Лучше мне умереть,
чем терпеть

– Лучше умереть, – прошептала она и, когда снова открыла глаза, от прежней ее сердечности не осталось и следа: взгляд стал холодным, у рта залегли горькие складки. – А почему?… – тихо спросила Дионизия. – Почему она выбрала моего ребенка? Почему именно его?

«Должно быть, мы причиняем ей невыносимое страдание, – подумала дона Норма… Какая мать захочет расстаться со своим ребенком? Даже самая бедная, прозябающая в нищете, предпочтет, чтобы ей разорвали сердце».

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Кто-то сказал, что ваш ребенок здоровый и красивый… И что у вас нет средств его воспитывать…

Если бы это делалось не ради блага ребенка, если бы речь шла не о сыне Гуляки, дона Норма ни за что бы не выступила в роли посредницы и ни к кому не обратилась бы с подобным предложением. Она с трудом выдавливала из себя слова. Но действительно ли это сын Гуляки? Не следует забывать о ремесле Дионизии. Мальчик еще темнее матери, а где же белокурые волосы Гуляки? Дона Норма сделала еще одно усилие над собой: намекнула, что мальчик в новой семье не будет знать нужды.

– У вас здесь полно ребятишек, да и у моего кума Жоана Алвеса крестников хоть отбавляй, я сама крестила одного из них. И все они голодают, живут в грязи, просят милостыню, даже воруют… Моя подруга не миллионерша, но достаточно обеспечена, чтобы бедняжка не голодал, не попал в тюрьму, учился на священника и ходил в церковь…

Будто разгадав вдруг намерения доны Нормы, младенец проснулся и заплакал. Дионизия высвободила грудь и, устроив ребенка поудобнее, стала его кормить. Она слушала гостью молча, как бы взвешивая все ее доводы: мальчика окружат комфортом и лаской, он ни в чем не узнает недостатка. Конечно, матери тяжело расстаться с сыном, но только эгоистка обречет свое дитя на голод и нищету. Дона Флор добрейшей души женщина, лучше ее трудно найти.

Дионизия теснее прижала грудь к губкам уже сытого ребенка. Повернувшись к окну, где стоял Жоан Алвес, она заговорила, обращаясь к нему, будто женщины не стоили того, чтобы им отвечать:

– Видите, сеу Жоан, как обращаются с бедняками? Эта вот, – она кивком указала на дону Флор, – сама не может рожать, так разузнала, что Дионизия Ошосси, у которой здоровья больше, чем денег, родила сынишку, и сказала своей подруге: «Пойдем с ней потолкуем… Эта чумазая еще будет нас благодарить»…

Дона Норма попыталась ее прервать:

– Нет-нет, вы к нам несправедливы…

Голос мулатки звучал то взволнованно, то равнодушно, в нем слышалась горечь:

– Но у нее не хватило мужества пойти одной, и она попросила твою куму помочь ей уговорить меня. Ребенок Дио большой и красивый, из него получится отличный падре, а мать нищая и отдаст его без слова, да еще будет довольна, что избавилась. А если не отдаст, значит, она негодяйка и настоящая шлюха. Приблизительно в таком духе она мне тут толковала, вы сами слышали, сеу Жоан. Она думает, что у бедняков нет сердца, что раз я веду эту ужасную жизнь, то не имею права воспитывать своих детей…

Дона Норма снова попыталась остановить ее:

– Не говорите так…

Мальчик перестал сосать, и Дионизия встала с постели, держа его на руках, выпрямившись во весь свой величественный рост; красивая и в ярости, она поистине смотрела королевой. Продолжая говорить, мулатка неторопливо занималась ребенком, выкупала его в эмалированном тазу, перепеленала, посыпала тальком и одела в надушенную лавандой распашонку.

– Но они ошиблись адресом, я из тех женщин, которые способны воспитать своих детей так, чтобы люди их уважали, и мне не нужнее чужая милость. Пусть он не станет падре, пусть даже станет вором, все может случиться, но воспитывать его буду я сама и так, как сочту нужным. Он станет вожаком нашего квартала, с ним никто не посмеет шутить, и я не отдам его богачке, которая даже родить не смогла…

Она ласково улыбнулась ребенку и сказала ему:

– А главное, у тебя есть отец, который о тебе позаботится.

Вот тут-то дона Флор и взорвалась. Неожиданно расхрабрившись, она отчаянно закричала:

– Только его отец – мой муж… Ваш ребенок мне не нужен, я хочу получить ребенка своего мужа… Вы не имели права заводить от него ребенка, вы спутались с ним, это ваше

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

дело, но право на ребенка моего мужа имею только я…

Дионизия пошатнулась, будто ее ударили в лицо:

– Вы хотите сказать, что вы замужем за ним?… Неужели это правда?

Облегчив этой вспышкой свою исстрадавшуюся душу, дона Флор снова сникла и безнадежным тоном проговорила:

– Да, замужем уже три года… Извините меня, но только поэтому я и решила воспитывать ребенка, раз уж сама не могу родить… Но теперь я вижу, что вы правы, сеньора, воспитывать мальчика должна его мать… Да и какой толк был бы от моего воспитания? Я пришла потому, что слишком люблю своего мужа и боялась, что он бросит меня и уйдет к ребенку. Все остальное ложь. Но после того, как я вас увидела, я поняла, что – с сыном или без сына – он никогда не оставит вас, сеньора…

– Никакая я не сеньора, но клянусь здоровьем моего сына, если бы я знала, что Валдомиро женат, я не стала бы заводить от него ребенка и поддерживать с ним отношения. А ведь я собиралась бросить свое ремесло, построить домишко и жить с ним, как с мужем…

Она заканчивала одевать ребенка. Дона Норма подобрала полотенце, атмосфера в комнате несколько разрядилась.

– Клянусь, что Валдомиро – мой муж, – прошептала дона Флор, – это всем известно…

– Он никогда мне ничего подобного не говорил… – Дио взяла распашонку из рук доны Нормы и положила ребенка на кровать. – Почему? Зачем ему было меня обманывать? – Она задумалась, уже совсем успокоившись, и обратилась к доне Флор очень вежливо, даже уважительно. – Вы говорите, все знают о вашем браке, не так ли, сеньора?… Может быть… Но почему мне никто не сказал об этом раньше? Я ведь знакома со всеми его близкими, даже с матерью…

– С матерью? Но у него нет матери, она умерла…

– Как умерла? Я знакома и с ней и с его бабушкой… Знаю его брата, Роке, столяра…

– Тогда это не мой Валдомиро!… – обрадовалась дона Флор, весело рассмеявшись. – О, как это замечательно!… Норминья, это же другой Валдомиро! Я готова заплакать от радости…

Дионизия Ошосси, оставив ребенка на постели, закружилась в каком-то ритуальном танце. Она увлекла за собой Жоана Алвеса, не переставая благодарить свое божество: «Окэ, отец мой Ошосси, аро окэ!»

– Это другой Валдомиро, мой Валдомиро не женат, у него только одна женщина – Дионизия, его мулатка Дио…

Внезапно она остановилась, взглянув на дону Флор, дона Норма взяла мальчика на руки и стала его баюкать.

– Значит, наши мужья тезки? И мой без ума от… – Она осеклась, не закончив фразы.

– …от рулетки. Мой тоже, – закончила дона Флор.

– И вам сказали, что у меня сын от вашего мужа… Какие злые языки…

Дверь открылась, и на пороге появился плотный молодой негр, сияющий ослепительной белозубой улыбкой, с плутовским огоньком в глазах.

– День добрый!…

Все еще танцуя, к нему приблизилась Дионизия. Он здесь, рядом с ней, значит, долой все страхи и сомнения. Протянув руки к доне Норме, она взяла у нее ребенка и передала его отцу.

– Вот он, мой Гуляка, шофер грузовика, отец моего сына. – И, показав на дону Норму и дону Флор, сказала: – Это кума сеу Жоана, а вторая, знаешь, кто?

– Откуда мне знать?

– Жена другого Валдомиро…

– Моего тезки?

– Именно… Она думала, что ребенок у меня от ее мужа, и хотела взять его на воспитание, сделать из нашего малыша падре. – Она рассмеялась своим заразительным смехом и уже совсем спокойно продолжала: – Как вас зовут? Флор? Вот вы и будете

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

крестной моего сына… Если хотите, я подыщу вам ребенка, своего я не отдам, он у меня один, но я могу найти то, что вам нужно…

– Будете моей кумой, дона Флор, – сказал шофер грузовика.

Дионизия передала малыша доне Флор. Птицы, порхавшие в небе, опустились на карниз архиепископского дворца.

17

В первый период вдовства, период печали и полного траура, дона Флор ходила вся в черном, молчаливая, двигаясь, словно в кошмаре, и без конца предаваясь воспоминаниям о своем замужестве. А вокруг нее все громче перешептывались сплетницы, под водительством доны Розилды они неотступно преследовали вдову своим сочувствием и ехидными пересудами. Голоса их сливались в хор, поносящий Гуляку, в котором солировала дона Розилда и дона Динора, обладавшие ядовитыми, словно змеиное жало, языками.

Дона Флор, замкнувшись в своей печали, с головой погрузилась в прошлое с его радостями и огорчениями, словно хотела удержать рядом с собой образ Гуляки, его тень, еще витавшую в доме, особенно в той комнате, где они любили друг друга.

И зачем здесь околачиваются все эти кумушки? Эти соседки, знакомые, ученицы, подруги ее матери, приехавшей из Назарета, и уже совсем посторонние, вроде доны Энаиды, знакомой доны Нормы? Эта сеньора примчалась сюда с Шаме-Шаме, будто у нее не было ни мужа, ни детей, ни домашних дел, чтобы выразить соболезнования доне Флор, заодно деликатно намекнув на похождения Гуляки. Какое им до всего этого дело? Зачем бередить ее едва зарубцевавшиеся раны, заставлять ее страдать? Зачем понадобилось доне Энаиде доверительно сообщать ей с лицемерным сочувствием о своем близком знакомстве с этой злосчастной Ноэмией, ныне толстой сеньорой, женой журналиста, которая до сих пор хранит портрет Гуляки?

Дона Флор жила воспоминаниями – хорошими и плохими, – они помогали ей перенести горе, страшное отчаяние и пустоту после смерти Гуляки. Даже самые неприятные воспоминания, например о бывшей ученице с ее нахальным смехом и бесстыдством, заставлявшие ее вновь переживать обиду и унижение, были теперь для нее своего рода

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

горьким утешением, бальзамом, лечащим от безысходного страдания. Ибо кто в конечном итоге победил, кто выиграл в этой игре, кто остался с Гулякой? Кого он предпочел, когда однажды дона Флор, потеряв всякое терпение, предъявила ему ультиматум: или Ноэмия, или она? Пусть, если хочет, убирается с этой особой (мерзавка повсюду распустила слух, будто собирается замуж за Гуляку), но решает это скорее… Кому отдал тогда он предпочтение?

Ноэмия пришла в ее школу изучать кулинарное искусство потому что была помолвлена и жених хотел, чтобы его жена хорошо готовила. Он был щеголем и снобом, мнившим себя знатоком кино и литературы, вообще незаурядным эрудитом. Цитировал на память различных авторов и все на свете критиковал, одним словом, был гением, подающим надежды в журналистике. А еще считал, что молодая хозяйка должна овладеть искусством приготовления национальных блюд: «Я хочу видеть эту мещанку пролетаризованной». Ноэмия нашла идею жениха забавной и записалась в школу «Вкус и искусство».

Ей, происходящей из богатого аристократического семейства Грасы, казалось очень оригинальным быть невестой столь рафинированного интеллигента. Однако еще более оригинальным ей показался сумасброд Гуляка с мечтательными глазами. Когда аристократическое семейство и подающий надежды гений спохватились, Ноэмия уже обучилась кое-чему у Гуляки, посещая с ним дом свиданий Амарилдес. Поднялся шумный скандал, грозивший крупными неприятностями. К счастью, благоразумие жениха помогло ему пережить внезапное известие о падении невесты; он вышел из положения с блеском истинного дипломата: с его стороны было бы глупо из-за дурацких предрассудков терять этот сундук, набитый золотом. Однако его благородства и стремления уладить дело миром оказалось недостаточно, ибо Ноэмия не пожелала оставить свой «легкомысленный флирт». Она послала ко всем чертям и жениха и семью, предложив Гуляке сбежать с ней куда глаза глядят. Но Гуляке этого вовсе не хотелось. Когда о его похождении стали злословить в обществе, когда дона Флор в припадке бешенства, что с ней случалось довольно редко, потребовала от него немедленного решения, он возвратил Ноэмию жениху. Этот эстет и сноб стал теперь для нее еще более привлекательным, ибо его талант увенчался рогами. Другого такого жениха не сыщешь в целом мире.

«Все это только для развлечения», – сказал Гуляка, когда, доведенная до отчаяния, дона Флор потребовала, чтобы он наконец решил этот вопрос раз и навсегда. Ему и в голову не приходило бежать с Ноэмией, с этой взбалмошной кокеткой. «Она потаскуха и к тому же еще лгунья, каких свет не видел», – заявил он.

Так зачем же эти кумушки лезут не в свое дело? Зачем дона Розилда, дона Динора, дона Энаида, примчавшаяся сюда из своего чудесного дома на Шаме-Шаме, и все остальные ноют и жалуются, спевшись в гнусном хоре? К чему напоминать ей о неверности Гуляки и доказывать, что хуже него мужа не было? Разве не получила она самое лучшее подтверждение его любви и преданности? Разве он не предпочел ее богачке Ноэмии, у которой был особняк в Грасе, чековые книжки и открытый счет в банке – а ведь Гуляка вел крупную игру, – автомобиль с шофером, драгоценности, духи, туалеты из Рио? С кем он остался, кого предпочел, когда ему предстояло сделать выбор? Не помогли ни чековая книжка, ни комфорт, ни автомобиль, который бы повсюду возил его, ни туалеты из Рио, ни парижские духи, ни изысканные выражения – mon chйri, mon petit coco, merde, quelle merde– на баиянском и французском языках.

Ни потерянная девственность, ни мольбы: «Я пожертвовала ради тебя своей честью», ни угрозы: «Мой отец будет преследовать тебя, засадит в тюрьму», – ничто не заставило Гуляку поколебаться. «Как тебе могла прийти в голову подобная чушь, неужели ты думаешь, что я уйду от тебя к этой потаскухе?…» И, наставив рога жениху Ноэмии, он отправился в постель с доной Флор. Какая это была ночь! Они помирились, и она простила ему все. «Это только для развлечения, а люблю я одну тебя, Флор, мой цветок базилика…»

В представлении кумушек хуже Гуляки не было на свете мужа, а дона Флор была самой несчастной женой. Поэтому ей полагалось не плакать и горевать, а благодарить бога за то, что он вовремя освободил ее от столь тяжкой ноши. Они считали дону Флор слишком

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

чувствительной и все же осуждали дону Розилду, которая хотела видеть свою дочь радостной и веселой после смерти Гуляки. Каким бы он ни был, он был ее мужем. Однако ее чрезмерное горе, слишком глубокий траур и слишком глубокая печаль, ее окаменевшее, потерянное лицо, ее отсутствующий взгляд, обращенный в небытие, – все это было непонятно кумушкам.

И только в одном они сходились – и дона Розилда, и дона Норма, и дона Динора, и дона Гиза: дона Флор должна как можно скорее забыть неспокойные годы замужества, изгнать Гуляку из своей памяти, будто его никогда и не было. По их мнению, ее скорбь слишком затянулась. Вот почему они считали своим долгом убедить ее, что господь явил свое милосердие, освободив ее от тяжкого бремени.

Даже тетя Лита, всегда прощавшая Гуляке все его выходки, откровенно удивлялась.

– Никогда бы не подумала, что она станет так долго по нему убиваться…

Дона Норма ее поддерживала:

– Похоже, она никогда его не забудет… С каждым днем все сильнее ее страдания…

Дона Гиза, слывшая знатоком человеческой психологии, возражала пессимисткам:

– Это естественно… Но пройдет еще какое-то время, и она успокоится, забудет его и снова вернется к жизни…

– Разумеется… – Дона Динора придерживалась того же мнения. – Со временем она поймет, что такова была божья воля…

Однако насчет того, как лучше помочь вдове, согласия не было. Дона Норма и дона Гиза предложили не вспоминать при доне Флор о Гуляке. Остальные же под командованием неумолимой доны Розилды – не последнее место в этой воинственной группировке занимала дона Динора – изощрялись в интригах и всячески старались убедить дону Флор в том, что теперь наконец-то она заживет спокойно и счастливо, в достатке и комфорте. Она может тихо скорбеть либо шумно жаловаться, но должна поскорее забыть прошлое. Она еще слишком молода, у нее вся жизнь впереди…

– От нее самой зависит, долго ли ей вдовствовать… – пророчествовала дона Динора, которая обладала божественным даром предвидения и, сидя в халате у себя в доме, унаследованном от испанского комендадора, гадала на картах и предсказывала будущее по хрустальному шару.

Почему, спрашивала себя дона Флор, ни одна из них ни разу не припомнила ни одного хорошего поступка Гуляки? В конце концов, не одни жульнические проделки на его совести, умел он и безобидно пошутить и быть великодушным и справедливым. Почему же они говорят о смерти Гуляки с таким злорадством и только проклинают его? Впрочем, так всегда было. И прежде приходили сплетницы, чтобы сообщить какую-нибудь неприятную новость, посочувствовать бедняжке доне Флор, достойной порядочного, любящего мужа, который обеспечил бы ей счастливую жизнь. Но никто из этих кумушек ни разу не поспешил к ней, бросив все дела, чтобы сообщить о хорошем поступке Гуляки:

– Только не говори ему, что это я тебе сказала… Гуляка выиграл в лотерее и все деньги отдал Норме на подарок ко дню рождения… Это, правда, еще нескоро, но он боялся истратить выигрыш и отдал заранее…

Об этом знали все кумушки, но только дона Норма была связана обещанием хранить тайну. И если бы она, продержавшись двадцать дней, не нарушила эту клятву, дона Флор так бы никогда и не узнала о благородстве своего мужа. Другие же словно в рот воды набрали – кому охота сообщать приятные новости! Ради этого никто не поспешит, не выбежит, забыв обо всем, на улицу. Вот если бы плохие… Желающих посплетничать сколько угодно, ради этого люди готовы на все – оставить работу, прервать отдых, даже понести определенный ущерб. Как мы бываем счастливы, сообщив неприятную весть!

Только чистая случайность помешала доне Флор уйти навсегда из дому в тот вечер, когда Гуляка опустился до новой низости. Она даже уложила вещи и намеревалась перебраться к дяде и тетке в Рио-Вермельо, где всегда ее ждала отдельная комната. На улице собралось полно кумушек, привлеченных ее криками и плачем, они видели, как подъехал

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Цыган, слышали его дрожащий голос и были свидетелями того, как реагировал на все это Гуляка.

Но разве хоть одна из них рассказала доне Флор про эту сцену, передала ей слова Цыгана? Им даже в голову это не пришло! Ни одна не вступилась за Гуляку, будто они ничего не видели и не слышали. Мало того, кумушки поддержали ее решение, считая, что у нее более чем достаточно оснований навсегда порвать с мужем. Некоторые из них даже помогали ей укладывать вещи.

18

Когда Гуляка в тот вечер явился домой, дона Флор сразу поняла причину его неожиданного возвращения. И чем больше она наблюдала за ним, тем больше утверждалась в своей догадке, никогда еще он не был так скромен с ученицами. Усевшись в углу гостиной, он позволил им спокойно закончить практические занятия – приготовление торта ко дню рождения. Девушки из новой группы хихикали, не скрывая своего любопытства и желания познакомиться с мужем преподавательницы, о котором ходило столько самых противоречивых слухов. Гуляка был по-своему знаменит и пользовался репутацией человека необычного. По окончании урока, когда под восторженные возгласы был подан торт и рюмки с какаовым ликером собственного приготовления – дона Флор славилась не только своими соусами, но и яичными и фруктовыми ликерами, – учительница не без хвастливой гордости представила мужа.

На этот раз Гуляка ни разу не пошутил, не сказал ни одной двусмысленности, никому не подмигнул. Вид у него был серьезный, даже грустный. Дона Флор хорошо знала, что это означает, и боялась этого. Если бы только она могла задержать учениц до поздней ночи, пусть даже бездельник начнет к ним приставать. Если бы она могла избежать этого неприятного разговора с мужем, который в таких случаях чувствовал себя виноватым и не смотрел ей в глаза. Но ученицы, девушки и замужние женщины, ведущие светскую жизнь, быстро выпили ликер и распрощались.

Накануне дона Лижия Олива по-королевски щедро заплатила за сласти и закуски, которые дона Флор приготовила для приема в честь знатных гостей из Сан-Пауло. Вообще говоря, выйдя замуж, она не брала подобных заказов, ограничиваясь занятиями с ученицами, но делала исключения для тех, к кому относилась с особым уважением. К числу таких дам принадлежала и дона Лижия.

Об этих дополнительных заработках Гуляка, как правило, не знал, и дона Флор откладывала их на непредвиденные расходы: дорогие покупки, на случай болезни и другие неотложные нужды. Иногда ей удавалось скопить несколько конторейсов, которые она прятала в домашних тайниках. Сбережения эти уходили также на приобретение домашней утвари и посуды, подарки ко дню рождения, на купленную в рассрочку швейную машину, а также долги Гуляке, который частенько занимал у жены по сто-двести мильрейсов…

И вот, когда Гуляка, устав от беготни по городу в поисках денег, сидел в гостиной, пришел доктор Зителман Олива, человек очень важный, занимающий не один ответственный пост.

– Я ношу эти деньги с собой уже три дня… Лижия сегодня меня чуть не убила, когда узнала, что я еще не отдал их вам…

– Ну что вы, доктор, стоило беспокоиться… Такие пустяки…

– Послушайте, сеу Валдомиро, – пошутил доктор, – что вы де лаете для того, чтобы ваша жена с каждым днем все больше молодел, и хорошела? – Он знал дону Флор еще девочкой и уже давно был знаком с Гулякой, который время от времени пытался перехватить у него взаймы, впрочем тщетно, ибо доктора Зителмана не так-то легко было провести.

– Она ведет спокойную жизнь, доктор, вот в чем секрет. Такой муж, как я, не причиняет забот… Вот она и живет в свое удовольствие, ни о чем не беспокоясь… – Гуляка весело и беззаботно рассмеялся. Дона Флор тоже рассмеялась от такой наглости.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

В тот день Гуляка не попросил у нее денег. Он, видимо, выиграл накануне и у него еще кое-что оставалось. Но когда к вечеру следующего дня он неожиданно появился с серьезным, почти печальным лицом и опущенным взглядом, дона Флор сразу догадалась, что привело его домой. И пока ученицы наслаждались ликером и тортом, украдкой поглядывая на молодого мужчину, дона Флор поклялась себе, что не даст ему из этих денег, предназначенных на покупку нового приемника, ни гроша. Слушать радио было любимым развлечением доны Флор: она обожала самбы и песенки, танго и болеро, юмористические программы и особенно литературные передачи. Вместе с доной Нормой, доной Динорой и другими соседками она с волнением следила за судьбой графини, влюбленной в бедного инженера. Только дона Гиза, как образованная женщина, презирала эту бульварщину.

Старый, видавший виды приемник, принесенный в приданое доной Флор, требовал постоянных затрат, так как без конца портился, обычно в самое неподходящее время, и эти частые починки дорого обходились. Вот почему на сей раз дона Флор приняла столь твердое решение: ни за что не отдавать накопленных денег. И вообще пора было положить конец этим замашкам Гуляки.

Ученицы упорхнули, несколько разочарованные: неужели тот хмурый тип, что сидел в углу гостиной, и есть муж доны Флор, слывший неотразимым соблазнителем и нашумевший своим романом с Ноэмией Фагундес да Силва? Откровенно говоря, они не нашли в нем ничего привлекательного и вовсе не таким представляли его себе по тем разговорам, которые о нем велись. Наконец дона Флор осталась наедине с мужем. Сердце ее сжималось от страха. Вяло поднявшись с кресла, Гуляка подошел к столу и налил себе рюмку ликеру.

– Вкусная штука, но очень опьяняет и похмелье тяжелое… Голова трещит не меньше, чем от ликера из женипапо…

Стараясь казаться беззаботным, он подошел к жене и любезно предложил отпить из его рюмки:

– Пригуби, любовь моя…

Но дона Флор отказалась, отведя его руку, которая ласково скользнула по ее затылку и груди. «Лицемер и обманщик, и все ради того, чтобы я сдалась, сначала приласкает, а потом воспользуется моей слабостью». Дона Флор вдруг вспомнила все прежние обиды и, твердо решив бороться за свой приемник, встала, с горечью спросив:

– Почему ты не говоришь прямо, зачем пришел? Думаешь, я не знаю?

Гуляка совсем сник. Он пришел потому, что ничего иного не оставалось, потому что ему нигде не удалось раздобыть ни гроша. Он вовсе не хотел этого и сам был искренне огорчен. Если бы был другой выход!

Гуляка знал, на что дона Флор копила деньги, но сеу Эдгар Витрола еще не приходил: старый приемник по-прежнему стоял в гостиной. Гуляка это увидел, едва только открыл дверь. Однако продавец мог появиться в любую минуту со своим сказочно прекрасным деревянным ящиком, отделанным под слоновую кость, с хромированным металлом. Это новейшее достижение радиотехники принимало далекие радиостанции Японии и Австралии, Аддис-Абебы и Гонконга, не говоря уже о Москве с ее столь же запретными, сколь и заманчивыми программами. Дона Флор послала сеу Эдгару записку через Камафеу, музыканта, игравшего на беримбау, и неразлучного приятеля Витролы.

Гуляка ехал домой сначала на трамвае, потом шел пешком. Он испытывал нетерпение и в то же время стыд. С одной стороны, ему хотелось прийти домой раньше торговца радио (и он верил, что так оно случится), с другой – после сеу Эдгара, чтобы дома уже не было ни старого приемника, ни денег, которые Флор получила от доны Лижии за то, что после дневных занятий весь вечер простояла у плиты. Вот какое противоречие раздирало его, пока он ехал на трамвае и шел по улице, пока входил в дом и открывал дверь. Если сеу Эдгар еще не приходил, значит, предчувствие его не обмануло. А если новый приемник уже на месте, он никуда не пойдет и весь вечер просидит дома вместе с доной Флор, слушая музыку и пошучивая. В таком состоянии возвращался Гуляка домой.

Почему же Эдгар не пришел раньше него? Теперь у Гуляки не было другого выхода.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Ты думаешь, я тебя люблю только из корысти?

– Конечно, ничего другого ты не знаешь… Низкий человек! – Дона Флор выпрямилась: – Только почему ты не сказал сразу?

Стена встала между ними в этот сумеречный час, когда мрак наплывает с горизонта, окрашенного в багрово-пепельный цвет, когда все вокруг медленно угасает в меркнущих лучах.

– Раз ты этого хочешь, я не стану терять время зря. Дай мне взаймы хотя бы двести мильрейсов.

– Я не дам тебе ни гроша… Ни единого… Как тебе не стыдно просить у меня денег? Ты хотя бы раз вернул мне долг, пусть самый пустяковый? Эти деньги я отдам только сеу Эдгару.

– Клянусь, я завтра же верну их, но они позарез нужны мне сегодня, понимаешь? Для меня это вопрос жизни и смерти! Завтра же якуплю тебе приемник и все, что ты пожелаешь… Ну хотя бы сто мильрейсов…

– Ни гроша…

– Умоляю тебя, дорогая, это в последний раз.

– Ни гроша… – твердила дона Флор.

– Послушай…

– Ни гроша…

– Лучше не зли меня! Не дашь даром, тем хуже для тебя…

Гуляка оглядел комнату, ища место, куда она могла спрятать деньги. И тут дона Флор, совсем потеряв голову, в отчаянии бросилась к старому приемнику, куда между перегоревших ламп засунула деньги. Муж кинулся к ней, но она уже крепко сжимала в руке ассигнации.

– Ты их получишь, только убив меня!… – крикнула дона Флор.

Ее крик разорвал вечернюю тишину. Всполошившиеся кумушки выскочили на улицу.

– Это Гуляка отбирает деньги у бедняжки Флор…

– Взбесившийся пес!

Гуляка словно обезумел. Его ослепила ненависть, ненависть к тому, что он делал. Схватив жену за руки, он прорычал:

– Сейчас же брось это дерьмо!

Она первая ударила его. Вырвавшись от него и боясь, что он ее снова схватит, она стукнула его кулаком в грудь, а затем влепила пощечину.

– Ах ты шлюха, ты мне за это заплатишь! – ревел Гуляка под крики доны Флор.

– Оставь меня, не смей меня бить, лучше убей сразу!

Тогда он оттолкнул ее, и она упала на стулья, продолжая кричать:

– Убийца, негодяй!

Он ударил ее по лицу. Раз, другой, третий. Удары эти услышали кумушки на улице и еще больше возмутились, еще больше стали жалеть дону Флор. Дона Норма распахнула двери и ворвалась в дом.

– Сейчас же прекратите, или я позову полицию.

Гуляка, казалось, не замечал ничего вокруг. Он стоял с потерянным видом, держа деньги в руках и с ужасом глядя на дону Флор, которая тихонько всхлипывала. Дона Норма подбежала к ней, а Гуляка бросился из дому. При виде его соседки шарахнулись в сторону, будто увидели исчадие ада.

Как раз в эту минуту к дому подъехало такси Цыгана. Завидев друга, Гуляка улыбнулся: разве появление Цыгана не доказывало лишний раз безошибочность его интуиции? Выйдя утром на улицу, он вдруг ощутил уверенность, что именно этой ночью сорвет банки во всех игорных домах города. Эта уверенность с каждой минутой росла, заставив его сначала пуститься на бесполезные поиски денег, а потом скрепя сердце вернуться за деньгами домой.

После того как он избил жену, уверенность мгновенно улетучилась, на душе стало

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

пусто и тоскливо и Гуляка уже не знал, куда девать эти деньги. Однако, увидев перед собой такси Цыгана, которое могло его сейчас же доставить к игорному столу, Гуляка снова успокоился, расценив это как еще одно бесспорное подтверждение его интуиции. Он почувствовал в руках беспокойный зуд, надо было скорее ехать. Перед ним мелькнуло поле рулетки, бегущий по нему шарик и, конечно, число семнадцать, лопатка крупье, подгребающего к нему фишки. Сейчас он думал только об игре и уже собирался сесть в такси, но Цыган вдруг выскочил из машины, снова переполошив кумушек. Глаза шофера были красны от слез, голос звучал глухо:

– Гуляка, дружище, нет больше моей старухи. Мне сказали об этом на улице. Она умерла без меня во время припадка. Говорят, звала меня перед смертью.

До Гуляки не сразу дошел смысл этих слов, но, поняв наконец, что случилось, он схватил Цыгана за руку. Не может быть! Неужели это правда?!

– Дона Агнела умерла? Ты в своем уме?

– Умерла, Гуляка… Всего три часа назад.

Частенько еще холостым, да и после женитьбы, он навещал (иногда вместе с Флор) по воскресеньям дону Агнелу, жившую в Бротасе у конечной остановки трамвая. Очень полная и добродушная, она относилась к нему как к сыну, прощая молодому игроку его слабости, вероятно, потому, что Гуляка как две капли воды походил на покойного Анибала Кордеала, тоже известного плута, ее любовника и отца Цыгана.

– Вылитый Анибал… И такой же беспутный…

Гуляке снова стало не по себе. На редкость неудачный день: сначала Флор с ее дурацким упрямством, теперь Цыган с известием о смерти доны Агнелы…

– Но почему? Разве она болела?

– Ни разу не видел ее больной. Сегодня, когда я уходил после завтрака, она стирала и пела. У нее было хорошее настроение… И надо же было случиться этому именно сегодня, когда я выплачиваю последний взнос за машину. Утром мы сосчитали деньги… Она отдала мне все, что ей удалось скопить за этот месяц, все до последнего мильрейса, и радовалась тому, что машина теперь станет моей. – Он замолчал, сдерживая рыдания. – Говорят, она внезапно почувствовала боль в груди, еще успела позвать меня и замертво упала… Ужасно, что меня не было с ней в эту минуту, я платил за машину… Изидро из кафе разыскал меня на площади. Я помчался домой… Но она уже лежала холодная, с остекленевшими глазами… Вот я и приехал к тебе, ведь у меня не осталось ни гроша, я все деньги отдал за машину… И свои и ее…

Он говорил почти шепотом, слышали ли его кумушки? Они даже побледнели, когда Гуляка, забыв о своем предчувствии, вручил Цыгану деньги, силой вырванные у доны Флор.

– Это все, что у меня есть…

– Поедешь со мной? Столько всяких дел…

– Отчего же не поехать?

Едва машина тронулась, кумушки направились к доне Флор. Они застали ее в спальне укладывающей чемоданы. Дона Норма пыталась ее отговорить, но кумушки не поддержали доны Нормы. Дона Флор, по их мнению, была права. Голоса возмущенных женщин слились в едином хоре:

– Что это за жизнь, зачем так мучить себя…

– Давно нужно было его бросить…

– Бить жену… Какой ужас!

Никогда бы дона Флор не поверила, что они слышали разговор Цыгана с Гулякой, если бы не сеу Вивалдо, владелец похоронного бюро, дона Флор так и не узнала бы о кончине доны Агнелы и о том, как Гуляка распорядился деньгами. Проходивший мимо сеу Вивалдо воспользовался случаем, чтобы занести ей рецепт вкуснейшего каталонского блюда из трески, которое ему довелось отведать на роскошном обеде у Табоадасов, где никогда не подавали меньше восьми – десяти блюд. Увидев заплаканную дону Флор, он решил, что она опечалена вестью о смерти бедной доны Агнелы. Сеу Вивалдо сам только что узнал об этом

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

от Гуляки и Цыгана и получил от них заказ на гроб, который собирался им продать без обычных наценок. Дона Агнела заслужила это своим трудолюбием, жизнерадостностью и прекрасным характером. К тому же сеу Вивалдо довелось однажды отведать ее фейжоаду…

Только тогда дона Динора и другие кумушки сумели объяснить поступок Гуляки, отдавшего деньги Цыгану. По крайней мере так они сказали, и можно им верить либо не верить.

Сеу Вивалдо распрощался, пообещав прийти отведать испанское блюдо, рецепт которого он достал с большим трудом, подкупив кухарку Табоадасов, поскольку дона Антониэта ревниво оберегала тайны своей кухни.

Дона Флор познакомилась с доной Агнелой в то незабываемое время перед своей свадьбой, когда после обеда они отправлялись с Гулякой в укромный домик в Итапоа. Легкомысленный хозяин, днем занятый торговлей табаком, приводил туда женщин вечером и ночью. Случилось, однако, так, что через Баию проезжала блестящая кариока, которая располагала свободным временем лишь после обеда. Гуляка получил записку, предупреждающую его о том, чтобы он не являлся в этот день по им обоим известному адресу.

Сидя в такси Цыгана, Флор и Гуляка стали обсуждать, куда бы им поехать. В кино она не хотела, а вести в дом свиданий свою будущую жену Гуляка не мог. Навестить тетю Литу? А вдруг туда нагрянет дона Розилда? Цыган предложил отправиться к доне Агнеле, которая уже говорила, что не прочь познакомиться с невестой Гуляки. У доны Агнелы они и провели все послеобеденное время за беседой и кофе. Дона Флор держалась очень скромно, и прачка, придя от нее в восторг, стала сочувственно наставлять девушку:

– Значит, выходишь замуж за этого сумасброда… Пусть хранит тебя бог и пусть он даст тебе терпение, а его потребуется немало. Игроки тяжелые люди, доченька. Я больше десяти лет прожила с таким же, как твой… Тоже был белокурый и голубоглазый… Игра погубила его, все промотал. Даже медальон, который остался от матери, этот сумасшедший продал. Все деньги проигрывал, наглец, кричал на меня, бил…

– Бил? – дрогнувшим голосом спросила дона Флор.

– Если сильно напивался, бил… Но только если сильно напивался…

– И вы терпели? Я бы не позволила… Ни одному мужчине… – Дона Флор вспыхнула от негодования при мысли об этом. – Никогда и никому.

Дона Агнела понимающе улыбнулась: она уже прожила жизнь, а Флор была совсем девочкой. Что она могла знать?

– Но ведь я его любила и ни о ком другом даже думать не могла. Как же мне было его бросить, оставить одного, кто бы стал о нем заботиться? Он был шофером, как и Цыган, только работал на хозяина, за проценты. Так и не сумел собрать денег на машину. Все, что я накапливала, проигрывал, занимал, где мог. Погиб он в катастрофе и оставил после себя только маленького сынишку, которого мне пришлось воспитывать одной… – Она дружелюбно взглянула на дону Флор. – Но вот что я тебе скажу, доченька… Если бы надо было начать жизнь снова, я бы опять его выбрала. После его смерти для меня не существовало других мужчин, хотя многие ухаживали за мной и даже хотели жениться. Но я любила его, доченька, а от судьбы не уйдешь.

«Я любила его, от судьбы не уйдешь»… А что оставалось доне Флор, если она тоже любила? «Что мне делать, Норминья?» Разобрать чемоданы, одеться в черное и идти на бдение у гроба доны Агнелы. «Что мне делать, если он моя судьба, если я люблю его?»

Дона Норма, разумеется, была готова сопровождать подругу. Она знала, что там все будет как положено: слезы, рыдания, фиолетовые цветы, зажженные свечи, объятия, соболезнования, молитвы, воспоминания, рассказы о смешных эпизодах из жизни доны Агнелы, горячий кофе, бисквиты и рюмка вина на рассвете. Что может быть лучше?

– Я только переоденусь…

«Что мне делать, Норминья, ведь он моя судьба? Как же мне его бросить, оставить одного, кто будет о нем заботиться? Что мне делать, если я его люблю безмерно и без него не

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

смогу жить?»

19

Да, без него она не могла жить. Без него померк дневной свет, и в этих мрачных сумерках она уже не различала, кто жив, а кто мертв. Гуляка нес с собой смех и слезы, гул многих голосов, стук фишек, возгласы крупье. Тогда ее воспоминания оживали, озарялись светом утреннего солнца и ночных звезд, побеждали померкший в предсмертной агонии день.

Лежа без сна на железной кровати совсем одна, дона Флор плывет на ладье воспоминаний в тихие заводи и бурные моря. В ее памяти мелькают какие-то картины, имена, фразы, обрывки мелодий, потом события обретают связь. Она хочет разорвать стальной пояс сгустившегося вокруг нее мрака, который не дает ей работать, отдыхать, жить полной жизнью. Полной, а не этой серой, горестной, вязкой, как трясина, и душной. Как вырваться из рук смерти, как пройти сквозь узкую дверь обнаженного времени? Она не может жить без Гуляки.

Иногда он действительно бывал таким, каким считали его дона Розилда, дона Динора и прочие кумушки. Но зачастую они были несправедливы к нему, как, впрочем, и сама дона Флор.

Однажды он вдруг собрался в столицу. Узнав об этом в последний момент, дона Флор приготовилась к самому худшему, решив, что муж бросает ее. Она не верила, что он вернется из Рио-де-Жанейро с его яркими огнями, шумными улицами, казино и красивыми, легкодоступными женщинами. Она не раз слышала прежде от Гуляки: «В один прекрасный день я уеду в Рио и ни за что не вернусь обратно. Там настоящая жизнь!»

Это путешествие было чистейшей авантюрой. Мирандон решил организовать на каникулы экскурсию студентов-агрономов по учебным центрам Рио-де-Жанейро, но денег не было. Вместе с пятью своими коллегами он обегал коммерсантов Баии, и почти все они кое-что дали. Еще немного выклянчили у банкиров, промышленников, предпринимателей, владельцев магазинов, троих политических деятелей. Словом, за несколько дней удалось собрать изрядную сумму. Но тут возникло затруднение: пришлось трижды менять название делегации в зависимости от того, кто из политиков жертвовал деньги последним. На каком же из трех прославленных имен остановиться? Мирандон предложил самое простое: разделить между членами делегации собранные деньги и распустить ее, объявив потом, что они побывали во всех учебных центрах столицы. Однако пятеро коллег единодушно воспротивились: им не терпелось познакомиться с Рио и даже, если это уж так необходимо, они готовы были посетить Агрономическую школу, галопом пробежав по ее аудиториям.

Перед самым отъездом, когда уже были получены билеты, оплаченные секретариатом земледелия штата, в силу чего делегация в четвертый раз сменила название, присвоив себе имя щедрого секретаря, у одного из шести путешественников начался приступ болотной лихорадки. Врач запретил ему ехать, а времени заменить его другим студентом или хотя бы продать билет не оставалось.

Гуляка пришел провожать Мирандона, и вдруг тот предложил:

– А почему бы не поехать тебе?

– Но я же не студент!

– Ну и что?! Не студент, так станешь студентом… Только поторопись, пароход отходит через два часа…

Гуляка помчался домой, чтобы взять с собой белье, несколько рубашек и голубой кашемировый костюм, а Мирандон, готовый на любую жертву ради друга, пока утешал рыдающую дону Флор.

Она не сомневалась, что теряет мужа навсегда. Не такая она дура, чтобы поверить этой басне о студенческой делегации, которая будто бы едет в столицу с учебными целями. Почему тогда ее муж, никогда не бывший студентом, оказался в ее составе? Единственным учебником Гуляки был сонник, толковавший все сновидения и кошмары, без которого не мог

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

обойтись ни один игрок. Просто он тащится вслед за какой-нибудь шлюхой, чтобы окунуться с головой в омут столичного разврата. Чем больше клялся Мирандон памятью своей матери, здоровьем своих детей, тем недоверчивее относилась к этой подозрительной поездке дона Флор. Зачем кум Мирандон обманывает ее столь недостойным образом, зачем доставляет ей такое огорчение, издевается над ней? Если он не уважает ее, зачем приглашал крестить своего ребенка? Если Гуляка решил ее бросить и удрать с какой-нибудь потаскухой в Рио, пусть он, как мужчина, скажет ей правду, и нечего было посылать кума морочить ей голову. «Но ведь это правда, кума, чистая правда! Клянусь, через месяц мы вернемся». К чему вся эта комедия? Она уверена, что никогда больше не увидит мужа.

Однако он вернулся в положенный день вместе с делегацией, в существовании которой дона Флор, впрочем, уже удостоверилась, так как в ее состав входил старший сын одной ее ученицы, назвавший в своем письме Гуляку «отличным товарищем». Не только вернулся, но и привез ей в подарок отрез дорогого импортного шелка «Повезло в рулетку», – подумала дона Флор, и все же он помнил о ней во время прогулок, кутежей, игр и попоек. «Да разве я мог тебя забыть, любимая, я и поехал лишь потому, что меня попросили, делегация могла отправиться только в полном составе». Теперь Гуляка носил жилет, во всем подражал столичным жителям и без умолку рассказывал о своих впечатлениях. Во время поездки он завел немало интересных знакомых, среди которых были певец Силвио Калдас и театральная звезда Беатрис Коста.

С Силвио Калдасом его познакомил Доривал Каимми в казино на Урке, где Калдас пел. Гуляка был очарован его простотой и скромностью. «По его виду никогда не скажешь, что он знаменитость, да ты сама убедишься, когда он сюда приедет. Он сказал мне, что в марте собирается в Баию, и я обещал, что ты приготовишь в его честь обед из баиянских блюд. Он понимает толк в еде». Разумеется, дона Флор с удовольствием приготовила бы этот обед, если бы в один прекрасный день Калдас действительно приехал: она была горячей поклонницей этого певца и часто слушала его по радио.

Набросив на обнаженные плечи подаренный ей шелк, сияющая дона Флор обняла мужа. Раскаяние сделало ее нежной: она плохо думала о Гуляке и была несправедлива к самому красивому из всех студентов…

Дона Флор так никогда и не узнала, каких усилий стоило Мирандону вырвать Гуляку из объятий Жози и водворить его на судно, которое отплывало в Баию. Жози, или Жозефина, была хористкой в «Португальском ревю" Беатрис Косты. Жози совсем потеряла голову от любви к молодому баиянцу, и он отвечал ей тем же. Они познакомились, когда делегация студентов, получив контрамарки на спектакль в „Театр Республики“, отправилась после представления за кулисы, чтобы поблагодарить Беатрис и ее хористок. Гуляка обратил внимание на Жози еще на сцене, когда та изображала торговку рыбой. Окинув взглядом мнимого студента, девушка улыбнулась ему, и полчаса спустя они ужинали в соседней таверне, наслаждаясь блюдом из трески. Жози оплатила счет, как, впрочем, оплачивала все последующие. Увлеченный португалкой, Гуляка совершенно забыл о дне и часе отъезда, а Мирандон лишь с большим трудом заставил его одуматься.

– Хватит с меня того, что я утешал куму перед отъездом, больше не желаю видеть ее слезы… Если я вернусь без тебя, что с ней будет?

Обо всем этом дона Флор никогда не узнала, как не узнала о том, откуда у Гуляки взялся французский шелк. Он вовсе не покупал этот отрез в Рио, а выиграл в карты перед самым прибытием парохода в Салвадор, когда члены делегации, истратившие все деньги, стали играть на купленные в столице подарки. У одного студента Гуляка выиграл шелковый отрез, у другого – лакированные туфли и очень модный галстук-бабочку в синюю горошину. Его ставкой была великолепная цветная фотография Жози в золоченной раме; очаровательная шансонетка снялась в трусиках и бюстгальтере. На фотографии было старательно выведено: «Горячо любимому маленькому баиянцу от тоскующей Жози». Гуляка загнал этот портрет товарищу по путешествию, молодому адвокату, который мечтал поразить приятелей рассказами о своих бесчисленных победах в столице. Таким образом,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Жози, сама того не подозревая, оплатила дорожные расходы Гуляки. Шелк соскользнул с плеч доны Флор, обнажив ее грудь.

Как без него жить? Вернутся ли к ней вновь солнечный свет, полуденная жара, прохладный утренний бриз, вечерний ветерок и звездное небо? Захочется ли ей опять видеть людей? Для нее нет без него жизни, и, охваченная печалью, она погружается в удивительный мир воспоминаний, радостный и волнующий.

Кумушки помнили только плохое: их ссоры, перебранки из-за денег, ночи, когда он не являлся домой, где-то кутя, может быть с женщинами, или пропадая в игорных домах. А вот забыли те чудесные дни, когда Силвио Калдас приехал в Баию и дона Флор, хоть и сбилась с ног, не грустила ни минуты. Она и теперь во всех подробностях помнит эту неделю, доставившую ей столько радости. Для нее это был настоящий праздник, она царила в своем квартале, который гудел, как потревоженный улей. Ее дом был полон важных особ, самых уважаемых людей. Хотя Силвио остановился в Палас-отеле, весь день он проводил у Гуляки: здесь он принимал гостей и чувствовал себя как дома, а к доне Флор относился как к младшей сестре. Приходили и знакомые Гуляке банкир Селестино, доктор Луис Энрике и дон Клементе Нигра, а также другие известные граждане Баии, они являлись не только на знаменитые на весь город обеды доны Флор, но и просто пожать певцу руку. При виде столь знатных визитеров дона Розилда могла бы умереть от разрыва сердца; к счастью, она тогда уехала в Назарет-дас-Фариньяс, где донимала невестку, ожидавшую первенца, как сообщал в письме Эйтор.

От воскресного обеда у доны Флор остались не только прекрасные воспоминания, но и газетные вырезки. Два журналиста, приятели Гуляки – Джованни Гимараэнс, большой шутник и выдумщик, и негр Батиста, ценитель женской красоты и хорошей кухни, – поместили сообщения об этом обеде в своих газетах. Джованни называл «великолепным» банкет, устроенный в честь известного певца сеньором Валдомиро Гимараэнсом, муниципальным чиновником, и его высокоуважаемой супругой доной Флорипедес Пайва Гимараэнс, чей кулинарный талант сочетается с исключительной добротой и редким

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

воспитанием. Негр Жоан Батиста основное место отвел описанию меню: «Роскошный стол поражал разнообразием вкуснейших блюд, среди которых не последнее место занимали деликатесы баиянской кухни; обильный десерт, пожалуй, наиболее ярко свидетельствовал в пользу нашего кулинарного искусства и непревзойденного умения сеньоры Флор Гимараэнс, супруги нашего подписчика Валдомиро Гимараэнса, одного из самых старательных и деятельных чиновников префектуры». Очевидно, обжоры так наелись и были так довольны обедом, что не только превознесли до небес кушанья и гостеприимство доны Флор, но и изобразили Гуляку старательным, деятельным и ревностным чиновником, что было, мягко говоря, некоторым преувеличением.

Почему бы кумушкам не вспомнить этот обед? Дом был полон гостей, столы ломились от яств. Сеньор Кокейжо, судебный чиновник, посвящавший свободные часы музыке, произнес тост, воздав хвалу золотым рукам доны Флор; поэт Элио Симоэнс обещал написать сонет, воспевающий кулинарный талант «очаровательной хозяйки дома, хранительницы великих традиций баиянской кухни». А ведь кумушки толклись около дома и видели, как Силвио, взяв гитару, запел своим полным страсти, истинно бразильским голосом. Послушать его собралась целая толпа, он пел до рассвета, а гости, сидя за пивом и кашасой, заказывали все новые песни, и певец никому не отказал.

Однако самым дорогим для доны Флор воспоминанием были не похвалы ей, не сообщения в газетах, не речи и стихи и даже не пение Силвио Калдаса, от которого в гармонии слились небо и море, но поведение Гуляки в тот вечер. Он не только оплатил все расходы на обед (и откуда он добыл столько денег? Впрочем, хитрость его делала и не такие чудеса…), но и не напился, занимал гостей и показал себя радушным хозяином. А когда певец, взяв гитару, запел, сначала поблагодарив дону Флор за обед и назвав ее Флорзиньей, своей сестричкой, Гуляка сел рядом с женой и взял ее за руку. У растроганной доны Флор на глазах выступили слезы.

Как же теперь жить без него? Как привыкнуть к тому, что его нет? В вечерней газете она прочла о гастролях певца в «Паласе» и «Табарисе», а также о его выступлении по просьбе префекта на площади Кампо Гранде, чтобы все желающие могли его услышать и петь вместе с ним. Знал ли Гуляка о приезде Калдаса и собирался ли его встречать?

Когда он несколько месяцев тому назад вернулся из Рио, имя певца не сходило у него с языка. Ни о ком другом он не говорил, то и дело напоминая, что обещал устроить обед в его честь, приготовленные самой доной Флор. Ну кто бы мог ему поверить? Знаменитость, о которой кричат заголовки газет, портреты которой украшают журнальные обложки, за неделю своих гастролей, наверно, не успеет отдать даже необходимые визиты, принять приглашения всех богачей! Откуда же взять время, даже и при желании, на обед в доме бедняка? «Самые именитые особы из высшего общества дают банкеты в честь великого артиста», – писала газета. Конечно, дона Флор охотно бы приготовила обед, хоть это и нелегко, истратила бы даже все свои скудные сбережения, спрятанные в ножке железной кровати, весь свой месячный заработок и, если понадобится, наделала бы долгов, лишь бы принять в доме почетного гостя и накормить его баиянскими кушаньями. Она не сомневалась, что Гуляка действительно подружился в Рио с Силвио, ведь и тот был завсегдатаем игорных домов. Но это еще не значит, что знаменитый певец придет к ним. Для Гуляки, впрочем, не существовало препятствий. Все для него казалось простым и легкодостижимым. Но дона Флор не разделяла его оптимизма и как-то сказала доне Норме:

– Очередная выдумка Гуляки… Надо же такое сочинить!… Представляешь, обед в честь Силвио Калдаса!

Однако дона Норма восторженно ахнула.

– Как знать, а вдруг он придет? Это было бы великолепно!

Дона Флор согласилась бы и на меньшее.

– Я буду рада, если попаду на его концерт… Но только в хорошей компании… Иначе я вообще не пойду…

– Уж я-то пойду наверняка. Зе Сампайо как хочет, может дома сидеть, я тогда пойду с

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Артуром…

В вечернем выпуске последних известий радио сообщило, что первое выступление певца, назначенное на сегодня, состоится в полночь, в элегантном салоне Палас-отеля, по соседству с игорными залами, а в два часа ночи он выступит в «Табарисе» перед богемой и дамами полусвета. Бедняжка дона Флор поняла, что в эту ночь ей нечего ждать мужа.

Она заснула и увидела странный сон, будто Мирандон, Силвио Калдас, Гуляка, ее брат, невестка и дона Розилда – в Назарет-дас-Фариньясе и дона Флор помогает беременной невестке освободиться от цепи, которой та прикована к зонту свекрови. Разъяренная дона Розилда все время добивается, почему Силвио Калдас оказался в Назарете, а тот отвечает, будто приехал только затем, чтобы спеть вместе с Гулякой серенаду доне Флор. «Я ненавижу серенады», – рычит дона Розилда. Но Силвио взял гитару, и его нежный, бархатный голос зазвучал над бухтой Реконкаво. Дона Флор улыбалась во сне, слушая протяжную, грустную песню.

Голос певца становится все громче, песня звучит все ближе, и дона Флор уже не знает, сон это или явь. Она вскакивает с постели, набрасывает халат и подбегает к окну.

На улице стоят Гуляка, Мирандон, Эдгар Коко, Карлиньос Маскареньяс, бледный Женнер Лугусто из кабаре «Аракажу». И среди них Силвио. Аккомпанируя себе на гитаре, он поет для доны Флор:

…под звуки мелодии страстной,
под звон шестиструнной гитары…

Серенаде бурно аплодировала вся улица, а в воскресенье состоялся обед, о котором потом писали в газетах, в понедельник же Силвио пришел к ним и готовил сам. Он принес продукты, надел фартук и отправился на кухню. Оказалось, он действительно умеет готовить. В остальные дни он был так занят, что забегал лишь на минутку и тут же убегал. Зато они все вместе ходили смотреть капоэйру. И все же самым прекрасным днем был вторник, когда Силвио перед отъездом пел с трибуны на Кампо Гранде. В этот лунный вечер он пел для всех, кто собрался на площади.

Дона Флор даже не стала спрашивать мужа, будет ли он на концерте, – все эти дни Гуляка не разлучался с другом. Она лишь сказала ему, что пойдет туда с доной Нормой и сеу Сампайо, который на сей раз решил пренебречь своей вечной усталостью.

Но к немалому удивлению доны Флор, сразу после обеда к ее дому подъехало такси Цыгана с Гулякой, Силвио и Мирандоном: они прибыли за нею. «А кума?» – спросила дона Флор Мирандона. «Она с ребятами уже на площади». Пока дона Флор кончала свой туалет, приятели пошли в бар выпить по коктейлю.

Дона Флор с Гулякой сидели на местах, отведенных властям. Губернатор не явился, поскольку заболел гриппом, но к дворцу подвели трансляцию, чтобы его превосходительство с супругой могли слушать концерт. Рядом с четой Гимараэнс расположились префект с женой, начальник полиции с матерью и сестрами, директор департамента просвещения, начальник военной полиции, брандмайор с семьей, доктор Жорже Калмои и другие видные особы. Дона Флор улыбнулась мужу:

– Жаль, что мама не видит… Она бы глазам своим не поверила. Мы с тобой попали в такое окружение…

Гуляка рассмеялся.

– Твоя мать старая ведьма, где ей понять, что самое дорогое на свете – любовь и дружба, а все остальное чепуха, ради которой не стоило бы и жить.

Силвио коснулся струн, и площадь восторженно загудела. Пел Силвио Калдас, сияли в небе луна и звезды, легкий ветерок шелестел в деревьях парка, толпа притихла, и дона Флор, закрыв глаза, положила голову на плечо мужу.

Как обойтись без него, как преодолеть эту пустыню, рассеять этот мрак, выбраться из этого болота? Зачем ей жизнь без него?

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

20

Дона Флор мечется на своей железной кровати. Ее терзает мысль, от которой разрывается сердце: никогда больше не обнимет она с жаром и с волнением своего Гуляку. Словно острый нож вонзается ей в грудь и убивает там все желания, молодую радость жизни. Дона Флор лежит на железной кровати, будто самоубийца. Только воспоминания о муже поддерживают ее. Зачем она его зовет? Зачем огонь страсти жжет ее и возвращает к жизни? Все напрасно. Никогда уже не придет к ней этот дерзкий любовник, не сорвет с нее одеяло, не станет шептать безумные и прекрасные слова, которые она сейчас даже про себя не решается повторить. Не коснется больше ее груди и бедер, не станет ласкать, и не будет теперь ни бурных вспышек, ни нежности, ни вздохов. Ничего не будет! Но, только вспоминая обо всем этом, она может жить.

Словно грешная душа, бродит дона Флор по холодному, мрачному дому, похожему на гробницу. От стен, черепиц и пола исходит запах плесени, кругом сырость и паутина. Могила, в которой она заживо похоронила себя и воспоминания о Гуляке. К одинокой, охваченной горем доне Флор заглянула ее подруга дона Норма.

– Нельзя так, Флор. Нельзя! Уже больше месяца как он умер, а ты все ходишь, будто неприкаянная. Твой дом прежде был как игрушка, а теперь стал похож, прости меня господи, на могилу, в которую ты сама себя закопала. Нельзя же так! Возьми себя в руки, перестань убиваться…

Ученицы не знали, как вести себя. Их смех и шутки звучали натянуто. Да и как поддержать былую дружескую атмосферу, которой славилась кулинарная школа «Вкус и искусство», если преподавательница улыбается через силу, словно по обязанности? В прежние времена даже миллионерша дона Мага Патерностро шутливо декламировала, стоя на пороге:

Да здравствует страсти веселая школа
и ее ученица – молодая шутница!

Учениц становилось все больше, ибо каждая, окончив школу доны Флор, создавала ей рекламу, рекомендуя подругам как превосходную повариху и преподавательницу и к тому же очаровательную женщину. На ее уроках всегда было весело: шутки, смех, анекдоты, время летело незаметно. Иногда доне Флор приходилось даже кое-кому отказывать: слишком много было желающих, а она набирала всего две группы. Теперь все было по-другому: несколько девушек бросили занятия и уже распространяли слухи о закрытии школы. Что стало с когда-то веселой учительницей? Где прежние анекдоты и шутки? Теперь, когда девушки смеялись, взгляд доны Флор вдруг становился отсутствующим, а лицо искажала страдальческая гримаса. Кому же захочется все время вспоминать о покойнике, его место на кладбище, а рядом с живыми нечего ему делать.

Дионизия Ошосси со своим шалуном, крестником доны Флор, зашла навестить куму. Она была во всем черном, как того требовало приличие, но улыбалась, поскольку прошел уже почти месяц и она делала последний из трех траурных визитов. Печальный и горестный вид доны Флор встревожил Дионизию.

– Пора вам забыть о нем, кума, похоронили и ладно… Иначе он вас погубит…

– Но я не знаю, как это сделать Мне только тогда и становится легче, когда я о нем думаю…

– Соберите все воспоминания о муже и похороните их глубоко в сердце. Соберите все – и хорошее и плохое, – сложите вместе и спокойно усните…

Дона Гиза, которая зашла с книгами под мышкой и в легком летнем платье, открывавшем взору веснушки на ее крепком теле, отчитала вдову:

– На что ж это похоже? Долго будет продолжаться эта комедия?

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– А что я могу поделать? Не нарочно же…

– Где твоя воля? Скажи себе: завтра я начинаю новую жизнь, – и забудь о прошлом.

Хор кумушек вторил ей:

– Теперь без этого негодяя она сможет быть Счастливой… Надо бога благодарить…

Стоя во дворе монастыря, словно парящего над бескрайним зеленовато-голубым морем, дон Клементе Нигра смотрел в печальное лицо доны Флор, которая пришла заказать панихиду.

– Дочь моя, – тихо сказал монах, – к чему такое отчаяние? Он был веселым человеком и любил смех… Глядя на него, я понимал, что самый тяжкий грех – уныние, оно отравляет жизнь. Что бы сказал Гуляка, если б увидел тебя такой печальной? Ему бы это наверняка не понравилось. Если хочешь остаться верной его памяти, радуйся жизни…

А сплетницы все твердили, собираясь на улице:

– А теперь, когда этот пес отправился в преисподнюю, она может веселиться…

Тени доны Розилды, доны Диноры, святош, пропахших ладаном, доны Нормы, доны Гизы, дона Клементе и Дионизии Ошосси, улыбающейся своему сынишке, мелькали перед доной Флор. «Соберите все воспоминания о муже, кума, и похороните их глубоко в сердце».

Но плоть бунтует, ничего не желает знать. Дона Флор разумом соглашается с подругами, признает их правоту – пора перестать убиваться и ежедневно подвергать себя непереносимым мучениям. А плоть не покоряется и отчаянно призывает Гуляку. Она снова видит его соблазнительные усики, насмешливую улыбку шрам от удара ножом, слышит дерзкие и прекрасные слова, которые он ей шептал. Она согласилась бы снова идти с ним по жизни рука об руку, даже если б он продолжал огорчать ее своими бесконечными проделками, лишь бы опять оказаться в его объятиях. Но надо жить, надо открыть двери дома, открыть свои сомкнутые уста, проветрить комнаты и выбросить из головы все, что связано с Гулякой, навсегда похоронив воспоминания о нем глубоко в сердце. Может быть ей и удастся это. Она не раз слышала, что вдовам надлежит забыть о любви, расстаться с грешными помыслами, превратиться в засохший цветок. Вместе с покойным мужем вдова хоронит свое сердце. Только плохие жены не любившие своих мужей, продолжают лелеять бесстыдные мечты. Почему же Гуляка не унес с собой в могилу страсть ее пожирающую, отчаяние, комом подступившее к горлу, ее невыносимые страдания? Она должна забыть навсегда все связанное с ним, и хорошее и плохое: дурное отношение к ней, безобразные выходки, его веселость, остроумие и благородство; забыть все, что он вдохнул в покорную дону Флор: бушующую в ней мучительную страсть и всепобеждающее желание. Но прежде она в последний раз прогуляется с ним под руку, элегантная, как в те времена, когда еще девушками они с Розалией блистали на балах у богатых буржуа, в туалетах, которые выглядели роскошными, хотя и были сшиты ими самими.

Ах! То была самая прекрасная и самая страшная ночь в ее жизни. Удивительная ночь, когда она пережила страх и восторг, унижение и триумф! Длинная ночь, принесшая ей волнения и в игорном и в танцевальном зале, отчаяние и радость!

Она отправится с Гулякой в это последнее путешествие не торопясь. Шаг за шагом восстанавливая в памяти все, что происходило в ту беззвездную ночь. Из дома они вышли втроем: он, она и дона Гиза. Затем был ужин, танцы, концерт, мулатки и негритянки на эстраде, рулетка, баккара, усталость и нежность, возвращение в такси Цыгана, совсем как в прежние времена. Гуляка нетерпеливо поцеловал ее на глазах у улыбающейся доны Гизы, а

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

потом, уже в спальне, сорвал с нее роскошное платье, которое треснуло по швам.

– Ты даже не представляешь, как ты хороша сегодня, моя любимая, я с ума схожу по тебе. Никогда еще я не желал тебя с такой силой. Сегодня я делал все, что ты хотела, а теперь ты будешь за это расплачиваться…

Дона Флор трепещет. В ту ночь горечь стала сладостью, страдание – высшим наслаждением… Покорная, как рабыня, она отдалась во власть его чувственности и прошла по всем дорогам страсти – по долинам цветов и нежных ласк, влажным темным лесам и запретным тропам, пока не был взят последний редут ее стыдливости. Тогда горечь стала сладостью, а страдание – удивительным, неповторимым наслаждением.

Произошло это в день рождения доны Флор, в декабре прошлого года, накануне рождества.

21

Лирическое отступление, повествующее о негре Аригофе и красавце Зекито Мирабо.

Гуляка проснулся поздно утром, после одиннадцати, так как всю ночь кутил и пришел домой на рассвете. Бреясь, он обратил внимание на необычную тишину в квартире. Разве сегодня нет занятий? Одна из учениц, стройная, хрупкая мулаточка с золотистой кожей, давно поглядывала на него, и Гуляка уже решил взять ее на прогулку, чтобы насладиться вместе красотой пустынного побережья и запахом моря. Изящная, тонкая, как тростиночка, Йеда привлекала своей молчаливой скромностью; она смиренно ждала, когда придет ее очередь. У Гуляки сейчас был роман с сентиментальной и взбалмошной Зилдой Катунда, самой хорошенькой из трех жеманниц-сестер. Однако уже чувствовалось, что скоро настанет конец их связи: красотка стала слишком требовательной, следила за каждым его шагом, даже ревновала – и надо же дойти до такой наглости! – к самой доне Флор.

Но почему все-таки нет урока, если сегодня не праздник и не воскресенье? Выйдя из ванной, он заметил, что в доме тем не менее царит праздничная атмосфера: дона Норма помогает на кухне, тетя Лита протирает мебель, Телес Порто расположился в качалке с газетами и рюмкой ликеру, пахнет вкусными кушаньями. Какой же сегодня праздник?

Гуляка обожал праздничные сборища, гостей, воскресные обильные пиршества. Будь у него побольше денег, он бы еще чаще созывал друзей на рабаду и прочие деликатесы. Стоило ему выиграть, и он тут же заказывал фейжоаду, солонину с маниоковой молочной кашей и уж обязательно в день Козьмы и Дамиана лакомился каруру, а в день св. Иоанна – канжикой. Но черт возьми, почему сегодня так вкусно пахнет из кухни? По какому поводу готовится вся эта снедь? На этот его вопрос дона Норма ответила с укором:

– И вы еще спрашиваете! Неужели не помните, что сегодня день рождения вашей жены?

– Рождение Флор? Какое же сегодня число? Девятнадцатое декабря?

Возмущенная соседка набросилась на него:

– Как только не стыдно!… Хотелось бы знать, что вы купили в подарок этой святой женщине?

Увы, дона Норма, он ничего не купил и вполне заслужил упрек за свое невнимание, но разве он был похож на человека, который помнит все дни рождения и заранее выбирает подарки в магазинах? Жаль, конечно, что он упустил случай показать себя с хорошей стороны, принеся жене дорогой подарок. Дона Флор была бы так рада! Совсем как в тот раз, когда он заблаговременно вручил доне Норме крупную сумму, чтобы она купила себе хороший подарок и обязательно своих любимых духов.

Тем более жаль, что сейчас ему особенно везет – за последние пять дней он выигрывал не только в рулетку, баккара, кости, но и в подпольной лотерее. Только за два дня получил

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

две тысячи мильрейсов.

На эти деньги Гуляка даже смог выкупить просроченный вексель, спася доброе имя поручителя, а этот хвастун с хорошо подвешенным языком не был даже его другом, просто знакомым, с которым они встречались в барах и кабаре. Кстати, именно в «Табарисе» этот тип из штата Пара согласился дать Гуляке поручительство и подписать вексель сроком на тридцать дней.

Через месяц с небольшим его вызвали к управляющему банком, куда поступил просроченный вексель. Гуляка сразу же явился, так как придерживался дальновидной тактики не портить отношений с управляющими банков и их заместителями, от которых зависела его судьба.

– Маэстро Валдомиро, – сурово сказал ему сеу Жорже Таркинио, бывший, впрочем, его приятелем, – у меня ваш просроченный вексель.

– Мой вексель? Но я никому не должен… Разрешите посмотреть…

– Пожалуйста, взгляните…

Гуляка узнал свою подпись и подпись поручителя.

– Но, сеу Таркинио, у меня есть поручитель, почему же вы обращаетесь ко мне… Поговорите с ним, он человек богатый, владелец скотоводческих ферм, плантаций, сахарного завода, имеет еще адвокатскую контору и каждый год ездит в Европу… По-моему, следует вызвать его…

– Разумеется, сначала мы обратились к нему, раз он поручитель… Однако он категорически отказался платить.

От такой наглости Гуляка вышел из себя.

– Отказался?! Подумайте, сеу Таркинио, как только земля терпит всех этих бессовестных обманщиков… Шляется по кабаре, хвастается своим богатством: и земли-то у него много, и скота, и сахара, и делает он все, что заблагорассудится: в Париже, например, завел сразу трех любовниц; одним словом, послушать его, так он чуть ли не миллионер. И вот вам результат: ему верят как порядочному человеку и попадаются на удочку, беря в поручители этого мошенника. Оказывается, вексель просрочен и вы вызываете меня к себе…

– Но ведь фактически вы взяли у него в долг…

– Все это так, сеу Таркинио, но скажите мне, бога ради: если этот болтун не может оплатить вексель, какого черта он предлагает мне поручительство? Должен он погасить вексель, если я не заплачу? Должен, а раз так, я был спокоен… И вот пожалуйста… Он поступил очень непорядочно… Такие вот и подрывают у банков доверие к нам. Если человек соглашается быть поручителем, значит, он готов платить, сеу Таркинио. Таких, как этот Раймундо Рейс, надо сажать в тюрьму за мошенничество.

Сеу Таркинио полагал, что нелепое возмущение Гуляки преследует одну цель: смягчить его и добиться отсрочки векселя. Каково же было его удивление, когда случилось невероятное – Гуляка вдруг вытащил из кармана пачку банкнот.

– Теперь вы понимаете, сеу Таркинио, как повредил моей репутации этот негодяй? Никогда не следует связываться с мошенниками… Ведь я всегда так тщательно выбираю себе поручителей… Ну кто бы мог подумать, что Раймундо Рейс… да, век живи, век учись…

Заплатив по векселю, Гуляка отнюдь не разорился: ему везло все эти дни как никогда. Целую неделю он кутил напропалую.

Но самый крупный выигрыш выпал ему накануне. Ночью Гуляке приснился сеу Сампайо, и он даже не стал заглядывать в сонник, и так было ясно, что в лотерее надо ставить на медведя. Потом выигрыш приумножился в «Табарисе». Для банкометов это был неудачный вечер: Гуляка играл осторожно, но уверенно и постоянно выигрывал. Не менее удачлив был и негр Аригоф, уже перед рассветом выигравший в рулетке девяносто шесть конторейсов за какие-нибудь десять минут.

Аригоф пришел перед самым закрытием, незадолго до того, как крупье объявил последнюю ставку. Вид у него был понурый, поскольку он только что проиграл в ронду последние гроши. Обходя игорные залы один за другим, он забрел в «Табарис», окончив свое

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

бурное плавание в тихой гавани.

«Табарис», это полуказино, полукабаре, действительно был своего рода тихой гаванью. Здесь выступали звезды в зените славы, и звезды уже померкшие, и еще совсем молоденькие девушки. И всем им оказывал свое покровительство администратор сеу Тито, который подбирал актеров по своему усмотрению. Актрис в годах он жалел, ибо нет ничего печальнее и трагичнее судьбы состарившейся актрисы без ангажемента. Молоденьких, если они не годились для эстрады, обучал любви в своей грязной конторе, чтобы они могли зарабатывать себе на хлеб иным способом. Ночью в «Табарис» стекалась самая разношерстная публика: и богатые посетители «Паласа» и завсегдатаи дешевых кабаков и тайных притонов – словом, все, кто хотел в последний раз попытать счастье в игре.

Аригоф пришел как раз в ту минуту, когда Гуляка, окруженный толпой зевак, показывал высокий класс в баккара. Слева от него стоял Мирандон, который время от времени выпрашивал у приятеля фишку, справа – несколько дам, в том числе и сестры Катунда. «Скорей дай мне фишку, дружище, а то сейчас закроют», – попросил Аригоф. Не отрывая взгляд от карт, Гуляка вытащил из кармана фишку, даже не посмотрев, какова ее стоимость. Фишка стоила всего пять мильрейсов, но негру больше и не требовалось. Он побежал к рулетке, поставил на 26 и выиграл. Еще дважды он ставил на это число и дважды выигрывал. Через десять минут у Аригофа было девяносто шесть конто, у Гуляки – двенадцать, не считая конто и трехсот мильрейсов Мирандона.

Аригоф, имевший манеры и замашки английского лорда, тут же заказал шесть костюмов из лучшего льняного полотна, уплатив вперед, и вернул шестьдесят мильрейсов, – он давно был должен Аристидесу Питанге, портному и страстному любителю рулетки, однако не рискующему играть. Скупость не позволяла ему делать больше одной-двух небольших ставок за вечер, и он бродил вокруг столов, переживая за других, подсказывая, на какое число ставить, радуясь чужому везению, огорчаясь невезению.

Аристидес уже давно махнул рукой на этот долг, но, увидев, как эффектно выиграл его взыскательный, но не расплатившийся заказчик, забыв обо всех приличиях, потребовал денег тут же, при игроках и девицах. Это было оскорбительно, однако в лице негра ничто не дрогнуло.

Шестьдесят мильрейсов за костюм?… А скажите, Питанга, сколько вы берете за костюм из белого льняного полотна?

– Обычного?

– Английского, самого дорогого, цвета яичной скорлупы. Самого лучшего, которое можно купить.

– Приблизительно триста мильрейсов…

Аригоф вытащил пачку банкнот в пятьсот мильрейсов каждая.

– Тут два конто… И сшейте мне шесть костюмов, возьмите свои шестьдесят мильрейсов, а остальное я вам даю за то, что вы не поленились прийти и взыскать долг с клиента у игорного стола…

Швырнув портному деньги в лицо, Аригоф повернулся к нему спиной. А тот кинулся собирать купюры под улюлюканье женщин.

Как мы уже сказали, Аригоф смотрел лордом и, как истинный лорд, не занимался ничем, кроме игры. Нищий, как Иов, этот черный, будто вакса, мастер капоэйры лишился права бывать в Палас-отеле после того, как учинил там дебош. Какой-то лощеный папенькин сынок, налакавшись виски, рассмеялся при виде безукоризненно одетого во все белое Аригофа и громко крикнул: «Взгляните на эту обезьяну, сбежавшую из цирка». Зал был разгромлен, а на лице у нахала до сего дня красуется шрам от ножа.

По случаю небывалого выигрыша друзья устроили ужин под почетным председательством Шимбо. За столом были Мирандон, Робато, Анакреон, Пе де Жегэ, архитектор Лев Серебряный Язык, журналисты Курвело и Жоан Батиста, бакалавр Тибурсио Баррейрос, не считая гостеприимных хозяев заведения и букета легкомысленных прелестниц, которых по желанию сестер Катунда мы будем называть артистками. Этих

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

«богато одаренных сестер», как именовал их в своих статьях Жоан Батиста, родила от разных отцов Жасинта Апанья-о-Баго. Старшая была почти негритянкой, младшая – почти белой, а средняя – очаровательная мулаточка. Внешне они совсем не походили друг на друга, но все трое были злыми и коварными. Пели они плохо, зато любовью занимались с истинным талантом, что и подтверждал Жоан Батиста, тративший все свои гонорары на предприимчивых сестер. Впрочем, редактор все еще не решил, какой же из них отдать пальму первенства.

Лев Серебряный Язык и адвокат хотели привезти других сестер из Гонолулу, чтобы придать обществу еще больше блеска. Эти не были сестрами даже по матери и родились вовсе не в Гонолулу, как они утверждали, а в Америке. Обе были темнокожие, но сложены превосходно: хрупкая нежная Жо напоминала косулю, а быстрая мускулистая Мо – пантеру. У них были приятные голоса и некоторые причуды: они не принимали приглашений на прогулки, обеды, морские купания, ночные пикники, а также не садились за столик к поклонникам и не выпивали с ними. Даже банкир Фернандо Гоэс, высокий и красивый холостяк с туго набитым кошельком, у ног которого валялись все женщины, не мог заполучить сестер, хотя ходил в «Палас» только ради них и французского шампанского. Жо и Мо пели лирические и джазовые песенки, танцевали и никогда не разлучались; перед выходом на сцену они сидели где-нибудь в укромном уголке и, держась за руки, пили вино из одного бокала. А после выступления поднимались к себе в номер.

Ужин был роскошным, с винами и шампанским, сестры Катунда щедро одаривали всех своими талантами. За столом царило веселье, мрачным оставался лишь молодой бакалавр Баррейрос, который никак не мог пережить отказ «этих отвратительных мужеподобных» американок. Со злости он напивался, не обращая внимания на воркующую возле него толстую Карлу, предлагавшую ему в утешение любовь и поэзию. Когда был подан счет, Аригоф чуть не поссорился с Гулякой: тот хотел оплатить хоть часть ужина. Негр, в которого в этот вечер словно бес вселился, заявил, что сочтет для себя оскорблением, если Гуляка заплатит даже один мильрейс.

По редкому и счастливому совпадению как раз на неделю, когда Гуляке сопутствовала удача и он вполне мог сделать самый дорогой подарок жене, пришелся день рождения доны Флор.

– Так что вы собираетесь ей подарить? – настаивала дона Норма.

Гуляка улыбнулся:

– Что я подарю Флор? Все, что она захочет… Пусть только скажет…

Дона Норма позвала дону Флор, которая пришла из кухни, вытирая руки о передник.

– Это правда, Гуляка? Ты не шутишь?

– Говори, что хочешь…

– А ты не пойдешь на попятный? Исполнишь все, что я попрошу?

– Ты же знаешь, дорогая, уж если я обещаю…

– Тогда пойдем обедать в «Палас», – сказала дона Флор.

До сих пор Гуляка отказывался вводить ее в мир своих друзей игроков, она была знакома только с Мирандоном, единственным, кто бывал в их доме. Некоторых приятелей Гуляки она видела мельком, остальных знала понаслышке. Даже Анакреон, которого Гуляка очень уважал, за все семь лет был у них не больше пяти-шести раз. Что же касается Аригофа, то он только однажды зашел к ним в воскресенье позавтракать. Знакомые доны Флор, соседи и ученицы были людьми порядочными, не имевшими ничего общего с беспутными приятелями ее мужа. Поэтому Гуляка никогда не соглашался брать дону Флор туда, где играют в рулетку и кости. Жена должна сидеть дома, и нечего ей, черт возьми, делать в этих подозрительных местах!

– С меня более чем достаточно сплетен, которые ходят обо мне, не хватает еще, чтобы ты там появилась.

Напрасно дона Флор убеждала мужа, что в Палас-отеле собирается самое изысканное общество. Почему бы и им не поужинать в роскошном зале, не потанцевать под лучший

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

оркестр штата, не посмотреть лучших актеров из Рио и Сан-Пауло? Там бывают дамы из самых фешенебельных кварталов Грасы и Барры, одетые по последней моде, а некоторые из них, наиболее современные, даже играют в рулетку. Игорный зал являл собой как бы продолжение танцевального, ибо широкую арку между ними никак нельзя было назвать границей, отделяющей посетителей от разорения.

Дона Флор уже не просила, а требовала, переходила даже к оскорблениям:

– Ты меня не берешь, потому что боишься, что я встречу там твоих потаскух…

– Я не хочу видеть тебя в этих залах…

Но ведь дона Норма ходит в «Палас» с мужем каждый раз, когда там интересная программа. Аргентинцы, хозяева керамической фабрики, бывают там каждую субботу: ужинают, танцуют, смотрят выступления артистов. Но Гуляка не сдавался и, исчерпав все аргументы, неопределенно обещал:

– Ну хорошо, если подвернется подходящий случай…

И этот долгожданный случай наконец подвернулся. Дона Флор ушам своим не поверила, когда Гуляка, захваченный врасплох, нехотя процедил:

– Что ж, раз тебе так хочется… Как-нибудь на днях сходим.

И тут же предложил взять с собой дядю и тетку, дону Норму с Зе Сампайо, а также дону Гизу. Тетя Лита поблагодарила и отказалась: ей очень хотелось пойти, но у нее не было подходящего для «Паласа» вечернего туалета. Еще больше хотела побывать там дона Норма, однако сеу Сампайо на этот раз остался непреклонен: он очень уважает соседей и благодарит за приглашение, но, к сожалению, не может его принять, так как обычно в девять часов ложится спать, чтобы в шесть утра отправиться в свой магазин. Впрочем, в субботу или воскресенье он пойдет с удовольствием. Что же касается предложения доны Флор, чтобы дона Норма пошла в «Палас» без него, то об этом нечего и думать: он не может допустить, чтобы его жена посещала без мужа места, где пьют и играют, где, кроме порядочных людей, бывают проходимцы, не имеющие ни малейшего понятия о том, что такое уважение к женщине.

Однажды, когда его туда затащила дона Норма, которой очень хотелось послушать французского певца (никогда он не видел более женоподобного мужчину, и тем не менее женщины млели), произошел неприятный случай. Стоило сеу Сампайо на минуту отлучиться, как тут же какой-то наглец стал болтать с доной Нормой, приглашал ее танцевать, делал комплименты ее туалету, словно перед ним была дама полусвета. Сеу Сампайо только потому не проучил негодяя, что хорошо знал его семью: мать и двух сестер, достойнейших особ и постоянных его покупательниц; знал он, впрочем, и самого Зекито Мирабо, заядлого игрока, получившего среди богемы прозвище «красавец Мирабо».

Таким образом, из всех приглашенных дала свое согласие лишь учительница дона Гиза, которая очень обрадовалась возможности послушать сестер из Гонолулу и понаблюдать мир игроков с точки зрения социологии и психоанализа.

Остаток дня дона Флор провела в хлопотах: надо было с помощью доны Нормы и доны Гизы выбрать для вечера платье, перчатки, шляпу, туфли и сумочку. Она хотела быть самой красивой и элегантной в «Паласе», чтобы затмить всех женщин – и благородных дам в столичных туалетах и любовниц банкиров в платьях из Парижа. Наконец-то она переступит запретный порог.

22

Когда она под руку с мужем в волнении переступила порог Палас-отеля, оркестр по странному совпадению исполнял то старое, но никогда не стареющее танго, которое они танцевали, впервые встретившись в доме майора Тиририки. Сердце доны Флор забилось еще сильней, и она улыбнулась мужу.

– Помнишь?

Зал «Паласа» был погружен в полумрак, так как все лампы горели под аляповатыми

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

пестрыми абажурами, но дона Флор пришла в восторг и от полумрака, и от столиков с бумажными цветами, и от этих абажуров. Гуляка огляделся, стараясь понять, что имела в виду жена: все вокруг было ему знакомо до подробностей, но к доне Флор не имело никакого отношения.

– Что ты имеешь в виду, моя милая?

– Музыку. Это то самое танго, которое мы танцевали, когда познакомились… На празднике у майора, помнишь?

Гуляка улыбнулся и направился к столику, заказанному заранее, как раз у танцевальной площадки и неподалеку от арки, через которую виднелся игорный зал.

Отсюда можно было наблюдать и за танцующими парами, и за переживаниями игроков. Сейчас танцевали всего две пары, но обе слыли лучшими исполнителями танго, и никто не решался с ними соперничать. Дамами были сестры Катунда.

Старшую – негритянку – вел высокий, романтического вида мужчина, одетый по последней моде и походивший одновременно и на киногероя и на профессионального танцора. Позже Гуляка узнал, что это Баррос Мартине, книгоиздатель из Сан-Пауло, вероятно богатый, как все издатели. Прекрасный танцор, он безукоризненно справлялся с замысловатыми па.

Младшая сестра – белокожая – танцевала с Зекито Мирабо, тем самым красавцем Мирабо, который угодил в неприятную историю с доной Нормой. Подняв глаза к потолку и закусив губу, он время от времени нервно проводил рукой по развевающейся шевелюре; более гибкий, баиянец танцевал не хуже Барроса, и па его отличались большим изяществом.

Все еще улыбаясь, Гуляка протянул руку доне Флор и предложил, помогая подняться со стула:

– Давай, дорогая, покажем этим чудакам, что такое настоящее танго…

– А вдруг я разучилась? Ведь я уже давно не танцевала и чувствую какую-то скованность…

В последний раз дона Флор танцевала больше полугода назад, когда Гуляка совершенно неожиданно согласился пойти с ней на день рождения к доне Эмине. Гуляка был отличным партнером, и дона Флор хорошо танцевала и любила танцевать. Поэтому была недовольна тем, что они редко танцевали вместе, лишь в тех случаях, когда он сопровождал ее на вечеринки к друзьям. А без мужа она и не помышляла о танцах – замужняя женщина может танцевать с другими только с согласия своего повелителя и в его присутствии. Вот и приходилось доне Флор, пока все танцевали, слушать сплетни кумушек и помогать хозяйке. Что же касается Гуляки, то он танцевал где хотел и с кем хотел: в кабаре и на балах-гафиэйрах, в «Паласе», «Табарисе» и «Флозо»).

Тогда, на дне рождения доны Эмины, дона Флор с Гулякой танцевали все подряд – самбы, фокстроты и раншейры. Доктор Ивес и хозяйка попытались было тягаться с ним – кто не хочет отличиться, – но скоро отказались от своей затеи. Они танцевали совсем неплохо, но, чтобы соперничать с доной Флор и Гулякой, были слишком застенчивы.

И все же одно дело – танцевать на домашней вечеринке, и совсем другое – в зале «Паласа». Тем более что танго было сложное, да еще то самое, на которое семь лет назад Гуляка пригласил ее впервые. Не опозорится ли она теперь, спустя столько времени, в этот сказочный вечер? Дона Флор не подозревала, что этот первый вечер в «Паласе» будет для нее и последним.

Только теперь, потеряв навсегда Гуляку, она поняла, как дорога для нее каждая подробность этой необыкновенной ночи: с той минуты, когда она ступила на танцевальную площадку, и до самых сладостных мгновений, когда ей пришлось расплачиваться за подарок мужа.

Два жеста Гуляки, одинаково нежные и властные, означали для доны Флор начало и конец этой сказочной ночи. Первый – когда он, улыбаясь, протянул ей руку, приглашая на танго, и второй – когда, горя от нетерпеливой страсти, притянул к себе… Но не надо забегать вперед, она хочет заново пережить ту незабываемую ночь, каждое ее мгновение, каждую ее

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

подробность, ее радости, страхи и наслаждение.

Рука мужа обняла ее стан, и она почувствовала, что легко движется в такт музыке. Дона Флор вспомнила себя молоденькой девушкой, молчаливой, робкой, собирающей цветы в саду тети Литы, пока прикосновение этой руки не зажгло в ее груди огонь, пока эти губы не опалили ее навсегда.

Танго было нежное и чувственное, и они казались то робкими влюбленными, то любовниками, переживающими бурную страсть. Оно напоминало им об очаровании первой встречи и первого взгляда, о первой улыбке и первом смущении, но и о долгих семи годах, полных страданий и любви тоже. Гуляка держал в объятиях целомудренную, молоденькую девушку и в то же время зрелую, пылкую любовницу. Это танго, пронизанное удивительной нежностью и томной страстью, никто еще не танцевал так, как они. Полюбоваться пришли даже завсегдатаи игорного зала.

Издатель, блиставший в кабаре Сан-Пауло, Рио, Буэнос-Айреса, и высокомерный Зекито Мирабо вынуждены были признать себя побежденными и покинуть площадку, предоставив ее доне Флор и Гуляке.

– Что это за дама танцует с Гулякой? – спрашивали все друг друга, и вскоре стало известно, что «это его жена и пришла сюда впервые…» Самая грациозная из сестер Катундау почувствовав укол ревности, сделала пренебрежительную гримасу.

Потом они вернулись к столу и Гуляка, заказав ужин и вина, стал отвечать на вопросы доны Гизы о посетителях, однако сенсация, вызванная доной Флор, не улеглась. Вокруг нее слышался шепот, на нее бросали любопытные взгляды, словно она была дамой из высшего общества или дорогой содержанкой с самыми светскими манерами.

Дона Флор ощущала нечто вроде головокружения. Ошеломленная и счастливая, она все же не знала, что означают эти быстрые взгляды, недоуменные жесты, улыбки – симпатию или насмешку. Рассеянно слушала она мужа.

– Ему уже больше семидесяти… Он играет только в баккара и всегда делает ставку в пять конто. Как-то раз за один вечер он проиграл больше двухсот конто… Но потом явились его дети – два негодяя-сына и потаскуха-дочь со своим мужем – и стали силой тащить его отсюда. Хуже всех вела себя дочь, эта подколодная змея, она натравливала на отца братьев и рогоносца-мужа… Теперь они затеяли против него судебный процесс, чтобы доказать, что старик выжил из ума и не способен больше распоряжаться своим имуществом…

Дона Гиза вытянула шею, стараясь получше разглядеть тощего как скелет старца с редкими седыми волосами. Он твердо держался, опираясь на палку. Лицо выражало волнение, а в глазах горел алчный огонь, казалось, что только он и поддерживает в старике жизнь.

– В конце концов, кто заработал эти деньги? – с возмущением спрашивал Гуляка. – А дети только и умеют что тратить! Бездельники! Они, видите ли, решили собственного отца отправить в сумасшедший дом… Я бы выпорол их всех, в том числе и девчонку, а потом засадил в тюрьму.

Дона Гиза не согласилась с ним: по ее мнению, старик не смел проигрывать свое состояние, поскольку должен был обеспечить семью…

Лекция о тонкостях наследственного права была прервана Зекито Мирабо, который подвел к их столику издателя из Сан-Пауло, чтобы познакомить с Гулякой и доной Флор.

– Я хочу, Гуляка, представить тебе своего друга, он много слышал о тебе и видел, как ты танцуешь… Он важная персона в Сан-Пауло… – И, обернувшись к приезжему, отрекомендовал Гуляку. – Вы уже знаете о нем, это… – Присутствие доны Флор сковывало его. – Ну, в общем, мой большой друг…

Гуляка торжественно представил дам:

– Моя жена и ее подруга дона Гиза – американка, кладезь премудрости…

Дона Флор смущенно протянула кончики пальцев, словно какая-нибудь деревенщина. Издатель, почтительно склонившись, поцеловал ей руку.

– Жозе де Баррос Мартинс к вашим услугам. Поздравляю вас, сеньора, редко мне

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

доводилось видеть танго в таком прекрасном исполнении… Это было великолепно!

Затем он поцеловал руку доне Гизе и, так как оркестр заиграл в это время самбу, спросил:

– Вы танцуете самбу? Или, как истинная американка, предпочитаете блюз?…

Гуляка сразу же сбил с издателя спесь:

– Да что вы!… Она отплясывает самбу так, что залюбуешься…

– Ну что ты говоришь… – улыбаясь, с легким укором сказала дона Флор.

Но дона Гиза даже глазом не моргнула, совсем не обидевшись, она вышла с издателем на площадку и лихо завертела своими тощими бедрами, будто в подтверждение слов Гуляки. Вдруг Гуляка помрачнел, и дона Флор сразу сообразила, почему: одна из трех мулаток, сидевших за столиком Зекито, такая хорошенькая, что невозможно было оторвать от нее глаз, тоже подошла к ним и, окинув вызывающим взглядом дону Флор, нежно проворковала, обращаясь к Мирабо:

– Дорогой, наша самба. Я жду…

Доне Флор она адресовала свое презрение, Гуляке – сердитый взгляд и ангельскую, соблазнительную улыбку Зекиньо:

– Пойдем, негритенок…

Дона Флор старалась не глядеть на мужа. Наступила неловкая пауза: прищурив глаза, она повернулась к танцевальной площадке, Гуляка смотрел в сторону игорного зала. Зачем ей понадобилось приходить сюда, спрашивал он себя. Он всегда так противился этому. И вот теперь, в день своего рождения, вместо того чтобы веселиться, бедняжка Флор кусает губы, сдерживая слезы. Эта ослица Зилда дорого поплатится. Гуляка наклонился к доне Флор и, взяв ее руку, шепнул с нежностью, которую нельзя было не почувствовать:

– Не будь дурочкой, дорогая. Ты сама захотела прийти сюда, но это место не для тебя, моя глупышка. Неужели ты станешь обращать внимание на здешних потаскух и их выходки? Ты пришла повеселиться со мной, так считай, что, кроме нас, здесь никого нет… Пошли к черту эту шлюху, у меня с ней ничего нет…

Дона Флор легко дала себя обмануть, потому что ей хотелось верить. Со слезами на глазах, жалобным голоском она переспросила:

– Это правда?

– Разве ты не видишь, что я не обращаю на нее внимания? Забудь о ней, любимая, эта ночь наша, ты убедишься в этом, когда мы вернемся домой… Я не пойду сегодня играть.

Мулатка проплыла мимо них в танце, прижимаясь к красавцу Мирабо, который в экстазе закатил глаза.

– Пойдем потанцуем? – предложила дона Флор.

Они танцевали самбу, пасодобль. Потом ей захотелось посмотреть игорный зал, и Гуляка, который был готов исполнить любой каприз жены, повел ее туда. Дона Гиза тоже пошла за ними своей прыгающей походкой, желая узнать все, вплоть до преисподней. Она ничего не смыслила в картах и в жизни не видела, как играют в кости.

Дона Флор молчала, как человек, проникающий в храм, куда заказан путь непосвященным. Наконец-то ей удалось попасть туда, где ее муж становился богачом и нищим, королем и рабом. Она стояла на самой границе этой ночной жизни, этого свинцового моря, за которым простирались мечты и тревоги. Залы «Паласа» были самой богатой и блестящей столицей этого мира. Его тернистые пути вели в кабаре, игорные и публичные дома, тайные притоны, грязные и мрачные убежища наркоманов, о которых дона Флор не могла слышать без содрогания. Гуляка уверенно шел по этим путям, дона же Флор лишь робко приблизилась к границам.

За стенами «Паласа», в котором, если верить рекламе, царит приятная семейная обстановка и полумрак, горят хрустальные люстры, играет первоклассный оркестр, блистают дамы из высшего общества и дорогие содержанки, в лабиринтах бедной, лишенной мишуры ночи таилась последняя правда Гуляки.

Доне Флор достаточно было быстрым шагом обойти игорный зал, и она постигла этот

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

безумный мир, этот океан слез, причину ее горестей и страданий. Дона Гиза, напротив, шла медленно, как завороженная, вглядываясь в лица игроков, их жесты. Один из них возбужденно говорил сам с собой. Будь ее воля, учительница еще долго там оставалась бы. Но официант, с почтением относившийся к Гуляке, пришел сообщить, что ужин подан и скоро начнутся выступления артистов.

Вернувшись в танцевальный зал, они столкнулись с только что вошедшим Мирандоном. Кума в «Паласе»?… Что за чудо! Уж не решила ли она взорвать игорный зал? Сегодня день ее рождения? Боже, как мог он забыть! Завтра же он пришлет свою жену с крестником и подарком. «Никаких подарков», – возразила дона Флор. Она была довольна сверх всякой меры подарком мужа и не желала никакого другого.

Кормили в ресторане скверно: рис был недосолен, мясо невкусное, но Гуляка был так предупредителен, предлагая ей лучшие куски! Дона Флор позабыла о всех своих страхах.

Вдруг огни погасли и тут же снова вспыхнули; конферансье Жулио Морено объявил о начале концерта. Первыми выступали сестры Катунда: пели они неважно, зато выставляли напоказ свои груди и ляжки.

Я всю ночь напролет пропляшу
Раншейру…
Раншейру…

Дерзкая и изящная Зилда была сложена лучше остальных, эту очевидную истину дона Флор не могла не признать. Гуляка же не обращал никакого внимания на мулаток, занятый десертом. Теперь уже дона Флор поглядывала на соперницу с пренебрежением; она взяла мужа за руку, и они улыбались друг другу, пока красавицы-сестры демонстрировали свои прелести то в синем, то в красном освещении

Потом выступали сестры из Гонолулу: их печальное пение напоминало стоны черных рабов, закованных в цепи, мольбу бесправных, униженных людей. «Даже их красивые тела навевают грусть», – подумала дона Флор. Пение мулаток Кагунда было как звон бубенчика, как птичья трель, как луч солнца, их тела дышали молодостью и здоровьем, песни Жо и Мо походили на вопль, полный отчаяния. Сестры Катунда танцевали, обращаясь к веселым негритянским богам, прибывшим из Африки и все еще живущим в Баии. Американские негритянки молили сурового далекого бога, их господина, которого им навязали кнутом и побоями. В пении одних звучала радость, в пении других – плач.

– Я должен покинуть тебя ненадолго, дорогая…

Гуляка встал и быстрым шагом направился в игорный зал. Вспыхнул свет, раздались аплодисменты. Дона Флор увидела, как Мо подала руку Жо и так, взявшись за руки, они покинули эстраду. Издатель из Сан-Пауло снова ушел танцевать, Зекито Мирабо присоединился к игрокам.

Мирандон тоже хотел бы уйти с Гулякой и Мирабо, но кум оставил его развлекать дам, поэтому приходилось отвечать на идиотские вопросы учительницы.

Дона Флор заметила, как к Гуляке, стоявшему у рулетки, подошла Зилда и, встав рядом с ним, положила ему руку на плечо. Гуляка продолжал напряженно следить за шариком в ожидании торжественной и решающей минуты. Возмущенная дона Флор уже поднялась было со стула, готовая на любой скандал, на любую самую отчаянную выходку во вкусе здешних девиц. Но тут она увидела, что Гуляка, как только крупье огласил выигрыш, заметил руку Зилды, стряхнул ее со своего плеча и сказал что-то резкое. Мулатка тут же ушла с недовольным видом.

Гуляка, поняв, что дона Флор все видела, направился к ней с фишками в руках. Поеживаясь от мудреных вопросов доны Гизы, Мирандон запивал свое невежество остатками сладкого вермута.

Еще две-три ставки, и мы уйдем, дорогая, – шепнул Гуляка жене. – Я уже послал Цыгану записку, чтобы он ждал нас с машиной. Даю слово, мы не задержимся… – И куснул

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ее ухо, обдав своим жарким дыханием, словно огнем опалил.

Дона Флор вдруг вздрогнула и вздохнула. Сумасшедший! А вдруг кто-нибудь видел? Будут потом толковать о том, что ей приходится терпеть от этого разбойника!

Гуляка вернулся в игорный зал и снова занял свое место у рулетки. Он стоял, слегка ссутулившись, белокурый, с нахальными усиками и дерзкой улыбкой… Дона Флор не сводила глаз со своего Гуляки.

Сейчас она вспоминала каждую подробность этой ночи, каждый день своей жизни с ним, стараясь ничего не упустить – ни хорошего, ни плохого.

Гуляка подал ей знак, что делает последнюю ставку, такси Цыгана подождет еще несколько минут. «Никогда больше я не пойду с тобой, мой любимый, на праздник этой ночи, где капля горечи растворилась в огромном море любви». Таким он навсегда останется в ее памяти: за игорным столом, делающим ставку на свое любимое число 17. Собрав воспоминания о муже, дона Флор заперла их в своем сердце. Резко повернувшись на железной кровати, она закрыла глаза и заснула спокойным сном.

23

Ровно через месяц после смерти Гуляки дона Флор, отслужив панихиду, отправилась на цветочный базар на Кабесе. С того злосчастного воскресенья, когда смерть нанесла Гуляке свой удар, она второй раз выходила из дому. Первый – отслужить панихиду на седьмой день.

Дона Флор, возвращавшаяся из церкви, вызывала всеобщее любопытство. Бармен Мендес кивнул ей из-за прилавка, сеу Морейро, португалец, увидев ее, крикнул жене, возившейся на кухне: «Иди скорее, Мария, посмотри на вдову». Несколько мужчин, в том числе и щеголь-аргентинец сеу Бернабо, поклонились ей, сняв шляпу.

На углу возле мясной лавки ее приветствовала негритянка Виторина, торгующая с лотка, у порога своей аптеки фармацевт доктор Теодоро Мадурейра скорбно склонился, выражая ей свое сочувствие. Рассеянный профессор Эпаминондас Соуза Пинто, как всегда куда-то бежавший с книгами под мышкой, протянул ей руку:

– Такова жизнь, дорогая сеньора. Что поделаешь?!

Посетители бара, покупатели из магазинов, в их числе и помещик Мойзес-Алвес, приехавший за пряностями для своих прославленных блюд, выходили посмотреть на дону Флор и молча ей кланялись. Резчик по дереву, друг дяди Телеса, отложил в сторону работу и сказал почтительно:

– Добрый день, Флор. Не нужна ли тебе моя помощь?

Продавцы цветов окружили ее со всех сторон. Она купила роз и гвоздик, пальмовых веток и фиалок, лилий и скабиоз.

Еще молодой, высокий и тощий негр с острым профилем и загадочным выражением лица, которого внимательно слушали механики и шоферы на стоянке такси, узнав, кто такая дона Флор и для чего она покупает цветы, подошел к ней и попросил несколько цветов. Удивленная дона Флор протянула ему букет, и он сам выбрал из него три желтых гвоздики и четыре фиолетовых скабиозы, потом вытащил бечевку из кармана пиджака и связал ею маленький букетик.

– Когда придете на могилу Гуляки, развяжите. Это для того, чтобы его эгун успокоился. – И тихо добавил: – Аку або!

Негр оказался жрецом Диди, и лишь спустя много времени дона Флор узнала имя этого могущественного и славного прорицателя.

Она была в глубоком трауре, вся в черном, ибо прошел всего месяц со дня смерти мужа. Но сквозь вуаль виднелось ее лицо, на котором уже не было скорби. На нем еще можно было прочесть грусть, но не отчаяние.

Вдыхая чистый воздух этого прозрачного ясного утра, дона Флор наконец подняла свой взор от земли и вновь прозрела, увидев окружающий ее мир, озаренный светом солнца.

Дона Флор несла цветы на могилу мужа, пробираясь сквозь густую толпу прохожих,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

которые разговаривали, смеялись. Многие снимали перед нею шляпу, кланялись. Она с благодарностью отвечала на поклоны тем, кто хотел ее утешить. Она шла на кладбище, но жизнь снова вступала в свои права, и она возвращалась к живым, излечиваясь от своего недуга.

Конечно, это была уже не прежняя Флор, вместе с мужем ей пришлось похоронить некоторые свои воспоминания и чувства; она стала уважаемой всеми вдовой и теперь снова оживает, может ощущать тепло солнца, дуновение ветерка, смеяться и радоваться. Она смирилась.

III. О периоде менее строгого траура, об интимной жизни вдовы и ее скромности, о заботах молодой и желанной женщины и о том, как она пришла, честная и кроткая, к своему второму замужеству, когда власть покойного над нею уже стала ее тяготить

(с предсказаниями доны Динары на хрустальном, шаре)

КУЛИНАРНАЯ ШКОЛА “ВКУС И ИСКУССТВО”

ЖАРЕНАЯ ЧЕРЕПАХА И ДРУГИЕ РЕДКИЕ БЛЮДА

Несколько дней тому назад кто-то спросил (кажется, дона Наир Карвальо, это она любит подавать к столу самые изысканные кушанья), чем следует поразить гурмана, особенно ценящего оригинальную кухню.

Так вот, я рекомендую в таком случае подать деликатес – жареную черепаху – и сейчас продиктую вам рецепт, который мне дала дона Кармен Диас а который она долгое время хранила в тайне. Можете записать его. Если я не ошибаюсь, черепаху едят на празднике кандомблэ, поскольку, как мне сказала кума Дионизия, дочь Ошосси, это – любимое блюдо божества Шанго.

Помимо черепахи, рекомендую дичь, особенно рагу из ящерицы тейю: у нее очень нежное мясо, отдающее кориандром и розмарином. Если возможно, подайте в душистых листьях зажаренного целиком кайтиту – дикого кабана, мясо которого пахнет селвой. Это поистине королевское кушанье!

Если же ваш гость пожелает еще более изысканного блюда, чего-то совершенно особенного, словом, пищи богов, тогда подайте ему красивую, молодую вдову, омытую слезами печали и одиночества, приправленную скромностью и трауром, разогретую на медленном огне запретного желания, которое придает ей аромат греховности.

Я знаю одну такую вдову, она каждую ночь поджаривается на медленном огне и вполне поспела, чтобы быть поданной.

ЖАРЕНАЯ ЧЕРЕПАХА

(Рецепт доны Кармен Диас, который она сообщила доне Флор, и которая, в свою очередь, продиктовала его своим ученицам.)

“Черепаху сдавливают с боков и таким образом умерщвляют (варварский способ), потому что голова должна остаться неповрежденной. Затем ее подвешивают за задние лапы и отрезают голову. Так она должна висеть в течение часа, пока не стечет кровь. После этого черепаху кладут на спину и отрезают ноги, но не выбрасывают их, а лишь снимают кожу. Затем потрошат, срезают мясо и извлекают яйца (если они есть), а кишки выбрасывают. Все это проделывается очень аккуратно. Затем хорошенько промывают

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

мясо и внутренности и, вымочив все это в оливковом масле с солью, лимоном, чесноком, луком, помидорами и перцем, ставят на умеренный огонь. Жарить до тех пор, пока мясо не зарумянится как следует и не появится специфический аромат. Подавать с королевским картофелем, сваренным в несоленой воде, или с жареной маниоковой мукой и кориандром".

1

Шесть месяцев дона Флор соблюдала строгий траур, ходила по улице и даже дома только в глухих черных платьях. Лишь чулки у нее были серые.

Вот почему ученицы – очень шумная новая группа, – увидев ее однажды утром в белой блузке с темными узорами и в ожерелье из поддельного жемчуга, со слегка подкрашенными губами, зааплодировали. Однако пройдет еще полгода, прежде чем дона Флор сможет носить яркие платья, в том числе и модных цветов: небесно-лазурного, гортензии и морской воды.

Похоронив в душе все, что было связано с Гулякой, дона Флор опять стала такой, какой нарисовала ее в своих стихах богачка дона Мага Патерностро. Она еще носила черное в угоду обычаям и соседям, но уже обрела вновь свой мягкий смех, свою сердечность, свой былой интерес к жизни и трудолюбие. В ее облике сквозила задумчивая грусть, придававшая ее красоте какую-то новую прелесть, новое очарование, когда с прежним вдохновением она занялась своей школой, о которой совсем забыла.

Имени мужа она теперь даже не произносила, словно его никогда не было, словно после тяжелых и долгих раздумий она вдруг согласилась с доной Динорой и прочими кумушками, что смерть мужа принесла ей освобождение. Во всяком случае, так могло показаться со стороны.

Вернувшись тогда с кладбища, где она возложила на могилу Гуляки цветы и букетик прорицателя, дона Флор открыла окна гостиной, впустив наконец туда солнце, изгнавшее тени и призраков. Потом взяла щетку и принялась за уборку.

Дона Розилда хотела помочь ей, но уборка была генеральной и ей самой пришлось выметаться, хотя сын и невестка уже начали надеяться, что избавились от нее навсегда. Они полагали, что именно дона Флор, недавно овдовевшая и безутешная, нуждается сейчас в постоянной заботе, любви и присутствии матери. Ей, одинокой и беззащитной, охваченной горем, опытная и решительная дона Розилда будет помогать по дому и во всех тех делах, которые вдруг на нее обрушились. Кто знает, может быть, свершится чудо и они навсегда освободятся от доны Розилды. Селеста даже дала обет богородице скорбящей.

Однако их молитвы не были услышаны, видимо, святой покровитель доны Флор оказался сильнее, а может, ей помогали языческие божества кумы Дионизии. Так или иначе, Флор избавилась от доны Розилды, которая перед отъездом учинила скандал, обругав всех соседей. Она кричала, что они ее замучили и создали вокруг нее совершенно невыносимую обстановку.

В маленьком домике дочери для доны Розилды не нашлось отдельного помещения, и она спала на раскладушке в комнате, где дона Флор занималась с ученицами. Негде было даже разложить вещи, которые она привезла с собой. У сына же дом был просторный, со всеми удобствами. Кроме того, в Назарете дона Розилда пользовалась определенным престижем не только как мать Эйтора – видного чиновника и второго секретаря общественного клуба, а также одного из лучших в городе игроков в гаман и шашки и прекрасного художника, она и сама могла украсить любое общество, без конца рассказывая о своих связях с самыми знаменитыми людьми столицы: Мариньо Фалконом, д-ром Зителманом Оливой, доной Лижией; журналистом Насифе, доной Магой, промышленником Нилсоном Костой и своим кумом доктором Луисом Энрике, гордостью тех краев.

Здесь же, в Баии, в квартале, где живут люди небогатые либо среднего достатка, к ней не проявляли ни интереса, ни уважения, больше того, ее недолюбливали. Близкие подруги ее дочери – дона Норма, дона Гиза, дона Эмина, дона Амелия Руас, дона Жаси – самым наглым образом ставили ей в вину состояние доны Флор, до которого она будто бы ее довела своими

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

упреками, оскорблениями и нелепой ненавистью к покойному. Они даже выдвинули ультиматум: либо она изменит свое поведение, либо уберется восвояси.

Только назло соседям дона Розилда решила продлить свой визит, несмотря на все неудобства. (Дона Жаси даже нашла для Флор служанку – свою крестницу, неразговорчивую женщину по имени София.) Однако дона Розилда заторопилась с отъездом, получив через своего кума доктора известие о том, что преподобный Валфридо Мораэс назначил ее казначейшей общества по сбору средств на перестройку собора в Назарете. В совет этого общества входили супруга судьи (председательница), супруга префекта (первая заместительница), супруга полицейского инспектора (вторая заместительница) и другие видные особы города Назарета. Дона Розилда уже давно лелеяла мечту попасть в число членов административного совета, пусть даже на самый низкий пост, и никак не ожидала столь почетного места. Видно, бог наставил падре Валфридо, который до сих пор отмалчивался, когда дона Розилда приставала к нему с просьбами.

На самом же деле священник принял это решение после долгих колебаний и сомнений. Влиятельный земляк, к которому он обратился за солидными ассигнованиями из казны штата, заявил, что поможет при условии, если дона Розилда будет назначена на какой-нибудь пост в благотворительном обществе. Осудив в душе этот шантаж, священник вынужден был уступить, поскольку очень нуждался в деньгах и без вмешательства доктора Луиса Энрике не мог ускорить бюрократическую волокиту.

Накануне дона Гиза, с которой доктор иногда спорил о судьбах мира и несовершенстве рода человеческого, сказала ему:

– Если дона Розилда не уедет, бедняжка Флор никогда не узнает покоя и не забудется… А ей это необходимо, она в тяжелом состоянии. Любопытный случай, дорогой доктор, его можно объяснить только с помощью психоанализа. Фрейд упоминает нечто подобное…

Дона Норма, с которой она пришла, вовремя прервала подругу:

– Вы сделаете доброе дело, доктор… если отошлете эту ведьму в Назарет, у нас больше нет сил ее терпеть…

Бедный Эйтор, бедная Селеста, бедные дети… – вздохнул доктор. Но надо было выбирать между доной Флор и супружеской четой в Назарете, над которой уже несколько лет измывалась дона Розилда, и он без колебания принес в жертву своего крестника и его симпатичную жену, хотя доктора всегда хорошо кормили в этом доме, когда он приезжал в Реконкаво.

Каждый несет свой крест, решил он; дона Флор несла его семь лет подряд, – муж был для нее тяжелым бременем. Поэтому несправедливо именно сейчас, когда она овдовела, навязывать ей дону Розилду, этот терновый венец.

После отъезда доны Розилды сплетницы почти угомонились, поскольку дона Норма и дона Гиза потребовали оставить дону Флор в покое, и та вернулась к прежней жизни, пройдя бескрайнюю пустыню одиночества. Впрочем, без мужа жизнь ее стала спокойнее – неприятности, страхи, огорчения, отчаяние ушли в прошлое, и дона Флор теперь спала крепко по ночам. Она ложилась сравнительно рано, посидев перед сном с доной Нормой и другими подругами на улице и обсудив все последние новости, радиопередачи и фильмы. В кино она ходила с доной Нормой и сеу Сампайо, доной Амелией и сеу Руасом, доной Эминой и доктором Ивесом, очень любившим ковбойские фильмы. По воскресеньям обедала у дяди и тетки: дядя Порто по-прежнему увлекался пейзажами; тетя Лита, хотя и начинала стареть, все еще заботилась о саде и котах.

Дона Флор не пожелала присоединиться к компании, собиравшейся играть в карты у доны Амелии, куда приходила даже дона Энаида из Шаме-Шаме. Заядлые картежницы всячески соблазняли дону Флор, однако та была непреклонна, вероятно потому, что покойный израсходовал весь азарт, отпущенный на их семью, не оставив ничего на ее долю. Самым ярым врагом карт был владелец керамической фабрики аргентинец сеу Бернабо, жена которого дона Нанси любила играть до безумия, но он разрешал ей только раскладывать пасьянсы.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Итак, жизнь доны Флор текла спокойно; она давала уроки двум группам и старалась занять свой досуг, насколько ей это позволяло ее нынешнее положение. Дел у нее было не так уж мало, как могло показаться с первого взгляда: они заполняли почти весь день и доне Флор некогда было предаваться печали. К тому же приходилось, когда нельзя было отказать, брать заказы на праздничные завтраки, обеды, банкеты; в такие дни дона Флор с раннего утра пропадала на кухне. Работа эта ее очень утомляла, поскольку дона Флор была требовательна к себе, старалась изо всех сил и всегда волновалась.

Она взяла себе в помощницы шестнадцатилетнюю девушку, дочь вдовы Марии до Кармо, которая, унаследовав после смерти мужа какаовую плантацию, поселилась вскоре после карнавала в верхней части города и вошла в компанию доны Нормы. Смуглая Марилда быстро стала подавать надежды. Она подружилась с доной Флор и не отходила от нее ни на шаг, наблюдая, как та готовит то или иное блюдо. И дона Флор с улыбкой глядела на девушку, которая носилась по дому, распевая песенки. У нее были длинные волосы и лицо, как у многих подростков в тропиках, бледное от слабости и лихорадки; если бы Гуляка был жив, не помогли бы никакие предосторожности, он никогда не считался с возрастом.

Итак, жизнь доны Флор была заполнена до предела, время летело быстро, и иногда она даже не успевала сделать все, за что бралась. После стольких хлопот и занятий с ученицами она чувствовала себя такой утомленной, что засыпала, едва только ее голова касалась подушки.

Но откуда же тогда это постоянное ощущение, будто все, что она делает, никому не нужно? Денег при ее скромности и бережливости вполне хватает, чтобы прилично жить, да еще по старой привычке откладывать. Жизнь ее спокойна и даже весела, почему же она кажется такой пустой и бесполезной?

2

Среди множества сплетниц, старых и молодых – ведь сплетнями можно заниматься в любом возрасте, – обитавших по соседству с доной Флор, особенно выделялась дона Динора, прослывшая даже ясновидящей.

Мы уже встречались с нею на страницах этой книги, но ничего не рассказали о ней, и можно было подумать, что она чуть ли не второстепенный персонаж, обыкновенная сплетница. Скорее всего присутствие доны Розилды, к счастью, наконец оказавшейся в Реконкаво, лишило нас возможности уделить достаточно внимания такой выдающейся личности. Однако никогда не поздно исправить допущенную ошибку, справедливость должна восторжествовать.

Многие считали дону Динору вдовой комендадора Педро Ортеги, богатою испанского коммерсанта, отправившегося к праотцам лет десять тому назад. В действительности же она никогда не была замужем, хотя и в девицах проходила недолго; очень рано она сбежала из дому ради увлекательной и в некотором смысле даже блестящей жизни, полной пикантных приключений. Однако теперь – и слава богу! – вы не найдете женщины, более нравственной и более требовательной к соблюдению правил морали. Так преобразила ее счастливая встреча с испанцем, когда, достигнув сорокапятилетнего возраста, она уже стала опасаться за свое будущее, ибо больше всего на свете боялась бедности.

Дона Динора никогда не была красавицей, хотя обладала определенной привлекательностью, которой и была обязана своим успехам у мужчин. Но с годами привлекательность эта исчезла. И тут ей повезло с комендадором. “Я вытащила билет, на который выпал крупный выигрыш”, – говорила тогда дона Динора своим подругам. Испанец обеспечил ей будущее и купил домик недалеко от площади Второго июля, где она и поселилась.

Кто знает, может быть, именно из-за боязни состариться в бедности и зарабатывать хлеб на панели дона Динора, заручившись покровительством коммерсанта, из весьма легкомысленной особы быстро превратилась в респектабельную даму и строгую

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

блюстительницу нравов. А когда Педро Ортега отошел в мир иной, доне Диноре было уже за пятьдесят (точнее, пятьдесят три), и за восемь лет своей внебрачной связи она приобрела еще больший вкус к добродетели и к семейной жизни.

Благодарный любовник оставил своей верной и открывшей ему мир неведомых дотоле наслаждений подруге (каким болваном он был, простояв свои лучшие годы за прилавком кондитерской и зная только иссохшее тело жены, мрачной святоши) наследство: помимо дома – убежища греховных страстей, – акции и государственные облигации, а также скромную ренту, достаточную, однако, для того, чтобы обеспечить спокойную старость, которую дона Динора посвятила сплетням и интригам.

Теперь доне Диноре перевалило за шестьдесят; у нее был резкий голос, нервный смех и размашистые жесты. С виду она казалась покладистой, доброй старушкой, на самом же деле была “сосуд с ядом, очковая змея, украшенная птичьими перьями”, как охарактеризовал ее почти поэтически Мирандон – постоянная жертва кумушек. Фразу эту он сказал журналисту Джованни Гимараэнсу при виде благочестивой вдовы – столпа морали, – которая возвращалась с обеда у доны Флор по случаю приезда Силвио Калдаса. А потом философски заключил:

– Чем беспутнее в молодости, тем лицемернее в старости. Смесь девственницы и шлюхи…

– Это страшилище? Кто она?

– Когда-то была очень известна, и тогда у нее было не только имя, но и прозвище. О ней много рассказывал Анакреон, он тоже пил из этого кувшина. Ты, наверное, слышал о ней. Ее звали Динора Великолепный Зад.

Джованни был поражен:

– Так это она? Динора Великолепный Зад, о которой столько вспоминают? Боже мой!

Так проходит слава мирская, заключили оба, наблюдая добродетель в таком отталкивающем облике: дона Динора была низкорослой, коренастой, с короткими ногами и низким задом, с большой головой… Одетая в траур, как и положено вдове, с медальоном на шее, где хранилась фотография комендадора, о котором она говорила только как о своем муже и единственном мужчине в ее жизни. Людей вроде Анакреона она считала выродками, и они для нее как бы не существовали, она их просто не замечала.

Дона Динора никогда не говорила ничего в лицо, а пакостила исподтишка, делая вид, будто все понимает и прощает, кому-то сочувствуя, кого-то поддерживая. Так она прослыла доброй и отзывчивой. Когда ее изобличали в интриге, она прикидывалась жертвой: хотела, дескать, совершить доброе дело, а взамен получила черную неблагодарность.

Сеу Зе Сампайо, человек мирный, рано ложился спать, жалуясь на свои мнимые недомогания. Обычно он запасался свежими газетами и старыми журналами, которые обожал читать в постели. Заслышав пронзительный голос доны Диноры, он в ужасе затыкал уши и говорил доне Норме сдержанно, но возмущенно, как человек, который уже не в силах побороть отвращение:

– Вот шлюха, другой такой не сыщешь…

– Зачем же так зло? Она ведь, в общем, безобидная.

Хитрая дона Динора сумела снова улестить дону Норму даже после истории с Дионизией, когда ее престиж едва не пошатнулся. Но провести сеу Сампайо было не так просто.

– Настоящая шлюха… Постарайся, пожалуйста, чтобы она не совала нос ко мне в спальню. Скажи, что я сплю, отдыхаю… Наконец, умер…

Но разве могла дона Норма помешать такому человеку, как дона Динора? На правах друга входила она в самые уважаемые и состоятельные семьи. К беднякам же она относилась свысока, изображая покровительницу беззащитных, и держала их от себя на определенной дистанции. Она проникла в коридор и влезла в спальню.

– Разрешите, сеу Сампайо? – Он ненавидел эту огромную голову, “самую огромную в Баии”, ее волосы, крашенные перекисью водорода, ее лошадиную челюсть, ее голос и

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

фальшивую заботливость. – Опять вам неможется, сеу Сампайо? Я всегда твержу: “У сеу Сампайо при крепком сложении очень деликатное здоровье. Чуть что, и он уже лежит в постели и пьет лекарства. Если сеу Сампайо не будет беречь себя, он в один прекрасный день умрет…” Я не устаю это повторять.

Мнительному Зе Сампайо захотелось вытолкать ее вон.

– Вы ошибаетесь, дона Динора, у меня железное здоровье…

Тогда почему вы лежите в постели, сеу Сампайо, а не пойдете побеседовать с кем-нибудь? Вы такой просвещенный… Все говорят, что вы только потому не получили диплома… Ну, в общем, вы знаете, всякое болтают… Если обращать внимание… Я-то не придаю значения этой болтовне… У меня в одно ухо входит, из другого выходит…

Зе Сампайо знал, что она намекает на его молодые годы, когда он, сидя на шее у отца, вел разгульную жизнь. Отец, разозлившись, перестал давать ему деньги, заставил бросить учебу и отправил в магазин приказчиком.

– Мало ли что болтают, дона Динора, разве можно ко всему относиться всерьез…

– Вы считаете, что не надо придавать значения тому, что о нас говорят? Так? – Она таращила свои бычьи глаза, словно Зе Сампайо был оракулом и изрекал неоспоримые истины.

– Да, так… – Зе Сампайо обозлился. – Знаете что, дона Динора? Единственно, чего я хочу, – это мира и покоя… А поэтому я все время стараюсь образумить тех, у кого не хватает ума, но пока мне это не удается… Больше того, мне это осточертело… Если позволите…

И, взяв газету или журнал, он поворачивался к гостье спиной. “Ты, Зе Сампайо, настоящий грубиян, – говорила мужу дона Норма, которой было стыдно за него. – Как ты можешь так разговаривать с доной Динорой, ведь она такая добрая…”

Дона Динора, впрочем, не обращала внимания на слова Зе Сампайо и не считала, что ее выгоняют. Она просто меняла тему разговора:

– Вы уже слышали, что произошло с сеу Вивалдо?

Хитрая женщина! Ей все же удалось заинтересовать его. Побежденный Зе Сампайо откладывал газету.

– С Вивалдо? Нет!

– Ну, так я вам расскажу… Вы же знаете сеу Вивалдо, он человек порядочный и красивый мужчина! Похож на гринго, такой румяный.

Она всегда начинала за здравие, а кончала за упокой. Сначала хвалила, а потом сообщала, кто выпил лишнего, у кого и к кому сбежал муж.

По ее словам, сеу Вивалдо, владелец похоронного бюро, осквернял надгробные плиты и гробы, собирая у себя в магазине по субботним вечерам компанию безбожников для игры в ненавистный ей покер и распивая там коньяк и можжевеловую водку.

– Безобразие, не правда ли? Он мог бы найти для этого другое место… Вы не думаете, сеу Сампайо, что игра в карты – самый большой порок?

Зе Сампайо не думал об этом и не хотел думать. Он хотел лишь немного покоя, но дона Динора продолжала трещать без умолку. Сеу Вивалдо, несомненно, честный налогоплательщик, прекрасный муж, но если он не перестанет играть, то поставит под угрозу свою семью, как всякий игрок, рано или поздно потеряв над собой контроль. Даже если он и не проиграет жену и детей, то бросит их на произвол судьбы. Так было и с доной Флор. Пока был жив ее негодяй муж, заядлый игрок, она терпела адские муки: он с ней плохо обращался, даже бил… А теперь она свободна, может наслаждаться жизнью в свое удовольствие, без всяких забот и волнений.

– Кстати, раз уж зашла речь о доне Флор, вам не кажется, сеу Сампайо, и тебе, дорогая Норминья, что это несправедливо, когда такая прелестная и красивая женщина до сих пор считается вдовой этого проходимца? Почему бы тебе, Норминья, ее близкой подруге, не поговорить с ней! Что касается меня, то я, как гадалка-любительница, узнаю ее судьбу по звездам, хрустальному шару да раскину на нее карты.

Любительницей дона Динора называла себя потому, что не брала за гадание деньги, она

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

предсказывала будущее бесплатно и только друзьям, хотя обладала редким даром предвидения. Но уж совсем поразительный нюх был у нее на всякого рода несчастья, неудачи, неприятности. Здесь дона Динора становилась пророчицей.

Разве не предсказала она за год с лишним страшный скандал, который разразился в семействе Лейте, высокомерных богачей, замкнуто живших в роскошной вилле у моря? Увидела ли она это на засаленных картах, в шаре из поддельного хрусталя или же узнала своим дьявольским инстинктом?

Едва лишь ангельски невинная Аструд, воспитанница колледжа Святого сердца приехала из Рио поселиться у сестры, как дона Динора тут же, еще безо всякой видимой причины, предсказала:

– Это плохо кончится…

Так пророчествовала она, видя девушку в автомобиле с ее двоюродным братом, доктором Франколино Лейте – сатиром Франко, как его звали в узком кругу друзей, юрисконсультом крупных отечественных и иностранных фирм, плантатором и членом совета директоров крупных предприятий, благородным и надменным господином. Сидя за рулем американского спортивного автомобиля, с трубкой во рту и косынкой на шее, адвокат даже не смотрел на прохожих. Зато дона Динора ни на минуту не выпускала его из виду и выведывала все подробности жизни богачей из виллы через кухарок, горничных, экономок, садовника и шофера.

– Плохо это кончится, вот увидите… Когда огонь подносят к пороху… – говорила она многозначительно и вперяла взор в брата и сестру. Дону Динору не мог обмануть невинный вид ученицы колледжа.

– Эта девица с потупленными глазами просто бесстыдница, она лишь выжидает подходящего случая…

Предсказание казалось настолько абсурдным, что вызвало резкую отповедь со стороны Карлоса Бастоса, молодого соседа Аструд, он вообще не любил сплетен, а может быть, был просто очарован небесным созданием.

Когда же разразился скандал, наделавший много шуму, и невинная Асгруд на пятом месяце беременности была выгнана из дому разъяренной сестрой – сатир Франко к тому времени уже пресытился ею, – дона Динора отомстила романтичному Карлосу Бастосу, очевидно все еще влюбленному в Аструд:

– Убедился, дурень? Меня не обманешь… От сплетен еще никто не родил, а вот если девица себя не соблюдает…

Ничто не могло укрыться от бдительной доны Диноры с ее собачьим нюхом. В конце концов соседи стали обращаться к ней, советоваться по самым интимным вопросам, просили погадать на картах и хрустальном шаре, по которым она легко узнавала прошлое, настоящее и будущее.

Была ли она подлинным знатоком магии или же дилетанткой, лишь поверхностно знакомой с тайнами гороскопа и восточными оккультными науками, факт остается фактом: дона Динора объявила о новом браке доны Флор, едва лишь вдова отказалась от строгого траура и вернулась к скромной жизни без тревог и волнений, даже не помышляя о втором замужестве.

Дона Динора распустила слух о предстоящей свадьбе и описала внешность жениха намного раньше, чем заговорили о сватовстве, и даже раньше, чем со стороны доны Флор появился хоть какой-то интерес к суженому. Сам жених, если и питал какое-то чувство к доне Флор, то никому об этом еще не говорил, да, вероятно, и себе в этом еще не признавался. Хотите верьте, хотите нет, но дона Динора решительно заявила, что жених будет смуглым, средних лет мужчиной, высоким, крепким, благородным, с серьезным взглядом и вежливыми манерами. В правой руке он держал бутон темно-красной розы – таким увидела его дона Динора в хрустальном шаре. Карты подтвердили правильность ее предположений и честные намерения претендента, а бубновый туз говорил о его достатке и докторском звании.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

3

Принц действительно оказался смуглым, но вовсе не средних лет. И уж никак нельзя было назвать его крепким и высоким, хотя по-своему он был благороден, красив и элегантен. Словом, при всем желании он с трудом втискивайся в рамки портрета будущего жениха доны Флор, которого увидела дона Динора в хрустальном шаре и о котором распустила слух на площади Второго июля, приведя воинство сплетниц в состояние чрезвычайного возбуждения.

Деликатного сложения и бледный, поэт-романтик либо альфонс, с черными, гладко прилизанными волосами и томным взором, всегда надушенный, не то с грустной, не то с мечтательной улыбкой на устах, он был строен и изящно одет. Для описания внешности Принца подошли бы самые изысканные определения: “мраморно-бледный”, “меланхоличный”, “с алебастровым челом и агатовыми глазами”. Ему было за тридцать, хотя выглядел он немногим старше двадцати; печаль, омрачавшая его лицо, как, впрочем, и красноречие и томный взгляд, верно служили ему в его любопытной и редкой профессии. Скажем сразу, что специализировался он на вдовах, тщательно разработав тактику ухаживания и уже имея за плечами большой опыт.

Под кличкой Принца его знали среди мошенников и среди полицейских (кстати, кто возьмется определить границы, если они вообще существуют, между этими двумя внешне столь противоположными, а по существу, столь схожими мирами?). Прозвали его Принцем за хорошие манеры, вежливость и некоторую надменность. В публичных домах он был известен под другим прозвищем, девицы звали его Мощами, имея в виду его бледность и худобу. Настоящее же имя Принца было Эдуарде, что касается его фамилии, то нет нужды ее здесь упоминать, так как она не играет никакой роли в истории доны Флор, ее первого и второго замужества.

К тому же сам Принц тщательно скрывал свою фамилию; полиция тоже не сочла нужным ее назвать, когда вступила в более непосредственный контакт с элегантным молодым человеком. И газеты, сообщая на своих страницах о его заключении в тюрьму, обычно непродолжительном, также не называли его фамилии, заменяя ее неопределенным местоимением “некий”: “Вчера на площади Сэ был арестован некий Эдуарде, известный в преступном мире под кличкой Принц. Он обвиняется в том, что обманул вдову Жульету Филлол, проживавшую на Барболью, пообещав жениться на ней, чтобы получить возможность бывать у нее в доме и присвоить драгоценности и деньги доверчивой возлюбленной”.

Деликатность эта объясняется уважением к семье мошенника, весьма высокопоставленной. Если власти, радио и пресса не считают нужным называть фамилию Принца, зачем нам затевать скандал и давать пищу сплетникам, обрекая на бесчестье почтенную и уважаемую семью? Вообразите, какой поднялся бы шум, если бы дона Динора и ее воинство святош узнали, кто родственники Принца! Даже далеким потомкам не удалось бы избавиться от позора пращуров, “вывалянных в грязи и увязших в болоте бесчестья” (как выразился бы со свойственным ему красноречием профессор Эпаминондас Соуза Пинто). Между тем кумушек очаровали манеры и томный вид Принца. Да и сама дона Динора попыталась задним числом изменить кое-что в своем предсказании, чтобы по возможности приблизить портрет будущего жениха к внешности Принца. Вот почему всех так потрясла убийственная характеристика, которую дал ему Мирандон, явившись с женой и тремя детьми навестить свою куму дону Флор: “Этот тип настоящий подонок…”

Элегантный Принц, разгуливавший по кварталу, сразу же попал в запутанную и странную историю. Впрочем, это было для него делом привычным, иначе он и не мыслил своей жизни.

Подруги доны Флор и кумушки громко обсуждали предсказание доны Диноры, о котором сразу же узнали далеко вокруг, когда на тротуаре появился меланхоличный Принц.

Приятельницы доны Флор посмеивались, а кумушки уже настороженно озирались по

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

сторонам, отыскивая среди прохожих описанного доной Динорой воздыхателя. Впрочем, не только кумушки, дона Гиза тоже бросала пытливые взгляды в поисках “видного мужчины средних лет”. О доне Норме и говорить нечего, после похорон она больше всего на свете любила помолвки и свадьбы. Трудно перечислить пары, которые она поженила, преодолев все трудности, устранив соперников и возникшие неполадки, а также поборов нежелание родителей. Неудачу она потерпела только с Валделоиром Рего, очень нерешительным юношей, которого сватала за соседку, милую, но уже поблекшую девицу. Впрочем, дона Норма все еще не теряла надежды отдать замуж Марию, быть может, за того же Валделоира.

Итак, подруги доны Флор и кумушки старательно искали жениха по портрету доны Диноры, которая не поскупилась на подробности, рисуя его облик и характер. Она всегда так поступала, когда речь шла о чьем-нибудь женихе. Может быть, именно из-за ее многословия так трудно бывало отыскать человека, который точно бы соответствовал описанию доны Диноры. Попробуйте найти обладателя столь многочисленных качеств!

Были тщательно изучены все мужчины квартала и даже соседних кварталов, но пока не удалось найти никого подходящего. У одного было докторское звание и кое-какие сбережения, но не тот возраст. Другой был подходящего возраста, но совсем не смуглый и без докторского кольца, да и другие приметы не совпадали. И все же кумушки не уставали предлагать кандидатов, а иногда для верности сразу двоих. Дона Флор лишь улыбалась: до такой нелепости могла додуматься только дона Динора, в голове у которой одни помолвки и свадьбы. Она же и не помышляла о новом браке, тем более что еще и года не прошло после смерти мужа, а значит, не кончился траур.

К тому же за восемь месяцев вдовства она пришла к твердому решению больше не выходить замуж. Зачем ей это, если у нее есть все необходимое? Она сама зарабатывает на хлеб уроками кулинарии, у нее много подруг, и все они хорошо к ней относятся, окружают вниманием сочувствием и заботой. Она не ощущала себя одинокой без мужчины и не думала о том, чего лишилась со смертью Гуляки. Так зачем же ей опять выходить замуж?

С грустной улыбкой, уверенная в непоколебимости своего решения, она отвергала любые попытки ухаживать за нею, равно как и предложения доны Нормы и доны Гизы,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

разумеется, делавшиеся из самых лучших побуждений.

Дона Гиза предлагала профессора Эпаминондаса Соузу Пинто, старого холостяка, преподававшего в частных мужских гимназиях грамматику и посвящавшего свободное время занятиям историей. Вечно куда-то спешащий и потный, он одевался небрежно, к тому же в свои почти шестьдесят лет слыл ветреным и непостоянным; дона Флор уважала его, но если бы ей и пришлось изменить свое твердое решение, то наверняка не ради профессора, который выражался слишком правильно и напыщенно, на вкус доны Флор (не говоря уже, чтобы не показаться нескромными, о его легкомыслии). Пусть она бедная вдова, шутила дона Флор, но она еще не дошла до того, чтобы стать женой такого человека.

Подруги тоже смеялись – и дона Норма, которая терялась в догадках, хотя и знала весь город, и дона Амелия, у которой знакомых было не меньше, и дона Эмина, которая предлагала кандидатуру Мамеда, сирийца и своего соотечественника, антиквара и тоже вдовца, жившего по соседству, но редко бывавшего в Баии, поскольку он разъезжал по провинции, скупая источенных жучками деревянных святых, колченогие стулья, разбитую посуду из хрусталя и даже ночные горшки. Мамеда дона Флор считала еще более неподходящим для себя, чем профессора Эпаминондаса.

Даже дона Энаида не поленилась прийти из Шаме-Шаме, чтобы предложить в мужья доне Флор своего родственника, нотариуса, жившего где-то на берегах Сан-Франсиску, сорокапятилетнего, уже начинающего лысеть шатена по имени Алуизио, довольно остроумного и состоятельного. Он больше других соответствовал описаниям доны Диноры, по крайней мере так утверждала дона Энаида. И хотя у него не было докторского звания, он держал адвокатскую контору и имел много клиентов, пока не ударился, на свою беду, в политику.

В церкви он действительно не венчался, но в гражданском браке когда-то состоял. Однако не поладил с женой и разошелся с ней уже более десяти лет назад. В молодости Алуизио был масоном и безбожником и с пренебрежением относился к церковным обрядам, теперь же он был готов венчаться, если бы невеста того потребовала. А дона Флор вполне бы могла довольствоваться церковным браком, раз он заключается на глазах многочисленных свидетелей и получает божье благословение, тогда как гражданский брак – пустая формальность, совершаемая только судьей. Дона Энаида уже написала родственнику письмо, превознося красоту и доброту доны Флор. “Я еще не сошла с ума, чтобы выходить замуж, а тем более вступать в незаконную связь. Да еще отправиться к черту на кулички, в эти малярийные края!” Дона Флор была возмущена как это доне Энаиде, называвшей себя ее подругой, пришло в голову предложить этот позорный брак и ссылку. Это просто несерьезно, тут и думать не о чем.

У каждого претендента на руку доны Флор были те или иные черты, отвечавшие образу, созданному доной Динорой. И только Принц совсем не подходил: у него не было ни денег, ни докторского звания, не говоря уже о его возрасте, сложении и росте. Когда он вдруг стал реальностью и начал нервно прогуливаться по тротуару напротив кулинарной школы “Вкус и искусство”, дона Флор сочла его поклонником одной из молоденьких учениц или любовником замужней ученицы.

Частенько она видела, как девушек доводят до школы их возлюбленные, а после занятий встречают на углу и провожают домой. Знала дона Флор и о том, что некоторые замужние женщины ходят в школу только затем, чтобы удобнее было наставлять мужу рога, используя часы занятий для более приятного времяпрепровождения. Они пропускали уроки или же посещали те занятия, когда дона Флор диктовала рецепты, чтобы записать их в тетрадку, а потом показать дома в качестве вещественного доказательства собственного прилежания. На самом же деле половину уроков они проводили в доме свиданий.

Вот о чем подумала дона Флор при виде Принца, стоявшего в задумчивой позе у фонаря и непрерывно курившего; еще подумала дона Флор, что его возлюбленной должна быть одна из самых молоденьких девушек, потому что лицо у Принца было совсем мальчишеское.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Но дни шли, а она ни разу не видела его ни с какой из своих учениц, в самое разное время, даже поздним вечером, он стоял на одном и том же месте и смотрел на ее окна. Тогда дона Флор пришла к выводу, что между этим странным юношей и ее ученицами нет никакой связи. А если так, то к кому же обращены его взгляды, по ком он вздыхает?

Наверное, по Марилде, поскольку девушка дольше других оставалась в школе и влюбленный, очевидно, вообразил, что она сестра или племянница доны Флор: обе были смуглые, с нежной, матовой, чуть розовой кожей, какая бывает лишь от смешения крови индейца и белого.

Интересно, как относится к поклоннику Марилда: благожелательно или с пренебрежением? Девушка уже входит в возраст, года через два закончит кулинарные курсы и будет совсем готова для замужества. Марилда тоже обратила внимание на юношу, но не считала его своим поклонником. Быть может, он вздыхает по вспыльчивой Марии, или красивым дочерям доктора Ивеса, или по маленькой учительнице Балбине? Но он всегда стоит у фонаря, а оттуда видны только окна гостиной доны Флор, где Марилда засиживалась допоздна, слушая радио и читая романы для молодых девиц. Не иначе как из-за нее торчит здесь этот робкий и задумчивый упрямец.

Сквозь жалюзи дона Флор и Марилда разглядывали молодого человека. “Красивый!” – вздыхала непостоянная Марилда, уже готовая забыть о Месенасе, своем сверстнике. Элегантный юноша, соглашалась дона Флор, и совсем еще молодой, ему не больше двадцати трех – двадцати четырех лет, вполне подходящий возраст. Нужно будет разузнать о нем, выяснить, чем он занимается и где работает. Наверное, он богат, иначе не мог бы он часами торчать на улице, подпирая фонарь, напротив дома доны Флор.

Но Марилда тщетно улыбалась незнакомцу – он ни разу не ответил ей. Она выходила прогуляться на людную площадь или сидела в задумчивости на балюстраде у церкви святой Терезы, словно созданной для объяснения и любовных клятв: над головой голубое небо, внизу темно-зеленое море, рядом вековые стены храма и снисходительный дон Клементе, всегда готовый благословить поцелуй юных еретиков.

Однако Принц не последовал за ней ни на людную площадь, ни к возвышавшемуся над морем храму. Он оставался на своем посту, словно его приковали, и смотрел на окна кулинарной школы. Значит, не Марилда была предметом его страсти. Кто же тогда, если не сама дона Флор?

К такому заключению пришли подруги доны Флор и даже Марилда, хотя и была совсем юной и неопытной.

– Я думаю, он здесь из-за тебя, Флор.

– Из-за меня? Да ты с ума сошла!

Несколько дней спустя, когда вместе с доной Нормой дона Флор отправилась за покупками на улицу Чили, Принц последовал за подругами, сев в тот же трамвай. Он не выпускал сигареты изо рта и нежно улыбался доне Флор. Дона Норма чуть не рассердилась, когда, заметив это, вообразила, что у доны Флор есть от нее секреты.

– Очень мило… Завела себе поклонника и даже ничего мне не сказала…

– Да я понятия не имею, кто он… Уже несколько дней торчит под моими окнами. В жизни не видела такого нахала! Сначала я думала, что у него роман с какой-то из моих учениц, но потом поняла, что это не так. Тогда я стала подозревать Марилду, но и здесь ошиблась. Бедняжка тоже загрустила. Не знаю, что и предполагать…

Дона Норма окинула юношу долгим, изучающим взглядом, хотя ей казалось, что посмотрела она быстро и незаметно.

– Очень красив… Только, по-моему, чересчур уж экстравагантен… – И, взглянув еще раз, заключила: – Впрочем, нет, и, откровенно говоря, он мне нравится, очень красив…

– Красив он или безобразен, меня он не интересует…

Они сошли с трамвая, молодой человек тоже. Дона Норма заметила, что он идет за ними по пятам. Сомнений больше не было. Юноша не пытался приблизиться к ним и заговорить, он только нежно улыбался и бросал томные взгляды, ни на мгновение не теряя

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

их из виду. Если они заходили в магазин, он ждал их у дверей; если заворачивали за угол, следовал за ними; если останавливались у витрины, он останавливался у соседней. Кто же тут не догадается, в чем дело?

Теперь кумушки порознь или группами проходили мимо фонаря, чтобы посмотреть на Принца. Как он красив и какой у него несчастный вид! Он с надеждой молит о снисхождении, о ласковом взоре, улыбке. Ему сочувствовали, покровительствовали и даже старались узнать в нем жениха, увиденного доной Динорой в хрустальном шаре. Разве не был он смуглым, видным мужчиной, а возможно, и доктором и богачом? Что же касается других примет, то, наверное, подвела близорукость гадалки, которой молодость показалась зрелостью, деликатное сложение – крепким, а бледная томность – здоровым румянцем. Кумушки полагали, что ей следовало бы еще раз посоветоваться с хрустальным шаром и картами, чтобы положить конец этим недоразумениям.

Дона Динора так и поступила, идя навстречу пожеланиям взбудораженных жителей квартала и учитывая все возрастающие симпатию и сочувствие к Эдуарде, повелителю вдов, бросившему якорь у дома доны Флор, в своей очередной гавани, где он намеревался запастись питьевой водой и продовольствием.

Однако и хрустальный шар и карты снова показали энергичного и видного мужчину средних лет с докторским перстнем и темно-красной розой. Но поскольку, как это всегда бывает при таинственных обстоятельствах, образ жениха был окутан дымкой, дона Динора не смогла сказать точно, какой камень украшал перстень доктора, и таким образом определить его профессию. Зато с абсолютной уверенностью и некоторой жалостью к бледному юноше, вздыхавшему на углу, она заявила, что никакой он не жених, жених же явится обязательно и несколько позже.

Как ни старалась дона Динора, сидя у прозрачного хрусталя и раскладывая карты, призывая себе на помощь воды Ганга и тайны тибетских храмов, ничего не выходило: силы восточной магии всячески преграждали путь Принцу Эдуардо (такому-то). Как, впрочем, и это, и жертвоприношения голубей, петухов и черного козла по заказу Дионизии Ошосси, желающей защитить свою куму от дурного глаза и злодеев. Эшу отринул галантного соблазнителя, коварного возлюбленного вдов, который похищал их одинокие сердца, а заодно и их деньги, золото, серебро и драгоценности.

4

Все восемь месяцев своего вдовства, не считая первого, полного горя и отчаяния, дона Флор провела в хлопотах самого невинного свойства. Окончание строгого траура ознаменовалась тем, что она стала навещать дядю с теткой и самых близких подруг, отдавая остальное время занятиям в школе, выполнению заказов и беседам с соседками. В июне она варила канжики, жарила целые подносы памоний и манауэ, готовила ликеры. Но дом ее был закрыт для посторонних даже в дни святого Антония, святого Иоанна и святого Петра, покровителя вдов. Мальчишки, пришедшие полакомиться канжикой, жгли костры у ее дверей, приходили также дона Норма, дона Гиза и еще несколько подруг, они проводили праздничный вечер в тесном кругу, но без особого веселья. Канжику, памоньи и ликер дона Флор готовила для дяди с теткой друзей и учениц, чтобы угощать их на праздник кукурузы.

Еще до появления Принца она стала вести менее замкнутый образ жизни. В сентябре, накануне праздника Козьмы и Дамиана, в день поминовения усопших, она сняла с себя траур. Праздник начался с утра треском хлопушек и кончился глубокой ночью головокружительным феррободо. Теперь двери доны Флор были открыты не только для друзей, но и для посторонних. По обычаю, она приготовила куруру и угостила кое-кого из соседей и друзей, выполнив свой долг перед покойным. Мирандон пришел с женой и детьми; Дионизия Ошосси – только с ребенком, так как муж ее возил в это время грузы между Аракажу, Менедо и Масейо.

Подруги старались расшевелить дону Флор: вытаскивали ее за покупками, приглашали

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

в кино и в гости; она побывала на двух спектаклях с Прокопио, и оба раза смеялась до слез.

Но иногда она отказывалась от приглашений, ссылаясь на усталость, и у нее возникало какое-то неприятное ощущение, которого она не могла объяснить: будто вся эта суета, работа и даже веселье только утомляют ее, но не могут заполнить жизнь, ставшую вдруг унылой и никчемной. То была не физическая усталость, всегда благотворная, от которой она всю ночь спала крепко и непробудно, но какая-то изнурительная, изматывающая.

Правда, у нее не было сейчас никакого повода для огорчений и уныния; жизнь ее была веселой и разнообразной, как никогда раньше. Она развлекалась, у нее вновь появилось много приятных забот, и все же время от времени на нее нападала тоска, словно мимолетное облако омрачало солнечный день. У нее были дядя и тетя, которых она очень любила, Марилда, к которой она относилась как к младшей сестренке, почти как к дочери. Девушка поверяла ей свои тайны, мечты стать певицей на радио. Дона Флор гуляла, слушала все передачи подряд и читала романы для девиц, которые ей хвалила Марилда, выслушивала кумушек, предлагавших ей женихов. А претенденты, которыми торговали на этом невольничьем рынке, подробно описывая их достоинства и недостатки, даже не подозревали об этой забаве. Что бы они сказали, если б узнали о сватовстве, которого вовсе не желали, тем более что все они были отвергнуты?

– Сеу Раймундо де Оливейра, это какой же? Который помогает сеу Алфредо вырезать из дерева святых? Нет уж, уволь меня, Жаси, он хороший человек, но у него слишком грустное лицо, и еще почему-то он живет в церкви… Поищи, пожалуйста, другого…

Но других она тоже отвергла. Те же, у кого красота сочеталась с деловыми качествами, – увы! – уже были женаты, и рассчитывать на них не имело смысла. Например, профессор Энрике Освалд из Академии изящных искусств, родственник Ареалов; Шавес, щеголеватый архитектор, строивший дом неподалеку; сеу Карлитос Майя, владелец не очень солидного туристского агентства; испанец Мендес; сеу Вивалдо, хозяин похоронного бюро, и, наконец, красавец Женаро де Карвальо, по которому тайно вздыхали все девушки, ибо дона Наир даже близко не подпускала их к своему мужу.

В конце концов, поскольку дона Флор высмеивала всех женихов, свахи от нее постепенно отставали и не предлагали больше новых претендентов.

Так протекала жизнь доны Флор, безмятежная и не лишенная приятных волнений, когда вдруг в начале лета, жарким декабрем, появился Принц, прочно обосновавшийся у фонаря, будто пустил в мостовую корни.

После того как дона Флор сходила за покупками с доной Нормой, не оставалось никаких сомнений насчет того, что за муза вдохновляла бледного юношу на глубокие вздохи и томные взгляды. Дона Флор сгорала от стыда, оскорбленная страстью этого наглеца, словно дала ему повод, забыв о скромности и осторожности, приличествующих вдове. Наверное, она слишком много улыбается и слишком часто выходит из дому, раз любой нахал почитает себя вправе торчать подле ее дома и пялить глаза на ее окна. Какой позор! Но что он замышляет?

Очевидно, ничего хорошего, и дона Флор вздыхала, запирая двери и окна после того, как дона Норма посоветовала ей вести себя как можно осторожнее. Доне Норме не понравился этот бледный красавец, его юное лицо, элегантность и вкрадчивые манеры. А вдруг обе они обманываются на его счет? А вдруг у него самые лучшие намерения и вообще он человек порядочный, заслуживающий всяческого уважения и даже руки доны Флор?

Но даже если это и так, дона Флор вовсе не намерена ни снова выходить замуж, ни удерживать у своих окон рьяного вздыхателя; она не из тех легкомысленных женщин, которые оскверняют память о покойном муже, сбрасывая с себя траурное платье в доме свиданий.

Даже дона Норма старалась образумить ее. Стоит ли так возмущаться молодым человеком? До сих пор, во всяком случае, он ведет себя очень почтительно: только смотрит на нее и сопровождает на расстоянии. В конце концов, дона Флор не невинная девушка, и нет ничего страшного в том, что за ней ухаживает мужчина, пускай его намерения еще и не

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

понятны. Она красивая, одинокая женщина, почему бы ему не желать ее и не добиваться ее расположения? Судя по всему, он отдает должное ее красоте и ее достоинствам. Дона Флор не собирается выходить замуж, ну и не надо, хотя трудно согласиться с такой глупостью; сейчас не время это обсуждать, но зачем же обижать того, кто явился сюда с добрыми чувствами? Почему не отклонить его предложение в вежливой форме: “Я очень польщена и все же не настолько глупа, чтобы снова выходить замуж!”

Дона Флор только посмеивалась над уговорами подруги. Однако, вернувшись домой из магазинов и заметив, что вздыхатель, все время следовавший за ними по пятам, снова стоит у фонаря, она в негодовании захлопнула окна. Потоптавшись в нерешительности, огорченный юноша оставил свой пост.

Через щели жалюзи за этой сценой наблюдали кумушки, и все они единодушно осудили поступок доны Флор. В том числе и дона Гиза, которая случайно увидела все это. Начитанная и образованная женщина, она была слишком наивна и доверчива. “О, – сочувственно воскликнула дона Гиза при виде вызывающего поведения доны Флор, – бедный юноша пал жертвой феодальных предрассудков и отсталых взглядов!” Ее слова пролили бальзам на раны уязвленного Дон-Жуана.

Бедному юноше ничего больше не требовалось: тут же, на улице, в слезном и пылком признании он открыл свое сердце и поведал американке о своих честных намерениях, своей горячей любви и ужасном отчаянии. Он представился ей Отониэлом Лопесом, тридцатилетним холостяком, коммерсантом из Итабуны, хозяином мануфактурной лавки и владельцем небольшой какаовой плантации. Приехал он в столицу штата немного развлечься, но, увидев дону Флор, лишился покоя, буквально обезумел от любви и не представляет себе, как будет дальше жить, если она не выслушает его. Он знает, что дона Флор – вдова и серьезная женщина, этого ему вполне достаточно, ведь и ему пора жениться. Если она бедна, тем лучше: его состояния вполне хватит, чтобы жить вдвоем, ни в чем не нуждаясь.

Мошенник сразу же очаровал дону Гизу своей учтивостью, и ему удалось вызвать ее на откровенность, выведав о доне Флор все, что его интересовало. Что дона Флор небогата, до миллионерши ей далеко, но кое-какие сбережения у нее есть, что теперь, когда умер муж, который проигрывал ее заработки, она сумела кое-что скопить и предпочитает все свои сбережения держать дома, вместо того чтобы поместить в какое-нибудь дело или положить в банк под проценты. Чрезмерно откровенная дона Гиза, любившая к тому же покритиковать чужие ошибки, назвала это проявлением отсталости и в заключение сказала: “В один прекрасный день какой-нибудь жулик пронюхает о ее деньгах и украдет их, вот чем это кончится!”

Принц возразил, что только подлец может обокрасть дону Флор, женщину, судя по всему, добрую, порядочную, бесхитростную и бескорыстную. Он же о другой жене и не мечтает. В разговоре мошеннику удалось также выведать у доны Гизы обо всех драгоценностях доны Флор: бирюзовом кольце из Франции и старинных золотых серьгах с бриллиантами – единственной дорогой вещи тети Литы, если не считать кошек, сада и мужниных акварелей. Тетя Лита никогда не надевала этих серег и, решив оставить их в наследство племяннице, отдала доне Флор на хранение, чтобы та могла их носить когда захочет, отдала, но не подарила, пока приберегая серьги на случай длительной болезни, пожара, в общем неожиданной беды. А кто в этом мире от нее гарантирован?

Кончилось тем, что дона Гиза стала поверенной в делах Принца. Она пообещала уговорить доку Флор принять и выслушать мнимого итабунца, даже в том случае, если та категорически откажется от помолвки и замужества. Принцу ничего другого и не надо было: он не сомневался в своем красноречии и неотразимости, поскольку еще ни разу не потерпел поражения. Лишь бы его выслушали, помолвка тогда наверняка состоится, а значит, денежки вдовы окажутся у него в кармане. Еще ни одна женщина не устояла перед его обаянием.

В тот вечер после уроков Марилда зажгла свет в гостиной и, включив радио, распахнула окно; настойчивого поклонника у фонаря не оказалось. Марилда позвала дону

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Флор и показала ей на пустой тротуар.

Вдова объяснила, что наглец убрался, поскольку получил недвусмысленный отказ. И все же изредка она бросала взгляды на улицу, в глубине души несколько разочарованная: разве это любовь, если мужчина отступает перед первым же препятствием? Взять хотя бы Педро Боржеса, когда он ухаживал за ней. Дона Флор была с ним жестока: возвращала письма, отказывалась от подарков, дерзила, а он твердо стоял на своем и даже явился к ней с обручальными кольцами. Вот это любовь! А этот ушел только потому, что она захлопнула окно…

Как бы невзначай дона Флор несколько раз подходила к окну и с удовлетворением отмечала, что ее поступок имел и положительный результат: молодой человек больше не появлялся.

Ложась в постель, дона Флор с безразличным видом пожала плечами: что ж, тем лучше. Если она действительно не собирается выходить замуж, стоит ли тогда интересоваться поклонником, чьи чувства столь недолговечны. Подобное тщеславие не украшает женщину в ее положении.

Впервые за последнее время она не заснула крепким, бодрящим сном. Лежа с открытыми глазами, дона Флор размышляла. Тверда ли она в своем намерении не выходить замуж, жить спокойно и одиноко, не пускаясь в новую брачную авантюру? Разумеется! Она так решила, значит, все! И думать об этом больше не стоит, здесь нет места колебаниям. Она не сомневалась в своей стойкости и от души смеялась над подругами и кумушками, предлагавшими женихов, и доной Динорой, предсказавшей брак с видным сорокалетним мужчиной. И вдруг потеряла сон из-за какого-то болвана, который торчит на углу!

На другой день довольно рано взволнованная дона Гиза зашла к доне Флор, чтобы подробно рассказать о своем разговоре с коммерсантом из Итабуны. Она не могла прийти накануне, как собиралась, поскольку три раза в неделю по вечерам давала уроки английского ученикам, проходившим курс обучения экстерном, и очень уставала.

Невыспавшаяся дона Флор рассеянно слушала ее, превозмогая головную боль. Принять и выслушать поклонника? Но какой в этом смысл, если она решила больше не выходить замуж? Только время зря терять. Дона Гиза стала убеждать ее, взывая к благоразумию, и в конце концов уговорила пока не давать окончательного ответа. Не желая обидеть подругу, дона Флор обещала еще подумать и не прогонять вздыхателя. Потом явилась дона Норма занять дрожжей для пирога и охотно включилась в разговор. Богатый коммерсант из Итабуна? Подумайте, как можно ошибиться… Этот мозгляк оказался серьезным и солидным человеком с состоянием, отличной партией. А ведь такой худой и бледный…

– Извини, Флор, если тебе это неприятно… Но цвет его лица напоминает что-то очень неаппетитное…

Вечером Принц снова занял свой наблюдательный пост, он улыбался и смотрел прямо на окна доны Флор. Он заметил, что она несколько раз промелькнула с кокетливым бантиком в волосах, и решил, что это хороший знак. Ученицы дивились тому, что их преподавательница, обычно спокойная, так нервничает. Но это и понятно: дона Флор плохо провела ночь, у нее сильное сердцебиение и болит голова. Дона Дагмара, бойкая и красивая болтушка, очень острая на язык, лукаво заметила:

– Это вдовья мигрень, моя дорогая, но от нее есть прекрасное лекарство – замужество…

– Замужество? Упаси бог…

– Не хотите, не надо… Это лекарство можно принимать, и не состоя в браке. Одним словом, в вашем доме не хватает мужчины. – Дона Дагмара весело расхохоталась.

Вслед за ней засмеялись и остальные ученицы. Дона Флор почувствовала, что краснеет, точно воровка, застигнутая на месте преступления, или изобличенная лгунья. Неужели, забыв о достоинстве и скромности, она проговорилась, что мечтает найти жениха, словно уличная девка, которая предлагает себя всем подряд? Неужели оттого, что она подшучивала над неудачливыми свахами и предсказаниями доны Диноры, вокруг стали шептаться, будто

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ей не терпится лечь в постель с мужем или любовником? Но это же несправедливо! Вряд ли можно найти на свете другую вдову, столь же чистую и безупречную.

День выдался беспокойный, дона Флор избегала подходить к окнам, даже чтобы покричать доне Норме или Марилде. Теперь она знала, что сама во всем виновата, что никогда прежде ей так не хотелось выглянуть на улицу, словно там что-то притягивало ее. Какой стыд!

Вот почему, когда дона Амелия зашла пригласить ее на французский фильм, не очень скромный и поэтому пользовавшийся успехом, она с радостью согласилась, боясь еще одной бессонной ночи. После кино дона Флор обычно засыпала как убитая. Добрые соседи не могли сейчас придумать ничего лучше, к тому же о фильме много писали в газетах и горячо спорили соседи. Дона Эмина была от него в восторге, а доктор Ивес возмущался, считая его безнравственным! Дона же Гиза прищелкивала языком от удовольствия, вспоминая некоторые сцены, например у озера, когда обнаженные любовники обнимаются, тесно прижимаясь друг к другу. Марилда даже расстроилась оттого, что ее не пустили на этот фильм, запрещенный для юношей и девушек, которым не исполнилось восемнадцати лет. Возмутительное насилие над молодежью!

Как это обычно случалось, когда они ходили куда-нибудь с сеу Руасом, они опоздали: уже показывали киножурнал, и в переполненном зале было темно. С большим трудом им удалось найти места в разных рядах. Дона Флор устроилась где-то в центре зала, рядом с парочкой, наверное женихом и невестой, которая сидела, держась за руки и прижимаясь. Свист и улюлюканье раздались при первых же кадрах: действие происходило в кабаре на площади Пигаль. Стараясь не обращать внимания на парочку по соседству, дона Флор напряженно следила за сложным сюжетом фильма.

И вдруг почувствовала на своей шее чье-то горячее дыхание и услышала нежный голос, который отчетливо различала, несмотря на крики вокруг. Этот голос шептал ласковые слова, говорил о любви, о ее прекрасных глазах и роскошных волосах, о ее красоте так, как никогда и никто еще ей не говорил. Не надо было оборачиваться, чтобы узнать, кому принадлежал этот вкрадчивый голос, шептавший изысканные комплименты. Дыхание, напоминавшее легкое дуновение ветерка, щекотало шею доны Флор. В ушах звучала мольба и хвала ее прелести, которые сливались в приятную, тягучую песню.

Дона Флор наклонилась вперед, чтобы отдалиться от Принца, но лишь вспугнула влюбленных, а Принц тоже нагнулся и продолжал свое пылкое объяснение. Однако дона Флор не желала его слушать, как не желала видеть влюбленных по соседству, совсем забывших, где они находятся, она хотела только вникнуть в сложную историю, разворачивавшуюся на экране.

Публика неистовствовала, началась знаменитая сцена у озера: едва одетую актрису обнимал гигант с безумным лицом, парочка рядом с доной Флор тоже не стеснялась. Такого неприличия ей еще не доводилось видеть!

А голос сзади молил о любви, просил разрешения хотя бы раз посетить ее, рассказать о своем положении в обществе, своих достоинствах, своих намерениях, бросить к обожаемым маленьким ножкам итабунский магазин, полный товаров, и преданное сердце, сгорающее в огне страсти.

Шеи доны Флор касалось теплое дыхание, ласковый голос нашептывал слова, прекрасные, как стихи, под крики публики на экране обнимались актеры и обнималась парочка рядом, а за спиной у себя дона Флор ощущала невидимое и волнующее присутствие мужчины. Куда было деваться порядочной и скромной вдове?

Она даже не взглянула на Принца, когда он, стоя в дверях, послал ей умоляющий взгляд. Дона Флор опустила голову и вместе с доной Амелией, возмущенной фильмом, и ее мужем, который гораздо больше возмущался безобразным поведением молодых хулиганов, прошла мимо. Уж лучше бы она не ходила, ответила дона Флор на вопрос Руасов, от криков у нее разболелась голова и она едва успевала следить за действием фильма, а тут еще рядом эти двое бесстыдников.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Уставшая после кино и после бессонной ночи накануне, дона Флор решила принять снотворное. Но и во сне ее продолжал преследовать настойчивый поклонник, его дыхание, его голос. Всю ночь ей снились удивительные, странные сны, без начала и без конца.

5

Она видит себя на многолюдной площади, в центре хоровода, совсем как в детской игре. Хоровод состоит из претендентов на ее руку и сердце; тут и потный профессор Эпаминондас Соуза Пинто, и антиквар Мамед, и мастер Раймундо Оливейра, вырезающий из дерева святых, и адвокат без диплома Алуизио, кум доны Энаиды, который является то одетым с иголочки чудаком, то придурковатым деревенщиной. Ведет хоровод уже известный нам коммерсант из Итабуны, состоятельный Отониэл Лопес, то есть наш дорогой Принц, некий Эдуарде, соблазнитель вдов, неутомимо прокладывающий себе путь к одинокому сердцу доны Флор и ее деньгам, которые, руководствуясь добрым вдохновением и похвальной осторожностью, она предпочитала хранить дома, вместо того чтобы рисковать, положив в банк либо поместив в какое-нибудь дело.

И площадь, и хоровод заключены в огромный хрустальный шар, сквозь который, красуясь своими вставными челюстями, глядит дона Динора, она же дирижирует хороводом. Женихи медленно кружатся вокруг доны Флор и поют:

Ай, Флорзинья, ты без пары
вышла в круг…
Где ж твой друг?

А дона Флор, по очереди рассматривая каждого жениха, отвечает:

Не волнуйтесь! Не останусь
я без пары.
Вот он мой дружок-профессор!
И не старый!

При этом она изо всех сил толкает Эпаминондаса Соузу Пинто, выбирая его своим партнером, и тот очень неловко танцует перед ней, раздраженно напевая скрипучим голосом:

Я отправился в Тороро
из ручья напиться.
Не напился – а влюбился
в смуглую вдовицу…

Затем профессор преподносит доне Флор все свое имущество: грамматику, экземпляр “Луизиады” с карандашными пометками, Второе июля и Ришуэльское сражение. Засим следуют еще несколько национальных праздников, один малоизвестный генерал и корабль в бутылке (“на нем мы отправимся в плаванье, сеньора”). Но вот он спотыкается о собственные гамаши и сразу же исчезает вся его элегантность, а вместе с ней и зонт. Дона Флор хохочет, видя, как он пытается сохранить равновесие. Как он смешон! Только американка, у которой не было ни такта, ни должного уважения к серьезному и напыщенному дону Пинто, могла предложить его в женихи.

И дона Флор продолжает безудержно хохотать над игривым стариком, который спотыкается и все же не оставляет своих попыток стащить с ее подвенечной фаты цветы флердоранжа, символ невинности. Прекрасная дона Флор ударом навсегда изгоняет из хоровода этого претендента на ее руку.

Итак, она вновь стала невинной, лишившись, однако, скромности. Вся в белых

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

кружевах и тафте, с фатой и флердоранжем, она кружит и кружит перед женихами, надувая широкую юбку и соблазняя их своей девственностью.

Горя желанием, дона Флор предлагает себя в жены всем подряд, точно старая дева, потерявшая всякую надежду, одного за другим приглашает она женихов на танец и обещает отдать свою девственность тому, кто сумеет похитить у нее флердоранж и оборвать лепестки, но при условии, что все это будет скреплено браком. Невинная девушка не может рисковать.

Она сладко поет и танцует, откровенно покачивая бедрами, а затем вытаскивает женихов одного за другим в центр хоровода и предлагает себя, и что-то в ней есть жалкое и отталкивающее.

Вот она берет себе в партнеры Мамеда, который танцует саракатейо, чего дона Флор никак не ожидала от такого серьезного господина. В одной руке он держит старинный серебряный канделябр, в другой – фарфоровую ночную вазу с чуть заметной трещиной и голубым пейзажем, изображающим английскую деревню, – вещь очень ценную и редкую. И то и другое он готов отдать в обмен на ее девственность, да еще четыреста пятьдесят мильрейсов обещает. Однако как он достанет до ее цветов, если руки у него заняты этими странными предметами? Дона Флор танцует вокруг антиквара, щекочет его живот, стряхивает с него пыль веков, хохочет и потешается.

Сеу Раймундо де Оливейра танцует легко. Он приносит ей в дар пророков, Библию, древних и новых святых, священных животных: осла и рыб, – а также почти одиннадцать тысяч девственниц, не считая тех трех-четырех, уже подаренных своему хозяину сеу Алфредо. Настоящие непорочные девы, которых Раймундо отказался продать сеньору Марио Краво, архитектору Льву и инженеру Арауто Лиме, искавшим себе секретарш. Но если у сеу Раймундо столько девственниц, зачем ему еще одна? Непомерный аппетит или тайный порок? Неужели так велик его публичный дом и так обширна клиентура?

– Мой публичный дом – это все небо, дона Флор, а мне нужно лишь поцеловать ваши розовые губки. Я старый грешник, пришел из Ветхого завета и направляюсь прямо в Апокалипсис.

– Ну, так и катитесь туда! – отвечает ему дона Флор.

На смену сеу Раймундо приходит сеу Алуизио, хорошо сложенный, порядочный и достойный мужчина, хотя и немного простоватый. Он держится очень корректно и в очень изысканных выражениях просит ее руки. Почти дотянувшись до флердоранжа, он чуть не срывает другой цветок доны Флор. Но дона Флор не так глупа и не дает себя увлечь, несмотря на все уловки и вкрадчивые речи адвоката.

– Пойдем в церковь, дорогая, у меня уже все готово: и оглашение и епископское благословение, я даже исповедался и получил отпущение грехов.

– А вы не обманете меня, сеньор? Если хотите жениться, давайте оформим брак у судьи и у падре.

– Неужели вам недостаточно церковного благословения? Что стоят людские законы в сравнении с законом божьим?!

– Оставьте при себе, сеу доктор, своего падре и свою исповедь. Уж вы меня извините, но без согласия судьи вы ничего не добьетесь и не сорвете лепестков с моего цветка.

– Моя вдовушка, моя дорогая вдовушка, – нежно шепчет молодой, красивый и стройный брюнет с умоляющим и томным взором. Он выходит в круг, и дона Флор ощущает его теплое дыхание, от его песни у нее кружится голова:

Ну-ка, ну-ка, топни ножкой!
Ты мне нравишься!
Ну-ка, ближе стань немножко -
не раскаешься!

Он исполняет какой-то знакомый танец так, как не танцуют даже актеры кабаре. Как же

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

этот танец называется? В ушах доны Флор звучит приятный голос:

Этой ночкою короткой
пользуйся, вдовица.
Кто не выспится сегодня -
завтра отоспится.

На рассвете дона Флор уже не девственница, но и не вдова. Исчезли подвенечная фата и цветы невинности – флердоранж, исчезло белое одеяние невесты. На ней траурная вуаль и мантилья, в сердце грусть и отчаяние, а в руках пышная роза, темно-красная, почти черная.

А она так мечтала о белом подвенечном наряде – ведь ей так и не пришлось надеть его в свое время, к свадьбе, лепестки ее непорочности уже осыпались под дуновением бриза в Итапоа.

Можно было шутить над хлопотами подруг и кумушек, над предсказаниями доны Диноры, разыгрывая из себя недотрогу, не знавшую мужчин, кроме умершего супруга. Почему не позабавиться?!

Но к галантному молодому человеку на углу улицы, благородному Принцу, который казался совсем юным и уже успел разбогатеть, она не может так относиться… Сколько девушек вздыхает по нему, а он потерял голову от доны Флор, бедной вдовы. Над преуспевающим коммерсантом из Итабуны, завидным женихом для любой девушки, тем более для вдовы, нельзя шутить. Его горячее дыхание словно растопило лед в ее сердце, вновь воскресив в нем чувства, которые она считала навсегда умершими, вновь воскресив страсть, и дона Флор лишилась покоя.

Она не может смеяться над ним, не может не замечать его присутствие, потому что он не выдумка подруг и кумушек, как остальные, а живой мужчина, стоящий у фонаря, устремив влюбленный взгляд на окна ее гостиной. Еще немного, и он обоснуется в ее доме, обнимет ее. Когда он шел за нею по улице или согревал ее в кино своим дыханием и речами, ее решимость начинала колебаться, отступая перед потухшим было пламенем желаний.

Теперь дона Флор знает, почему, несмотря на все приятные развлечения и всю занятость, она чувствовала себя такой никчемной и опустошенной. Рядом с ней танцует молодой человек и внушает ей: выспишься на рассвете. Этот танец хорошо ему знаком, его обычно танцуют в кабаре, а не в хороводе. Но откуда знает его дона Флор?

И вдруг, забыв обо всем на свете, дона Флор срывает с лица вуаль, протягивает жениху руку, и хрустальный шар лопается:

Мне, смуглянке, быть одной
не случается.
Бледный юноша со мной
обвенчается,
благородный кавалер,
Принц из сказки…

Но тут вспоминает, что это за танец, – это танго, которое она танцевала молоденькой девушкой в доме майора и семь лет спустя в Палас-отеле. Бледный молодой человек исчез вместе с хрустальным шаром и доной Динорой. Перед нею покойник, памяти которого она не сумела быть достойной. Перед нею ее муж. Он в негодовании поднимает руку и дает ей пощечину. Дона Флор падает на железную кровать, и покойный муж срывает с нее вдовье платье, сыпятся лепестки флердоранжа. Он хочет видеть ее обнаженной, он не любит заниматься любовью одетыми. Ах тиран, бесцеремонный и требовательный…

Сделав над собой отчаянное усилие, дона Флор просыпается, кругом ночь, и ей становится страшно. Мяукают коты на крышах и во дворах, о ее сон без начала и без конца,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ее утраченный покой!

6

Минули долгая ночь раздумий, страха, боязнь одиночества и насмешек, мучительное желание и слезы на заре. Очень рано, едва наступил рассвет, покончивший со всеми ее сомнениями, дона Флор уселась перед зеркалом, чтобы одеться и причесаться. Она надушилась и стала примерять серьги тети Литы, а затем другие украшения и платья: ей снова захотелось стать франтихой, как в те времена, когда она жила на Лайдера-до-Алво и одевалась, как девушка из богатой семьи. К утру дона Флор уже была нарядно одета – бледный юноша не раз появлялся до завтрака. К тому же было воскресенье, и дон Клементе произносит сегодня в церкви проповедь.

К завтраку пришел Мирандон, теперь ставший редким гостем, с женой и детьми. Один из них, крестник доны Флор, преподнес ей фрукты и воротничок, искусно связанный кумой. Дона Флор очень удивилась подаркам и тогда Мирандон ей напомнил, что сегодня 19 декабря, день ее рождения. Дона Флор была тронута добротой и вниманием друзей; утратив всякий интерес к праздникам, она забыла даже об этом дне. Жена Мирандона не поверила.

– Забыли? Но почему тогда вы сегодня такая нарядная с самого утра?

А Мирандон грустно сказал:

– Помните, кума? Прошел ровно год с того вечера в “Паласе”, я всегда буду его помнить…

Да, прошел ровно год. И дона Флор нарядилась, причесалась, завязала в волосах бант, надела бриллиантовые серьги, надушилась самыми лучшими духами, но отнюдь не по случаю дня своего рождения, о котором начисто забыла. Зато о нем помнили ее дядя с теткой, а также дона Норма, дона Гиза, дона Амелия, дона Эмина, дона Жаси и дона Мария до Кармо. Они принесли ей в подарок туалетное мыло, духи, сандалии, отрезы.

– Ты сегодня прямо красавица, Флор, такая элегантная! – заметила дона Амелия.

– Это что! Вот в прошлом году она действительно была неотразима!…– сказала дона Норма, тоже помнившая поход в “Палас”. – И получила тогда в подарок кое-что посущественнее…

– В этом году у нее подарок не хуже… – послышался вкрадчивый голос доны Марии до Кармо, известной сплетницы.

– Какой? – заинтересовалась жена Мирандона.

Дона Эмина и дона Амелия, хихикая, поведали ей новость.

– Да что вы говорите!…

– Человек он порядочный, – высказала свое мнение дона Гиза, – благородный.

Мирандон отправился в бар на Кабесу, где по воскресеньям собирались выпить виски богачи из Ильеуса во главе с фазендейро Мойзесом Алвесом. Подруги весело болтали в гостиной, пока дона Флор, надев на свое нарядное платье фартук, готовила вместе с Марилдой праздничный завтрак.

Только днем Принц явился пожинать плоды вчерашнего посева, то есть содействия доны Гизы и пылкого объяснения в темном зале кинотеатра. Бледный от страсти и нетерпения, никогда еще он не походил так на Христа, совершающего свой мученический путь на Голгофу. Накануне Принц сказал своей любовнице, глупенькой, но грациозной девушке, на которую истратил последние гроши, позаимствованные у очередной вдовы, вздорной толстухи доны Амброзины Аррузы:

Сегодня я возьму эту крепость и лягу в постель с вдовицей.

Лу прижалась к чахоточной груди Мощей.

– Она так же безобразна, как и предыдущая? Или красавица?

Ревнивая Лу не понимала жесткой морали Принца, что, разумеется, было не к лицу сожительнице столь многоопытного и строгого в своих принципах профессионала.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Я тебе уже говорил, дорогая, красивая она или безобразная, для меня не имеет никакого значения. Неужели ты не понимаешь, что это просто сделка, финансовая операция? Меня не интересуют прелести вдовы, глупышка, главное, чтобы у нее были деньги и кое-какие безделицы…

Первой заметила Принца дона Эмина. Она поспешила оповестить об этом дону Флор.

– Уже пришел… – сказала, усмехнувшись, вдова.

Шум голосов и беготня взволнованных женщин нарушили покой Мирандона, который благодушествовал после сытного завтрака. Заинтересовавшись, он тоже подошел к окну, где толпились соседки, и увидел на противоположной стороне улицы, у фонаря, рядом с особняком сеу Бернабо, некоего Эдуарде, известного под кличкой Принц. Он стоял в небрежной позе, чистил ногти спичкой и вежливо улыбался.

– Что здесь делают Мощи?

– Какие Мощи?

– Ну, Принц, этот мошенник и редкостный жулик…

Он хотел добавить: “повелитель вдов”, – но, внимательно взглянув на женщин, застывших в тягостном молчании, сразу все понял. Однако сделал вид, что ничего не заметил, и с присущей ему деликатностью продолжал, улыбаясь:

– Известный аферист; он надувает дураков сказками о выигрышных билетах, организует сбор пожертвований на несуществующие больницы, о его художествах часто пишут в газетах…

– Я никогда ему не доверяла… Достаточно взглянуть на его лицо… – заявила дона Норма.

– Наверное, он собирается обокрасть кого-то, может быть аргентинца или еще кого-нибудь… – заключил Мирандон.

– Должно быть, аргентинца, я видела, как они разговаривали, – не моргнув глазом соврала дона Норма: она тоже была баиянкой, а значит, тактична и деликатна не меньше Мирандона.

Оставив потрясенных женщин и примолкшую дону Флор, у которой навернулась на глаза одна-единственная слезинка, поскольку подобная низость большего и не заслуживала, Мирандон будто невзначай пересек улицу и подошел к Принцу. Сквозь жалюзи, тут же закрывшие окна, женщины увидели, как он разговаривал с мошенником. Принц продолжал улыбаться, даже когда совсем запутался в объяснениях, а Мирандон энергичным жестом указал ему на спуск к Нижнему городу. Прильнув к окнам, женщины наблюдали эту короткую немую сцену.

Надо отдать должное Принцу: он умел признавать себя побежденным и никогда не лез в бутылку, глупо упорствуя и подвергая себя риску попасть в тюрьму или оказаться избитым. Не повезло ему дьявольски! Надо же было взять на прицел куму Мирандона! Он еще счастливо отделался, оставшись целым и невредимым. Принц искренне уверял, что ничего не знал о дружбе Мирандона с доной Флор, иначе бы и не зашел на эту улицу…

Даже не подняв глаз на окна доны Флор, он переменил курс и вышел в открытое море, по направлению к Ладейра-да-Прегисе. Но не доходя до Нижнего города, увидел благочестивую вдову, направлявшуюся в церковь, в трауре и вуали, опущенной на лицо. Принц, верный своему нелегкому ремеслу, кинулся к новой гавани, вмиг изобразив томную улыбку и умоляющий взор.

7

Принца никогда больше не видели в тех краях, однако еще долго о нем ходили разговоры, и уж обязательно его вспоминали, когда появлялся новый претендент на руку и сердце доны Флор. Раньше она подшучивала над женихами вместе с соседками, теперь же отказывалась даже говорить на эту тему, не скрывая своего раздражения при малейшем упоминании о браке и воспринимая это как оскорбление.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Подруги и кумушки, словно заключив молчаливый договор, некоторое время вообще не касались этого больного вопроса, будто смирились с твердым решением доны Флор остаться вдовой и никогда больше не выходить замуж. Если какая-нибудь болтливая старушка порывалась вдруг обсудить эту благодатную тему, ей тотчас напоминали о Принце и она умолкала, словно мошенник все еще стоял у фонаря и издевался над всеми. К тому же дона Норма – пожизненная президентша квартала, особа, в общем либеральная, но в случае необходимости становившаяся неумолимым диктатором, категорически запретила всякие разговоры о браке.

Несколько недель после памятного дня рождения дона Флор не имела ни минуты покоя: соседи то и дело приглашали ее к себе, были к ней очень ласковы и внимательны. Она посмотрела почти все новые фильмы, ходила по гостям, бегала с подругами по магазинам и по окончании вечерних занятий сама придумывала, куда бы отправиться.

– Норминья, чернушечка моя, куда это ты собралась такая разодетая? И почему ничего мне не говоришь?

– На похороны, дорогая. Мне только что сообщили, что умер сеу Лукас де Алмейда, наш хороший знакомый и дальний родственник Сампайо. Внезапно, от сердечного припадка. Сампайо не захотел пойти, ты же его знаешь, а тебе я ничего не стала говорить, потому что ты не была знакома с покойным. Но если хочешь, можем пойти вместе… Похороны будут, судя по всему, богатые…

Она ходила с доной Нормой на панихиды и похороны, на дни рождения и крестины. И в печали и в радости ее подруга не теряла своей энергии, поэтому и праздники, и похороны, на которых она оказывалась, проходили удачно. Дона Норма сразу же брала в свои руки бразды правления, радовалась чужой радости, сочувствовала горю, помогала в беде, поддерживала беседу, с аппетитом ела и пила всегда в меру; когда нужно было, улыбалась, когда нужно было, плакала. В любом собрании, даже самом скучном, никто не мог сравниться с доной Нормой, немного сумбурной и жизнерадостной женщиной. “Это – колосс”, – отзывалась о ней дона Энаида, “монумент”, – заявлял Мирандон, ее поклонник, “святая”, – считала дона Амелия, “хорошаяподруга”, – говорила дона Эмина, и не только она.

Ураган… – стонал Зе Сампайо, страдавший от слишком бурной деятельности доны Нормы.

– Второй такой женщины не сыщешь на всем свете, сеу Сампайо; вся улица считает ее своей матерью, – не соглашалась с ним дона Флор.

– Да, но мне не по силам такое количество детей, дона Флор, я от них устал… – мрачно возражал сеу Сампайо.

Несколько раз вместе с доной Гизой дона Флор посещала пресвитерианскую церковь на Кампо Гранде – американка распевала там псалмы так же вдохновенно и с тем же пылом, с каким читала Фрейда и Адлера, обсуждала социально-экономические проблемы и танцевала самбу. За эти посещения дону Флор мягко отчитал дон Клементе, сказавший с ласковым упреком:

– Говорят, ты стала пресвитерианкой, Флор, это правда?

Пресвитерианкой? Какая чушь! Она только два или три раза заходила в их церковь с подругой просто из любопытства и от нечего делать. У вдовы так много свободного времени, падре.

Вместе с Руасами она совершила приятную поездку на субботу и воскресенье в Алагоиньяс, родные места соседей. Побывала как-то с доной Дагмарой на занятиях гимнастикой по системе йогов, которые проводила грациозная и миниатюрная женщина, гибкая, как прутик. Но занятия эти совпадали по времени с занятиями в кулинарной школе, и дона Флор не смогла – хотя и очень хотела – научиться этим трудным упражнениям, которые, если верить рекламе, “делали тело ловким и упругим, а душу чистой и здоровой”, “гарантировали физическую и моральную устойчивость и совершенную гармонию между душой и телом, без которой жизнь становится грязной и мерзостной”. За последние месяцы

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

дона Флор и сама убедилась: борьба духа и тела превращает жизнь в Дантов ад.

Вместе с доной Марией до Кармо они ходили на состязания в конкурсе “Молодые таланты”, участницей которого была Марилда. Каждое воскресенье в течение трех месяцев девушки и юноши имели возможность состязаться за почетный титул “Новая звезда радиокомпании” и право подписать контракт. Хорошенькая Марилда с большим чувством и плохим произношением пропела парагвайскую песню, получив, впрочем, довольно высокую оценку и заняв второе место. Многообещающее начало вселило в девушку надежду увидеть осуществленными свои мечты о собственной программе народных песен и снимках на обложках журналов. Единственным препятствием на ее пути была дона Мария до Кармо, презрительно морщившая нос, когда слышала обо всем этом. С большим трудом удалось уговорить ее разрешить Марилде принять участие в конкурсе, да и согласилась она лишь потому, что знала доктора Клаудио Туюти, занимавшего большой пост на радио. Нелегко было убедить ее отказаться от предрассудков, против которых казались бессильными и разумные аргументы доны Гизы и взволнованные просьбы доны Флор. Однако, увидев дочь, выглядевшую очень эффектно у микрофона, и услышав ее голос, разнесшийся по всему городу, она залилась слезами от гордости и счастья. А затем возмутилась решением жюри, чуть не избив ведущего программу популярного диктора Силвио Ламенью, так как считала, что Марилда заслуживает первого места и не получила его только из-за протекции, которую кто-то оказывал некоему Жоану Жилберто, бездарному и безголосому.

Со своей кумой Дионизией дона Флор договорилась побывать на празднике Ошосси, прихватив дону Норму и дону Гизу, очень интересовавшуюся подобными вещами, но помешала этому сильная простуда и кое-какие опасения доны Флор, которые, впрочем, превратили обычную простуду в опасный грипп. Говоря откровенно, дона Флор побаивалась всех этих кандомблэ, когда на улицах полно колдовских деспашо и эбо с их зловещими чарами; как-то она даже спросила у Дионизии.

– А какова она, эта Ошум, кума Дионизия?

– Ошум – богиня рек: на вид это благочестивая сеньора, живущая где-нибудь в уединенном домике, само спокойствие. Но она может превратиться и в жеманную юную франтиху, тихую только с виду. Достаточно сказать, кума, что эта обманщица была замужем за Ошосси и за Шанго, а сейчас она покинула воды и живет на земле, снедаемая страстью.

Беготней и хлопотами старалась дона Флор до предела заполнить свою жизнь, потому что после истории с Принцем исчезли ее покой и беспечность и крепкий, бодрящий сон.

После кошмара с хороводом нарушилось безмятежное течение ее жизни. День за днем возрастало беспокойство, постепенно превращаясь в постоянную гнетущую тревогу.

А после вечера в кино к ней уже не возвращалось былое спокойствие, радость от тихого, хотя, быть может, и пустого существования, занятий с ученицами. Только теперь стало ясно, что прежний покой был обманчивым, как воды медленной, но коварной реки, огонь пожирал дону Флор изнутри.

Скромной вдове приходилось защищать свою честь не от бесстыжих развратников – зная ее, ни один мужчина не осмелился даже на ухаживание, – а от нахальных юнцов, которые целыми днями торчали на улице, приставая к женщинам. Но и они, как правило, умолкали перед ее целомудрием и серьезностью. Если же кто-нибудь из них все же отваживался на какую-нибудь двусмысленность или сальную шуточку, то сейчас же умолкал, ибо дона Флор держалась так, будто была слепа, глуха и нема, словом, как и подобает скромной и достойной женщине. И еще приходилось доне Флор защищать себя от собственных грешных мыслей и проснувшегося желания, которое огнем жгло ее тело. Она лишилась “моральной и физической устойчивости”, необходимой для здоровья, согласно учению йогов, “совершенной гармонии между душой и телом”. Плоть и душа вели между собой беспощадную войну: с виду целомудренную дону Флор сжигало изнутри пламя вожделения.

Сначала сладострастные сны лишь изредка уносили ее в запретную для девственниц и вдов страну. Дона Флор в ужасе просыпалась, хватаясь за сердце и шевеля пересохшими

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

губами. Она стала бояться своих снов.

Днем, занятая ученицами и чтением романов, она легко отгоняла от себя грешные мысли, сдерживала отчаянное сердцебиение. Но как сохранить спокойствие по ночам, когда она была беззащитна перед своими сновидениями?

Потом, однако, дона Флор и днем начала задумываться, грустить и печально вздыхать, предаваясь опасным мечтам. Стоило ей остаться одной, как даже самые невинные ее мысли приводили всегда к тому же: она видела себя на железной супружеской кровати, охваченную нетерпеливым и страстным желанием. Куда девалось ее вдовье целомудрие?

Теперь уже она рисовала в своем воображении целые сцены, в которых мешались отрывки из романов, случаи, вычитанные из газет, истории, рассказанные кумушками, и воспоминания о собственной замужней жизни.

Горячее дыхание Принца обожгло ее затылок и отравило кровь, принеся невыносимые, адские муки.

Пришлось оставить глупые романы для девиц, которыми зачитывалась Марилда, вздыхая над судьбой графинь и герцогов. Даже они слишком сильно волновали дону Флор; в самых невинных местах она усматривала нечто пикантное, все эти пошлости лишь еще сильнее разжигали ее чувственность, а сюжет романа и его персонажи преображались до неузнаваемости.

Так каждый день ее целомудрие подвергалось все новым испытаниям. Однако те, кто видел ее во время занятий с ученицами либо идущей с подругами по магазинам или в гости, не могли даже представить себе, какая отчаянная борьба ведется в глубине ее души, как она терзается по ночам: ведь дона Флор была одной из самых уважаемых и достойных женщин. Никто ни разу не слышал, чтобы она с интересом говорила о мужчинах. И если раньше она вместе с подружками подшучивала над женихами, то теперь не желала ни о ком знать, поставив крест на новом замужестве. Вряд ли в этом квартале, в целом городе, да и, пожалуй, в целом мире нашлась бы вдова, более целомудренная и скромная, чем дона Флор. Равных ей не было на всем белом свете. С виду кроткая и спокойная, но снедаемая огнем страсти, как Ошум, ее божество. Ах, Дионизия, если бы ты знала, как это пламя жжет по ночам смуглое тело твоей кумы, ты распорядилась бы приготовить ей освежающую ванну либо дать мужа.

Все более беспокойной становилась дона Флор, все тревожнее делались ее сны, все мучительнее бессонные ночи. Если удавалось проспать спокойно целую ночь, дона Флор почитала это за счастье. Она отдыхала лишь в начале ночи, затем являлись сновидения, уносившие ее в мир соблазнов. Но потом она лишилась и этого отдыха и почти всю ночь скрежетала зубами от невыносимых мук. “Материя преобладает над духом”, – утверждал проспект, излагавший учение йогов.

Куда исчезла ее скромность? Никогда раньше она не была такой, даже мужу принадлежала только после того, как ему удавалось побороть ее стыдливость. Теперь ей иногда снилось, что она продается за деньги. Какой позор! Не раз она просыпалась и лила горькие слезы, оплакивая ту, прежнюю дону Флор, которая целомудренно заворачивалась в простыню.

Иногда она так уставала за день, что засыпала в кино или клевала носом, беседуя с подругами. Но стоило ей надеть ночную рубашку и лечь в постель, как сон пропадал. Она старалась думать о занятиях в своей школе, о том, что надо купить, о болезни соседа или знакомого, о тете Лите, которая тоже не спала по ночам, мучаясь от астмы.

Но мысли не подчинялись ей: она старается думать о Марилде, об ее желании стать певицей и о трудностях, подстерегающих ее на этом пути, а видит перед собою бледного Принца, который нашептывает ей слова любви, красивые, как стихи.

Дона Флор знала о славе, которой пользовался ее поклонник среди женщин легкого поведения. Дионизия, ничего не слыхавшая о коммерсанте из Итабуны, думала, что дона Флор читала о Принце в отделе происшествий и рассказала ей о томном юноше по прозвищу Мощи. Благодаря своей бледной красоте, бархатному голосу, грустному взгляду и особенно

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

выдающимся мужским качествам, если верить ценительницам, он пользовался невероятным успехом. Из-за него часто происходили ссоры, разыгрывались настоящие драмы. Однажды две красотки подрались, одну из них отвезли в больницу с ножевой раной, другую посадили в тюрьму.

И вот дона Флор видит во сне, как она замахивается ножом на Дионизию, а та издевательски смеется, смеются и остальные девицы, потешаясь над доной Флор, глупой вдовой. Разве она не знает, что томный красавец – это Принц, повелитель вдов, и что он только забирает у них деньги и драгоценности? Ему не нужна ни жена, ни любовница. А если знает, то зачем пришла сюда предлагать ему свое тело, пылающее в огне страсти? Позор! Где ее вдовье целомудрие?

Дона Флор решила принимать снотворное в надежде, что так ей удастся заснуть. Она обратилась за советом к фармацевту доктору Теодоро Мадурейре, у которого была аптека на углу Кабесы. По мнению доны Амелии – и не только ее, – доктор Теодоро, хоть и был аптекарем, стоил многих врачей: он отлично знал свое дело, его лекарства излечивали от любой болезни.

Бессонница, нервозность? Наверное, переутомление, а вообще ничего серьезного, поставил диагноз аптекарь и посоветовал принимать какие-то пилюли, которые снимают усталость, успокаивают нервную систему и гарантируют крепкий сон. Дона Флор может принимать их безо всяких сомнений, даже если лекарство не поможет, то и вреда от него не будет, оно не содержит наркотиков, как многие дорогостоящие современные средства, вошедшие теперь в моду. “Они очень опасны, сеньора, почти так же, как морфий и кокаин, а может быть, и еще опаснее”. Фармацевт, чрезвычайно образованный, внимательный и немного церемонный, на прощание отвесил ей глубокий поклон и попросил обязательно сообщить о результатах.

Увы, сеу Теодоро! Она, правда, проспала всю ночь, проснувшись только, когда испуганная служанка постучала в дверь спальни перед самым началом занятий. Сон был долгий, но такой же неспокойный, как и раньше, такой **же** изнурительный, даже, пожалуй, мучительнее прежнего, потому что прервать его было невозможно. Промучившись всю ночь, дона Флор проснулась утром совсем разбитая. Пилюли не избавили ее от чувственных видений.

Дона Флор была в смятении. Днем, пока она занималась с ученицами и хлопотала по хозяйству, ночные кошмары отступали, но, едва она выходила в город, ее уши ловили восклицания мужчин, глаза – их жадные взгляды, и мучения начинались опять.

Никто не догадывался об ее ужасном состоянии. Все считали, что жизнь ее протекает спокойно и беззаботно, интересно и даже весело. Прежде ее муж, игрок и распутник, доставлял ей много страданий, теперь, став вдовой, дона Флор ведет себя, как и подобает женщине в ее положении: не помышляет о новом браке и романах. Ее равнодушие к мужчинам восхищало кумушек и соседей. Когда она появлялась на Кабесе, надменная и замкнутая, мужчины в баре спорили между собой:

– Порядочная женщина, красавица, молодая, а на мужчин даже не взглянет…

– Чересчур порядочная. Кто знает, может, вовсе и не от добродетели…

– А отчего же?

– От природы, просто холодная. Есть такие женщины, как мраморные статуи, они и не знают, что такое страсть, и целомудрие их совсем не заслуга. Они холодны, как глыбы льда. Дона Флор, наверное, из таких.

– А кто это знает? Так или иначе, она самая порядочная вдова в городе…

Недоверчивый и высокомерный литератор продолжал настаивать:

– Ледяная глыба, я уверен. Холодна, как мраморная статуя.

Элегантно и скромно одетая, дона Флор тихо шла, обращая на себя внимание своей простой и строгой красотой. Она не глазела по сторонам, сдержанно отвечала на дружеские приветствия резчика по дереву Алфредо, на громкое “добрый день!” испанца Мендеса, на почтительный поклон фармацевта, веселый смех негритянки Виторины, ценой неимоверных

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

усилий давалась ей эта благопристойность, эта выдержка – она была измучена бессонной ночью, которая прошла в тщетной борьбе с бунтующей плотью. Снаружи – спокойствие стоячих вод, внутри – ураган страстей.

8

– Ты была с ним слишком резка… Даже груба… – откровенно сказала дона Норма. – Энаида не зря обиделась.

Солнечным воскресным утром после дня рождения сеу Зе Сампайо подруги окружили дону Флор, которая не скрывала своего раздражения.

– Не выношу дерзостей…

– Он пошутил, а ты рассердилась… – Дона Амелия не видела в поведении доктора Алуизио ничего предосудительного.

– Если и пошутил, то неудачно…

Дона Норма выразила общее мнение:

– Ты уж извини меня, Флор, но ты недотрога. Разве можно сердиться из-за таких пустяков… Раньше ты не была такой… Я не присутствовала при этом, но, даже если он и позволил себе что-то лишнее, не стоило это принимать так близко к сердцу…

А дона Гиза разразилась целой лекцией, объясняющей поведение нотариуса из Пилон-Аркадо:

– Сеу Алуизио – типичный житель сертана, с патриархальным мышлением, он привык обращаться с женщиной, как с собственностью или домашним животным…

– Вот именно… – поймала ее на слове дона Флор. – Домашним животным… Для него женщина – все равно что корова… А он бык…

– Ты неправильно меня поняла, как и сеу Алуизио. Нельзя забывать о среде, в которой он живет: это земледельцы и скотоводы… Он самый настоящий феодал…

– Нахал, вот он кто… Только с вежливыми манерами… Берет руку, чтобы пожать, а сам щекочет…

– Норма права, Флор, ты стала недотрогой. Доктор Алуизио взял твою руку… – вмешалась дона Жаси.

– Чтобы узнать, что тебя ждет… – Дона Мария до Кармо сочла необходимым внести ясность. – И почему это каждый мошенник вызывается читать судьбу по руке?

– Ты тоже находишь, что он наглец?

– Кто, сеу… доктор Алуизио? Не знаю… А он действительно доктор?

Да, кто же он: сеу Алуизио или доктор Алуизио? Дона Мария до Кармо, сама того не желая, поставила на обсуждение важный вопрос. В тех краях, где практиковал этот адвокат без диплома, известный как один из самых красноречивых судебных ораторов, он, конечно, считался доктором. В столице же, поскольку у него не было диплома об окончании университета, он не имел права на это звание. Чтобы не поссорить сертан с городом, к нему стали обращаться и так и эдак, к удовольствию и строгих формалистов и снисходительных либералов.

– Доктор он или нет, но зубы он умеет заговаривать, язык у него хорошо подвешен… Его не проведешь… – высказалась молчавшая до сих пор дона Эмина.

Речь шла о событиях вчерашнего вечера, который едва не кончился скандалом. Поскольку сеу Сампайо терпеть не мог банкетов и пышных праздников, доне Норме волей-неволей пришлось ограничиться обедом, на который она пригласила друзей и соседей. Скупой, но любивший поесть сеу Сампайо возражал, как обычно, предлагая пойти всей семьей в ресторан и пообедать там. Тихо, спокойно и недорого. Как и всегда, дона Норма восстала против подобной экономии, заявив, что они вполне в состоянии прилично принять своих знакомых по-американски.

Уже лежавший в постели сеу Сампайо прибег к последним аргументам, чтобы доказать, с его точки зрения, неопровержимую истину.

– У меня есть причины возражать, и немаловажные.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Можешь их изложить, только не рассказывай мне сказок, будто продажа обуви сокращается. Я сама видела статистические отчеты…

Речь совсем не о том… Выслушай меня внимательно и не прерывай. Во-первых, я не люблю есть стоя, предпочитаю за столом. Что за удовольствие? Все толпятся вокруг стола, а я стесняюсь, и в конце концов мне достаются объедки. Только я соберусь положить себе что-нибудь на тарелку, как оказывается, что всю закуску уже съели, от индейки остались только крылышки. А здесь я буду хозяином, значит, подойду к столу последним и, естественно, останусь с пустой тарелкой. В ресторане – другое дело. Там мы сидим и заказываем, что нам хочется, а раз это день рождения, каждый может съесть по два блюда… – Это было трогательной уступкой семье и собственному аппетиту со стороны сеу Сампайо.

Дона Норма с трудом дослушала его до конца.

– Не будь смешным, Зе Сампайо. Во-первых, нас все приглашают на дни своего рождения…

– Но я не хожу…

– Иногда все-таки ходишь… И уж тогда ешь за пятерых… Во-вторых, не рассказывай мне, будто ты стесняешься и кладешь себе мало. На дне рождения сеу Бернабо, к которому ты пошел только потому, что он иностранец, ты съел почти половину суфле из креветок, не говоря уже о пирожках… И все от жадности…

– Да! – простонал сеу Сампайо. – У доны Нанси все очень вкусно…

– У меня тоже… В-третьих, и дома ты никогда не забываешь себя и первым устремляешься к столу. На тебя смотреть стыдно! Называется, хозяин… В-четвертых, с моих обедов, слава богу, еще никто голодным не уходил. В-пятых, ресторанная еда…

– Довольно… – взмолился Зе Сампайо, закрываясь простыней. – Мне вредно спорить, у меня высокое давление…

Обеды доны Нормы славились своим обилием: если она приглашала двадцать человек, то готовила на пятьдесят; и не зря, потому что вся окрестная беднота приходила потом доедать остатки и допивать вино.

На этот день рождения сеу Сампайо явились почти все соседи, в том числе и чета Бернабо; дона Нанси держалась поближе к подругам, а сеу Эктор, как всегда, говорил о делах и превозносил Аргентину.

Горячий патриот своей родины, сеньор Бернабо любил сравнивать Аргентину и Бразилию, разумеется отдавая предпочтение первой с ее развитой промышленностью, природными богатствами и климатом. В Аргентине и лето, и зима, и весна, и осень не то что в Бразилии, где постоянно стоит невыносимая жара; в Аргентине образцовое железнодорожное сообщение, а в Бразилии поезда ходят без расписания; в Аргентине сочные европейские фрукты, вино, хлеб из чистой пшеницы, чудесное мясо, породистый скот. Дона Нанси приходила в ужас, когда муж пускался в патриотические дебаты, и торопилась прервать его:

– Но, Бобо, здесь тоже много хорошего… Например, отличные ананасы… – Она их обожала и всегда боялась, как бы муж не подрался с каким-нибудь бразильским патриотом, страстным защитником своей нации.

Впрочем, такое уже случалось, и не однажды. Как-то сеу Шалуб, рыночный торговец, сириец по происхождению и бразилец в первом поколении, а потому рьяный националист, вышел из себя и ехидно задал вспыльчивому Бернабо бестактный вопрос:

– Если аргентинская промышленность настолько выше здешней и жизнь там такая замечательная, почему вы тогда приехали в Бразилию и открыли здесь гончарную мастерскую?

Художник Карибэ (тот, что написал портрет Дионизии Ошосси в платье королевы) пришел однажды к аргентинцу договориться насчет обжига в его печи нескольких своих изделий, но был вовлечен в спор о танго и самбе и, не выдержав, воскликнул:

– Да бросьте вы!… Как можно жить в стране, где нет темных мулаток?… Нет, уж увольте!

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Однако на дне рождения сеу Сампайо аргентинский патриот держался весьма корректно. Он, как обычно, расхваливал Аргентину, но не забывал и Бразилию, особенно Баию, с ее радушными и добрыми жителями. Праздничный обед удался, если не считать маленького инцидента, о котором впрочем, знали только женщины, между доной Флор и сеу Алуизио.

Дона Флор с самого начала сомневалась, стоит ли ей идти на этот обед, где будет столько приглашенных. Ведь еще не прошло года после смерти мужа; и хотя до года не хватало всего нескольких дней, вдове не следует отступать от своих суровых принципов. В противном случае на травлю нескромной вдовы кинется целая свора разъяренных кумушек.

Дона Норма посмеялась над ее опасениями: с каких это пор вдова не может пообедать у друзей? Ведь это не бал, не танцульки, а если Артур и его друзья-студенты потанцуют немного под радиолу, в этом нет ничего страшного, такое невинное развлечение отнюдь не противоречит траурному этикету, не оскорбит памяти покойного.

К тому же дона Флор весь день хлопотала, готовя угощения для этого обеда. С помощью Марилды она сварила целый котел ватапы и вкуснейшую рыбную мокеку; дона Норма занималась сладким. Так или иначе, в конце концов она решила идти на обед, но лучше бы не ходила, тогда бы не случилось с ней неприятностей.

Когда уже почти все гости были в сборе, а столы накрыты, пришла дона Энаида с подносом киндинов и галстуком для сеу Сампайо. Она извинилась за мужа, который по субботним вечерам играл в покер и поэтому отказывался от всех других приглашений. Вместо него она привела сеу Алуизио, для многих – доктора Алуизио, адвоката и нотариуса с берегов Сан-Франциско, почти холостяка, которого усиленно прочила в мужья доне Флор. Одетый в новый с иголочки темный костюм, раздушенный и напудренный, он походил на манекен, несмотря на крючковатый толстый нос, блестящую лысину, живой, пронзительный взгляд. Дона Энаида не без гордости представила своего влиятельного кузена, а затем сказала:

– Я хочу, чтобы ты познакомился с доной Флор Гимараэнс, самой красивой вдовой в Баии.

– Перестань, Энаида…

Доктор Алуизио склонился, чтобы поцеловать руку доны Флор, и аромат его духов ударил ей в нос.

– Дорогая сеньора, я никогда не забуду этой минуты. Кузина уже писала мне о вас, и только хорошее… Но я вижу, что ее перо не смогло передать вашей прелести, это под силу только поэту…

Он внимательно изучал ее взглядом, и дона Флор почувствовала себя раздетой. Потом в его глазах появилось одобрение, а вежливая улыбка сменилась довольным смешком.

И все это время он не выпускал ее руки из своей.

Наконец, сеу Алуизио решил, что перед ним легкая и верная добыча. Его опыт провинциального Дон Жуана подсказывал ему, что кротость и скромный вид доны Флор – одно притворство. Он знал таких женщин: почти все они лгуньи, зато хороши в постели.

У себя в провинции, где женщина всецело подчинена воле мужа, своего повелителя, и живет только заботами домашнего очага, сеу Алуизио не раз читал в глубине стыдливо опущенных глаз горячий отклик на его призыв.

Кто знает, не бушуют ли штормы под этой тихой поверхностью, не тлеет ли под сдержанностью и благочестием совсем еще молодой и здоровой женщины огонь страсти? Доктор Алуизио знал этих скромниц, укрывшихся в тиши своих домов и скованных средневековой моралью. Однако, когда подворачивался подходящий случай, они с удивительной легкостью обходили все препятствия и, поборов страх, ловко наставляли рога своим деспотам, которые иногда пускали в ход револьвер либо кинжал.

Часы своего досуга – а их было более чем достаточно, поскольку в конторе он был не очень занят, – нотариус посвящал женщинам. Он изучил их досконально, что позволило судье в Пилан-Аркадо доктору Дивалу Питомбо назвать его «тонким психологом, знатоком

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

женской души и ценителем классической литературы». Из классической литературы, впрочем, он читал только бразильские романы, некоторые переводы из греческой мифологии и книги о римской империи, в основном периода упадка. Что касается женщин, то на них у сеу Алуизио было чутье, и это принесло ему несколько побед, славу грозы мужей и неотразимого соблазнителя. Несмотря на лысину и крючковатый нос, он совратил не одну красотку, их не удерживали ни средневековые предрассудки, ни боязнь мести.

Итак, перед доной Флор стоял Казакова с берегов Сан-Франциско и старался проникнуть в тайники ее души, прочесть ее мысли, чтобы овладел тем, что было скрыто от других. Решив, что она отвечает его вкусу, дон Алуизио нашел ее забавной и вполне доступной. В его глазах дона Флор вовсе не была самой порядочной и добродетельной вдовой Баии, как это считали завсегдатаи бара на Кабесе и даже самые злые сплетницы, не побоявшиеся бы сунуть руку в огонь за честь доны Флор.

Кстати, о руке… Адвокат все еще держал руку доны Флор, легонько и ласково сжимая ее. Дона Флор сразу поняла, какое он составил о ней мнение, от нее не укрылось и то, что держит он ее руку с видом собственника. Наглый, самодовольный и самовлюбленный провинциал. Если сразу не осадить его, он и дальше будет вести себя так же дерзко. Нахмурившись, дона Флор резко вырвала руку. Соблазнитель из каатинги сделал вид, будто ничего не случилось.

– Разрешите, уважаемая, я признаюсь вам откровенно… Я приехал в столицу не только по делам своей конторы и повидать родственников, главное, что привело меня сюда, – это желание познакомиться с вами… Энаида в своих письмах…

Но дона Флор, воспользовавшись тем, что в это время в комнату вошла дона Дагмара, сказала доктору Алуизио:

– Если позволите… Я должна поздороваться со своей подругой…

Болтливая и несдержанная, дона Дагмара сразу же спросила:

– Кто этот лысый попугай? Очередной претендент?

– Ну что ты, дорогая… Это кузен Энаиды, некий доктор Алуизио, политический деятель из провинции…

– А! Я уже о нем слышала… Говорят, он заправляет где-то в районе Сан-Франциско… Дай-ка мне, дорогая, чего-нибудь поесть.

В столовой было полно гостей, гремели тарелки, ножи и вилки, пустые блюда уносили в кухню, оттуда приносили новые кушанья. Праздник удался на славу: пришли коммерсанты, коллеги хозяина и члены Клуба торговцев, родственники, соседи, подруги доны Нормы. Они расположились группами в комнатах и на веранде. Кухня тоже была забита до отказа крестниками доны Нормы и кумушками. В углу столовой, неподалеку от большого стола, виновник торжества торопливо и жадно поглощал еду, украдкой кидая тревожные взгляды на блюда с угощениями, боясь, как бы гости не съели все, прежде чем он насытится.

Зе Сампайо старался не бросаться в глаза, чтобы его не заметили и не помешали таким образом его приятному занятию. И все же аргентинец Бернабо, с желтыми от пальмового масла губами, подошел к нему выразить свое восхищение.

– Я давно не ел с таким удовольствием, дружище. Все приготовлено очень вкусно…

Дона Флор помогала доне Норме и кухаркам, которых прислали соседи, но, как только стало немного поспокойнее, присела на свободный стул в углу веранды и начала наблюдать за гостями: сеу Вивалдо, хозяин похоронного бюро, накладывал себе уже четвертую тарелку, доктор Ивес налегал на сладкое.

Ковыряя зубочисткой во рту, сеу Алуизио будто невзначай подошел к доне Флор и прислонился к стене.

– Пир под стать римскому… – заметил он.

Дона Флор хотела промолчать, но потом решила, что у нее нет никаких оснований для такой бестактности.

– Когда Норминья устраивает обеды, она не скупится…

Сеу Алуизио поглядел по сторонам. Дона Флор продолжала смотреть на шумных

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

гостей, и вдруг до нее донесся шепот нотариуса:

– Скажите мне, красавица…

– Что? – испугалась дона Флор.

– Как вы отнесетесь к тому, чтобы сходить полюбоваться луной на озеро Абаетэ? Сначала выйдете вы и подождете меня на площади.

Дона Флор вскочила, словно ужаленная, и сдавленным голосом воскликнула:

– Как вы можете обо мне такое думать?

Доктор Алуизио тихонько рассмеялся, будто знал настоящую цену этому возмущению. Он привык к подобным сценам.

– Я вам предлагаю пройтись и ничего больше…

Дона Флор не могла и слова сказать, от негодования щеки ее пылали, бешено стучало сердце. Неужели он сумел прочесть на ее лице следы ночных мучений? Чуть не бегом бросилась она в гостиную.

– Что с тобою, Флор? – спросила Марилда, заметив ее смятение.

– Не знаю, что-то с сердцем… Сейчас пройдет…

– Сядь сюда… Я принесу тебе воды…

– Не надо… я посижу с твоей матерью…

Слушая подруг, которые потешались над прожорливостью некоторых гостей, дона Флор понемногу пришла в себя. Наглое приглашение любоваться луной в черную как смоль ночь было просто издевательством. Подруги продолжали судачить, и дона Мария до Кармо сказала, что ее беспокоит чрезмерная веселость сеу Сампайо, который никогда так не вел себя во время обеда.

Когда женщины приумолкли, настойчивый кавалер с берегов Сан-Франциско появился снова, на этот раз под руку со своей кузиной доной Энаидой, и нахально спросил:

– Найдется тут место для двоих? Или ваш разговор не для мужчин?

– А мы уже обо всем переговорили…

Дона Флор сделала вид, будто не замечает нотариуса, а тот уже через несколько минут вызвался гадать доне Амелии по руке. Свои предсказания он пересыпал шуточками, довольно остроумными, даже дона Флор улыбнулась несколько раз. Доне Амелии он посулил путешествия и богатство. Потом наступила очередь доны Эмины: совершенно серьезно сеу Алуизио предсказал ей, что вскоре у нее родится ребенок.

– Проклятье!… Мало того, что Анинья появилась некстати, теперь еще один…

– На этот раз мальчик… Я никогда не ошибаюсь…

Покончив с доной Эминой, он устремил взгляд на дону Флор, словно между ними ничего не произошло. Его глаза снова стали наглыми, и кончиком языка он провел по губам с таким вызывающим видом, что дона Флор похолодела. Как далеко думает зайти этот нахал? К счастью, другие ничего не заметили. Взяв руку доны Флор, сеу Алуизио сказал:

– Теперь ваша очередь…

– Я не верю в гаданье. Пустое это дело…

Но подружки со смехом потребовали, чтобы она подчинилась. Стоит ли упорствовать? Это может показаться подозрительным, оставалось только согласиться. Доктор Алуизио, знаток женской души, победоносно улыбнулся, уверенный в своей проницательности.

Взяв левую руку доны Флор, он наманикюренным пальцем стал водить по ее ладони, незаметно щекоча. Но дона Флор оставалась суровой и сдержанной.

– Превосходная линия жизни… Вы проживете более восьмидесяти лет… – Затем он секунду помолчал, внимательно изучая ладонь вдовы, и продолжал: – Вас ожидают большие перемены…

– Перемены? Какие? – оживились подруги.

– В любви! Я вижу новое увлечение… Случайная встреча, страсти…

– Разрешите… – дона Флор попыталась высвободить руку.

Но сеу Алуизио не выпускал.

– Подождите… Я еще не кончил… Слушайте дальше… Господин из провинции…

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Дона Флор вдруг встала и резко вырвала свою руку из рук адвоката.

– Я вам не позволяю дерзить мне…

И быстрым шагом вышла из гостиной, оставив подруг в крайнем удивлении, а дону Энаиду в страшной обиде.

– Что за выходки?… Разве Алуизио позволил себе лишнее? Или оскорбил ее? Просто пошутил, чтобы позабавиться… Терпеть не могу, когда люди держат себя так глупо… В конце концов, что она о себе воображает? Тоже мне принцесса!

Только нотариус оставался спокойным и даже оправдал дону Флор:

– Бедняжка… Я знаю эту нервозность, это участь всех молодых вдов: пока они не выйдут замуж, они истеричны. В провинциальных городах я не раз сталкиваюсь с подобными случаями… Старые девы и вдовы обижаются по всякому поводу, плачут, постоянно закатывают истерики и вообще всегда в дурном настроении. К старости некоторые из них даже сходят с ума…

Дона Мария до Кармо прервала его:

– Послушайте, доктор, я тоже вдова и, в конце концов, могу обидеться…

Адвокат окинул ее оценивающим взглядом: вдовушка еще неплохо выглядит, хорошая фигура, тело крепкое, не совсем в тираж вышла. Доктор Алуизио был не из тех, кто теряет время зря. Оставив дону Флор, он сказал доне Марии:

– Покажите мне, пожалуйста, вашу левую руку, я хочу кое-что выяснить…

Взяв руку доны Марии до Кармо, он пристально посмотрел ей в глаза.

– Должен я вам сказать правду или солгать?

Когда дона Флор вышла, Марилда и дона Норма последовали за ней и застали ее в слезах. Дона Норма, обращаясь к ней, повторила слова сеу Алуизио:

– Ты становишься истеричкой, Флор.

9

Дона Флор на занятиях и в мечтах

Оставьте меня в покое и не говорите мне больше о трауре и одиночестве, мое положение и без того печально. Переходим к уроку. Самое сложное и изысканное блюдо – ватапа из рыбы (или курицы), вкуснее его нет ничего в баиянской кухне. Не говорите мне, что я молода, я вдова и умерла для любви. Итак, ватапа на десять персон.

Берем две головы гароуры, можно и другой рыбы, но это будет не так вкусно. Кладем

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

соли, кориандра, чесноку и луку, несколько помидоров и лимонного соку.

Затем четыре полные столовые ложки лучшего прованского масла, хотите португальского, хотите испанского; говорят, греческое лучше, но я никогда его не употребляю, потому что не вижу в магазинах.

Как я поступлю, если мне подвернется подходящий жених, который вновь зажжет во мне чувства, угасшие под бременем памяти о покойном? Ах, девушки, что вы знаете о сокровенной жизни вдов! У каждой вдовы бывают грешные мысли, но порядочная вдова никогда не станет об этом говорить. Оставьте меня в покое!

Потушите рыбу во всех этих специях, а потом, налив туда чуть-чуть воды, совсем капельку, поварите. Теперь отцедите соус и отставьте его в сторону.

Что поделать, если на моем ложе я, к сожалению, только сплю? Все имеет свои плохие и хорошие стороны. Что может быть лучше, чем спокойные, чистые сны? Что может быть лучше безмятежной и скромной жизни вдовы, забывшей о грешных желаниях? Но как быть, если ложе стало для меня раскаленной пустыней мучительных страстей? Разве вы поймете страдания вдов, томящихся на своем одиноком ложе под бременем воспоминаний о покойном муже? Вы пришли сюда научиться стряпать, и вас не интересует, какой дорогой ценой дается нам, честным вдовам, это самоотречение. Давайте лучше продолжим занятия.

Возьмите терку, два крупных кокосовых ореха и натрите их. Трите как следует, труд идет человеку на пользу (говорят, он отвлекает от дурных мыслей, но я в это не верю). Полученную массу подогрейте, прежде чем отжать молоко, – оно должно быть чистое и густое, без всяких примесей. Его тоже отставьте в сторону.

Оставшуюся массу не выбрасывайте, будьте бережливы, теперь это в моде. Массу опустите в литр кипятку, потом отожмите – получится жидкое молоко. Остатки после этого можете выбросить, они уже ни на что не годятся.

Как и вдова, надевшая маску лицемерия. Ведь недаром в некоторых странах вдов хоронят в одной могиле с мужьями. Их сжигают вместе с покойником. Пожалуй, так далее лучше – сгореть сразу и превратиться в пепел, а не тлеть на медленном тайном огне желаний под лицемерным траурным одеянием и вуалью, скрывающей греховные помыслы. Скорбь вдовы тоже никому не нужна.

Корку от черствого хлеба положите в жидкое молоко, потом пропустите через хорошо вымытую мясорубку размоченный в кокосовом молоке хлеб, земляные орехи, сушеные креветки, орехи кажу, имбирь, если пожелает заказчик, и красный перец (некоторые любят сильно наперченную ватапу, другие предпочитают почти без перца).

Затем перемешайте все пропущенное через мясорубку и опустите в отцеженный отвар гароупы, туда же добавьте имбирь, кокосовые орехи, соль, перец, чеснок и каштан; теперь поставьте на огонь, и пусть бульон загустеет.

Ватапа, приправленная имбирем, перцем, земляным орехом, этими возбуждающими пряностями, не действует на вас? Что я могу сказать на это? Я никогда не нуждалась в имбире и земляном орехе, для этого существовали его руки, его губы, его нежные слова и он сам, срывавший с меня простыню, чтобы осыпать безумными поцелуями. Кто теперь сорвет с меня покров стыдливости на моей вдовьей постели? И откуда берется это желание, сжигающее мою грудь, если нет ни его рук, ни его губ, ни его смеха, если нет его самого? Почему оно рождается во мне? Почему возникает столько вопросов, откуда этот интерес к интимной жизни вдовы? Почему с моего лица хотят сорвать траурную вуаль, скрывающую мое нутро, где смешались целомудрие и страсть. Вдове даже говорить о таких вещах не пристало. Мое место у плиты, я должна готовить ватапу, отмерять имбирь, земляной орех, красный перец.

Теперь влейте в бульон кокосового молока, густого и жидкого, и пальмового масла – две полные чашки. Поварите подольше на медленном огне, все время помешивая деревянной ложкой в одном направлении, иначе ватапа свернется. Мешайте до тех пор, пока блюдо будет совсем готово.

Мои сны измучили меня, но я не виновата, уж такая я есть целомудренная, скромная и

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

в то же время распутная, истеричная, взбалмошная.

Ну вот, ватапа и поспела. Видите, какая красота! Теперь остается только полить ее пальмовым маслом и подать вместе с акасой. Ваши женихи и мужья пальчики оближут!

Да, кстати, раз уж речь зашла о женихах, оповестите всех, что одна молодая вдова, довольно милая и красивая, с матовой золотистой кожей – первоклассная повариха, очень трудолюбива и порядочна, с прекрасной репутацией, ни одна женщина на свете не может с ней сравниться. Эта образцовая вдова, стыдливая как девица, познала все муки страсти, пожирающей ее.

Если найдете подходящую кандидатуру, сообщите поскорей, в любое время: утром, вечером, в полночь, на рассвете – и в любую погоду: солнечную или дождливую. Присылайте жениха немедленно, с судьей, священником и брачным контрактом, присылайте как можно скорей.

Я шлю этот призыв со всеми подводными течениями, в часы отлива и прилива, морскими и каботажными путями, потому что гавань мою трудно обнаружить – это убежище для всех потерпевших кораблекрушение скрыто от посторонних глаз. Если кто из вас услышит о холостяке, который ищет вдову, чтобы вступить с ней в брак, передайте ему, что здесь, у плиты, стоит дона Флор и готовит рыбную ватапу, сжигаемая адским огнем.

10

Однажды дона Флор не выдержала и во всем призналась доне Норме.

– Я проклята, Норминья, не хочу об этом думать и думаю все время, не хочу вспоминать и вспоминаю беспрестанно, боюсь своих снов и вижу их всю ночь. Моя воля бессильна. Я не могу совладать со своим телом, Норминья.

Брошюра об учении йогов, которую дона Флор не раз перечитывала, внушала, что «дух должен побеждать грешную плоть», но борьба эта была мучением для ее тела, бунтовавшего против целомудренной души, она нарушала спокойное течение вдовьей жизни. Воля доны Флор не могла больше управлять инстинктами. Противоречие между образцовой вдовой и молодой, жаждущей любви женщиной достигло кульминации. Этот тяжелый случай, если верить учению йогов, требовал «полной сосредоточенности и ежедневных физических упражнений».

Никакой пользы не принесла эта ученая книга и трудные упражнения, которые пышной доне Флор оказались не по силам. Пытаясь добиться равновесия между телом и духом, дона Флор в течение двух недель терзала себя самым нелепым образом. Дона Дагмара по ее просьбе показала ей различные упражнения, и дона Флор стала терпеливо выполнять их, надеясь на успех. Подруга не скупилась на похвалы замечательной системе йогов: ей удалось похудеть на четыре килограмма. Дону же Флор постигла полная неудача, она даже не похудела. Вместо обещанных покоя и душевной гармонии она получила усталость, все тело болело и по-прежнему томилось от неудовлетворенной страсти.

Ни к чему не привели и научные изыскания доны Гизы, сыпавшей, словно профессор на кафедре, непонятными словами: комплекс, либидо, подсознание, сублимация, табу.

– Ты, Флор, полна сублимаций и комплексов, а значит, секс для тебя – табу.

Сознание или подсознание были тому виной, сублимация, комплексы или самое обычное желание, но сны ее оставались все теми же. И американка ничем не могла ей помочь, потому что положить конец сублимациям и комплексам значило опозорить себя и память покойного мужа.

Умудренная опытом, проницательная и умелая от природы, дона Норма сразу поставила диагноз:

– Все из-за того, моя дорогая, что у тебя нет мужчины. Ты молода, слава богу, здорова, чего же ты хочешь? У монахинь и тех есть жених небесный, а некоторые еще и наставляют ему рога. – Дона Норма улыбнулась. – Помнишь монашку из Дестерро, которая забеременела от пекаря, а потом стала актрисой? Тогда только об этом и говорили… – Но и

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

монахиня на театральных подмостках не могла развеселить мрачно настроенную дону Флор.

– Но, Норминья, я же вдова… – упорно повторяла она.

– Ну и что? Или ты думаешь, вдова не женщина? Вдовы, насколько мне известно, только и делают, что мечтают о мужчинах… Вот как…

– Ты сама знаешь, что я не из таких. Однажды ты даже назвала меня грубиянкой…

– Ну и что? Ты не кокетка… Но если говорить откровенно, последнее время ты раздражена и стала просто невыносима. Уже почти год ходишь во вдовах, а такая печальная, будто только вчера мужа похоронила. Раньше ты вместе с нами высмеивала женихов, теперь же, стоит кому-нибудь пошутить на эту тему, и ты начинаешь злиться…

– Ты отлично знаешь, к чему привели ваши разговоры… Появился этот мошенник…

– Значит, из-за того, что этот герцог или принц торчал у фонаря, ты стала хуже монахини? Но если он и обратил на тебя внимание, то только потому, что ты лакомый кусочек. А после ухаживаний сеу Алуизио ты вообще заперлась в доме, почти никуда не выходишь, не смотришь на мужчин, будто они дикие звери… В конце концов, Алуизио хотел лишь…

– Я знаю, чего он хотел…

– Оказаться у тебя в постели, дорогая… Но это же естественно… Желающих еще много найдется, они так и вьются вокруг тебя. У многих глаза загорелись…

– Неужели у меня такое бесстыжее лицо, что эти нахалы осмеливаются…

– А почему ты решила, что им обязательно нужна распутница? Хоть ты и держишься как недотрога…

– Но что мне делать, Норминья?

– Погасить огонь, моя милая… Если ты потеряла покой и сон, то только потому, что тебя жжет это проклятое пламя…

– Что ты, Норминья, клянусь тебе…

– Но разве это не так? Разве я не права?

– Значит, ты хочешь, чтобы я опозорила себя? Я не какая-нибудь распутница и не желаю заводить любовника. Я признаю только брак… Оттого, что я думаю все время об этих глупостях, мне умереть хочется со стыда… Неужели я такая легкомысленная, если ты предлагаешь мне подобные вещи…

– Не дури, ничего страшного я тебе не сказала. И нечего обижаться!

– Но ведь ты же сказала…

– Сказала, и повторяю: то, что с тобой происходит, совершенно естественно и вовсе не значит, что ты легкомысленна… Наоборот… Ты серьезная и кажешься еще серьезнее, оттого что хорохоришься… Ты даже себе не представляешь, какое у тебя лицо, когда на тебя смотрит мужчина…

– А по-твоему я должна хихикать и заигрывать с ним? Нет, лучше умереть… ты ведь знаешь, у меня никого не было, кроме мужа…

– А как же иначе?

– Но муж умер…

– Причем раньше тебя… И ничто не мешает тебе завести второго. Ты молода, Флор, тебе нет еще и тридцати…

– Исполнится в этом году.

– Ты еще девчонка… То, что происходит с тобой, не болезнь и не сумасшествие. У тебя есть только два выхода, доченька: или вступить в брак, или завести любовника. Правда, еще ты можешь уйти в монастырь. Но тогда берегись пекарей, молочников, садовников, да и священников, чтобы не наставить рога жениху небесному.

– Не шути, Норминья…

– Я не шучу, Флор. Если бы ты была легкомысленной, ты бы и в трауре могла развлекаться в свое удовольствие. Но ты не такая, значит, тебе надо выходить замуж, ничего другого не остается…

– Чувства вдовы, Норминья, подавляют угрызения совести и память об умершем муже,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

вдова не имеет права вспоминать о минувших ночах любви и тем более мечтать о новом муже. Все это оскорбляет память покойного.

– Страсть вдовы сильнее, нежели страсть девственницы или замужней женщины, дурочка ты этакая, – энергично возразила дона Норма. – Новым замужеством ты вовсе не осквернишь памяти покойного; вдова может чтить память умершего мужа и в то же время быть счастливой с другим. Тем более если первый брак, мягко говоря, не всегда приносил ей радость…

Эта долгая, задушевная и тактичная беседа благотворно подействовала на дону Флор. Сестры и те не поняли бы друг друга лучше. Дона Флор наконец сдалась. Возможно, в жестоком споре с собой она и сама пришла бы к этому, но продолжала бы таиться от себя, если бы дона Норма не разорвала паутину предрассудков и лицемерный траур, истлевший в огне желания.

– Что толку, Норминья, если даже я соглашусь с тобой?! Кто захочет взять меня в жены? Кому охота доедать чужие объедки! Не стану же я предлагать себя всем подряд… Наверное, так и умру в одиночестве.

– Сними маску, и ручаюсь, что не пройдет и полгода…

– Какую маску?

– Ту, что у тебя на лице, маску притворной скромности и добродетели. Сними ее, начни снова смеяться, стань такой, какой была прежде, и я ручаюсь, что не пройдет и полгода…

Разговор этот состоялся несколько дней спустя после карнавала, который в этом году праздновался очень поздно, в марте, примерно через месяц после первой годовщины смерти Гуляки.

В день этого печального события дона Флор с утра отправилась с букетом цветов на кладбище, она долго плакала у могилы, надеясь обрести успокоение. И оно пришло, что случалось теперь очень редко. Дона Флор чувствовала лишь грусть, вспоминая о покойном. Глубокую грусть.

Но с карнавалом вновь вернулись ее мучения. Она слушала ту же музыку и те же песни.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

И вспоминала об ужасном воскресенье. Глядя в окно на ряженых, она снова видела мужа, лежащего в костюме баиянки на площади Второго июля среди обрывков серпантина и кружочков конфетти.

А когда группа, изображающая «детей моря», остановилась против кулинарной школы «Вкус и искусство» и негритянка Андреза Ошум со штандартом королевы вод в руках исполнила виртуозный танец под восторженные аплодисменты публики, запрудившей всю улицу, дона Флор разрыдалась. В эту минуту она почувствовала себя особенно одинокой. Год назад, когда тело покойного уже лежало на железной кровати, она отважилась взглянуть поверх плечей доны Нормы и доны Гизы на карнавальную толпу. Тогда в ее душе боролись жизнь и смерть. Невозможно было поверить, что смерть навсегда унесла Гуляку. Только со временем дона Флор поняла, что такое одиночество и какой пустой стала ее жизнь. В прошлом году в комнате лежал покойник, а она все же могла кинуть взгляд на карнавальную толпу. Теперь же ей было невыносимо смотреть на «детей моря», танцующих под аккомпанемент барабанов. Хотя в знак уважения к умершему шествие остановилось перед ее домом и Андреза протанцевала, покачиваясь, подобно судну на волнах, хотя все говорило о том, что память о друге, скончавшемся год назад, свято чтится, дона Флор не могла больше стоять у окна; она вновь видела перед собой обнаженное, бледное, застывшее в неподвижности тело.

Тяжело ей было видеть этот карнавал, а жить еще тяжелее. Покойник словно воспользовался шумным весельем, чтобы опять властно напомнить о себе. Страдания доны Флор стали невыносимыми, она не могла больше скрывать их. Измученная и растерянная, она не могла больше таить свои муки. Она устала и исстрадалась. И все откровенно рассказала доне Норме.

Дона Норма заверила ее, что она очень скоро выйдет замуж, если захочет и если снимет с себя маску холодного безразличия. Она обратилась за поддержкой к доне Гизе, но та мало заботилась о браке, этом нелепом и антигуманном институте, ибо хоть и читала князя Кропоткина, не могла понять разницы между анархизмом и психоанализом. В браке или вне брака, считала американка, дону Флор все равно будет мучить комплекс вины, от которого она сможет освободиться, только нарушив все табу. Неважно, что это будет – обыкновенная любовная связь или нежный роман, – важно, чтоб это случилось поскорее. Но предложение доны Гизы подходило бы лишь в том случае, если бы дона Флор была сумасшедшей или самой распущенной и легкомысленной из вдов.

Слова доны Нормы вселили надежду: она готова была держать пари, что если дона Флор перестанет ненавидеть весь мир и ходить мрачнее тучи, то через полгода наденет обручальное кольцо или в крайнем случае будет помолвлена.

Дона Гиза держать пари не стала, так как была иного мнения: почему бы доне Флор не повременить связывать себя узами семейной жизни? К чему это, когда на свете столько свободных мужчин? Да если бы она и держала пари, то проиграла бы, ибо почти всегда книжную мудрость побеждает мудрость жизни.

То ли потому, что дона Флор постепенно оттаивала и становилась более снисходительной к мужчинам, снова начав улыбаться и разговаривать то с одним, то с другим, хотя и оставалась по-прежнему скромной и учтивой, то ли по чистой случайности (что более вероятно), но уже через месяц после разговора с доной Нормой и доной Гизой выявились откровенная заинтересованность и самые честные намерения доктора Теодоро Мадурейры, совладельца аптеки на углу Кабесы. Дона Динора с победоносным видом потребовала вознаграждения.

– Я же говорила еще несколько месяцев назад, когда увидела его в хрустальном шаре: солидный и приличный господин, доктор и с достатком. Разве я не оказалась права? С вас причитается, дона Флор!

– Повезло доне Флор! Отличная партия! – таково было, единодушное мнение подруг и кумушек.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

11

Трудно сказать, когда именно фармацевт заинтересовался доной Флор, никто не назовет точно час и минуту, когда началась эта любовь, любовь зрелого мужчины, равной которой не было в его жизни, мучительная и роковая, не считающаяся ни с часами, ни с календарем. Некоторое время спустя доктор Теодоро, застенчиво улыбаясь, признался доне Флор, что он давно, еще до смерти Гуляки, начал на нее заглядываться. Из маленькой провизорской в глубине аптеки он восхищенно следил, как она пересекает площадь или идет по Кабесе. «Если я когда-нибудь решусь, то возьму себе в жены только такую женщину, красивую и достойную», – размышлял он, стоя возле пробирок и склянок с лекарствами. Разумеется, это было платоническое чувство, ибо фармацевт не относился к тем мужчинам, которые способны увлечься замужней женщиной и помышлять о ней, пожирая ее алчным взглядом, или (если употребить точное и изящное выражение аптекаря, всегда умеющего смягчить самые вульгарные слова) «глазами, полными греха и вожделения».

Первой увлечение фармацевта заметила дона Эмина, которую, впрочем, мало занимали чужие дела: она не любила сплетничать и делала это только по необходимости, чтобы не отставать от подруг. По сравнению с другими кумушками дона Эмина казалась скромной и застенчивой.

Это было в начале апреля, когда студенты выходят на улицы, празднуя начало учебного года. В длинной процессии, возглавляемой старшекурсниками, шли новички. Они были обриты наголо, завернуты в простыни и связаны друг с другом веревкой, подобно рабам в древности, а в руках они несли плакаты, высмеивающие правительство, высокие цены и глупых политиков.

Выйдя из здания медицинского факультета на Террейро де Жезус, шествие пересекло весь город, направляясь к Барре. В наиболее людных местах старшекурсники, сидевшие верхом на ослах, увеселяли зевак шутовскими речами.

Жители улиц, примыкающих к площади Второго июля и Кабесе, заслышав призывные звуки труб, заторопились посмотреть на процессию, и дона Флор с подругами не остались в стороне.

Дона Эмина успела заметить, что доктор Теодоро стоял за прилавком аптеки, не обращая никакого внимания ни на студентов, изображающих профессоров и общественных деятелей, ни на их шутки. Он мирно беседовал с приказчиком и кассиршей. Но как только увидел подружек, стал нервничать. Это удивило дону Эмину, и она решила понаблюдать за аптекарем. Всегда спокойный и сдержанный, при виде подруг он торопливо встал со своего обычного места за прилавком, вежливо поклонился и громко приветствовал женщин. Но сначала (и это очень важная деталь) он вынул из жилетного кармана гребенку и провел ею по своим черным волосам, кстати сказать, без всякой надобности, поскольку прическа его под толстым слоем бриллиантина была безупречна. Спокойствие изменило аптекарю, и он засуетился, как мальчишка. «Я видела, что он надел пиджак, прежде чем поздороваться с нами», – сказала дона Эмина, стараясь найти объяснение поступкам фармацевта.

Он был в безукоризненно белой рубашке и сером жилете, толстая золотая цепь эффектно свисала из кармана, где лежали часы, тоже золотые, доставшиеся в наследство от отца, складки на брюках были идеально заглажены, туфли начищены до блеска. На пальце сверкало докторское кольцо. Словом, этот высокий мужчина производил очень приятное впечатление.

Подруги любезно ответили на его поклон; фармацевт был известным человеком в тех краях, уважаемым и принятым в лучшем обществе. По свидетельству той же доны Эмины, приметившей, как видно, все мелочи, глаза доктора Теодоро были устремлены на одну лишь дону Флор, других он будто не видел; и если в этом взгляде нельзя было прочесть вожделения, явную заинтересованность нельзя было не заметить. «Он буквально пожирал тебя глазами», – так наблюдательная дона Эмина определила поведение аптекаря в беседе с доной Флор.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Когда он уже не мог видеть женщин из-за прилавка, он вышел на улицу, а затем после недолгого колебания направился следом за подружками.

Заняв позицию недалеко от них, так что ему были видны большие часы на площади св. Петра, аптекарь старался оставаться незамеченным. Потянув за золотую цепь, он вытащил свои часы и улыбнулся точности швейцарского хронометра. Дона Норма и дона Амелия, чтобы ничего не упустить, забрались на скамейку, остальные пристроились вокруг, поднявшись на цыпочки. Укрывшись за башней с часами, доктор Теодоро с благоговением следил за каждым движением доны Флор.

Дона Эмина, продолжавшая наблюдать за ним, утверждала, что фармацевт почти не смотрел на студентов, пока первокурсники с выкрашенными в оранжевый цвет лицами исполняли танец смерти, а старшекурсники пили пиво и газированную воду. Доктор Теодоро улыбался только тогда, когда улыбалась дона Флор, и аплодировал, если аплодировала она, не спуская с вдовы восхищенного взгляда. Дона Эмина дернула за юбку дону Норму, которая, стоя на скамейке, громко хлопала в ладоши, но та сначала не поняла, на кого ей показывает глазами подруга. Наконец, увидев фармацевта, она с изумлением воскликнула:

– Ты только подумай, вот неожиданность!…

Удивительную новость тотчас сообщили доне Амелии и доне Марии до Кармо: доктор Теодоро, спрятавшийся за башней с часами, не отрывает глаз от доны Флор. Только дона Гиза, занятая чтением плакатов первокурсников, оставалась в неведении. Она полагала, что студенческие манифестации помогают изучать общественное мнение, и пользовалась случаем. Ей на роду было написано всегда все знать и всему находить объяснение (с помощью последних достижений науки). Подруги же пока старались найти объяснение странному поведению аптекаря.

– Если бы мы сами не видели, ни за что бы не поверили…

Студенты тронулись дальше, и подруги отправились вслед за ними. Однако дона Норма, сказав, что ей надо забежать к знакомой, свернула на одну из соседних улиц. «Сейчас мы все выясним!» Какое-то мгновение доктор Теодоро колебался, стоя в нерешительности возле башни с часами, а потом зашагал небрежной походкой человека, который без определенной цели вышел прогуляться.

Дона Норма и остальные женщины рассмеялись, кроме доны Флор, ничего не замечавшей, и доны Гизы, разглагольствовавшей о «склонности молодежи ко всякого рода общественной деятельности». Когда они остановились у подъезда дома, куда дона Норма зашла на минутку, не ожидавший этого доктор Теодоро, который отстал на несколько метров, был вынужден пройти вперед. Он избегал глядеть на подруг и притворялся, будто их не замечает, но делал это так неумело, что на него было жалко смотреть. Чувствуя на себе насмешливые взгляды подруг, он не знал, куда девать руки, и, окончательно смутившись, завернул за угол и бросился прочь чуть ли не бегом. Когда он проходил мимо, дона Мария до Кармо не сдержалась и хихикнула.

– Тс-с… – одернула ее дона Норма.

– Куда это доктор Теодоро так торопится? – полюбопытствовала дона Флор, увидев, как тот быстро исчез в переулке.

– Уж не хочешь ли ты сказать, притворщица, что ничего не знаешь? И не стыдно? Долго еще собираешься держать это в секрете или все же расскажешь подругам? Если, конечно, мы достойны твоего доверия!

– О чем?! Опять вы что-то выдумали… Хотелось бы узнать что…

– Неужели ты станешь утверждать, будто ничего не заметила…

– Но что я должна была заметить?!

– Что доктор Теодоро влюбился в тебя…

– Фармацевт? Да вы с ума спятили! Просто сумасшедшие… С чего вы это взяли?… Доктор Теодоро такой церемонный… Да вы смеетесь надо мной!

– Смеемся? Всю его церемонность как рукой сняло, дорогая, ходит за нами сам не свой…

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Они еще долго потешались над доной Флор, пока продолжалось шествие студентов. Но когда вернулись домой, дона Норма, оставшись наедине с доной Флор, заговорила серьезно. Она тоже обратила внимание на странное поведение фармацевта; как справедливо сказала дона Флор, человек он воспитанный и никогда прежде не заигрывал с клиентками. А тут выбежал на улицу и шел за ними, а потом спрятался за башней с часами, как мальчишка. Нет, это не досужие домыслы кумушек, дона Норма не позволила бы себе такой злой шутки, ведь доктор Теодоро – человек порядочный и солидный, и, когда речь идет о нем, легкомыслие неуместно. Такую партию нельзя упускать: человек он уважаемый, подходящего возраста, обеспеченный, с ученым званием и здоровье хорошее, одним словом, лучше не сыскать.

– Неужели ты в самом деле считаешь, что он проявляет ко мне интерес? Я в это не верю! Кому охота жевать черствый хлеб, объедки с чужого стола?

Дона Норма смерила подругу взглядом и сказала, одобрительно прищелкнув языком:

– Дай бог каждому такие объедки…

Взволнованная, смущенная и сгорающая от любопытства, дона Флор и вправду меньше всего напоминала черствый хлеб. Ее молодое цветущее лицо было цвета старинной бронзы, а крепкое тело благоухало питангой. Красавица, настоящая красавица. Она побывала замужем, однако казалась аппетитнее многих девушек, которые, как правило, глупы, невежественны в любви и только и знают, что кичатся своей невинностью.

– Так что ты это брось, Флор, по таким объедкам наверняка вздыхает не один доктор Теодоро, просто мы не знаем. Ты мне вот что скажи: могла бы ты его полюбить, как тебе кажется?

Но дона Флор отказалась говорить на эту тему, пока не получит доказательств любви фармацевта, все еще считая, что дона Норма либо шутит, либо ошибается. Она не желала снова попасть в дурацкое или унизительное положение, как это уже случалось, – слишком жива была память о Принце и наглых притязаниях сеу Алуизио. Однако дона Норма продолжала дружески настаивать, и тогда дона Флор призналась наконец, что аптекарь ей, пожалуй, небезразличен. Мужчина он обходительный, достойный, видный и напоминает ей одного популярного киноактера, хотя весьма отдаленно, но все же достаточно, чтобы проникнуться к нему симпатией. Кто знает, если все, что говорила дона Норма, правда, может быть, и даже наверняка, у нее в конце концов возникнет к нему чувство… Такое же, какое было к покойному? Нет, другое… Она сама стала другой, совсем не такой, какой была восемь лет назад, когда молоденькой девушкой познакомилась с Гулякой на празднике у майора и, ни о чем не думая, подарила ему свое сердце. (А чуть позже – тело.) Совсем потеряв голову, отдалась ему, едва он попросил, не ставя никаких условий, и тотчас сообщила об этом матери, которая запретила ей выходить за него замуж.

Теперь она степенная, рассудительная вдова и не допустит ни необдуманных поступков, ни поспешных чувств, простительных для девчонки, но не для тридцатилетней женщины, облаченной в траур. Если со временем она и полюбит, то чувство это будет спокойным и нежным, без юношеских порывов и бурных свиданий в укромных уголках и на лестничных площадках. Это будет зрелая, тихая, немного идиллическая любовь, как сказала дона Флор. Доктор Теодоро не был ей антипатичен, и она не испытывала к нему неприязни, даже находила привлекательным. Но это не значит, что уже пора говорить о помолвке и свадьбе и строить планы счастливой супружеской жизни.

– Ах, милая, все удастся на славу. Только ты не будь дурочкой, не сиди взаперти и не хмурься… – наставляла подругу дона Норма.

Потому что дона Флор поторопилась заявить, что не собирается проявлять интереса к доктору Теодоро и вертеться перед аптекой, демонстрируя свою красоту и огромные глаза, красноречиво говорящие о том умеренном образе жизни, который она вела последний год. Этого Норминья от нее не дождется.

– Но я не допущу, чтобы ты потеряла такую возможность…

Дона Норма долго убеждала вдову не глупить и не разыгрывать из себя ледышку. В ее

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

положении надо либо поскорее выходить замуж, либо завести любовника, и тогда уже с легкостью наставлять рога на череп покойника. Ибо, раз вступив на этот путь, трудно будет отказывать всем жаждущим и вечно ходить в трауре, храня верность умершему и превратившись в засушенный цветок.

Лучше уж сразу решиться выйти замуж и зажить достойно и честно, в любви и согласии, чтя светлую память о покойном муже, но не вспоминая о нем слишком часто, чтобы не обидеть его преемника. Впрочем, в последние месяцы дона Флор почти не упоминала имени умершего. Сначала оттого, что кумушки при малейшем удобном случае поносили Гуляку. Когда же подруги и соседки оставили его в покое, она погребла его образ глубоко в сердце и хранила там как редкую драгоценность. Если же кто и вспоминал о нем, то не при доне Флор. Теперь остается убрать из гостиной портрет Гуляки, улыбающегося цинично, дерзко (но к чему таить – и обольстительно). Скоро там появится портрет нового мужа, и какого – красивого, солидного, в самом расцвете сил!

Итак, нужно поскорее выходить замуж, как и подобает честной женщине, хватит томиться в одиночестве, кусать губы и скрежетать зубами, пугаться злых сплетен и предрассудков. Она, дона Норма, не позволит, чтобы дона Флор упустила такую замечательную возможность, может быть единственную, из-за какого-то ложного стыда. Нет и нет!

Вот почему сразу же после вечерних занятий, на которых дона Флор дала ученицам рецепт сладкого блюда из желатина и кокосового ореха, дона Норма зашла за ней и увела на Кабесу, якобы купить цветов, будто без посторонней помощи она не смогла бы подобрать букет. К удивлению продавца, старого негра Косме до Омолу, дона Норма оставалась недовольна всем, что бы он ей ни предлагал, дело же было в том, что доктор Теодоро исчез где-то в глубине аптеки и не показывался. Все же купив цветы, они подошли к лотку Виторины. Фармацевт не появлялся. Однако дона Норма была не из тех, кто скоро сдается, – она вошла в аптеку, затащив с собой дону Флор, и попросила у продавца пакет ваты. Дона Флор готова была провалиться сквозь землю, слушая громкие возгласы неугомонной подруги, которая явно старалась привлечь внимание.

В глубине аптеки, в маленькой провизорской за большими синими и красными, как на старинных гравюрах, бутылями, они заметили доктора Теодоро, что-то растирающего в каменной ступе. Вот он надел очки и стал тщательно взвешивать на крошечных весах микроскопические дозы порошка. Погруженный в таинство приготовления лекарств, он не замечал подруг и не слышал голоса доны Нормы, рассказывающей о происшествии, о котором недавно писали в газетах.

Оставив весы, аптекарь насыпал в пробирку растертые в порошок минералы, добавил туда двадцать капель бесцветной жидкости, и вдруг вся комната окуталась красноватым зловещим дымом.

Дона Норма, все еще не теряющая надежды, сладко проговорила:

– Обрати внимание, дорогая Флор, как доктор Теодоро похож на волшебника… Даже страшно!

Услышав имя доны Флор, доктор вздрогнул, поднял глаза, увидел среди лекарств свою богиню и почувствовал, что земля уходит из-под его ног. Ошеломленный, он хотел встать, но уронил на пол пробирку, разбившуюся вдребезги, и почти готовое лекарство (для смягчения хронического кашля доны Зезе Педрейра, старушки с улицы Форка) разлилось темным пятном на полу.

– Боже мой!… – воскликнула дона Флор.

Больше ничего не было сказано, потому что ничего особенного не случилось. Только дона Норма рассмеялась, платя за вату: уж очень комично выглядела фигура аптекаря, который привстал со стула и оцепенел, подняв вверх руку, словно в ней все еще была пробирка. Очки его сползли на нос.

Вконец смутившись, дона Флор вышла из аптеки, а дона Норма взглядом подбодрила взволнованного фармацевта. Доктор Теодоро попытался что-то сказать, но не мог вымолвить

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ни слова.

Дона Норма догнала дону Флор уже на углу. Теперь дона Флор, наверное, убедилась в том, что аптекарь интересуется ею. Или она собирается, хотя это было бы нелепо для женщины в ее положении, и дальше искать жениха познатнее и покрасивее? Лучшей партии не найти: дипломированный доктор с настоящим аметистовым кольцом, владелец аптеки, богатый, видный, крепкий, с безукоризненными манерами, порядочный, интересный. Что еще надо?

12

Видный сорокалетний мужчина! Подруги доны Флор и кумушки тотчас узнали в докторе Теодоро того, кого увидела дона Динора в хрустальном шаре, о ком сказали засаленные карты. Состояние, ученый титул, фигура, гордая осанка, благородные манеры – все совпадало. Но как случилось, что, рыская по улицам и площадям, женщины даже не подумали о фармацевте? Ведь он был совсем рядом. Так что же это? Слепота, неточность доны Диноры в описаниях или роковое заблуждение? Пожалуй, все же своего рода затмение, которое помешало заметить его в укромном уголке аптеки, где он сидел, согнувшись над ядами, которые превращал в лекарства и продавал по умеренным ценам.

Летописец, повествующий о замужестве доны Флор, о ее радостях и печалях, был совершенно прав, не включив доктора Теодоро в список претендентов, которых наперебой предлагали кумушки, ибо ни одна из них не вспомнила об аптекаре и даже не упомянула его имени во время приятных бесед о вдовстве доны Флор и о том, как ее развлечь. Впрочем, аптекарь мало что потерял от такой забывчивости, иначе бы он тоже приснился доне Флор в хороводе претендентов на ее руку и сердце, а значит, потерял бы уважение вдовы, показавшись в столь смешном виде.

Но как все-таки получилось, что о нем забыли? Ведь каждый то и дело видел его в аптеке у разноцветных склянок, у него все лечились, почему же его не заметили?

Да потому, что считали закоренелым холостяком, а значит, приравнивали к мужчинам женатым и даже имеющим детей. Дона Норма, которая искала жениха для анемичной Марии, своей соседки и приемной дочери, и та ни разу о нем не вспомнила. Доктор Теодоро? Этот закоренелый холостяк никогда не женится, так что не стоит о нем говорить и попусту терять время. Даже если бы он и захотел создать домашний очаг, это было бы ему не под силу. Жаль беднягу!

Слава, укрепившаяся за аптекарем, казалась настолько прочной, что никому и в голову не пришло подшучивать над ним, как над другими холостяками. В том числе и доне Диноре, которая почти ежедневно заглядывала в аптеку, и два раза в неделю обнажала перед аптекарем свою дряблую ягодицу. Так проходит слава мирская! Когда-то эти высохшие ягодицы воспевались в стихах юным романтиком Робато, вдохновение которого оплачивали богатые коммерсанты. Итак, фармацевт регулярно делал доне Диноре болезненную антиревматическую инъекцию, а ее взгляд! способный проникать в будущее, не увидел в этом смуглом господине интересного сорокалетнего мужчину из ее же гаданий. Она знала, и лучше чем кто бы то ни было, что он никогда не женится.

И не потому, что страдал каким-нибудь пороком или был женоненавистником. Упаси боже, такого подозрения ни у кого не возникало, ибо тихий, вежливый и скромный доктор Теодоро всегда был готов предоставить основательные доказательства своей мужественности, наградив пощечинами мерзавца, которому бы пришло в голову поставить под сомнение его мужские достоинства.

Просто он был благороден, как и подобает настоящему мужчине. А кто в этом все же усомнится и потребует доказательств, пусть найдет в переулке Сапоти крепкую и опрятную мулатку Отавиану дас Дорес, или Тавинью Манемоленсию. За несколько монет она охотно оставит свою скрытность, без которой нельзя обойтись, когда имеешь таких почтенных клиентов: двоих судей, троих коммерсантов из Нижнего города, престарелого падре,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

профессора медицины и нашего фармацевта.

Опрятная, скромная и тихая мулатка скорее напоминала хозяйку гостеприимного дома, и именно это ее качество заставило доктора Теодора остановить на ней свой выбор.

Каждый четверг ровно в восемь вечера доктор Теодоро переступал порог ее дома и всегда встречал там уважение и учтивость. Усевшись в кресле-качалке напротив Отавианы, вяжущей туфельки для младенца, и отхлебывая фруктовый ликер из монастыря Лапа, доктор Теодоро и мулатка вели задушевную беседу, обсуждая всевозможные события и газетные новости. Общаясь с образованными господами, Тавинья приобрела определенный лоск, умела поддержать приятный разговор, а потому считалась интеллигентной женщиной: в переулке Сапоти с нею советовались по самым разным вопросам. К тому же она любила покритиковать современные нравы, отсутствие порядка и развращенную, неверующую молодежь.

Фармацевт выслушивал назидательные суждения мулатки и всегда соглашался с ними, а потом они шли в спальню, благоухающую ароматными травами, и доктор Теодоро забавлялся с Отавианой на белоснежных накрахмаленных простынях. И надо сказать, у Отавианы не было никаких оснований усомниться в его мужских достоинствах.

Доктор Теодоро оставался у нее до полуночи, иногда всхрапнув на пузатом матраце, мягком и теплом, рядом с любезной Отавианой, охраняющей его сон. Перед уходом она угощала его мунгунсой, сладким рисом, канжикой, а также рюмкой ликеру «для восстановления сил», как, кокетливо улыбаясь, шептала смуглянка.

Кумушки не вспомнили о фармацевте еще и потому, что знали, как он предан своей разбитой параличом матери, у которой, кроме него, никого не было на всем свете. Когда старушка слегла, доктор Теодоро, только что окончивший университет, обещал ей не жениться, пока она жива. Больше он ничем не мог доказать ей свою любовь.

Отца доктор Теодоро лишился восемнадцати лет, когда готовился к вступительным экзаменам. Он решил было оставить учебу и заняться торговлей в городке Жекиэ, где они тогда жили, став за прилавок мануфактурной лавчонки, доставшейся ему в наследство от отца, кроме долгов и воспоминаний о доброте родителя. Однако вдова, женщина с виду слабая, но энергичная, не приняла такой жертвы: ее покойный муж мечтал дать сыну высшее образование, поскольку юноша отлично учился и подавал большие надежды. Теодоро сдал вступительные экзамены, а мать взяла на себя все заботы о лавке. Только вместо медицины молодой человек стал изучать фармакологию, это позволяло кончить университет на три года раньше.

Работая с утра до ночи, вдова управлялась и по дому и в лавке, выплачивала долг и еще содержала сына. Он опять попытался бросить учебу, но мать опять воспротивилась: он должен учиться, а работать будет, только кончив университет.

На выпускном вечере, увидев сына в черной мантии, с дипломом и кольцом, бедная женщина очень разволновалась, и, когда вернулась в гостиницу, у нее произошло кровоизлияние в мозг. Каким-то чудом ее спасли, однако она навсегда осталась парализованной.

Найдя свою мать в таком тяжелом состоянии, молодой фармацевт, словно герой сентиментальной драмы, однако вполне искренне, поклялся, что будет с нею и не женится до тех пор, пока она жива. На другой же день он вернул слово Виолете Са, своей нареченной, и с тех пор не имел другой возлюбленной. Единственной отрадой его жизни был фагот, на котором он научился играть еще гимназистом.

Продав лавку в Жекиэ, он стал совладельцем заброшенной аптеки в Итапажипе, принадлежавшей врачу, который к старости выжил из ума и был упрятан родными в психиатрическую лечебницу. Доктор Теодоро поселился в домике неподалеку от аптеки. Он много работал и ухаживал за парализованной матерью, беспомощно сидевшей в кресле-качалке. А вечером, пристроившись рядом с нею, разучивал сольные пьесы для фагота, чтобы хоть как-то скрасить одиночество больной.

В течение многих лет он почти не покидал своего квартала, где пользовался всеобщим

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

уважением. Познакомившись с музыкантом Аженором Гомесом, доктор Теодоро вступил в любительский оркестр, где, кроме него, играли врачи, инженеры, адвокаты, судьи, приказчик и два лавочника. Они собирались по воскресеньям то у одного, то у другого и исполняли свои любимые сочинения.

При молодом хозяине аптека снова стала процветать, и за доктором Теодоро укрепилась слава порядочного и хорошего человека.

Немало девушек на выданье обхаживали фармацевта, но он оставался верен своей клятве и ни одну из них не обнадежил, считая себя не вправе зря отнимать у них время. Всю свою нежность и внимание он приберегал для парализованной матери – дарил ей цветы, шоколадные конфеты, изящные сувениры и даже преподнес сонату, сочиненную маэстро в знак уважения к этой взаимной преданности: «Вечера материнской любви в Итапажипе».

Когда бывший владелец аптеки умер, так и не поправившись, доктор Теодоро разрешил все имущественные проблемы, словно был близким родственником осиротевшей семьи. Возможно, именно поэтому вдова бывшего владельца надумала женить его на своей младшей дочери, весьма легкомысленной девице. К счастью, обет доктора Теодоро еще оставался действительным, иначе не уйти бы ему от настойчивой вдовы и ее притязаний на его свободу. Она уже обращалась с Теодоро так, словно была его тещей. Всерьез встревоженный фармацевт увидел для себя лишь один путь к спасению: изъять свою долю и раз и навсегда распроститься с аптекой.

Как раз в то время, когда доктора Теодоро мучил вопрос, куда вложить освободившиеся деньги, один его знакомый (уже небезызвестный нам Розалью Медейрос, который чуть было не задавил дону Розилду на улице Чили да еще обругал при этом) посоветовал обратить внимание на процветающую и выгодно расположенную аптеку, являвшуюся предметом споров между наследниками. Человек, имеющий деньги, может там сделать неплохой бизнес.

Доктор Теодоро послушался совета и приобрел две из пяти долей наследства, расплатившись частично наличными, частично векселями. Таким образом, он стал

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

компаньоном довольно солидного предприятия и собственником. Сначала ему трудно приходилось: надо было перезакладывать векселя под высокие проценты, но в этих затруднениях немалую поддержку оказал ему банкир Селестино, которому порекомендовал фармацевта один из любителей-музыкантов – доктор Венсеслау Пирес де Вейга, одинаково виртуозный скрипач и хирург Банкир, сразу поняв, что имеет дело с серьезным человеком (а он никогда не ошибался), научил доктора Теодоро операциям с векселями, тем самым значительно облегчив его положение.

Аптекарь вел очень скромную жизнь, тратился только на сиделку для матери, на свои занятия музыкой да раз в неделю посещал Тавинью Манемоленсию. И приблизительно за год до того, как доктор Теодоро заинтересовался доной Флор, он выкупил последний вексель.

Теперь доктор Теодоро стал совладельцем большой аптеки в центре города, на Кабесе. И хотя ему принадлежали лишь две пятые капитала, он был полным хозяином в деле, ибо братья не ладили между собой и переступали порог аптеки только затем, чтобы попросить денег.

Откровенно говоря, доктору Теодоро следовала гораздо большая часть прибыли, поскольку своим неутомимым трудом он способствовал популярности предприятия. Впрочем, он и не сомневался, что рано или поздно сумеет приобрести остальные доли. Пока ленивые братья проматывали в кутежах остатки наследства, доктор Теодоро завоевал почет и уважение жителей квартала, в том числе и кумушек.

Когда уже сорокалетним холостяком он появился на Кабесе, облаченный в безупречный темный костюм, серьезный и солидный, кумушкам, которые отдали должное его знаниям, тут же стали известны малейшие подробности его жизни: как он кончил университет благодаря самоотверженности матери, как полюбил играть на фаготе, лишившись других развлечений по вечерам; особенно растрогала их клятва доктора Теодоро, отказавшегося от женщин ради парализованной матери.

Дотошная дона Динора даже побывала на Итапажипе и поговорила с сиделкой, которая возила мать доктора Теодоро в кресле-каталке. После чего сыновняя преданность аптекаря получила единодушное одобрение кумушек, и они оставили его в покое.

Свыкнувшись с мыслью, что доктор Теодоро не может жениться, они не учли важной перемены, происшедшей в его жизни несколько месяцев назад: мать доктора Теодоро скончалась, освободив сына от рокового обета, которому он оставался верен более двадцати лет. Теперь он мог вступить в брак, однако кумушки по-прежнему не сплетничали о нем, настолько за ним укрепилась слава порядочного человека.

Каково же было их изумление, когда распространилась новость, будто аптекарь интересуется доной Флор! Ах, плут! В полной боевой готовности заняли они наблюдательные посты между аптекой и кулинарной школой «Вкус и искусство». Под перекрестным огнем их взглядов доктор Теодоро, будто скованный, шел мимо окон доны Флор, которая отвечала вежливой улыбкой на низкий поклон вздыхателя. Ах, плут, ах, притворщик! Глаза сплетниц так и загорелись.

Все еще продолжая жить в Итапажипе, теперь он не торопился на трамвай, когда закрывались двери аптеки: его уже не ожидала нетерпеливая и больная мать. Доктор Теодоро завтракал и обедал в ресторане португальца Морейры, прогуливался по Кабесе, Масиэлу, Содре – его словно магнитом притягивал дом вдовы. Он держался на почтительном расстоянии, не досаждал своим присутствием доне Флор, но как можно оставаться скромным и сдержанным, если на каждом шагу наталкиваешься на кумушек и выслушиваешь ехидные намеки доны Диноры?

Доктор Теодоро, не умевший лицемерить и притворяться, чувствовал себя не в своей тарелке; ситуация становилась для него невыносимой. Дона Норма заметила это.

– Жаль беднягу…

– Да – улыбнулась дона Флор.

– Пора положить этому конец… Уж я постараюсь…

Дона Норма решила откровенно поговорить с влюбленным фармацевтом и сразу внести

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

в дело ясность. Дона Флор не скрывала, что относится к нему с интересом, хорошо о нем отзывалась и неизменно оказывалась у окна, если он проходил мимо.

– Поговорю с ним…

– Ты что, с ума сошла? Подумает еще, что я тебя подослала, что я легкомысленная женщина и навязываюсь…

– Не глупи… И во всем положись на меня…

Но дона Норма так и не успела взять на себя инициативу: тем же вечером взволнованная дона Флор примчалась к ней домой. У нее в руках было несколько листков дорогой голубой бумаги с золотым обрезом и благоухающих сандалом, которые содержали признание в любви, сделанное в самых изысканных выражениях на отличном португальском языке. Подробно описав свое финансовое положение и свои достоинства, доктор Теодоро, преисполненный самых честных и благородных намерений, выражал полную готовность положить к стопам доны Флор все, чем он располагал. Послание было пронизано самой пылкой любовью, но не выходило за рамки дозволенного.

– Он великолепен!… – воскликнула дона Норма, жадно проглотившая письмо. – Просто чудо!

13

Если первый брак доны Флор был совершен наспех, без обычных в таких случаях церемоний, то второй состоялся по всем правилам и даже с некоторой помпой. Она не была обручена с Гулякой, свадьбу отпраздновали кое-как, торопясь с помощью государства и церкви вернуть невесте если не невинность, то хотя бы доброе имя.

На этот же раз все было как положено: в типографии отпечатали приглашения на свадьбу, в газете «А тарде» поместили оповещение, где доктора Теодоро называли «нашим уважаемым и досточтимым подписчиком». Свадьба была многолюдной, с музыкой и цветами. Венчались в церкви св. Бенто, где отец Жеронимо произнес одну из своих самых красноречивых проповедей. А на гражданской церемонии судья доктор Пиньо Педрейра, как всегда, коротко, изящно и сердечно пожелал новобрачным жить в мире и согласии «под звуки божественной музыки». Сухопарый красавец судья играл на кларнете в том же любительском оркестре, что и жених.

Итак, вторая свадьба доны Флор отличалась от первой. Жених и невеста попросили дону Норму, имевшую в подобных делах опыт, заранее все предусмотреть и все продумать, и очень многие из соседей охотно вызвались ей помогать.

Доне Норме удалось даже уговорить дону Розилду помириться с дочерью и приехать на свадьбу. Приехали также брат и невестка доны Флор; не хватало только Розалии и Антонио Мораиса, который ни за что не соглашался вернуться в Баию, пока теща не отправится в ад.

На сей раз доне Розилде не к чему было придраться: ей понравились и свадьба и зять, который весьма приближался к ее идеалу. Хотя до принца ему было далеко, все же он был доктором, вполне обеспеченным и порядочным человеком, совладельцем одной из самых больших аптек в центре, а не каким-нибудь прощелыгой вроде мужа Розалии, который зарабатывал себе на хлеб, ползая под чужими машинами, весь в масле, уже не говоря о первом муже Флорипедес, бродяге и мошеннике. Таким зятем не стыдно было похвалиться перед именитыми друзьями.

Второй брак доны Флор обошелся без ухаживаний, поскольку вдове не пристало кокетничать, гулять по улице с мужчиной и обниматься в подъездах. Подобные вольности может позволить себе невинная девушка, разумеется, если намерения возлюбленного серьезны, но не вдова.

Вот почему после того, как доктор Теодоро в благородном и пылком послании признался доне Флор в любви, обе стороны по совету и с одобрения родственников и друзей пришли к решению, что помолвку они, как люди степенные, используют, чтобы лучше у знать достоинства и недостатки друг друга и определить, смогут ли они жить в браке. «Дона

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Флор уже научена горьким опытом, – сказала сеу Самтайо супруга, она же поверенный в делах невесты, – и не станет больше рисковать без надежной гарантии на успех».

Даже дона Норма при всем расположении к Флор не взяла на себя смелость подсказать ответ на любовное послание фармацевта, хотя и понимала как самая близкая подруга, посвященная во все тайны молодой вдовы, что брак этот разрешит все проблемы. Ответ на столь страстное и учтивое признание в любви нельзя было свести к одному слову «согласна».

Сначала следовало решить вопрос в принципе и заранее определить сроки помолвки и свадьбы, чтобы дона Флор не стала притчей во языцех, а фармацевт с достоинством вышел из глупого положения, в которое попал по своей неопытности, превратившись в посмешище для всех окрестных кумушек, повсюду следовавших за ним по пятам и следивших за каждым его взглядом и жестом.

Вот почему дона Норма пожелала выслушать мнение не только доны Гизы, женщины ученой и доброжелательной, но и сеу Сампайо, своего мужа. Сначала она хотела обратиться за советом к тете Лите и дяде Порто, поскольку мать и другие родственники доны Флор жили в Назарет-дас-Фариньясе или в Рио. Но потом они с вдовой решили, что присутствие стариков на предварительных переговорах, касающихся столь деликатных обстоятельств, не принесет пользы. Другое дело – помолвка, если она, конечно, состоится. На это торжественное событие они, несомненно, пригласят тетю Литу и дядю Порто, чтобы те сами убедились в честности намерений доктора Теодоро.

Все дела, намеченные на этот вечер, были отложены: доне Норме пришлось бежать к доне Амелии и просить ее навестить в больнице свою дальнюю родственницу, только что разрешившуюся от бремени.

– Вечно Норминья придумывает себе заботы, зачем ей понадобилось лезть со своими услугами, когда у девушки и без нее полно родственников… – ворчала дона Амелия по дороге в больницу, куда отправилась очень неохотно.

Доне Гизе тоже пришлось нарушить данное ею обещание присутствовать на вечере в доме немецких друзей, где гости в полумраке и благоговейной тишине слушали музыку Бетховена и Вагнера, потягивая через соломинку прохладительные напитки. Что касается сеу Сампайо, то дона Норма еле заставила его прийти: он терпеть не мог вмешиваться в чужие дела, особенно такие деликатные, как замужество. И только потому, что дона Флор пользовалась его высочайшим расположением как честная вдова и соблазнительная красотка, он отступил от своего распорядка дня и своих принципов, чтобы быть ей

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

полезным.

Это историческое совещание на высоком уровне (как принято теперь выражаться) началось с чтения вслух письма доктора Теодоро.

– Несомненно, он человек с тонкими чувствами, письмо мне понравилось, – заявил сеу Сампайо, и дона Флор робко заметила:

– Мне тоже так кажется… Я вообще нахожу его симпатичным…

– Симпатичным? Да это же первоклассный мужчина! – воскликнула дона Гиза, уже научившаяся баиянскому жаргону.

По предложению доны Нормы Зе Сампайо уполномочили вступить от имени вдовы в переговоры с фармацевтом, объявить ему о согласии доны Флор и обсудить план дальнейших действий. Затем предложить немедленно прекратить прогулки под окнами доны Флор, вызывающие насмешки кумушек и только компрометирующие обе заинтересованные стороны, а также встретиться с дядей и теткой доны Флор, за чем последует официальная помолвка.

Тогда доктор Теодоро сможет встречаться со своей нареченной три раза в неделю: по средам, субботам и воскресеньям. По средам и субботам после обеда в ее доме, разумеется в присутствии третьих лиц, чтобы не запятнать честь достойной вдовы. По воскресеньям же они будут завтракать у дяди с теткой и ходить в кино вместе с Сампайо или Руасами.

Надо сказать, что дона Гиза выразила свое категорическое несогласие с такими ограничениями. Она считала это проявлением ханжества, порожденного нелепыми предрассудками и средневековыми нравами. Однако Зе Сампайо очень мудро полагал, что только так можно сохранить незапятнанным доброе имя соседки.

Хотя все говорило о том, что доктор Теодоро человек чести – и его поведение и высокий слог его письма, – все же следовало оградить вдову от всякого рода неожиданностей. Представьте себе, что аптекарь, посещая беззащитную дону Флор и прогуливаясь в ее обществе по городу, вдруг надумает сбежать, а ведь такое случается, и нередко, что тогда станет с ее безупречной репутацией? Из честной и уважаемой женщины дона Флор превратится в грязный сосуд, которым пользуются все, кому не лень. Ученая дона Гиза может смеяться над этими предрассудками, сколько ей угодно, но он, Жозе Сампайо, ревностно оберегающий достоинство доны Флор, считает, что…

Средневековье, феодализм, инквизиция! Где это видано, чтобы тридцатилетняя вдова, сама зарабатывающая себе на жизнь, нуждалась в свидетелях, чтобы принять у себя дома жениха, которому уже за сорок? Только в Бразилии возможна такая дикость… В Соединенных Штатах над этим бы хохотали…

Сеу Сампайо слушал американку молча, глядя ей прямо в глаза и в глубине души признавая ее правоту: действительно, все эти предосторожности – величайшая глупость, в конце концов, женщина вправе распоряжаться собой по собственному усмотрению. И было бы совсем неплохо, если бы эта болтушка с передовыми взглядами решилась хоть раз осуществить на практике свои тезисы, доказать свое презрение к условностям… Куда там! Она была неприступна как скала. И возмущалась она и негодовала скорее всего только на словах. Если у нее и были любовники, то никто об этом не знал и никогда не узнает. Даже дона Динора ни разу не заметила ничего подозрительного. Слова, пустые слова, не имеющие под собой никаких оснований. Всегда улыбающаяся, американка, по-видимому, была вполне довольна своей жизнью, во всяком случае, ни одной кумушке, сколько они ни вынюхивали, не удалось напасть на след.

«Кто знает, может быть, она и впрямь святая…» – чтобы утешить себя, подумал сеу Сампайо, закрывая совещание.

На другой день, еще раз нарушив привычный распорядок дня, сеу Сампайо пришел в обувной магазин позже обычного, поскольку должен был повидаться с доктором Теодоро, чтобы, не откладывая, выполнить возложенную на него миссию.

Разговор получился задушевный, хотя поначалу оба чувствовали себя очень скованно и говорили намеками. Сеу Сампайо долго не знал, как приступить к сути, а доктор Теодоро не

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

понимал всех этих околичностей. Тем не менее они пришли к соглашению, поскольку коммерсант искренне желал все уладить, а фармацевт, обуреваемый страстью, готов был принять любые условия, лишь бы жениться на вдове.

Встреча состоялась в самом укромном уголке аптеки, казалось совершенно недоступном для посторонних взглядов. Но так только казалось, ибо дона Динора, всегда бывшая начеку, заметив столь раннего визитера и его подозрительно затянувшееся пребывание в провизорской, заглянула туда будто бы для того, чтобы сделать укол, хотя ей было назначено на следующий день.

Испуг конспираторов при столь неожиданном ее появлении был настолько очевидным, что сомнений у доны Диноры не осталось ни малейших. К тому же ей удалось услышать обрывок разговора, весьма недвусмысленный.

– В таком случае, дорогой доктор, поздравляю вас. Вы оба заслуживаете…

Весть мгновенно разнеслась по окрестным улицам; дону Флор начали поздравлять еще до того, как она узнала о благополучном завершении миссии сеу Зе Сампайо, которого благодарная невеста пригласила быть посаженным отцом.

Субботним вечером в ожидании встречи доктора Теодоро и вдовы перед домом доны Флор собрались зеваки; кумушки заняли позиции у дверей аргентинца, против кулинарной школы.

Спокойно улыбающаяся дона Флор ожидала решающего визита, окруженная, как и положено в таких случаях, родственниками (дядей и тетей) и самыми близкими друзьями: доной Динорой, которую пришлось пригласить под угрозой скандала, несколькими супружескими парами, доной Марией до Кармо и Марилдой, волновавшейся так, словно невестой была она. В лучшем кресле расположился Луис Энрике, выдающийся общественный деятель и литератор, друг семьи и в некотором роде свадебный генерал. Толпа зевак на улице росла и шумела все больше.

Благодаря своему швейцарскому хронометру, доктор Теодоро появился точно в

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

назначенное время. Расфранченный сверх всякой меры, с живым цветком в бутоньерке, он выглядел очень важной персоной, так что даже кумушки опешили. Встреченный довольно церемонно тетей Литой, он поздоровался со всеми присутствующими и направился к месту, которое ему определили согласно протоколу: на софе, рядом с доной Флор.

Дона Флор была в новом платье – прелестном, хоть и простом – и от смущения заливалась темным румянцем. Никому бы не пришло в голову, что ей больших трудов стоит побороть свое волнение, усилившееся в эти тревожные дни. Неужели конец ее мрачному трауру, ее отчаянию и одиночеству? Неужели она снова пойдет по дороге любви и счастья?

Доктор Теодоро присел на край софы, наступила пауза. Все молчали, подавленные торжественностью этой незабываемой минуты. Фармацевт оглядел гостиную, полную народа, дона Норма улыбнулась, подбадривая его. Тогда, поднявшись, он обратился к доне Флор и ее родственникам, сказав, что он был бы счастлив, «если бы дона Флор дала свое милостивое согласие обручиться с ним, а потом и сочетаться браком, если она, разумеется, решится стать его подругой на этом тернистом жизненном пути, многочисленные трудности которого, однако, покажутся ему раем, если, он заручится ее поддержкой и дружбой…»

Высокопарная речь жениха была достойна бакалавра либо крупного политического деятеля; в риторике доктор Теодоро не знал равных. «Весьма и весьма достойный человек», – подумала дона Мария до Кармо, которая меньше всех присутствующих знала жениха. Меж тем он продолжал распространяться о том, как он счастлив, находясь здесь, в обществе родственников, а также самых близких друзей той, что стала смыслом всей его жизни, и как сожалеет, что не смогли приехать сестра и брат доны Флор, ее невестка и зять и в особенности любящая и достойная самого глубокого уважения матушка…

При этих словах дона Амелия чуть не прыснула, но прикрыла рот рукой и отвернулась, ища взглядом дону Норму или дону Эмину.

В заключение доктор Теодоро в присутствии столь высокочтимых свидетелей попросил руки доны Флор. Он выражался так изысканно, что дона Норма не могла сдержаться и захлопала в ладоши, чем вызвала негодование сеу Сампайо. Аплодировать в такую торжественную минуту?! Но дона Флор не дала затянуться неловкости: поднявшись с софы, она протянула руку своему нареченному и подставила щеку для поцелуя.

– Я согласна стать вашей женой… – сказала она, и едва жених коснулся губами ее щеки, все кинулись поздравлять их, а шумная толпа зевак ворвалась в дом и налетела на доктора Теодоро с упреками:

– Вот ведь обманщик, а прикидывался святым…

Всех пригласили к столу, уставленному закусками и сластями, и кумушки первыми набросились на еду. Марилда и служанка обносили гостей ликерами. Их вкус и аромат показались фармацевту знакомыми, и он с улыбкой проговорил:

– Ликеры просто великолепны! Наверное, из монастыря Лапа, не так ли?

Однако предположение это было встречено смехом, а некоторые даже усмотрели в нем едва ли не оскорбление: неужели доктор Теодоро никогда не слыхал о талантах доны Флор? Она ведь не только непревзойденная повариха, но и мастерица приготовлять ликеры, а монахини из Лапа, Дестерро или Пердоэнса варят сладенький сироп, который не идет ни в какое сравнение с ликерами вашей невесты, сеу доктор…

Аптекарь смущенно признался, что не слыхал об этом, вот о кулинарных талантах доны Флор ему известно, как и о ее школе, хотя, к сожалению, еще не доводилось попробовать ее деликатесов. Теперь же придется наверстывать, и он наверняка растолстеет.

Помолвка прошла очень весело и непринужденно, и доктору Теодоро оставалось только ждать, когда он переступит порог спальни доны Флор. Мысль об этой минуте беспокоила его, поскольку его опыт интимного общения с женщинами уже давно ограничивался Отавианой, которой он платил, получая взамен приятную, неторопливую беседу, уютную обстановку, вкусную еду, ликеры и постель. Однако он разучился ухаживать, отвык от нежностей, от любви.

На прощание дона Флор подставила жениху щеку для целомудренного (либо, как она

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ожидала, боязливого и робкого) поцелуя, но почувствовала, что он дрожит, когда коснулась его влажных пальцев. Она поняла, что доктор Теодоро горит желанием, как и она.

В эту ночь дона Флор грезила только о нем. Она видела во сне смуглого гиганта, сильного и широкоплечего, который пришел и победил ее.

Затем последовали дни помолвки. Весь квартал только об этом и говорил, и, по общему мнению, аптекарь и вдова были словно созданы друг для друга.

Поначалу дона Флор предложила сыграть свадьбу через полгода, и это было одно из немногих предложений, против которых запротестовал жених. «Зачем ждать так долго, если не надо готовить приданое и нет никаких других вопросов, требующих отсрочки?» Женщины поддержали доктора Теодоро, и дона Флор согласилась сократить срок до трех месяцев.

За эти три месяца они понемногу привыкли друг к другу и даже привязались. Долго беседуя по вечерам в присутствии доны Нормы или еще какой-нибудь подруги, они обсуждали, как лучше устроить супружескую жизнь, которую им вскоре предстояло начать.

Договорились жить в доме доны Флор не только потому, что это было удобнее для доктора Теодоро – дом находился недалеко от аптеки, – но также и потому, что дона Флор решительно была против прекращения занятий в школе, хотя доктор Теодоро и убеждал ее, что аптека приносит доход, достаточный для вполне приличного существования. Зачем же продолжать эти утомительные уроки? Но дона Флор привыкла к своим шумным, смешливым ученицам, речам и слезам при вручении дипломов, привыкла не зависеть от мужа материально. И не хотела от этого отказываться. Ни за что! Даже говорить на эту тему не желала.

Во всем остальном они пришли к полному согласию. Даже железная кровать, к которой дона Флор чувствовала тайное пристрастие, хотя и опасалась, что доктор не захочет спать там, где она спала с первым мужем, не вызвала спора. Когда они составляли список вещей, необходимых для того, чтобы обставить дом по своему вкусу (фармацевт попросил для себя небольшой письменный стол, где бы он мог поработать), и дошли до спальни, жених предложил приобрести новый матрац. Теперешние пружинные матрацы замечательны; у него есть такой, но односпальный. Что касается кровати, то ее, пожалуй, следовало бы покрасить, поскольку они все равно будут красить дом и кое-что из мебели. Вот, пожалуй, и все!

Они привыкали друг к другу, и дона Флор уже чувствовала нежность к этому спокойному и сдержанному мужчине, немного церемонному и педантичному, однако деликатному, внимательному и, без всякого сомнения, безумно в нее влюбленному. При встрече и на прощание (а приходил он ежедневно, ибо они очень скоро отказались от нелепых предрассудков, которые так высмеивала дона Гиза) он целовал ее: своим мясистым ртом легонько касался губок вдовы. Ей же хотелось настоящего поцелуя.

Однажды вечером они отправились в кино и, как это случалось обычно, когда они ходили с сеу Руасом, опоздали; сеанс уже начался, и в переполненном зале не удалось найти место рядом. Дона Флор и доктор Теодоро оказались слишком близко к экрану, зато совсем одни в целом ряду и сидели, взявшись за руки. Он тихонько поцеловал ее в губы, но она ответила совсем другим поцелуем. Впервые дона Флор так целовала жениха. До обручения оставалась всего неделя, и они наконец перестали робеть и смущаться.

О таком поцелуе дона Флор мечтала ночами, в душе соглашаясь с доной Гизой: какого черта терпеть, если до свадьбы остается несколько дней! Но ни она, ни жених прежде даже не заикались об этом. Они поцеловались еще и еще раз, сжимая руки друг другу. В эту ночь дона Флор спала спокойно впервые за много месяцев.

Так честная и кроткая вдова пришла к своему второму браку. Дом ее, покрашенный масляной краской, казался новым, в гостиной сверкала люстра с подвесками, у входа была прибита блестящая табличка с названием школы. Старая мебель и несколько недавно купленных вещей, в том числе небольшой письменный стол с вращающимся креслом, были расставлены по-новому; на железной кровати (теперь она стала синей) лежал роскошный

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

пружинный матрац.

В гостиной больше не висели цветные фотографии доны Флор и ее первого мужа, вместо них появилась фотография выпускников факультета, где учился фармацевт, в черных докторских мантиях. Юный Теодоро улыбался, глядя в объектив.

Убрать портрет покойного мужа посоветовала дона Норма и была совершенно права, но дона Флор не захотела оставлять и свой портрет, запечатлевший молоденькую и глупую девушку. Теперь дона Флор стала степенной, пышной женщиной, невестой доктора и заслуживала настоящего счастья.

Об этом говорили все вокруг: и гости, заполнившие церковь, среди которых был банкир Селестино, опоздавший, как и на первую свадьбу доны Флор, и бесчисленные звезды в небе, и сверчки и лягушки, затянувшие свою песню, когда лунной ночью новобрачные садились в такси, чтобы ехать на берег голубого залива Баия-дос-Тодос-Сантос, где они собирались провести в тиши первые дни медового месяца. Даже дона Розилда была вынуждена признать:

– На этот раз она удачно вышла замуж и будет счастлива.

И все с ней соглашались, все без исключения.

IV. О том, как дона Флор жила со своим вторым мужем, фармацевтом и музыкантом-любителем, в покое и благополучии, без треволнений и неприятностей, блистая в обществе и слушая дружный хор соседей, твердящих ей об ее счастье

(под аккомпанемент на фаготе доктора Теодоро Мадурейры)

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ОРКЕСТР «СЫНОВЬЯ ОРФЕЯ»

имеет честь пригласить Вас и Вашу достопочтенную семью на вечер, посвященный шестой годовщине со дня основания оркестра. Концерт состоится в воскресенье, в 20 часов 30 минут в саду Тавейры Пиреса по адресу. Ларго да Граса, 5.

ПРОГРАММА

1-е отделение

1. Бергер, «Влюбленная», вальс
2. Франц Шуберт, «Военный марш»
3. Э. Жилле, «Вдали от бала», вальс
4. Франтишек Дрбла, «Сувенир», соло на скрипке – д-р Венсеслау Вейга, фортепиано – Элио Баста
5. Оскар Штраус, «Мечта о вальсе», попурри

2-е отделение

1. Френсис Томэ, «Простое признание»
2. Отело Араужо, «Элегия», соло на виолончели – комендадор Адриано Пирес
3. Грасиано – Валтер, «Страстное стенание»
4. Аженор Гомес – «Колыбельная Флорипедес», соло на фаготе – д-р Теодоро Мадурейра
5. Франц Легар, «Веселая вдова», попурри. Партия рояля – маэстро Аженор Гомес

1

Еще раз окинув взглядом комнату и убедившись, что все в порядке, дона Фило неторопливо, как все толстяки, направилась к дверям.

– Будьте как дома, мои ангелочки… Я не стану вам желать спокойной ночи… – Она постаралась придать себе игривый вид, но улыбка получилась добродушной по-матерински. Сын доны Фило Жоан Батиста был товарищем доктора Теодоро по университету. – Знаете, сколько парочек провело здесь медовый месяц, с тех пор как мы сюда переехали? Семнадцать… Или восемнадцать… Я уже сбилась со счета…

Она улыбнулась доне Флор и подмигнула фармацевту.

– Ну, отдыхайте… – Полные щеки доны Фило затряслись от смеха, и откуда-то из глубины дома послышался недовольный голос доктора Пименты:

– Иди спать, жена… Хватит надоедать гостям.

– Я только хотела взглянуть, не надо ли им чего…

Дона Флор и доктор Теодоро остались одни в огромной спальне и тотчас почувствовали неловкость. Невольно вспоминались все те шуточки и двусмысленности, которые им пришлось выслушать в течение дня. И на гражданской церемонии и в церкви каждый считал своим долгом изощряться в остроумии. Особенно старался банкир Селестино. Такси с новобрачными уже уехало, а он все продолжал сыпать своими сальными остротами. Почему-то уж так повелось: говорить на свадьбе вдовы всякие пошлости. Даже дона Фило, женщина добрая и приветливая, решила пошутить, посоветовав аптекарю не очень усердствовать. Они молчали, боясь взглянуть друг на друга.

Доктор Теодоро подошел к большому окну, выходящему в сад, залитый лунным светом. В небе сияли звезды, доносилось кваканье лягушек, шорох крабов, в море вспыхивали стальные полоски фосфоресцирующих в темноте рыб. Ярко-синяя бабочка с золотыми пятнами описывала круги около люстры. Легкий ветерок шелестел в листве пальм и манговых деревьев; с глухим шумом падали в болото плоды сапоти, сбитые летучими

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

мышами, зловещими, как привидения.

Дона Флор порывисто встала – надо же было кому-то сломать разделяющий их барьер, нарушить это глупое молчание – и, подойдя к мужу, облокотилась о подоконник. Доктор Теодоро, поборов смущение, обнял ее, а свободной рукой указал на небо.

– Видишь, любимая? – сказал он, но «любимая» прозвучало как-то неуверенно, принужденно. – Это Южный Крест.

– Где, любимый?… – громко спросила дона Флор, а потом повторила тихонько: – Любимый…

Доктор Теодоро просиял.

– Вон там…

Откуда, любимый, этот страх, это смущение? Почему ты не прижмешь меня, не поцелуешь в губы, не поведешь в постель? Разве ты не видишь, с каким нетерпением я жду, как страстно желаю тебя, не слышишь, как стучит мое сердце? На небосклоне доны Флор тоже зажглись светила, но это была другая, одной ей известная астрономия.

А доктор Теодоро, обнимая ее, размышлял над тем, как вести себя, чтобы не обидеть жену, не оскорбить ни словом, ни жестом. Будь осторожен, Теодоро, не спеши, ты можешь потерять ее навсегда, если нанесешь этому нежному созданию удар, от которого она никогда не оправится. Это жена, а не публичная женщина, которой платят за ее ремесло, не помышляя о сдержанности и приличиях. Такие существуют для разврата, а жены – для любви. А любовь, как ты знаешь, Теодоро, предполагает не только физическую, но и духовную близость. Будь осторожен, не оскверни ее! Жена требует деликатного обращения, особенно в первую брачную ночь, именно от этой ночи зависит, будет ли супружеская жизнь счастливой. Тем более что у жены был горький опыт первого замужества.

Судя по разговорам, первый брак принес ей одни страдания и унижения. Тем более ты должен быть преданным и нежным, заглушить в ее измученном сердце воспоминания о былых обидах, дать ей все, чего ей прежде не хватало, и никогда, никогда не заставить ее страдать.

Охваченные страстью, вслепую нащупывая дорогу к сердцу друг друга, они, словно отважные космонавты, бесстрашно ринулись в небо, чтобы там найти желанный покой и близость.

Доктор Теодоро хорошо знал астрономию: он называл созвездия, планеты и кометы, размеры и число светил в галактиках. Самые яркие звезды он доставал своей большой рукой с далекого неба, клал их на маленькую ладонь жены.

В первую брачную ночь он подарил ей то, чего никогда не дарил ни один мужчина своей возлюбленной: ожерелье из сверкающих дивным светом звезд с точным описанием их веса, размера, положения в пространстве и расстояния до Земли. Он снимал эти прозрачные светила с неба и украшал ими шею доны Флор.

Большую, почти синюю звезду, что сияет в твоих волосах, дорогая, я сорвал с самого горизонта, это Венера, самая яркая из звезд, ее называют вечерней – потому что она загорается в сумерках, и утренней – потому что на рассвете она встает над морем. По латыни, любимая, ее именуют «стелла марис» – путеводной звездой мореплавателей…

То был не сухой и скучный урок космографии, но пылкое объяснение в любви, когда вместе с тайнами Вселенной открывалась тайна сердца. Украшенная звездами, дона Флор склонила голову на грудь мужа, наслаждаясь покоем и его удивительной образованностью.

– Венера, богиня любви, да? Та, что без рук? – полюбопытствовала она, но хотела бы сказать совсем другое: «Она озаряет своим светом нашу комнату, эта добрая звезда; не бойся, мой любимый, ты не обидишь меня, если сорвешь с меня платье, которое Розалия прислала из Рио, положишь меня на постель, одетую только мерцанием звезд, и мы с тобой вступим в сад, полный сладких плодов».

Но разве посмеет она сказать такое?

Доктор наконец отважился своей дрожащей рукой сжать посильнее ее плечо. «Да, Венера – богиня любви в греческой мифологии и бессмертное творение гениального

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

скульптора…» Дона Флор видела, что он никак не может одним ударом разрушить разделяющую их стену. Ее муж знает очень много, он не знает только одного: как подойти к ней и как ею овладеть. Но не может же она, как бы ей того ни хотелось, взять инициативу на себя. Она уже и так почти перешла границы дозволенного. Смелей, мой Теодоро.

Однако Теодоро с трудом продвигался вперед. Подарив жене ожерелье из звезд, он положил к ее ногам все богатства мира, в том числе и нефтяные.

– Говорят, здесь залегают огромные месторождения нефти. Если бы мы стали их разрабатывать, мы превратились бы в великую нацию…

Фонтаны нефти, вышки и скважины – он все готов был отдать жене в их первую брачную ночь!

– Я слышала об этом… Дядя Порто говорил, он здесь когда-то преподавал…

Дона Флор прижалась к груди мужа. За окном стояла лунная, благоухающая жасмином ночь, а фармацевт, эрудиция которого могла сравниться только с эрудицией доны Гизы, все продолжал называть звезды, зажигавшиеся в небе, казалось, прямо у них над головой.

– …Вон там, над деревьями, – Три Марии из созвездия Орион…

Черная, как нефть, морская вода застыла в неподвижности. Фонари парусников, словно блуждающие кометы, неслись вдоль берегов Парагуасу, где доживают последние дни старые города и селения.

Здесь, в гавани, море спокойно, только легкий бриз слегка колышет ветвями хлебных деревьев. Дона Флор любуется водой, песками, лодками, посеребренными лунным светом. Все вокруг дышит покоем.

А за гаванью бушует океан, свирепый и бурный, с подводными течениями, коварными приливами и отливами; в безбрежных просторах завывает ветер, гуляют штормы. Там нет приторного аромата жасмина, там остро пахнет саргассо, водорослями и устрицами, морской солью. А на побережье стоят домишки – приют незаконной любви. Но зачем об этом вспоминать?

Зачем, если так тиха эта звездная ночь, неподвижно темное море и покой царит над оробевшими супругами? Говори скорей о звездах, Теодоро, я не хочу вспоминать об умершем, который давно похоронен. Пусть светила откроют перед нами широкий, радостный путь и наша жизнь будет безмятежна, как этот залив. Дона Флор трепещет, ее глаза заволокли слезы.

– Тебе холодно, дорогая, ты дрожишь. Становится прохладно, ты можешь простудиться, схватить грипп. Давай закроем окна. – Доктор Теодоро улыбнулся и смущенно спросил: – Ты не находишь, что пора, любимая?

Она рассмеялась и, спрятавшись за его спину, лукаво прошептала: «Здесь вы командуете, мой господин». Он был так деликатен и добр, этот гигант, с ним дона Флор ничего не боялась. Она протянула руку своему супругу – сильному, благородному, солидному. Именно такой и был ей нужен. Но кто знает? Может быть, под этой внешней сдержанностью таятся россыпи богатств, о которых она и не подозревает?

Он закрыл окна, дона Флор помогла ему. Ночь сразу стала маленькой и уютной, оставшись у них в спальне. «Боже мой, что теперь будет?» – спрашивала себя дона Флор. Чтобы заняться чем-нибудь, она принялась убирать в шкаф одежду, свою и мужа. Возле кровати стояли две пары ночных туфель, на кровати лежали ярко-желтая пижама и кружевная, с оборками ночная рубашка – свадебный подарок, настоящий шедевр из батиста, созданный доной Энаидой, отличной белошвейкой. Дона Флор помирилась с подругой, забыв историю с нахальным самозванцем доктором Алуизио.

Другое дело Теодоро – он действительно доктор, с трубкой и кольцом; дона Флор поглядывала на мужа, расхаживая по комнате и убирая вещи в шкаф. Взяв рубашку, она приложила ее к плечам: «Красиво?» Доктор Теодоро кивнул, почувствовав, как по спине у него побежали мурашки. «Будь осторожен, резкий жест или грубое слово может все безвозвратно испортить», – повторил он про себя. Эту первую неделю медового месяца в райском уголке Сан-Томэ надо быть особенно внимательным и тактичным. Здесь, у моря,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

они проведут прекрасные семь дней, полные блаженства, но медовый месяц должен длиться всю их жизнь.

Он очень хотел бы сказать это доне Флор, но не посмел. Почему они оба так робеют? Куда девалась близость, которая установилась между ними во время помолвки? Теперь они обвенчаны: их благословил священник и поздравили судья. Ведь до свадьбы они обменивались жадными поцелуями, охваченные страстью и желанием. Откуда же это глупое смущение? Почему они словно онемели, почему не бросились в объятия друг друга, когда остались наедине, чтобы навеки соединиться? Он хотел сказать любимой, что их медовый месяц продлится всю жизнь, но вместо этого сказал, чтобы нарушить тягостное молчание:

– Пока ты будешь раздеваться, я пойду в ванную…

И вышел, почти выбежал, схватив пижаму и ночные туфли.

Пока в ванной журчала вода, дона Флор быстро привела себя в порядок, надушилась духами «Гелиотроп», которые, как утверждала дона Дагмара, особенно подходили к ее коже. Потом накинула прозрачную батистовую рубашку с черными кружевами. Чтобы погасить блеск глаз, дона Флор стыдливо прикрыла их веками и, трепеща, легла под простыню, благоухающую невинным ароматом лаванды.

Доктор Теодоро вернулся в желтой пижаме, которая делала его еще более высоким и широкоплечим. Повесив свадебный костюм – брюки в полоску и меланжевый пиджак, – он погасил хрустальную люстру, оставив лишь мерцающий огонек лампадки перед образами.

«Он не увидит меня, когда снимет с меня рубашку». Не увидит стройного молодого тела, девичьей груди, живота, не обезображенного беременностью и родами.

Но какое это имеет значение? Он увидит ее потом, при тусклом утреннем свете, когда займется заря. Сейчас важно лишь одно: этот молодой, пылкий мужчина навсегда принадлежит ей. Ей одной. Почувствовав его рядом с собой, дона Флор закрыла глаза, сердце ее тревожно забилось.

Она представляла себе, как все произойдет: память о ночах с Гулякой еще не померкла. Однако Теодоро не стал шептать нежных, безумных слов, не попытался стянуть с нее простыню. Он положил свою голову с иссиня-черными волосами к ней на грудь и ласково поцеловал ее в щеку, а затем в губы тем самым поцелуем, какого она ждала. Пораженная дона Флор замерла и почувствовала, как рука мужа скользнула к краю батистовой рубашки. Все произошло очень быстро и очень целомудренно. Совсем не так, как представляла себе это дона Флор; молчаливые и едва ли не суровые объятия мужа оставили ее в растерянности. Подавленная случившимся, дона Флор чуть не заплакала.

Однако деликатный доктор Теодоро, хоть и не привык к обращению с порядочными женщинами, хоть и вполне искренне считал, будто чрезмерная страсть может их оскорбить, все же догадался о том, что происходит с женой. Как и с Отавианой, он решил повторить свой подвиг, и, надо сказать, совершил его не без удовольствия.

На этот раз доктор Теодоро был предельно внимателен, и объятия жены доставили ему наслаждение, какого прежде он никогда не испытывал.

– Теодоро, любимый… – шептала дона Флор.

Благодарный и счастливый, доктор Теодоро покрыл поцелуями ее пылающее лицо и сказал наконец:

– Медовый месяц будет длиться всю нашу жизнь… Я всегда останусь верен тебе, дорогая, никогда не взгляну ни на одну женщину и буду вечно любить только тебя.

– Аминь! – откликнулись жабы и лягушки на залитом луной болоте.

– Я тоже, – горячо прошептала дона Флор. Она совсем не чувствовала усталости и была готова к новым скачкам, если бы только и он захотел.

– Забавно… Когда дона Фило предлагала нам поесть, я не был голоден. А сейчас, пожалуй, съел бы пирожное или что-нибудь еще.

– Хочешь, я принесу? У нее всего наготовлено: и сластей, и фруктов… Пойду посмотрю…

– Ни в коем случае…

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Доктор Теодоро вдруг понял, что в нем заговорила привычка лакомиться перед тем, как уйти от Тавиньи. Но переносить в супружескую спальню привычки, приобретенные в доме проститутки?! Упаси бог! Нежно поцеловав дону Флор, он сказал:

– Спи, дорогая, ты, должно быть, умираешь от усталости, день был такой утомительный.

Он чуть не добавил: «…и ночь тоже…», – но, боясь оскорбить жену столь неуместной остротой, устроился поудобнее и тут же уснул.

Дона же Флор уснула далеко не сразу. Откровенно говоря, она думала, что они не сомкнут глаз до рассвета… Рядом с ней храпел доктор Теодоро, и этот храп очень шел этому сильному, благородному, красивому мужчине, ее мужу.

Дона Флор ласково, едва касаясь, чтобы не разбудить, погладила его широкую грудь, спокойное лицо. Ей хотелось прижаться к нему, заснуть в его объятиях… Но на свете нет и двух одинаковых мужчин, как утверждали некоторые ее многоопытные ученицы, например Мария Антония.

– Каждый мужчина ведет себя в постели по-своему: у каждого своя манера, свои замашки. Одни знают все, другие – ничего. И все хороши, просто надо уметь их использовать – и целомудренных, и опытных и грубых, и нежных…

Теперешний ее муж совсем не похож на первого, они во всем различны. И она должна приспособиться к его характеру и желаниям, стать его вторым я. С первым было гораздо труднее, и все же ей это удалось. Так неужели она не добьется этого сейчас? Тем более, что они располагают всем необходимым для приятной и счастливой жизни. Так считали все, и дона Флор тоже.

Аромат из сада проникал сквозь жалюзи. Там, за стеной дома, дремлет залив, замер ветер, улеглись бури и волнения, царит тишина. Их ждет спокойная жизнь без нужды, без страхов и огорчений, без страданий и обид. Наконец-то дона Флор узнает, что такое счастье.

– Теодоро… – прошептала она доверчиво. – Все будет хорошо, очень хорошо…

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Хор жаб ей повторил:
– Аминь! Аминь!
А ночь сияла звездами и фонарями парусников.

2

Дона Флор всегда слыла образцовой хозяйкой и отличной преподавательницей кулинарии. Ей вполне было достаточно помощи взбалмошной и ленивой служанки и маленькой Марилды, учившейся между делом готовить. На нее никогда не жаловались ученицы, и занятия проходили спокойно, если не считать, разумеется, тех инцидентов, которые случались иногда при первом муже. А он, как уже известно, относился безо всякого уважения к чужому труду и своими выходками доводил дону Флор до головной боли. И это было еще не самое страшное, потому что его шалости с ученицами кулинарной школы не всегда были безобидны.

По правде же говоря, дона Флор не имела никакого понятия о домоводстве, и полного, идеального порядка в доме, в школе, да и во всей ее жизни никогда не было. Только с приходом доктора Теодоро она поняла, что в ее доме царит хаос и хозяйством она занимается без всякой системы, как бог на душу положит.

Надо сказать, что доктор Теодоро даже не заикнулся об этом. Человек сдержанный и воспитанный, он не привык навязывать свое мнение и тем не менее постепенно, без ссор и лишнего шума добивался своего. Одним словом, наш фармацевт был из тех людей, про которых говорят, что они мягко стелют, да жестко спать.

Месяца через полтора после свадьбы их дом совершенно преобразился. Да и в самой доне Флор произошли кое-какие пока еще не бросающиеся в глаза перемены: она старалась приноровиться к привычкам и характеру нового мужа.

Начал сеу Теодоро с прислуги. Когда дона Флор овдовела, она по настоятельному совету соседок наняла экономку. «Разве пристало молодой вдове оставаться одной, беззащитной перед всякими мошенниками и бродягами?» Однако ей не повезло. По рекомендации доны Жаси дона Флор согласилась взять Софию, с виду простоватую дурочку, а на самом деле очень хитрую девицу. Работала она нехотя, к своим обязанностям относилась небрежно, зная, что останется безнаказанной, потому что дона Флор не станет увольнять служанку, рекомендованную подругой. Дона Флор была недовольна этой лентяйкой и все же как-то устраивалась, жалея безалаберную Софию.

На пятый день после возвращения из Парипэ доне Флор пришлось отправиться в Рио-Вермельо помочь тетке, у которой начался приступ астмы. Вечером явился доктор Теодоро навестить больную и забрать жену. Но тетка все еще чувствовала себя плохо, к тому же была пятница (а по субботам в школе занятия не проводились), и дона Флор решила остаться у стариков. Она вернулась лишь в воскресенье вечером, когда приступ прошел и тетя Лита снова могла заняться своим садом.

Отсутствие доны Флор не длилось и трех дней, но за этот короткий срок их дом стал неузнаваем: вместо Софии, грязной мулатки с глупым лицом, появилась Мадалена, женщина пожилая, но крепкая и очень опрятная. Если бы не смуглость и курчавые волосы, могло показаться, что она родственница доктора: она была такая же высокая, энергичная, обходительная в обращении и трудолюбивая.

Доктор Теодоро спокойно, но твердо объяснил жене, что был вынужден уволить Софию, поскольку она не только плохо работала, но и позволяла себе не слушаться его, строить гримасы и дерзить, когда он велел ей сделать генеральную уборку. Он не посоветовался с доной Флор, не желая беспокоить ее из-за подобных пустяков, когда она была так занята, ухаживая за больной. К тому же меры следовало принимать немедленно, ибо он не намерен выслушивать дерзости от прислуги. В ответ на его просьбу подмести нахалка хлопнула дверью и обозвала его «доктором касторкой».

Дона Флор огорчилась: ей никогда не приходило в голову прогнать Софию, несмотря

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

на ее неряшливость и грубость К тому же как теперь все это объяснить доне Жаси, которая ее рекомендовала? Впрочем, доктор Теодоро абсолютно прав. Не мог же всеми уважаемый человек молча сносить выходки прислуги! И все же…

– Бедняжка… – сказала дона Флор.

– Бедняжка? – удивился доктор Теодоро. – Просто нахалка, недостойная твоей доброты, дорогая… Иногда, Флор, хочешь быть добрым, а остаешься в дураках…

Что же касается доны Жаси, то это она должна принести извинения за то, что рекомендовала негодяйку, которая не только злоупотребляла доверием хозяйки, но еще имела наглость издеваться над хозяином.

Дона Флор поняла, что муж вовсе не обсуждает с ней случившееся, а просто ставит ее в известность. В доме появился настоящий мужчина, хозяин и господин, подумала она и улыбнулась. «Мой муж, мой господин». Он прав, она тоже не потерпела бы неуважения к своему мужу. «Доктор касторка», подумать, какая дерзость!

Новую экономку доктор Теодоро нанял не по рекомендации какой-то соседки, у нее на руках были хорошие отзывы, которые он вдобавок проверил по телефону. Вот это настоящий порядок!

Мадалена отличалась не только чистоплотностью, но и удивительной педантичностью: все лежало у нее на своих местах, не то что раньше, когда дона Флор не знала, где найти ту или иную вещь, которая ей вдруг была нужна.

– Марилда, ты не видела поваренную книгу? София не помнит, куда ее задевала…

Или:

– София, куда ты дела венчик? Господи, в этом доме никогда ничего не найдешь…

Доктор с присущим ему вкусом и знанием дела выбрал для всех вещей свое место и велел служанке по окончании уроков и после уборки каждую вещь класть туда, куда он наклеил бумажки, на которых затейливыми печатными буквами было написано: «хлебный нож», «яйцерезка», «пила», «ступка» и т. д., а также «радиоприемник», «ваза для цветов», «ликеры», «рубашки д-ра Теодоро», «белье госпожи».

– Боже мой! – изумилась дона Флор. – Я-то думала, у меня в доме порядок… Теодоро, дорогой мой, ты совершил чудо…

– Никакого чуда, дорогая, просто тебе не хватало системы. После того как маму разбил паралич, мне пришлось взять на себя все заботы по дому, и я привык к порядку. В нашем доме порядок тем более необходим, поскольку здесь и жилое помещение и школа… Ты же сама настояла на том, чтобы продолжать занятия, хотя, по-моему, тебе следовало оставить эти изнурительные уроки… Ведь я зарабатываю достаточно…

– Мы уже говорили об этом, Теодоро, и давай больше к этому не возвращаться. Зачем зря спорить?

– Ты права, Флор, прости… Больше никогда я не коснусь этой темы, разве только ты сама захочешь. Успокойся, дорогая, поверь, я не хотел тебя огорчить…

Теперь в доме доны Флор часто слышалось «мой дорогой», «моя дорогая», здесь царили любовь и взаимная вежливость, ибо доктор Теодоро придерживался того мнения, что вежливость – необходимый спутник любви. Он всегда был очень любезен с женой, не сомневаясь, что и она будет ему платить тем же. Подойдя к доне Флор, доктор Теодоро поцеловал ее в щеку и извинился за то, что затронул неприятную тему.

Еще во время помолвки он предложил доне Флор закрыть школу, убедительно доказав, что и сам в состоянии дать ей все необходимое и даже некоторую роскошь.

Однако дона Флор не согласилась. Без школы она не мыслила своей жизни, привыкнув трудиться с детских лет и всегда иметь свой заработок.

Что бы она делала без собственных денег, когда сбежала от матери, а надо было покупать мебель, оформлять брачный контракт, аренду дома, вообще жить! Что бы она делала, когда вдруг овдовела? Ведь Гуляка ничего ей не оставил, кроме долгов.

Не будь школы, дона Флор оказалась бы в очень затруднительном положении. Вот почему она так ценила свою работу и те деньги, которые ей удалось скопить.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Для нее занятия в школе вовсе не были изнурительными, наоборот, приносили радость: школа помогла ей пережить одиночество, а в первые годы замужества спасла от отчаяния. Скольких замечательных подруг нашла она у плиты, подруг, чья дружба дороже всяких денег! Нет, она ни за что не откажется от школы, от своего заработка, от своей полезной профессии.

Пока доктор Теодоро был в аптеке (он отправлялся туда к восьми, приходил домой на завтрак и сиесту, а затем работал до шести вечера), дона Флор занималась с ученицами. Да и куда бы она стала девать свободное время? Шушукаться с кумушками во главе с доной Динорой, перемывая косточки всем подряд? Или торчать в окне, словно манекен в витрине, на потеху прохожим кокетничая с мужчинами?

Может быть, кому-то и нравится выставлять себя напоказ, бездельничать и выслушивать двусмысленные комплименты. На углу их улицы, например, недавно поселилась дона Магнолия, рыжеватая метиска, превратившаяся в блондинку при помощи ромашки, с родинкой на левой щеке и наглым взглядом. Она целый день проводила у окна, заигрывая с прохожими и улыбаясь, словно кукла. Тайный агент полиции, надменный и тщеславный, который жил с ней, как уверяла дона Динора и другие кумушки, вовсе не был ей мужем. У рыжей Магнолии и до него было много поклонников, и всем им без исключения она наставляла рога с похвальным постоянством.

Если дона Флор не любит сидеть у окна и сплетничать, чем же ей заняться, сеу доктор? Неужели вы не понимаете, что она гордится своей школой, ее славой и репутацией, которая приобреталась с таким трудом? А хорошая репутация своего рода капитал.

Доктор согласился, но при условии, что деньги, заработанные доной Флор, не будут идти на хозяйство, а целиком оставаться в распоряжении жены. Однако ни в коем случае он не позволит хранить эти суммы дома: в радиоприемнике или в коробке из-под обуви, за зеркалом туалетного столика или под матрацем, они не цыгане и не бедняки. Доктор Теодоро повел дону Флор в банк и открыл там на имя жены текущий счет.

– Теперь, дорогая, ты будешь получать три процента в год, а это довольно приличная сумма. К тому же тебе не надо бояться, что их украдут воры, в банке это исключено.

Но какой прок от денег, лежащих в банке, если ты не можешь на них купить что-нибудь для себя, дать милостыню? Счет в банке дона Флор воспринимала как что-то нереальное. Однако дона Норма только посмеялась над рассуждениями соседки. Пусть ее деньги накапливаются в банке, а домашние расходы оплачивает муж. Пока у нее есть текущий счет и чековая книжка, она не будет от него зависеть и клянчить, словно подаяние, на каждую булавку, платье или шляпку. Это так унизительно!

Дона Норма знала это по собственному опыту: сеу Зе Сампайо был скуп на редкость. Различными махинациями, достойными искушенного финансиста, ей удавалось выкраивать двадцать, пятьдесят, а то и сто мильрейсов, иногда же, в крайних случаях, она просто запускала руку в карман мужа, пока он спал. Таким образом, она могла приобретать кое-что для себя и удовлетворять бесчисленные просьбы кумовьев, крестников, больных, стариков, безработных, пьяниц, а также ее любимцев – мальчишек.

– Например, дорогая, у мужа день рождения, а у тебя ни гроша. Не пойдешь же ты просить у него, чтобы купить подарок? «Дай мне немного денег, Теодоро, я хочу купить тебе в подарок трусы». Представляешь? Лично я, милочка, никогда не обращусь с такой просьбой к Зе Сампайо.

На это дона Флор ничего не могла возразить, и все же не по душе ей было, что деньги лежат в банке, а у нее на руках лишь чековая книжка. Ее копилка куда-то исчезла, да и ей самой следовало отказаться от прежних привычек, по словам подруги, приличествующих бедной женщине, жене мелкого чиновника да еще игрока, который спускал все, что она зарабатывала, и жил на ее счет, как альфонс, или вдове, не имеющей никакой поддержки. Они не цыгане и не бедняки, сказал доктор, и дона Норма была с ним вполне согласна.

Общественное и материальное положение доны Флор изменилось. Ее нельзя было назвать богачкой, но и нищей тоже, теперь она относилась к людям среднего или немного

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

выше среднего достатка, поднявшись до уровня своих самых зажиточных соседей – аргентинцев, владевших керамической фабрикой, доктора Ивеса с собственным врачебным кабинетом, Сампайо, имевших обувной магазин, Руасов с их завидными связями. Словом, к удовольствию доны Розилды, наконец-то получившей зятя по вкусу, приблизилась к аристократии. Сеу Вивалдо, уважаемый владелец похоронного бюро, всегда бывший в курсе финансовых дел своих друзей, утверждал, что доктор Теодоро, человек разумный, солидный и трудолюбивый, пойдет далеко.

– Еще немного, и аптека будет его…

Итак, на имя доны Флор был открыт счет в банке, и это положило начало упорядочению ее жизни вообще. Как правильно заметил фармацевт, неразбериха и безалаберность порождают споры между супругами, а это ведет к разладу, разногласиям и ссорам.

Дона Флор находила мужа с его девизом «каждая вещь на своем месте, и всему свое время», пожалуй, чрезмерно педантичным. По ее мнению, это был единственный недостаток этого достойнейшего человека, порядочного, доброго, воспитанного и нежно любящего свою жену. Но уж лучше быть педантом, чем такой рассеянной, как дона Норма, которая всюду опаздывала.

Дона Флор смеялась, слушая, как подруга превозносит уравновешенность и аккуратность доктора: «Счастливица, таких мужей днем с огнем поискать, это подарок судьбы…» Даже дона Гиза, этот кладезь премудрости, хотя и упрекала доктора Теодоро в деспотизме, все же отдавала должное его достоинствам:

– Ты, Флорзинья, нуждаешься прежде всего в опоре, так что лучшего мужа для тебя не придумаешь.

Размеренная жизнь доны Флор и ее добропорядочного мужа, у которого все было разложено по полочкам, была в глазах соседей образцом семейного счастья.

Безмятежная жизнь, без неожиданностей, тихая и спокойная: раз в неделю, по вторникам, они посещали кино или театр; если сразу показывали несколько фильмов, пользовавшихся успехом у публики и отмеченных газетой «А тарде», они ходили дважды, но это случалось редко. На утренних сеансах они не бывали, так как доктор не выносил шумной молодежи.

Не меньше двух раз в неделю после обеда доктор Теодоро разучивал на своем фаготе вещи для субботних музыкальных вечеров. Вечера эти проходили очень оживленно и сердечно, выставлялось богатое угощение с прохладительными напитками, фруктовыми соками для дам и пивом для мужчин, а иногда и кашасой, если погода была слишком холодная или слишком жаркая. Хозяйка, в доме которой собирались музыканты-любители, старалась изо всех сил. Потом гости – поклонники, исполнители и избранные друзья – рассаживались слушать музыку, наступал час искусства.

В остальные вечера они ходили в гости либо сами принимали гостей, и дона Флор, растерявшая всех своих приятелей во время первого замужества, теперь снова виделась с ними.

Два раза в месяц по определенным дням они непременно бывали у доктора Луиса Энрике, причем дона Флор обязательно приносила детишкам что-нибудь вкусное.

Доктор Теодоро гордился своими связями с избранным обществом, собиравшимся в доме его друга, где бывали доктор Жорже Калмон, бывший секретарь штата, доктор Жайме Балеейро, адвокат Коммерческой ассоциации, историк Жозе Калазанс, преподававший в Академии, доктор Зезе Катарино, доктор Руй Сантос, политический деятель и профессор литературы, и прочие выдающиеся личности.

Доктор Теодоро был счастлив побеседовать со столь «высокими особами», выслушать их компетентное мнение по самым насущным проблемам и осторожно высказать свое. По его словам, «в этих блестящих диалогах, в этих турнирах благородных и избранных умов драгоценные идеи сверкали, как бриллианты». А дона Флор обсуждала с женами фасоны платьев, кулинарные рецепты или преступления, о которых писали газеты.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

В отличие от мужа она предпочитала вечера в особняке на Грасе или у богачки доны Маги Патерностро, своей бывшей ученицы. Здесь дона Флор вела беседы о модах, светских обычаях и нравах. А это совсем не то, что перемывать косточки какой-нибудь соседке!

Прежде дона Флор с Гулякой ходили только завтракать по воскресеньям к тетке и дяде в Рио-Вермельо, обычно же шумные компании в их доме собирались экспромтом. Теперь все развлечения были продуманы и оговорены заранее. В этой размеренности и заключалось счастье, по единодушному мнению соседей и самой доны Флор.

По средам и субботам, ровно в десять часов вечера, доктор Теодоро исполнял супружеские обязанности с неизменным пылом и удовольствием.

Поначалу дону Флор, привыкшую к бурным проявлениям страсти, поражала сдержанность Теодоро. Однако природное целомудрие вскоре помогло ей привыкнуть к скромным и пунктуальным ласкам, которые были пронизаны едва ли не благоговением.

На супружеском ложе, полагал доктор Теодоро, нельзя забывать о стыдливости, любовь между мужем и женой должна быть чистой.

А доне Флор он казался птицей с огромными крыльями и мощными, как у орла или кондора, когтями, когда поднимался над ней с простыней на плечах и уносил с собой в отливающее бронзой небо.

3

Возвращаясь в Назарет-дас-Фариньяс после долгого пребывания в Баии, дона Розилда, внимательно следившая за супружеской жизнью дочери, высказала доне Норме свои опасения.

Со всех точек зрения доктор Теодоро превосходный зять. Но достойна ли его Флор? Дона Норма, как верная подруга, обиделась: почему же нет? Она вполне заслуживает самого красивого и богатого мужа.

Однако дона Розилда была менее снисходительна к недостаткам своей дочери. На ее взгляд, Флор не умела использовать возможности, которые наконец перед ней открылись. Не стремилась занять видное место в обществе, прибегнуть к авторитету и обширным знакомствам мужа. Если бы дочь пошла в дону Розилду, она уже давно была бы принята в лучших домах Баии, вращалась бы в самом высшем обществе. Ее представили чете Тавейра Пирес, ей целовал руку миллионер Адриано, ей любезно улыбалась дона Имакулада, самая элегантная дама города, а что толку? Почему она не использует докторский титул мужа, его деловых и музыкальных связей?

Больше того, она продолжает давать уроки кулинарии, хотя это подрывает престиж мужа (еще подумают, что он ведет разгульную жизнь либо скряга), и остается в этом убогом доме, хотя могла бы переехать в более комфортабельный и в более приличный квартал.

Пусть дона Норма ее извинит, она никого не хочет обидеть, но теперь в их квартале, за очень редким исключением, живет один простой народ. Приличных дам можно перечесть по пальцам. Разве что жена аргентинца да дона Нанси, а остальные? Ехидная дона Розилда нахально уставилась на подругу дочери.

– Остальные – сброд…

Но самым ужасным был, конечно, квартал Рио-Вермельо, где жили ее сестра с зятем. Конец света, почти предместье, где мужчины – подумать только – по воскресеньям расхаживают по улицам в пижамах и шлепанцах. Дона Лаурита, жена доктора Луиса Энрике, отправившись навестить дону Литу, была шокирована этим неприличным променадом. В ее негодовании сквозило отвращение:

– Как можно жить в квартале, где даже богатые выглядят нищими…

Доктор Теодоро хотел, правда, переехать в другой дом, но Флор, этакая тупица, уперлась и ни за что не пожелала оставить свою дыру. Дона Розилда сокрушенно покачала головой.

Как-то утром дочь спросила ее:

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Мама, что это вам взбрело сказать Теодоро, будто я хочу переехать? Запомните раз и навсегда: мы оба вполне довольны нашим домом и не собираемся отсюда трогаться.

Забыв о хорошем тоне, дона Розилда презрительно сплюнула.

– Ну и живите в своем свинарнике…

– Я знаю, почему вы хотите, чтобы мы переехали: вы собираетесь поселиться у нас. Выкиньте это из головы! В гости можете приезжать когда угодно и на сколько угодно, но жить вместе с нами вы не будете. Хоть вы мне и мать, я буду откровенна: никто не сможет с вами и дня провести под одной крышей. Так что не надейтесь…

Дона Розилда пулей вылетела из комнаты, не дослушав дочь до конца. И напрасно, ибо дона Флор собиралась сообщить ей приятную новость, чтобы хоть немного смягчить свои слова. Пришлось подождать до отъезда матери, и уже на пристани дона Флор объявила, что каждый месяц будет давать ей немного денег на карманные расходы и благотворительность.

Опять провалился план доны Розилды поселиться у дочери: дона Флор не хотела этого, когда была вдовой, не захотела и сейчас, когда вышла замуж. Но если в первый раз дона Розилда обиделась и почти перестала поддерживать отношения с дочерью, то теперь она проглотила обиду – уж слишком казалась заманчивой новая жизнь дочери с приемами и светскими связями. Дона Розилда вернулась в Назарет, но ее кратковременные визиты к дочери заметно участились. Останавливаясь в Рио-Вермельо – на этих «вонючих задворках», – она с утра являлась к дочери, чтобы чесать язык с кумушками. Восьми – десяти дней для нее было достаточно, чтобы перессорить соседей, поругаться с сестрой, а потом снова отправиться в Назарет терзать сына и невестку. Теперь к многообразным занятиям доны Розилды прибавилось еще одно: она без устали рассказывала о светских знакомствах доны Флор, превозносила до небес зятя-доктора, его ум, богатство, красоту и даже его фагот. Повествуя о концертах любительского оркестра, она с безудержным восторгом ахала и восклицала:

– Вот это настоящая музыка!…

И подчеркивала изысканность программ, в которых имена Генделя, Легара и Штрауса стояли рядом с именами местных композиторов, малоизвестных за пределами Баии, но от этого не менее талантливых. Теперь дона Розилда от всей души презирала веселые самбы и песенки и называла их не иначе, как «гадостью». Это было тонкое противопоставление любительского оркестра, в котором играли доктор Венсеслау Пирес да Вейга, известный хирург, доктор Пиньо Педрейра, судья Адриано Пирес, владелец крупной торговой фирмы, имевший особняк, собственный автомобиль и супругу Имакуладу самого благородного происхождения, с лицом старой лошади и лорнетом, бродягам и мошенникам, горланящим под окнами серенады, всем этим пьяницам, забулдыгам и распутникам.

Во время первого замужества дочери (если это можно назвать замужеством) она столкнулась с этими грубиянами и бездельниками. Если же в их компанию попадал образованный человек из хорошей семьи, он становился еще хуже остальных. Например, доктора Валтера да Силвейру с его лоснящимся лицом дона Розилда до сих пор не может вспомнить без отвращения. В Назарете многие хвалят его как опытного и честного адвоката, пусть эти сказки слушают другие, она-то насмотрелась, как этот подлец дует в дудку.

От тех времен у доны Розилды осталось недоверие ко всем, кто любит музыку, поэтому, услышав, что зять играет на фаготе, она испугалась, что дочь снова связалась с каким-то мошенником, снова будет содержать его и его любовниц, платить его карточные долги. Она так ненавидела музыку, что даже титул доктора, о котором дона Норма, знавшая о слабостях доны Розилды, не преминула упомянуть, сообщая о помолвке, не произвел на нее никакого впечатления.

– Еще один проходимец… – ворчала дона Розилда. – Будет кутить ночи напролет и распутничать на деньги этой дурехи… Вот увидите, и этот окажется игроком. Будет жить в свое удовольствие, а она – гнуть спину. Подумаешь, фармацевт паршивый… Тоже мне, доктор…

Дона Розилда считала, что разбирается в ученых званиях, здесь у нее была своя

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

классификация:

– Настоящий доктор – этоврач, адвокат, инженер. А дантисты, фармацевты, агрономы, ветеринары – это второй сорт, мелочь, ничтожество… Просто не хватило ума и терпения доучиться до конца…

Только в Баии, убедившись, что фармацевт является компаньоном такого солидного заведения, как аптека на углу улицы Карлоса Гомеса и Кабесы, а также в его респектабельности и хороших манерах, она изменила свое мнение и уяснила разницу между классическим фаготом и народным беримбау, любительским оркестром и уличными серенадами. Зять мгновенно вырос в ее глазах. До принца ему, правда, было далеко, как и до сказочных богатств Педро Боржеса, студента из штата Пара. Но на что еще может рассчитывать бедная тридцатилетняя вдова? Довольная против собственного ожидания, дона Розилда призналась доне Норме:

– За такого и я бы вышла замуж. Благородный, солидный мужчина, с прекрасными манерами! На этот раз она сделала удачный выбор. Да и пора бы… Весьма и весьма достойный сеньор!

Доктор Теодоро, как человек воспитанный, относился к доне Розилде сердечно и почтительно, называл «дорогая теща», без конца спрашивал, не нужно ли ей чего-нибудь, и приносил то таблетки от кашля, то микстуру и даже подарил зонтик, узнав, что свой старый, купленный еще при муже, она потеряла в суматохе, когда сходила с парохода.

Приехав на свадьбу, дона Розилда намеревалась пробыть у дочери всего несколько дней, но, познакомившись с зятем, переменила свое решение, тотчас сообразив, что ей сулит этот брак доны Флор. Ради такой жизни она была готова навсегда покинуть Назарет-дас-Фариньяс, благотворительное общество священника Валфридо Мораэнса, клуб, церковь и даже председательское место среди тамошних сплетниц.

А уж как привольно она чувствовала себя в маленьком городке! Как измывалась над невесткой, которая потеряла надежду даже на скорбящую богоматерь, остававшуюся глухой к ее мольбам и обетам. Только смерть могла освободить бедняжку. Смерть свекрови, разумеется. Добрая Селеста все чаще мечтала об этом радостном событии и поклялась себе не скупиться и отслужить панихиду так, чтобы о ней заговорили не только в городе, но и в столице штата.

Но как бы доне Розилде ни было хорошо в Назарете, с появлением нового зятя она стала предпочитать Баию и, чтобы остаться там, разработала целый план. Прежде всего сделалась льстивой и вкрадчивой, всячески стараясь угодить фармацевту. Доктора Теодоро это поначалу растрогало, и как-то в разговоре со своим другом Розалво Медейросом он сказал, что вместе с очаровательной женой получил вторую мать, эту святую женщину.

– Что?! – Розалво не поверил своим ушам. – Это дону Розилду вы называете святой женщиной? – И он расхохотался, как дона Амелия в день помолвки. – Только вы, Теодоро, с вашей доверчивостью могли сказать такое.

Однако заблуждение доктора Теодоро быстро рассеялось: сварливость и постоянное недовольство доны Розилды всем на свете вскоре взяли верх над сладкими улыбочками и льстивыми речами, тогда зять понял причину веселого смеха доны Амелии и Розалво. Началось с того, что дона Розилда пришла к нему и заявила, что им не пристало жить в таком маленьком доме, почти лишенном удобств, и предложила переехать в более комфортабельный и просторный дом, соответствующий их положению.

Она дала понять также, что доне Флор тяжело в этом доме, который связан для нее с неприятными воспоминаниями, но она молчит потому, что не хочет докучать своему мужу.

Доктор Теодоро весьма удивился этому предложению и особенно поведению жены. Разве не сама дона Флор объявила о своем желании остаться в доме с низкой арендной платой, расположенном в двух шагах от аптеки? Разве не она говорила о том, что нет смысла менять адрес кулинарной школы, который всем известен? Да и зачем им большой дом? Зачем лишние заботы и расходы, если и тут они могут быть счастливы? Вот каковы были доводы доны Флор, пока она оставалась скромной и рассудительной невестой.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Почему вдруг такая перемена? Зачем тратить лишние силы и деньги? Зачем лезть из кожи вон? Только чтобы пускать пыль в глаза?

Дона Розилда что-то путанно толковала о престиже, о том, что надо занять положение в обществе. Для доктора Теодоро, всегда считавшегося с чужим мнением, этот аргумент был немаловажным. Что же касается доны Флор, то она не обращала внимания на подобные вещи и, еще когда они спорили о школе, сказала, что о человеке судят не по деньгам, а по делам.

Так почему же она противоречит себе, жалуется, выражает недовольство? Доктор Теодоро внимательно выслушал тещу, но не стал обсуждать с ней этот вопрос.

– Я не знал, дорогая теща, о том, что моя супруга желает переехать, поэтому не хочу без нее говорить об этом. Могу вас заверить, однако, я сделаю все, чтобы Флор была довольна.

Оставив дону Розилду в хорошем настроении, он ушел в аптеку. Доктор Теодоро был удивлен и огорчен. Почему Флор не поговорила с ним сама, честно и откровенно? Зачем ей понадобилось посылать к нему посредника в лице доны Розилды? Доктор Теодоро не хотел, чтобы между ним и женой существовали какие-то недомолвки. Он готов был давать ей денег, удовлетворять все ее желания, даже неразумные. Но считал, что отношения между супругами должны быть искренними. К чему посредники? Колдуя над лекарствами, доктор Теодоро недоумевал: почему дона Флор не доверяет ему? У мужа и жены не должно быть секретов друг от друга. Субнитрат висмута, аспирин, уротропин, мускатный орех – все в точных дозах, ни крупинкой больше, ни крупинкой меньше, вот что такое брак. Он решил все выяснить, и как можно скорей.

Вечером в спальне, оставшись наедине с женой, он сказал, пока она переодевалась в ночную рубашку, лежавшую в изголовье железной кровати:

– Я хотел попросить тебя об одной вещи… дорогая. – Дона Флор накрылась простыней и ждала, когда ее перед сном поцелует муж.

– О чем, Теодоро?

– Чтобы ты, когда тебе надо о чем-нибудь поговорить со мной, делала это сама, а не посылала ко мне посредников… – Голос доктора звучал печально.

Удивленная дона Флор оперлась на локоть и, повернувшись к мужу, натягивавшему пижамные брюки, спросила:

– Не понимаю, о чем ты?

– По-моему, муж и жена должны быть откровенны друг с другом, к чему им всякие хитрости и уловки…

– Объясни, пожалуйста, дорогой, в чем дело, я ничего не понимаю…

В полосатой пижаме доктор сел на кровать.

– Если ты хочешь переехать, почему ты сама не сообщила мне об этом?

– Я хочу переехать? Да кто тебе это сказал?

– Твоя мать, дона Розилда. Она передала мне, что тебе здесь не нравится…

Дона Флор смотрела на огорченного мужа, и ей хотелось смеяться: «Такой большой и такой глупый».

– И ты решил, что я ее подослала? Просто ты еще ее не знаешь, Теодоро, зато я прекрасно знаю, чего она хочет… Это не мне, а ей нужен другой дом, нужна комната, в которой она могла бы поселиться. Но упаси тебя бог пойти на это.

– Но, дорогая, если твоей матери негде жить, мы, пожалуй, могли бы…

Дона Флор едва не прыснула и, посмотрев мужу в глаза, сказала:

– Ты говорил, Теодоро, что мы должны быть откровенны друг с другом. Так скажи мне, ты бы хотел, чтобы мама жила с нами?

Доктор Теодоро не любил лгать, но не любил и обижать людей, тем более что речь шла о матери жены.

– Если она того хочет и ты согласна…

– Так знай, дорогой мой, я вовсе не согласна. Она моя мать, и я люблю ее, но жить с нею под одной крышей я не желаю. С ней не уживется ни один человек, Теодоро, ты еще не

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

знаешь ее. – Она взяла руку мужа. – Здесь будем жить только мы с тобой. И переедем отсюда только в собственный дом. Впрочем, будет гораздо лучше, если нам удастся купить этот…

Фармацевт облегченно вздохнул. Ради доны Флор он готов был на любые жертвы, даже терпеть дону Розилду с ее сплетнями. Но к счастью, все прояснилось. Дона Флор, как всегда, проявила себя бережливой и рассудительной хозяйкой. Зато насчет доны Розилды мнение доктора Теодоро изменилось: святая старушка показала свое истинное лицо. Неспроста, видимо, Мораис не хочет возвращаться в Баию, пока теща жива.

Однако доктор Теодоро, человек воспитанный и вежливый, сказал со свойственной ему мягкостью:

– Это у нее возрастное… Бедняжка…

Дона Флор нежно погладила руку мужа, в который уже раз удивляясь его доброте.

– Возраст тут ни при чем, любимый… Она всю жизнь такая… Хоть и нельзя говорить о матери дурно, но другой я ее не помню. Даже отец, уж на что святой был человек, и тот с трудом ее выносил. Если она поселится с нами, Теодоро, мы с тобой очень скоро рассоримся.

– Мы с тобой?! Никогда, дорогая, и ни за что… – Доктор Теодоро посмотрел на жену с нежностью. – Мы никогда не поссоримся с тобой… И никогда не станем ничего скрывать друг от друга. – Он поцеловал ее в губы.

– Никогда, – шепотом повторила дона Флор.

Доктор Теодоро улыбнулся и встал, чтобы потушить свет. Под пижамой угадывалась его крепкая фигура, широкая мускулистая спина. Закусив губу, дона Флор постаралась отогнать грешные мысли, ибо был понедельник, а педантичный доктор никогда не нарушал раз заведенного порядка. Но он был такой деликатный и внимательный и так любил ее, что согласился бы даже терпеть в своем доме дону Розилду… А за подобное великодушие можно было простить его педантичность, его пристрастие к порядку.

«И все же, Теодоро, ты не знаешь и не узнаешь никогда, что таится в глубине моего сердца».

4

Перед доной Флор открылся неведомый мир, о существовании которого она прежде не подозревала. Вступив туда под руку с мужем, она стала «изящным украшением» этого мира, как о ней справедливо писал в своем отчете о празднике у Тавейры Пиреса Силвиньо Ламенья, опытный комментатор и заведующий отделом светской хроники в «А тарде».

Никогда прежде дона Флор не слыхала о существовании мира аптекарей, недоступного и таинственного, с его особой жизнью, особым языком, особой атмосферой, пропитанной нитратами и каломелями. Вершиной этого мира было Баиянское общество фармакологов, занимавшее целый этаж в здании, где разместилось другое общество, еще более значительное: общество врачей, этой богатой и могущественной касты, наживающейся на труде других. Что бы делали врачи, спрашивали лидеры фармакологии, без нас, фармацевтов? Откуда же у них это высокомерие? Не менее спесиво держались владельцы лабораторий; почтительно заискивающие перед важными покупателями, они относились с пренебрежением к маленьким людям и своим должникам. Самыми приятными из всей этой компании, пожалуй, были коммивояжеры, путешествующие с чемоданами, полными лекарств, и всегда готовые рассказать последний анекдот. Эта ученая и деловая публика со своими титулами и деньгами откровенно презирала мелких служащих и продавцов, получавших мизерное жалованье.

Когда-то, заходя в аптеку купить тюбик зубной пасты или кусок мыла, дона Флор не обращала никакого внимания на этот мир, пропахший лекарствами и живший своими законами.

А в этом мире трудился теперешний ее муж, чтобы своим докторским званием, своим большим опытом, приобретенным в лабораториях и за прилавком, своей работоспособностью и честностью обеспечить себе прочное финансовое положение и

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

хорошую репутацию. И то и другое было необходимо, чтобы он мог распахнуть перед доной Флор врата, ведущие в мир йода и сульфатов, а также посещать вместе с ней научные и увеселительные мероприятия Баиянского общества фармакологов: собрания, где зачитывались и обсуждались диссертации и рефераты, завтраки по случаю вступления нового руководителя на пост, либо Дня фармацевта, когда между членами общества и их семьями происходило бурное «классовое братание», по выражению доктора Феррейры, и, наконец, рождественские балы.

Дона Флор регулярно являлась на доклады и банкеты, хотя и без особого рвения. Она познакомилась с женами коллег своего мужа, кое-кому нанесла визит, кое-кого приняла у себя.

В том числе дону Себастьяну, супругу и надежную опору доктора Силвио Феррейры, генерального секретаря общества и его главного вдохновителя. Жизнерадостную дону Риту, громко говорившую и заразительно смеявшуюся, супругу доктора Танкредо Виньяса, владельца аптеки «Санта-Рита». Худосочные муж и жена как нельзя лучше подходили друг другу: он беспрерывно курил, она кашляла, как чахоточная. И дону Неузу, белокурую, с живыми глазами жену Р. Маседо и К°. Компанию доктору Маседо составляли продавцы, ибо дону Неузу привлекали новички. Она их коллекционировала, давая своим возлюбленным названия самых модных лекарств: «Эликсир „Ямс“ – толстому мулату, „Бромил“ – хрупкому и невинному юноше, украсившему эту редкую коллекцию; „Эмульсия „Скотт“ – красивому крестьянину-испанцу, румяному, как яблоко; „Дамский эликсир“ – маленькому Фреазе, который помог ей поправиться после воспаления печени; „Мыло «Кабокло“ – иссиня-черному негру, и, наконец, «Чудом медицины“ она назвала галантного семинариста, приехавшего в Баию на каникулы. С ним ненасытная прелестница Неуза изменила всем аптечным продавцам, бросив вызов людям и богу.

Дона Паула, супруга доктора Анжело Косты, записалась в школу «Вкус и искусство» и обнаружила к кулинарии достаточное призвание. Доне же Боренисе пришлось отказаться от этой затеи, ибо она так и не научилась отличать филейную часть от костреца.

С доной Гертрудой Беккер, супругой доктора Фридриха Беккера, владельца нескольких аптек, который поддерживал торговые отношения с крупными иностранными фирмами и более или менее постоянно избирался президентом общества, дона Флор не завязала знакомства. Дона Гертруда не снисходила до беспокойных и жадных мелких торгашей, связанных с ее мужем только делами, и лишь раз в год являлась на рождественский бал. Сам же доктор Фридрих никогда не бывал на завтраках с лимонадом и вином из Рио-Гранде, зато не пропускал ни одного собрания в обществе, неизменно председательствовал на них и по любому вопросу высказывался последним.

Это был низенький немец с нежно-голубыми глазами, говорил он с сильным акцентом. О том, как он нажил богатство и получил звание фармацевта в немецком учебном заведении, уже владея тремя аптеками, ходили разные слухи. Доктор Фридрих обожал детей и, где бы их ни встретил, одаривал конфетами, которыми всегда были набиты его карманы.

Через два месяца после свадьбы дона Флор впервые поднялась по лестнице, ведущей в Баиянское общество фармакологов, расположенное на третьем этаже здания на площади Жезус, построенного в колониальном стиле. Второй этаж занимал спиритический центр общества Веры, Надежды и Милосердия, старого соперника фармацевтов, ратовавшего за лечение с помощью черной и белой магии, но без лекарств и инъекций.

В тот незабываемый вечер дона Флор стала свидетельницей острых дебатов, развернувшихся вокруг доклада казначея общества доктора Джалмы Нореньи «О все возрастающем потреблении лекарств, изготовляемых на промышленных предприятиях, сокращении потребления лекарств, приготовленных по рецептам, и вытекающих из этого неприятных последствиях».

Однако единства в рядах фармацевтов не оказалось. Одни были сторонниками фабричных лекарств, другие отдавали предпочтение лекарствам, приготовленным в провизорских по рецептам с подписью врача и фармацевта.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Доктор Теодоро был одним из самых ярых приверженцев второй группы. «Кому будут нужны фармацевты, если все лекарства начнут изготовлять на фабриках? А мы станем приказчиками в собственных аптеках». Этот вопрос он целую неделю готовился задать собранию.

От противоположного лагеря, отстаивавшего фабричный способ изготовления лекарств (и даже национализацию соответствующих предприятий), выступил доктор Синвал Лима, прославившийся своими открытиями в фармакологии. Кроме него, дона Флор получила возможность услышать великолепную речь знаменитого Эмилио Диниса. Хоть и он был из лагеря противников, беспристрастный доктор Теодоро отдал должное ораторскому таланту профессора.

– Настоящий Демосфен!

Но выдающиеся умы были и в группе нашего дорогого Мадурейры. Достаточно назвать доктора Антиоженеса Диаса, бывшего декана факультета, автора ряда книг, восьмидесятивосьмилетнего старца, который еще находил силы утверждать:

– Лекарство, приготовленное машиной, в мою аптеку не поступит…

Прошло уже больше двадцати лет, как он оставил эту свою аптеку, а его сыновья закупали и продавали фабричные лекарства как представители крупных предприятий Сан-Пауло. «Старик просто выжил из ума», – твердили они.

Возможно, в словах неблагодарных сыновей и заключалась доля истины, ибо вид у старика был безумный и он то и дело беспричинно смеялся. Самыми же просвещенными и авторитетными членами этой группы были доктора Арлиндо Пессоа и Мело Нобре. Да и доктор Теодоро, о котором было бы несправедливо умолчать только потому, что он герой этой скромной хроники, мог компетентно судить о поднятом вопросе, о чем он сам и заявил доне Флор, подчеркнув еще раз важность данного собрания и добавив, что она должна считать себя счастливой, присутствуя при этих исторических дебатах.

Исторических и объективных, поскольку ни он, ни один другой горячий защитник приготовления лекарств по рецептам не отказывались продавать в своих аптеках фабричные лекарства. Разве могли они бороться с конкуренцией этих проклятых модных лекарств? Таким образом, позиция доктора Теодоро была чисто теоретической, не имеющей ничего общего с практическими требованиями торговли, ибо не всегда теория соответствует практике, в жизни часто возникают противоречия, вызванные соображениями выгоды.

Дона Флор,не собиралась углублять это противоречие между теорией и практикой и согласилась с мужем, утверждавшим, что «тем более похвальна позиция тех, кто защищает изготовление лекарств по рецептам». Спор этот ее вообще мало заботил, поскольку она почти не употребляла лекарств: у доны Флор было отличное здоровье, и она не помнила себя больной (если не считать бессонницы во время вдовства).

Это был действительно памятный вечер, как и обещал доктор Теодоро и как коротко сообщили газеты. Прочитав о своем выступлении и выступлении коллег в сжатой бесцветной заметке: «в дискуссии в числе прочих приняли участие доктора Карвальо, Коста Лима, Э. Динис, Мадурейра, Пессоа, Нобре и Тригейрос», – он почувствовал некоторое разочарование. Несколько выделена была лишь речь доктора Фридриха Беккера – автор заметки похвалил его за «ясность изложения, обширные знания и логику». «Почему журналисты с таким пренебрежением относятся к самым насущным проблемам и именно для них жалеют место? – возмущался доктор Теодоро. – И в то же время целые страницы посвящают самым отвратительным преступлениям, скандальным историям кинозвезд и их бесконечным разводам, только развращающим нашу молодежь?»

Подробный отчет о собрании и обширные комментарии к дебатам поместил журнал «Бразильская фармакология» (год издания XII, номер IX, страницы 179 -181), выходящий в Сан-Пауло. Финансируемый крупными предприятиями, журнал не скрывал, что защищает их интересы, и все же отдал должное «блестящему выступлению доктора Мадурейры, нашего непреклонного противника, которому мы приносим самые искренние поздравления».

Дона Флор изо всех сил старалась следить за ходом дебатов, но, откровенно говоря,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ничего не могла понять. Чтобы не огорчать супруга, она внимательно слушала ораторов, однако их тезисы и формулировки были для нее недоступны.

Ее постоянно отвлекали самые неожиданные вещи: то она вдруг вспоминала забавную болтовню Марии Антонии и улыбалась во время серьезного выступления доктора Синвала Косты Лимы, то начинала думать о Марилде, которая все настойчивее и нетерпеливее рвалась петь по радио, поддавшись, как полагал доктор Теодоро, пагубному влиянию кинозвезд. Девушка совсем отбилась от рук, во всем перечила матери и завела знакомство с каким-то Освалдиньо Мендонсой, работавшим на радио. Несмотря на то что мать следила за каждым ее шагом и запрещала без разрешения выходить из дому.

Когда дона Флор опомнилась, у микрофона стоял доктор Теодоро. Она попыталась понять аргументы, которыми он приводил в замешательство противников. Весь облик мужа, его серьезное лицо, сдержанная жестикуляция говорили о том, что он человек достойный, честно выполняющий свой долг, долг фармацевта, пусть даже вопреки собственным интересам.

Доктор Теодоро всегда честно выполнял свой долг. Накануне вечером с обычным чувством ответственности он выполнил его по отношению к жене. После разговора с Марилдой, которая устроила истерику и грозилась покончить с собой, если ей не разрешат петь на радио, дона Флор разнервничалась и осторожно дала понять мужу, что только он один может ее успокоить. К тому же была среда. Однако доктор Теодоро пошел ей навстречу лишь после недолгого колебания.

Только сейчас дона Флор поняла причину нерешительности супруга: он хотел быть в форме, поскольку назавтра ему предстояло сражение, а доктор Теодоро привык разумно распределять свои силы и свое время.

И все же он не выглядел утомленным и энергично провозглашал с трибуны не то по-латыни, не то по-французски формулы, звучавшие в ее ушах варварской тарабарщиной.

Слушая его торжественные речи на греческом и латыни среди почтительного молчания коллег, дона Флор не могла не гордиться мужем. Дона Розилда и соседки правы – он не похож на других, и она должна благодарить бога за то, что он послал ей такого мужа. Он появился как раз вовремя, когда она уже была готова уступить этому нахалу Принцу. Какое счастье, что до этого не дошло!

Если бы фармацевт не вышел к прилавку своей аптеки в день студенческого праздника,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

кто знает, что бы с ней сейчас было. Вряд ли сидела бы она в этом зале, среди этих достойных людей, обсуждающих научные проблемы. Дона Флор содрогнулась при одной этой мысли, и ее аплодисменты доктору Теодоро выразили признательность не только за его речь. Этот всеми уважаемый человек спас ее от неминуемой гибели. Она не может не гордиться им.

Заняв свое место в президиуме, доктор Теодоро поискал глазами жену, и ее ослепительная улыбка была лучшей наградой за его блестящее выступление. Дискуссия продолжалась: теперь ораторствовал доктор Нобре, речь которого, без сомнения насыщенная ценными мыслями, очень проигрывала от монотонного и невыразительного голоса.

Дона Флор изо всех сил боролась со сном, но веки ее слипались. Единственная надежда была на доктора Диниса, выдающегося оратора и автора солидного трактата «Galenica Digitalis – communia stabilisata». Но ни он, ни последующие ораторы не смогли нарушить дремоты доны Флор, да и не только ее. Внушительный бюст доны Себастьяны мерно вздымался, она даже посапывала. Дона Рита время от времени начинала клевать носом, но тут же просыпалась в испуге. Дона Паула сначала героически сопротивлялась сну, но потом сдалась, положив голову на плечо мужа. Только дона Неуза выглядела свежей (если не считать темных кругов под глазами), словно не было ни духоты, ни скучных формул, – она наблюдала за юнцом, который наполнял стакан на трибуне. Мысленно она уже называла его «914», имея в виду знаменитое средство для лечения дурных болезней.

Дона Флор дремлет, ей кажется, будто голос мужа доносится откуда-то издалека. Она с трудом просыпается и снова видит доктора Теодоро на трибуне. «Я ничего не смыслю в этом, дорогой, прости меня, но я ничего не могу с собой поделать, я ведь самая обыкновенная женщина, глупая и невежественная, и все эти умные вещи не по мне».

Ее разбудили аплодисменты, дона Флор тоже захлопала, улыбнулась мужу и послала ему воздушный поцелуй. Заседание окончилось. Отмучавшиеся наконец женщины подошли друг к другу, чтобы проститься.

– Доктор Теодоро был просто великолепен… – заявила дона Себастьяна. Как она узнала об этом, если все время спала?

– У доктора Эмилио блестящий ум! – восклицала дона Паула, повторяя то, что слышала на предыдущих собраниях. – А доктор Теодоро эрудит, каких мало!

Спускаясь по лестнице под руку с мужем, дона Флор сказала:

– Все тебя хвалят, Теодоро. Отовсюду только и слышишь восторженные отзывы. Всем очень понравилось твое выступление.

Доктор Теодоро скромно улыбнулся.

– Коллеги слишком добры ко мне… Впрочем, может быть, я и сказал что-нибудь полезное… Как ты думаешь?

Дона Флор сжала честную руку своего ученого мужа.

– Ты был великолепен! Правда, я не все поняла, но все равно мне понравилось. Мне очень приятно, когда тебя хвалят…

Она чуть не сказала: «Я недостойна тебя, Теодоро», – но фармацевт, знавший греческий и латынь, скорее всего не понял бы ее.

5

Если мир фармакологии был для доны Флор неожиданным открытием, то загадочный и чарующий мир музыкантов-любителей, куда ей удалось проникнуть с помощью мужнина фагота, ее потряс.

Собрания этого изысканного общества почтенных господ с положением и университетскими дипломами, богатых торговцев и промышленников (исключение составлял приказчик Урбано, игравший на скрипке) напоминали тайные радения сектантов. «Этот возвышенный мир музыки и неземных звуков имеет своих богов и кумиров, своих верующих и своего пророка – вдохновенного композитора и дирижера Аженора Гомеса», –

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

писал Флавио Коста, пробовавший свое перо на страницах «О ложиста модерно», которая принадлежала Насифе, безвозмездно обучающему молодежь журналистскому ремеслу. Репортаж о музыкантах-любителях занял всю последнюю страницу газеты; в центре был помещен снимок оркестра в полном, составе в саду особняка Адриано Пиреса, которому на другой день после выхода номера нанес визит сам Насифе. Он явился потолковать с хозяином о бесчисленных трудностях, неизбежно подстерегающих серьезные издания вроде его газеты. Вряд ли они могли бы существовать, если бы не поддержка людей со щедрым сердцем и толстым бумажником, понимающих затруднения прессы.

Редактор показал номер с репортажем, сообщив, что автор его умный и талантливый юноша, но платить ему приходится дорого, и миллионер раскошелился, когда увидел себя с виолончелью среди музыкантов любительского оркестра.

Из мира фармакологии, жаропонижающих лекарств, ступок, шпателей для приготовления пилюль, фарфоровых банок с кислотами, ядами, ртутью и йодом дона Флор попала в мир трелей пиццикато, паван и гавотов, волшебных звуков виолончелей, гобоев, скрипок, кларнетов, флейт, тромбонов, ударных инструментов и рояля. Из общества доны Себастьяны, доны Паулы, доны Риты и ненасытной пожирательницы сердец Неузы она попала в общество элегантных светских дам. Банкир Селестино, вынужденный слушать эти концерты – а ведь многие представляют себе жизнь банкиров сплошным раем, – прежде и не подозревал, как они скучны и утомительны.

– Играют они плохо, но каждый из этих маньяков стоит миллионы, – обычно говорил он.

По субботним вечерам почтенные господа превращались в беззаботных детей, забывая обо всех делах и даже о своем постоянном желании заработать побыстрее и побольше. Забывали они и о социальных различиях: богатый торговец не гнушался инженера, получающего скудное жалованье, знаменитый хирург – скромного фармацевта, владелец восьми магазинов – приказчика из мелочной лавчонки.

Элегантные дамы принимали у себя жен музыкантов, нисколько не интересуясь их состоянием и происхождением, и были одинаково радушны ко всем, в том числе и к Марикоте, которая упорно твердила, что никакая она не дона, а просто сиа Марикота, вот и все!

Впрочем, сиа Марикота очень редко ходила в гости, поскольку у нее не было туалетов и она не умела поддерживать светскую беседу с этой «паршивой знатью», как она говорила своим соседкам по улице Лапинья.

– Чего я там не видела? Вечно они толкуют о каких-то балах, приемах, завтраках и обедах… Я же как вспомню здешних ребятишек, которые никогда досыта не наедались, так меня от их обжорства тошнить начинает… А если они не говорят о еде, то рассказывают, кто с кем путается. Можно подумать, что эти великосветские дамы только и знают, что обжираться да валяться в постели…

Возмущенная дона Марикота, вернее сиа Марикота, не скупилась на выражения:

– А сами разодеты в шелка… Пусть катятся подальше со своими гнусностями, как-нибудь обойдусь без них… Урбано ходит туда потому, что не может жить без репетиций… Будь моя воля, я бы запретила ему ходить к этим богачам, пусть бы играл здесь в баре сеу Биэ, с Манэ Сапо или сеу Бебе-э-Коспе. – И она в отчаянии разводила руками. – Но что я могу поделать?!… Жаль беднягу…

Она так часто называла его беднягой, что за сеу Урбано укрепилось это прозвище. Манэ Сапо отлично играл на свирели, а сеу Бебе-э-Коспе – на старой гармони: оба они по воскресным дням исполняли песенки и пили кашасу в баре сеу Биэ, где встречались сливки окрестных переулков. Сеу Урбано тоже играл там, срывая аплодисменты, хотя местная публика отдавала предпочтение свирели и гармони. Сиа Марикота, ничего не смыслившая в музыке, ворчала всякий раз, когда ей приходилось гладить перед репетицией единственный синий костюм мужа, уже довольно старый.

– Если они не могут без него обойтись, хотя бы оплачивали гладильщицу… Бедняку от

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

этого оркестра одни убытки и никакого прока…

Марикота не понимала, что музыка приносит ее мужу покой, позволяет забыть об остром языке жены, ее бородавках и запахе чеснока, неотделимом от Марикоты; на репетициях, разучивая ту или иную вещь, Бедняга Урбано отдыхал, впрочем как и остальные оркестранты, именитые и богатые. Пускай одни важничали, другие держались просто, однако каждый узнавал на репетициях подлинную радость и вдохновение, перед которым отступала жалкая обыденность.

Доктор Венсеслау Вейга, известный хирург, улыбался после первых аккордов и первого бокала пива. Вся усталость, накопившаяся за неделю, проведенную в операционном зале, где он боролся за жизнь больных, иногда и тщетно, исчезала, едва раздавались мелодичные звуки скрипки.

Доктор Пиньо Педрейра, холостяк и мизантроп, забывал об одиночестве под звуки флейты, воскрешая в памяти свою первую любовь и золотистые коварные глаза. Адриано Пирес, миллионер, банкир, директор многих фирм и предприятий, комендадор святейшего папы, скромно стоял у могучей виолончели, вознаграждая себя за неудавшиеся честолюбивые замыслы, жестокие удары судьбы, отчаянную борьбу с заказчиками, конкурентами, служащими, забыв о жажде обогащения, страхах перед ворами, о жене – надоевшей до тошноты доне Имакуладе Тавейрос Пирес. Он добродушно улыбнулся нищему приказчику, недосягаемый для сиятельной доны Имакулады, а тот улыбался ему, недосягаемый для сии Марикоты.

Дона Имакулада редко посещала репетиции, разумеется по совсем иным причинам, нежели дона Марикота. Просто у нее не хватало на это времени, ибо жизнь ее была расписана по часам: на этой даме лежало множество светских обязанностей. К тому же она не выносила этих репетиций, когда одно и то же место, одна и та же вещь повторяются до бесконечности.

А сеу Адриано, если не видел перед собой угреватой физиономии жены, покрытой толстым слоем крема, ее увешанного драгоценностями дряблого бюста, ее паршивого лорнета, совершенно забывал о существовании доны Имакулады. Как, впрочем, и о своих дочерях, занятых только нарядами и балами, и зятьях, никчемных бездельниках, которые проматывали его деньги, заработанные потом и кровью. На репетициях банкир отдыхал от своих миллионов, финансовых махинаций, пустоты и эгоизма окружавших его людей. У виолончели он забывал обо всем. Здесь сеу Урбано и он были равны, как, по существу, были равны благородная дона Имакулада и нищая сиа Марикота…

Оркестранты неизменно собирались по субботам, чтобы насладиться музыкой и пивом, забыть о делах и неприятностях. Хозяйка дома в середине вечера предлагала гостям обильный ужин; кроме музыкантов, обязательно приходили кое-кто из жен, друзей и поклонников. Сеу Зе Сампайо, вернувшийся однажды с такой субботней репетиции, на которой побывал, вняв настойчивым просьбам фармацевта, заявил, что там каждый может найти себе занятие по вкусу. Первое время дона Флор держалась в этом обществе несколько чопорно, однако радушие и гостеприимство покорили ее, и она заблистала там своей красотой. Утонченная, интеллектуальная музыка – впрочем, с последним, как выяснится потом, дона Гиза не согласилась, – пробуждающая самые высокие чувства, стирала все материальные и социальные различия, объединяя оркестрантов в братство «Сыновья Орфея». Здесь все называли друг друга по имени, а дамы просили у доны Флор кулинарных советов. Правда, иной раз она чувствовала себя лишней, если разговор заходил на светские темы, далекие ей, поскольку она не любила бриджа и не была членом ни одного клуба. В такие минуты дона Флор искала глазами мужа, игравшего на фаготе, и улыбалась ему: непонятная ей беседа нисколько ее не тяготила.

Когда доктор Теодоро сообщил ей, что ближайшая репетиция состоится в их доме, дона Флор засуетилась: она не хотела ударить лицом в грязь и готова была истратить все имевшиеся деньги на угощение и выпивку. Муж с трудом удерживал дону Флор, желавшую доказать этим богачам, что и бедняки умеют принять гостей.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Доктор Теодоро пытался сократить масштабы пиршества, оставив в меню только сласти, закуски и пиво. Если уж дона Флор хочет доставить удовольствие маэстро, пусть приготовит мунгунсу, которую так любит сеу Аженор.

– Он это заслужил… У него для тебя сюрприз, о котором ты и не догадываешься.

Но невзирая на протесты мужа, дона Флор подала роскошный ужин и назвала полный дом гостей. На столе стояли самые лакомые блюда: акараже и абара, мокека из креветок в банановых листьях, косада, акаса, земляные орехи в сахаре, фрикадельки из трески и прочие деликатесы. Уже не говоря о целом котле мунгунсы из белой кукурузы, этой пище богов! Из бара Мендеса принесли ящики с пивом, лимонадом, клубничной водой и гуараной.

Репетиция прошла очень удачно, и, хотя из жен музыкантов явились всего две – дона Элена и дона Жилда – в комнатах было полно народу: взволнованные ученицы, соседки и кумушки (дона Динора потом чуть не умерла от несварения желудка).

Оркестр разместился в комнате для занятий, там же уселись самые почетные гости: дон Клементе, дона Гиза, дона Норма, чета аргентинцев (дона Нанси надела элегантное вечернее платье), а также доктор Ивес, по своему обыкновению старающийся показать, что он во всем разбирается, и изрекающий прописные истины об опере и Карузо.

Взяв в руки дирижерскую палочку, маэстро Аженор Гомес сказал, что у него есть небольшой сюрприз для хозяйки дома. В этот вечер, продолжал маэстро, впервые прозвучит его сочинение, новый романс, написанный специально в честь доны Флорипедес Пайва Мадурейра, очаровательной супруги нашего коллеги, доктора Теодоро Мадурейры. Воцарилась тишина, смолкли смех и разговоры.

Маэстро улыбнулся – любительский оркестр давно для него стал второй семьей, знаменательные даты в жизни музыкантов он привык отмечать новыми сочинениями. Всякий раз при известии о печальном или радостном событии он чувствовал прилив вдохновения.

– «Колыбельная Флорипедес», – объявил маэстро, – соло на фаготе – доктор Теодоро Мадурейра, наш блестящий виртуоз.

Но репетиция есть репетиция, а не концерт, поэтому нелегко было уловить мелодию романса, его мягкую красоту, подобную красоте той, кому он был посвящен.

И все же дона Флор была растрогана подарком маэстро и старанием мужа. Глядя в лежавшие перед ним ноты, доктор Теодоро, весь напрягшись, вел мелодию, словно пел о своей радости, радости преуспевающего, счастливого и зажиточного владельца аптеки, у

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

которого свой мир, своя музыка и, наконец, красивая и добродетельная жена. Поистине это был аккорд, в котором гармонично сливались переполнявшие его чувства. Смущенная и взволнованная дона Флор, потупив голову, слушала гимн в свою честь.

К счастью, наступило время перерыва, маэстро с удовольствием поел мунгунсы и даже попросил добавки; остальные тоже отдали должное вкусным блюдам, запивая их пивом, газированной водой и гуараной. Репетиция прошла очень удачно.

6

Рондо

Тихо и плавно вращалась дона Флор в этих двух мирах: мире фармакологии и мире любительской музыки. Она снова стала одеваться очень элегантно, не желая быть хуже других в том избранном обществе, куда ее привело новое замужество.

Девушкой, когда дона Флор бывала в богатых домах, ее наряды неизменно отличались большим вкусом, и даже самые изящные женщины не могли с ней в этом соперничать.

Но тогда она вела другой образ жизни, у нее был другой круг друзей, другие запросы, другие обязанности. Теперь же она ходила к знакомым дамам на чашку чаю, наносила визиты, посещала репетиции оркестра и собрания Общества фармакологов. И когда дона Флор отправлялась по своим светским делам, изысканно одетая, грациозно покачивая бедрами, соседки только ахали. Она немножко располнела и в свои тридцать лет выглядела очень аппетитно.

– Хороша!… – шептал сеу Вивалдо, владелец похоронного бюро. – Налилась, округлилась… лакомый кусочек… Этот доктор ужинает по-королевски…

– Он и обращается с ней, как с королевой, ни в чем не отказывает, – подхватывала дона Динора, которая первая увидела доктора Теодоро в хрустальном шаре и потому считала своим долгом во всем его защищать. – Посмотрите, как он сложен!

Тут в разговор вмешивалась недавно поселившаяся по соседству дона Магнолия, та, что все время сидела у окна и глазела на мужчин.

– Он настоящий мужчина… Мне достаточно взглянуть, я сразу это вижу – сказывается богатая практика.

– Они очень подходят друг другу. Оба такие красивые и добрые, – подавала голос дона Амелия. – Встречали вы более удачный брак? Они просто созданы один для другого, а ведь столько времени прошло, пока они встретились…

– И как она настрадалась от первого мужа, этого чудовища, за которого так необдуманно вышла…

– Зато теперь по достоинству оценит доктора Теодоро… Может сделать сравнение…

Дона Флор никого не хотела сравнивать, она хотела жить так, как ей теперь жилось: достойно, тихо, без грубостей и скандалов. Почему ее не оставят в покое? Раньше ее жалели, теперь завидовали ее удачному замужеству, ее счастью.

Соседи внимательно следили за каждым шагом доны Флор: обсуждались ее наряды, ее знакомства в высшем обществе, новый образ ее жизни, ее визиты, прогулки и даже предстоящие выборы в правление Общества фармакологов. Но особенно много разговоров вызвал любительский оркестр. Эта животрепещущая тема встала на повестку дня после репетиции, которая состоялась в доме доны Флор.

Дискуссия началась с ученого спора, происшедшего между доктором Ивесом – поклонником оперы, и доной Гизой – любительницей классической музыки. Не осталась в стороне и дона Розилда, приехавшая к дочери в гости. Однако волнующая история, случившаяся с молодой Марилдой, придала теоретической дискуссии чрезвычайно острый характер, обнаружив различие между поколениями отцов и детей, между старым и новым (как выразились бы современные философы).

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Дона Гиза категорически возражала доктору Ивесу, относившему к классической музыке (при полной поддержке доны Розилды) вальсы, военные марши и романсы. Для доны Гизы классической была лишь бессмертная музыка Генделя, Бетховена, Баха, Брамса, Шопена и еще нескольких выдающихся композиторов, чьи творения следовало слушать в торжественной тишине, в исполнении больших оркестров, под управлением дирижеров, прославившихся на весь мир. Не каждому дано понимать эти божественные звуки. В своем пуризме и крайней нетерпимости все остальное она считала мерзостью «для тех, у кого нет достаточного музыкального образования».

Впрочем, надо сказать, что это резкое слово дона Гиза никак не относила к народной музыке, считая ее выражением пылких и чистых чувств. Она ценила самбы, модиньи, лирические песенки и румбы, и частенько можно было услышать, как она, коверкая язык, с ужасным акцентом напевает модную самбу. Зато не переносила претенциозной музыки, невыразительной и пустой, созданной на потребу мещанам, глухим к красоте вдохновенных созданий великих композиторов. Что касается доны Гизы, то она не могла равнодушно слушать их произведения в хорошей записи, сидя в полумраке в гостиной немецких друзей; в такие вечера она неизменно получала глубокое эстетическое наслаждение (а также обильную выпивку и порцию новых анекдотов).

Доктора Ивеса возмущал самонадеянный тон американки. Значит, дорогая ученая дама, «Риголетто», «Севильский цирюльник», «Паяцы», «Гуарани» бессмертного Карлоса Гомеса, который прославил Бразилию за рубежом и заслужил повсюду бурные аплодисменты, не искусство? Если чудесные арии в исполнении баритонов, басов и сопрано не классическая музыка, то что же это тогда? И он принялся доказывать доне Гизе полную несостоятельность ее суждений, считая себя знатоком музыки (как, впрочем, и всего остального). Повысив голос, он с пафосом вопрошал: «Что может сравниться с хорошей опереттой вроде „Веселой вдовы“, „Принцессы долларов“ и „Графа Люксембурга“?

Свое музыкальное образование доктор получил в студенческие годы, когда поехал с товарищами в Рио и ходил там по контрамаркам на галерку муниципального театра. Ему посчастливилось услышать несколько опер в исполнении неаполитанской оперной труппы. Молодой Ивес был ослеплен яркостью спектаклей, потрясен музыкой и голосами певцов. Да-да, дона Гиза, я слушал их не в записях, а со сцены: и гениального Тито Скиппу, и Галли Курчи, и Хесуса Гавириа, и Безанцонни в «Травиате», «Тоске», «Мадам Баттерфляй» и «Рабе» (как, впрочем, и нашего Карлоса Гомеса), я не пропустил ни одного фильма с участием Яна Кепуры, Марты Эгерт, Нелсона Эдди и Джанет Мак-Дональд. А вы, дона Гиза, видели их?

Войдя в раж, доктор Ивес напевал отрывки из наиболее популярных арий и даже исполнял балетные номера. С ним бесполезно было спорить, он был упрям и почитал себя крупнейшим знатоком оперы…

– Разве можно это назвать музыкой? – Непоколебимая в своих убеждениях дона Гпза воздела руки к небесам. – Музыка – это совсем другое, сеу доктор… Я имею в виду настоящую, серьезную музыку, искусство…

Дона Норма, к которой обратились как к арбитру, заняла нейтральную позицию.

– Я не могу об этом судить… Меня воспитали на самбах, маршах и карнавальной музыке, в ней я хорошо разбираюсь… Оперу я слышала только однажды, когда к нам приезжала труппа Биллоро-Кавалларо, но это было печальное зрелище, даже не опера, скорее отрывки из «Аиды».

– Я тоже слышал… – вставил свое слово доктор Ивес.

– Я ничего не смыслю в музыке, но с удовольствием слушаю любую, даже колокольный звон по усопшим. И по радио слушаю все, что передают: концерты, оперы, об оперетте и говорить нечего, я от нее без ума. Мне все нравится, все доставляет удовольствие, даже когда доктор Теодоро разучивает что-нибудь на своем фаготе.

Однако дона Розилда считала святотатством сравнивать вещи, исполняемые любительским оркестром для изысканной публики, с треньканьем каких-то болванов на

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

гитаре.

Дона Норма, без сомнения, женщина достойная и богатая, но вкус у нее слишком вульгарный… Что касается доны Гизы, которая преподает в школе только потому, что она американка, то, возможно, у себя на родине ей приходилось слышать что-то более возвышенное, нежели музыка «Сыновей Орфея». Но она, дона Розилда, очень в этом сомневается. По ее мнению, музыканты любительского оркестра были чрезвычайно благовоспитанными господами…

Дона Флор молча улыбалась и вмешивалась в спор только для того, чтобы взять под защиту репетиции любительского оркестра, которые дона Гиза называла «смертной скукой».

– Не преувеличивайте, дона Гиза…

– А разве это не так? И вообще, кто это приглашает публику на репетиции?

– Они не виноваты, это я пригласила вас… А обычно к ним на репетиции приходят только те, кому это нравится. Вот когда будет концерт, я вас приглашу, и вы тогда увидите…

Но дона Гиза была настроена пессимистически.

– Концерт, что ж, это куда ни шло… И все же прости меня, Флор, но я не верю, чтобы эти дилетанты были способны на что-нибудь значительное…

Однако журналисты и музыкальные критики придерживались другого мнения. Каждое выступление оркестра по радио или в музыкальной школе встречалось восторженными похвалами. Один из критиков, некий Финеркаес, происходивший из немецкой музыкальной семьи, сравнивал «Сыновей Орфея» с лучшими любительскими оркестрами Европы, которые бразильцы даже кое в чем превосходили. Первое время по приезде из Мюнхена Финеркаес был довольно умерен в своих суждениях, однако тропики его настолько покорили, что он не пожелал больше возвращаться на холодную родину и утратил всякую сдержанность.

Еще задолго до женитьбы доктор Теодоро завел альбом, в котором собирал концертные программы, положительные рецензии, статьи об оркестре и прочие материалы. Теперь заботы об этой коллекции музыкальных побед и скромной славы мужа взяла на себя дона Флор. Последнее сообщение гласило, что маэстро Аженор сочинил романс в честь супруги Теодоро Мадурейра, подлинный шедевр, который в настоящее время разучивается для концертного исполнения. «Когда же наконец этот великолепный оркестр доставит нам удовольствие, которого с нетерпением ждут все истинные любители музыки в Баии?» – вопрошал журналист. Судя по всему, у любительского оркестра было немало верных поклонников.

Внимательно следившая за спором, дона Флор совсем позабыла о том, что волновало Марилду, хотя это тоже касалось музыки. О последней ссоре между Марилдой и ее матерью дона Флор узнала от самой девушки. Ссора произошла после того, как Марилда через Освалдиньо познакомилась с неким Марио Аугусто, директором небольшой радиостанции «Амаралина», и тот обещал ее прослушать, а если понравится голос девушки, заключить с ней договор на еженедельное выступление. К сожалению, Освалдиньо ничего не смог для нее сделать.

Последующие события ускользнули от доны Флор. Занятая своими делами, она не всегда уделяла Марилде достаточно внимания и узнала об успехе девушки только после разыгравшейся драмы. Оказалось, что Марио Аугусто пришел в восторг от голоса и еще больше от красоты девушки и решил заключить с ней контракт на выступления в субботней программе. Оплата пока была незначительная, но на что еще могла рассчитывать дебютантка? С черновиком контракта взволнованная Марилда примчалась домой.

Но дона Мария до Кармо разорвала контракт.

– Я тебя вырастила и воспитала, чтобы ты стала порядочки женщиной, вышла замуж. И пока я жива…

– Но, мама, ты же обещала… Ты же сама сказала, что когда мне исполнится восемнадцать лет…

– Тебе еще не исполнилось…

– Каких-то трех месяцев не хватает…

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Этого не будет, пока ты живешь со мной под одной крышей! Ни за что!…

– Посмотрим…

– Что ты имеешь в виду? Говори…

– Ничего.

Дона Флор, эта добрая душа, попыталась дать Марилде дружеский совет, как-то ее утешить. Но Марилда торопилась, близился вечер, а она не желала больше терпеть материнскую тиранию и поэтому убежала из дому.

Собрала кое-что из одежды, пару туфель, комплект «Жорнал де модиньяс», портреты певцов Франсиско Алвеса и Силвио Калдаса, сунула все в чемодан и уехала на трамвае, пока мать сидела в ванне.

Марилда отправилась прямо на радиостанцию «Амаралина». Узнав, что девушка убежала из дому и что она еще несовершеннолетняя, обеспокоенный Марио Аугусто потребовал, чтобы она немедленно уходила, так как он не желает из-за нее иметь неприятности. Марилда отправилась на поиски Освалдиньо. Из радиокомпании, где его не оказалось, она пошла в контору торговой фирмы, откуда он тоже уже ушел. Затем Марилда поехала в нижнюю часть города, где у Освалдиньо была назначена встреча с его могущественными покровителями Магальяэнсами. Но и оттуда он уже ушел, возможно в студию. Марилда снова отправилась на улицу Карлоса Гомеса и, мокрая от пота, остановилась наконец у дверей радиокомпании. Освалдиньо не было, но швейцар разрешил ей подождать и даже предложил стул.

Растерянная, немного испуганная, но уже начиная злиться, она просидела в вестибюле несколько часов, наблюдая за проходившими мимо известными артистами и знаменитыми певцами, среди которых был и Силвиньо Ламенья с цветком в бутоньерке и огромным кольцом на мизинце. Многие, глядя на нее, удивлялись: «Кто эта хорошенькая девушка?» Швейцар время от времени улыбался ей, желая, видимо, утешить, и говорил:

– Еще не пришел, но, вероятно, скоро будет. Уже давно пора…

Около восьми, когда совсем стемнело, Марилда, едва не плача, спросила у швейцара, где бы ей выпить кофе и съесть бутерброд. «В буфете», – ответил швейцар. Там, увидя своих кумиров-певцов, она обрела новые силы и решила ждать, если понадобится, всю жизнь, лишь бы добиться осуществления своей заветной мечты и стать звездой.

Вернувшись в вестибюль, Марилда подумала: «Бедная мама, наверное, сейчас с ума сходит от беспокойства». Но к угрызениям совести все еще примешивались злость и негодование. Немного погодя кончивший свое дежурство швейцар распрощался с ней, а его сменщик сказал Марилде, что теперь вряд ли Освалдиньо вернется на радиостанцию.

– Уже слишком поздно.

Было почти половина девятого, когда какой-то беззубый тип облокотился на конторку швейцара и, уставившись на Марилду, которая с трудом сдерживала слезы, стал со смехом рассказывать об игре в «Табарисе». Так Марилда услышала, что ее друг Освалдиньо весь вечер провел за рулеткой и был превосходно настроен.

– А что это за «Табарис» и где он находился?

Беззубый усмехнулся, не сводя с нее своих нахальных глаз.

– Недалеко отсюда… Если хотите, я вас провожу… – Беззубый предвкушал скандал с истерикой и упреками. Этот Освалдиньо был сущим несчастьем для девушек.

Пока они пересекали площадь, беззубый засыпал Марилду вопросами: кто она Освалдиньо – жена, невеста или просто возлюбленная? На его взгляд, для жены она была слишком молода, для возлюбленной – чересчур серьезна. В дверях кабаре они столкнулись с Мирандоном, который направлялся в «Палас». Скользнув по девушке равнодушным взором, он хотел было пройти мимо, но тут узнал Марилду.

– Марилда! Какого черта ты тут околачиваешься?

– А, сеу Мирандон! Как поживаете?

Мирандон слишком хорошо знал беззубого.

– Что ты тут делаешь с этой девушкой?

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Ничего… Она попросила меня…

– Прийти сюда? Не ври… – Мирандон разозлился.

Но Марилда вступилась за беззубого.

– Ты просила его отвести тебя в «Табарис»? Зачем?

Девушка все рассказала, и Мирандон отвел ее домой. Обезумевшая от горя дона Мария до Кармо рыдала, лежа в постели, и громко звала дочь. Рядом с нею находились дона Флор, доктор Теодоро и дона Амелия. Дона Норма возглавила операцию по розыску и спасению девушки, ей помогала дона Гиза.

Они вытащили сеу Зе Сампайо из постели и, несмотря на его бурные протесты, потащили с собой в пункты скорой помощи, в полицию, в морг.

Увидев дочь, дона Мария до Кармо со слезами обняла ее и расцеловала. Поплакав вместе, мать и дочь попросили друг у друга прощения. Рассерженный таким исходом, доктор Теодоро демонстративно удалился прочь, так как в отличие от доны Флор поддерживал дону Марию, когда та обещала как следует выпороть беглянку.

Дона Флор пыталась переубедить соседку, заняв сторону Марилды: ее ведь тоже хотели когда-то лечить подобным образом, но это ничего не дало. Почему дона Мария до Кармо против того, чтобы дочь стала певицей?

Да разве это дело?! Просто девичья блажь! Доктор Теодоро сочувствовал вдове: девчонку надо проучить и наставить на путь истинный, чтобы она уважала мать. Доктор Теодоро и дона Флор чуть не поссорились, каждый отстаивал свою точку зрения – дона Флор решительно защищала бедняжку Марилду, а доктор Теодоро считал, что для детей воля родителей должна быть священной. Однако доктор не дал спору зайти слишком далеко и взял себя в руки.

– У тебя, дорогая, своя точка зрения, и я ее уважаю, хотя и не разделяю, а у меня своя. Так останемся каждый при своем мнении. Не будем из-за этого спорить, ведь у нас нет детей. – «И не будет», мог бы добавить доктор Теодоро, поскольку еще до свадьбы дона Флор призналась ему, что бесплодна.

Так кончилась их размолвка, и оба снова занялись вдовой, которая кричала, что умрет, если дочь не найдется.

Но Марилда нашлась, и потерпевший поражение доктор Теодоро удалился. За ним последовали дона Амелия и дона Эмина. С матерью и дочерью осталась лишь дона Флор. Вопрос был решен раз и навсегда: Марилда отвоевала себе право стать певицей. Дона Флор пробыла с ними недолго; удостоверившись в том, что Марилда получила материнское благословение, она вышла в гостиную к Мирандрну.

– Почему вы меня совсем забыли, кум, и не заходите? Ни вы, ни кума, чем я вас могла обидеть? Вы видите, я вас спрашиваю об этом, даже не поблагодарив за добро, которое вы сделали для доны Марии и Марилды. Почему вы не хотите со мной знаться?

– Не хочу знаться? Ну что вы говорите, кума! Если я не захожу к вам, то только потому, что верчусь как белка в колесе…

– Только поэтому? Извините меня, кум, но я вам не верю.

Мирандон посмотрел в окно на далекое прозрачное небо.

– Никто не должен вставать между мужем и женой; иногда даже тень прошлого, даже воспоминание может все испортить. Я знаю, кума, вы довольны своей новой жизнью, своими новыми знакомыми и от души рад за вас. Вы это заслужили. А наша дружба не прекратилась оттого, что я не захожу к вам.

Он был прав, и дона Флор улыбнулась, подойдя к куму.

– Я хочу попросить вас об одной вещи…

– Ваше желание для меня закон, кума…

– Приближается день Козьмы и Дамиана…

– Как раз недавно я говорил жене: «Неужели в этом году каруру будет у кумы?»

– А что вы, кум, думаете на этот счет?

– По-моему, кума, никто не может идти сразу двумя дорогами. Не вы давали обет,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

давал его кум, а он похоронен. – Мирандон помолчал. – Если и вы так считаете, кума, то успокойтесь, вы не делаете ничего дурного…

Дона Флор слушала его, погруженная в собственные мысли.

– Вы правы, кум, но ведь мы отчитываемся не только перед святыми. Я не хочу нарушать обет, ваш кум относился к нему очень серьезно. Есть вещи, которые мы не вправе менять.

– Что же вы решили, кума?

– Я подумала, может быть, устроить каруру в вашем доме, кум? Я приду повидать мальчика, принесу все, что нужно, и сварю каруру. Приглашу только Норминью.

– Пусть будет так, кума, если вы хотите. Наш дом всегда к вашим услугам, стоит вам сказать. Если бы я твердо знал, что у меня будут деньги, я бы сам купил все, что нужно. Но кто скажет, выиграю ли я в тот вечер или проиграю? Если б это можно было знать наперед, я был бы, наверное, богачом. Так что приносите свои продукты, это надежнее.

Немного успокоившись, вернулся доктор Теодоро. Он уже слышал о Мирандоне и его подвигах в игорных домах. Мужчины поздоровались.

– Это мой кум, Теодоро, и хороший друг.

– Заходите как-нибудь к нам… – Однако приглашение доктора Теодоро было лишь любезностью, которую следовало проявлять к друзьям жены.

Мирандон ушел, Марилда с матерью обсудили завтрашний визит к сеу Марио Аугусто, чтобы окончательно договориться об условиях контракта и дебюте. Больше здесь делать было нечего.

– Пошли, дорогая… – сказал фармацевт.

И хотя было поздно, он взялся за фагот, желая отдохнуть от волнений и разочарований этого дня. Дона Флор принялась штопать манжеты и воротнички на рубашках мужа, которые он менял каждый день.

Доктор Теодоро разучивал романс, сочиненный в честь доны Флор; склонившись над шитьем, она рассеянно слушала, пытаясь разобраться в нахлынувших на нее мыслях.

Стараясь извлекать из фагота самые чистые и нежные звуки, доктор Теодоро весь отдался сложной мелодии и постепенно успокоился: в конце концов, какое ему дело до того, как воспитывает дона Мария до Кармо свою непослушную дочь? Он не моралист, который все подвергает критике, и было бы смешно ссориться со своей милой женушкой, такой красивой и доброй, из-за нелепых переживаний посторонних людей! Последняя нота, чистая и гармоничная, затрепетала в воздухе.

Дона Флор воспитывалась не на высоких творениях Баха и Бетховена, которым дона Гиза внимала в полумраке немецкой гостиной. Она привыкла к народным мелодиям и серенадам под аккомпанемент гитары, кавакиньо, беримбау и свирелей. Но теперь приходилось учиться слушать гобои, тромбоны, виолончели и фагот, забыть ту, иную музыку, вспоминая о которой она становится невнимательной и рассеянной. Под звуки фагота она должна похоронить память о иных мелодиях, о ином времени, иной жизни.

7

Добивались доктора Теодоро только две женщины. Во всяком случае, о других дона Флор ничего не знала и готова была дать голову на отсечение, что других женщин в жизни доктора не было.

Одна из этих двух, столичная соблазнительница Миртес Роша де Араужо, осталась разочарованной. Правда, ненадолго; эта отважная женщина не стала терять время на бесплодные сетования и только удивленно пожала плечами.

Миртес была женой банковского служащего, которого перевели из Рио-де-Жанейро в Баию с повышением в должности и окладе. Как-то в разговоре с подругами она призналась, что страдает в этой глухомани, привыкнув к свободной и разгульной жизни в столице. Не имея ни детей, ни каких-либо забот, там она постоянно заводила знакомства среди молодых

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

людей, причем без всякого риска. Но где в Баии найти таких мужчин и такую надежную квартиру для свиданий, как у доны Фаусты?

Инес Васкес дос Сантос, патриотку Баии, оскорбило такое презрительное отношение к ее родному городу. Почему Миртес так отзывается о Баии, не зная ее? Баия совсем не отсталая деревня.

Уж кто-кто, а Инес с полным знанием дела могла утверждать подобное. Укромные квартирки, бунгало, затерянные среди высоких пальм на безлюдном побережье! Да это же мечта! Что касается молодых людей, то и их более чем достаточно!

С мечтательным видом покусывая губу маленькими зубками, Инес принялась вспоминать о своих похождениях. Особенно ей запал в душу один прощелыга и игрок, в решающие моменты державшийся, как настоящий рыцарь! Любвеобильная Инес призналась подруге:

– Вот что я тебе скажу, девочка, до сих пор я не встретила мужчины, который мог бы с ним сравниться.

Инес великодушно дала исчерпывающую информацию и даже адрес. Кулинарная школа «Вкус и искусство», между Кабесой и площадью Второго июля. Преподавательница, его жена, очень милая женщина и недурна собой. Миртес запишется в школу, занятия помогут убить время, а красавец обязательно заметит ее.

Только пусть она не забудет рассказать потом все в подробностях и поблагодарить подругу. Инес не сомневалась в успехе дела, приятного для всех партнеров, в том числе и мужа Миртес: кончив кулинарную школу, она сможет подавать ему самые изысканные баиянские блюда. Преподавательница в школе отличная, мастер своего дела, золотые руки.

А дона Флор даже не подозревала о шашнях покойного мужа с этой Инес, серьезной, худощавой женщиной. Впрочем, будь разочарование Миртес не таким глубоким, она, возможно, так и не узнала бы об этой измене Гуляки. Но теперь дону Флор, жену солидного, степенного человека, все это мало трогало. Одним романом больше, одним меньше – какая разница!

Миртес вскоре разыскала школу. Дона Флор попыталась уговорить ее подождать до начала занятий новой группы, поскольку нынешняя уже научилась готовить самые сложные кушанья.

Но Миртес не желала ждать, ей было некогда. Она сказала, что скоро должна вернуться в Рио – здесь, в Баии, она ненадолго, и у нее не будет больше случая научиться готовить хотя бы несколько блюд на пальмовом масле, которые обожает ее муж. Наивная дона Флор пообещала заниматься с ней дополнительно.

Однако научить Миртес так ничему и не удалось, ибо в школе она не задержалась. Не увидев мужа преподавательницы в первые два дня, она на третий спросила про него у одной из учениц, и та сказала, что доктор в часы уроков обычно бывает в аптеке. В аптеке? Эта сумасшедшая Инес, уделив слишком много времени определенным достоинствам баиянца, ни слова не сказала о том, чем он занимается в остальное время.

Но случилось, что в тот же день доктор Теодоро зашел домой за какими-то деловыми бумагами. Тысячу раз извинившись, он торжественно и важно проследовал мимо учениц.

– Кто это? – спросила Миртес.

– Доктор Теодоро, муж доны Флор. Не успела я вам сказать, что в эти часы он редко бывает дома, а он тут как тут… Собственной персоной…

– Эго муж преподавательницы?

– А чей же еще?

Еще раз извинившись перед ученицами, хозяин дома вернулся в аптеку. Миртес покачала головой, еще больше растрепав свои волосы, выкрашенные под платину (последний крик моды); либо Инес сошла с ума, либо что-то случилось. Наверное, преподавательнице надоели измены мужа и она его прогнала, если только он не удрал с другой женщиной. Как бы там ни было, этот муж доны Флор, по мнению Миртес, сухарь и зануда, совсем не походил на того, о ком говорила Инес. Он не обратил внимания на ее

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

волосы и прошел мимо, словно ее тут и не было. Этот идиот не годится даже в мужья, судя по всему, он сентиментален и за измену будет мстить по старинке: с помощью пистолета и ножа.

Больше она не вернулась в школу, даже не сочтя нужным объясниться с преподавательницей. Еда Миртес вообще не интересовала, она хотела оставаться худой, сохраняя тип женщины-вамп.

Наведя справки, Миртес узнала о смерти любовника Инес и о новом браке вдовы с этим слепцом. Ибо только слепец мог остаться равнодушным к ее красоте и платиновым волосам.

Дона Флор узнала о подробностях этой забавной истории от своей подруги Энаиды, которая в свою очередь дружила с Инес Васкес дос Сантос; дошла до нее и патетическая фраза Миртес Роши де Араужо:

– Представляете, роман с покойником!… Только этого мне не хватало…

Чтобы познакомиться с доктором Теодоро, «этим скучным ничтожеством», она жгла пальцы о плиту доны Флор, обучаясь жарить креветки. Недурно!

Дону же Магнолию, все время сидевшую у окна, эту вульгарную кокетку, напротив, привлекала серьезность доктора, придавая ему в ее глазах какую-то своеобразную прелесть. Эта дама была врагом всякого единообразия, и, если Миртес помышляла только о легкомысленных юнцах, Магнолия не ограничивала себя строгими канонами. Сегодня шатен, завтра блондин, порывистый юноша сменял уравновешенного пятидесятилетнего мужчину. Кому нужны блюда всегда с одной и той же приправой? Дона Магнолия была эклектиком.

По меньшей мере четыре раза в день «великолепный сорокалетний мужчина» шествовал из дому в аптеку и обратно, мимо окна, где дона Магнолия восседала в пеньюаре, открывавшем ее пышную грудь. Мальчишки из ближайшей гимназии изменили свой обычный маршрут, чтобы любоваться роскошными формами доны Магнолии. И она благосклонно взирала на маленьких поклонников: в своей гимназической форме они были очень милы. «Пусть приучаются грешить», – назидательно изрекала дона Магнолия, еще больше распахивая пеньюар.

Вздыхали гимназисты, вздыхали окрестные ремесленники, приказчики, рассыльные, и молодые вроде Роке из рамочной мастерской и старые вроде Алфредо, торгующего деревянными святыми. Приходили и издалека, только для того, чтобы взглянуть на чудо, о котором уже разнеслась молва. Даже нищий слепец, пересекавший раскаленную на солнце улицу, вдруг остановился.

Божественное видение в окне настолько его поразило, что он забыл об опасности быть разоблаченным и, сняв темные очки, уставился на сокровища, принадлежавшие полицейскому агенту. Если б его тотчас схватили и засадили в тюрьму по обвинению в мошенничестве, он и тогда не пожалел бы о своем поступке:

И только доктор Теодоро, важно шествуя в своем белом костюме, всегда при галстуке, не обращал никакого внимания на прелести доны Магнолии. Вежливо склонив голову, он снимал шляпу и желал ей доброго дня или доброго вечера, оставаясь безразличным к усилиям красавицы, поставившей себе целью прельстить этого истукана, который хранил оскорбительную для нее верность супруге. Только он, смуглый красавец и, без всякого сомнения, настоящий мужчина, не проявлял ни волнения, ни восторга при виде ее пышного бюста. Но это уж слишком! Возмутительное равнодушие, оскорбление, которое нельзя снести!

– Он однолюб, – уверенно заявляла дона Динора, хорошо знавшая интимную жизнь доктора. Он не станет обманывать жену, ибо не обманывал даже Тавинью Манемоленсию, женщину легкого поведения, но с постоянной клиентурой.

Дона Магнолия, однако, верила в свое обаяние.

– Запомните мои слова, дорогая хиромантка: мужчин-однолюбов не существует, уж мы-то с вами это знаем. Посмотрите в свой хрустальный шар, и, если он не врет, вы увидите

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

там доктора в постели, а рядом с ним вашу покорную слугу Магнолию Фатиму.

Неужели на доктора не производят никакого впечатления ее глаза с поволокой, ее воркующий голос, ее грудь под кружевным пеньюаром? Дона Магнолия улыбнулась, у нее в запасе было еще одно неотразимое оружие, и она его немедленно пустит в ход, перейдя в наступление.

И вот однажды знойным вечером, когда неподвижный воздух навевал мечты о легком бризе, приятной истоме и колыбельных песнях, дона Магнолия переступила порог аптеки с коробкой, в которой лежали ампулы. Предпринималась еще одна попытка соблазнить святого Антония. Легкое платье отнюдь не скрывало того, чем щедрая природа в избытке наградила дону Магнолию.

– Доктор, вы можете мне сделать укол?

В накрахмаленном белоснежном халате доктор Теодоро казался еще выше и важнее, ни дать ни взять ученый. Дона Магнолия с легкой улыбкой протянула ему свою коробку.

– Одну минутку… – сказал доктор Теодоро, положив коробку на стол.

Дона Магнолия не спускала с него глаз, с каждой минутой доктор Теодоро нравился ей все больше. Хорошо сложен, сильный, мужественный, и возраст подходящий. Она вздохнула. Доктор поднял глаза на соседку:

– У вас что-нибудь болит?

– Ах, сеу доктор!… – И она улыбнулась, давая понять, что страдает не от физической боли.

– Инъекция? – Доктор Теодоро изучал рецепт, приклеенный к коробке. – Хм… Комплекс витаминов… для поддержания равновесия… Новое лекарство… Но какого равновесия, сеньора? – Он любезно улыбнулся, хотя считал пустой тратой времени и денег все эти впрыскивания.

– Нервного, сеу доктор. Я так чувствительна, вы себе представить не можете.

Доктор Теодоро пинцетом выудил из кипятка иглу и осторожно втянул жидкость в шприц, он не торопился, всему свое время. Изречение, висевшее над рабочим столом, четко выражало его основной принцип: «Место для каждой вещи, и каждая вещь на своем месте». Дона Магнолия прочла и хитро взглянула на доктора: важный мужчина и как уверен в себе!

Намочив в спирте ватку, он поднял шприц:

– Засучите рукав…

Дона Магнолия возразила лукаво:

– Не в руку, доктор…

Тогда доктор Теодоро задернул занавеску, и она открыла его взору еще одно свое сокровище, куда более роскошное, чем то, что выставлялось в окне.

Укола дона Магнолия не почувствовала, у доктора Теодоро была легкая рука; только ватка, смоченная в спирте, приятно холодила кожу. Капелька скатилась по бедру, и дона Магнолия снова вздохнула.

А доктор Теодоро снова ошибся, спросив:

– У вас что-нибудь болит?

Придерживая подол, чтобы похвастать ляжками, дона Магнолия взглянула ему прямо в глаза:

– Неужели вы ничего не понимаете?

Но доктор Теодоро действительно ничего не понимал, и тогда, уже начиная злиться, она опустила подол и сквозь зубы процедила:

– Вы и в самом деле, должно быть, слепы, если ничего не замечаете.

Ее полуоткрытый рот и остекленевшие глаза натолкнули доктора Теодоро на мысль, что он имеет дело с сумасшедшей. А дона Магнолия, растерявшись от такой невиданной тупости, заключила:

– Да вы и вправду размазня!

– Но сеньора…

Она кокетливо коснулась щеки светила фармакологии и выложила ему все без

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

обиняков:

– Неужели вы не видите, глупый, что я влюблена, что я без ума от вас? Неужели это так трудно заметить?

Дона Магнолия двинулась на аптекаря, чтобы заключить его в свои объятия. Даже ребенок не ошибся бы в ее намерениях, если б увидел эти плотоядные губы, этот томный взгляд. Но доктор сказал тихо и строго:

– Уходите!

– Мой прекрасный мулат!

– Убирайтесь! – Доктор отвел ее жадные руки; он был тверд в своих принципах. – Сейчас же вон отсюда!

Величественный в своей непоколебимой стойкости, со шприцем в руках, в белом халате, негодующий доктор походил на изваяние – символ торжества добродетели над пороком. Но оскорбленная дона Магнолия не испытывала ни малейшего раскаяния, ее взор блистал гневом и яростью.

– Хам! Скопец! Ты мне заплатишь за это, слюнтяй! – И она выскочила из аптеки как ошпаренная.

Бедной доне Магнолии, жертве аптекарского равнодушия и непредвиденных обстоятельств, поистине не повезло, так как месть ее привела к самым неожиданным последствиям и полному провалу всех ее планов. Оскорбленная и разгневанная, она пожаловалась тайному агенту, будто «этот вонючий козел фармацевт» пытался делать ей бесстыдные предложения, говорил непристойности и приглашал ее, всем известную своей скромностью, поехать с ним любоваться луной на берег океана. Такого наглеца надо проучить, дать ему несколько увесистых затрещин и, может быть, даже засадить ненадолго в кутузку да отлупить там линейкой по рукам, чтоб научился уважать чужих жен.

Она молчала до сих пор, не желая огорчать его жену, эту достойную женщину. Но сегодня он перешел все границы… Она зашла в аптеку сделать укол и была вынуждена спасаться бегством…

Тайный агент молча выслушал ее, и дона Магнолия, хорошо его знавшая, заметила, как исказилось от злобы его лицо: аптекарь дорого заплатит за нанесенное ей оскорбление, уж на ночь-то его упрячут в тюрьму.

Но в тот же вечер полицейский повздорил со своим коллегой при дележе нескольких мильрейсов, полученных от лотерейных маклеров. В запальчивом диалоге, которому предшествовали удары и пощечины, любовник доны Магнолии обозвал товарища мошенником и услышал в ответ фразу, заставившую его остолбенеть: «Лучше быть мошенником, чем рогоносцем, как ты, любезный». В доказательство коллега перечислил недавние похождения доны Магнолии, а потом сообщил, что пятеро их сослуживцев, не считая инспектора, по очереди украшали рогами лоб своего уважаемого товарища. Если б ему пришло в голову на каждый рог повесить по лампочке, можно было бы осветить полгорода, и хотя он и не мошенник, но все равно позорит полицию. После этого снова последовали оплеухи.

Защитив свою честь, агент помирился с коллегой и от него и некоторых других товарищей получил исчерпывающую информацию. Слышал ли он о Мессалине? Не слышал? Нет, это не проститутка, была такая в древние времена… Так вот, по сравнению с доной Магнолией эта Мессалина непорочная девственница…

Разгневанный агент поклялся отомстить своей возлюбленной, выкрикивая угрозы, которые, впрочем, очень напоминали угрозы доны Магнолии фармацевту:

– Шлюха! Ты мне за это заплатишь!

Он скептически выслушал жалобы доны Магнолии, не перебивая ее, а потом отхлестал по щекам и потребовал откровенных признаний.

Бил агент умело и с удовольствием, а поэтому дона Магнолия рассказала все, что было и чего не было, в том числе и случаи, не имеющие никакого отношения к полицейскому, под конец же она выложила всю правду о том, как обстояло дело с доктором Теодоро, хотя не

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

обошлась без комментариев: здоровенный мужик, но, судя по всему, не все у него в порядке, впервые ей повстречался такой чурбан.

На улице меж тем собралась толпа, привлеченная криками и руганью, доносившимися из дома тайного агента. Кумушки одобряли полицейского, дона Магнолия, как они полагали, получила свое, жаль только с опозданием. Гимназисты же вздрагивали от каждого удара по этому нежному, соблазнительному телу, которое снилось им по ночам.

Дона Флор и дона Норма проникли в дом тайного агента, остальные же предпочитали выражать свое сочувствие или негодование на улице, не желая связываться с полицейским.

– Сеу Тьяго, да что же это такое? Вы хотите убить несчастную? Оставьте ее, – закричала дона Норма.

– Она вполне заслуживает того, чтобы я ее прикончил, шлюху проклятую… – откликнулся агент, нанося последние удары.

– Бедняжка… А вы чудовище!… – воскликнула дона Флор, склонившись над Магнолией.

– Бедняжка? – Полицейский не мог перенести такую несправедливость. – А хотите знать, что эта бедняжка выдумала насчет вашего мужа?

– Моего мужа?

– Она рассказала мне, будто доктор приставал к ней и даже пытался изнасиловать сегодня в аптеке. А когда я ее прижал, она призналась, что все это ложь, что она просто хотела стравить нас и чтобы я с ним посчитался. На самом деле это она приставала к нему, а он не поддался, и это еще не все, что я сегодня услышал. Знаете, сеньора, меня прозвали «позор полиции?» – спросил он мрачно.

Собираясь в кино тем же вечером, дона Флор сказала с улыбкой доктору Теодоро, когда пудрилась перед зеркалом:

– Оказывается, господин доктор, вы пристаете к пациенткам, которые приходят к вам делать уколы… И даже хотели изнасиловать дону Магнолию…

Взглянув на жену, доктор Теодоро понял, что она шутит, а дона Флор и не могла отнестись к этой истории всерьез. Как она ни старалась проникнуться благодарностью к верному мужу, ей никак не удавалось отделаться от забавной картины, которая возникала перед ней: доктор Теодоро стоит со шприцем в руке, а грудастая Магнолия пытается его поцеловать. Разумеется, муж ее человек на редкость порядочный и деликатный. Но что поделаешь, если эта история представляется ей скорее смешной, чем героической?

– Сумасшедшая!… Неужели она могла подумать, что я оскверню свою аптеку, изнасиловав ее?

– Это не было бы насилием, дорогой, ведь она сама к тебе пришла…

Понизив голос – он всегда немного стеснялся касаться подобных тем, – доктор Теодоро сказал:

– Разве я могу смотреть на других женщин, если у меня есть ты, дорогая?

Не было на свете более верного и нежного мужа. Дона Флор подставила ему губы, и доктор Теодоро поцеловал ее.

– Спасибо, Теодоро, я тебе верю.

На улице, у подъездов домов, за аперитивом в баре Мендеса – повсюду мужчины обсуждали последние события, пока дона Магнолия, укрывшись у родителей, принимала соленую ванну, а тайный агент напивался кашасой.

Сеу Вивалдо, владелец похоронного бюро, прямо поставил вопрос: мужчина доктор Теодоро или не мужчина? И не только потому, что Магнолия во всеуслышание заявила о его странной холодности; если уж говорить откровенно, сам сеу Вивалдо считал, что только евнух может устоять перед прелестями Магнолии. Поэтому он и сомневался в мужественности фармацевта. Но Мойзес Алвес, какаовый плантатор, взял аптекаря под защиту.

– Евнух? Бесстыдная ложь! Просто он человек серьезный, отвечающий за свои поступки. А ты хотел, чтобы он согрешил в аптеке?

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Однако сеу Вивалдо был настроен критически.

– Как можно отказаться от такой красотки?! Подумаешь, в аптеке… Да если бы она пришла ко мне в «Цветущий рай», я бы устроился с ней в первом же попавшемся гробу…

Так или иначе, все единодушно порешили: мужчина он или нет, ему следовало не прогонять ее, а назначить свидание.

– Бог дает орехи тому, у кого нет зубов…

Отголоски этих горячих дискуссий, подогретых пивом и кашасой, дошли до ушей доны Флор, как и похвалы подруг и соседок.

– Если бы все мужья были такими, мы бы жили спокойно…

Дона Флор, возмутившись клеветой на мужа, сказала Марии Антонии, своей бывшей ученице и сплетнице, которая пришла ее навестить только для того, чтобы позлорадствовать:

– Если кто-нибудь захочет убедиться в том, что он настоящий мужчина, он может доказать…

– Правда? – рассмеялась Мария Антония, довольная этой шуткой.

Дона Флор тоже рассмеялась. Хоть ей и досаждали эти пересуды, история с доной Магнолией по-прежнему ее развлекала.

Через несколько дней утром к ней зашла Дионизия Ошосси со своим толстым бутузом, чтобы получить благословение крестной. Последнее время она приходила редко и на этот раз рассказала доне Флор о своих огорчениях: ее муж завел любовницу. Разъезжая повсюду на грузовике, он связался с какой-то особой в Жоазейро. Дионизия отправилась к соблазнительнице, после того как получила анонимное письмо, подняла там страшный шум и пригрозила прогнать изменника. Но это была, конечно, только угроза, какой мужчина не грешит на стороне? Она была очень расстроена, даже похудела и лишь теперь немного успокоилась: муж не только порвал с той женщиной, но и вообще перестал ночевать в Жоазейро.

Дона Флор утешила ее: всем женщинам приходится страдать от подобных вещей. Сама дона Флор не так давно узнала об измене, которая ранила ее в самое сердце.

– Неужели и доктор? Даже он? Значит, никому не удается избежать этой участи…

– Кто? Теодоро? Нет, кума Дионизия, Теодоро – это исключение, которое лишь подтверждает правило… Он человек порядочный, за него я готова голову положить на плаху…

И тут дона Флор неожиданно для себя чуть не призналась Дионизии, что история с доной Магнолией огорчила ее гораздо меньше, чем старая связь Инес Васкес дос Сантос с Гулякой, о которой только теперь она узнала. Стоило доне Флор подумать о Миртес, как перед нею возникала тощая притворщица Инес, эта лицемерка, эта потаскуха.

8

Романс разучивался около шести месяцев, пока наконец требовательный маэстро не признал исполнение безупречным. Кстати сказать, в данном случае он был особенно требователен как автор сочинения, посвященного красоте и доброму сердцу доны Флор, «Колыбельная Флорипедес» стала его любимым детищем.

Каждую субботу вечером в любую погоду оркестр собирался на репетицию произведений для предстоящего концерта у Тавейры Пиреса.

Последние месяцы прошли мирно, без особых происшествий, за исключением, пожалуй, дебюта Марилды перед микрофоном радиостанции «Амаралина» – самой молодой и самой популярной станции, – который всколыхнул весь квартал. Можно было подумать, что все эти люди дебютировали вместе с девушкой, такое волнение вдруг их охватило.

Дона Норма возглавила шумную толпу, направившуюся к «Амаралине» в этот праздничный день. Соседи собрали внушительную сумму на подарок и через сеу Самуэла дас Жойаса, торговавшего драгоценностями, прочими товарами и даже контрабандой, приобрели отличные ручные часики современной, оригинальной формы, с гарантией на

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

шесть месяцев. «Швейцарские, на семнадцати камнях и почти даром", – заявил сеу Самуэл, давая понять, что продает их, только желая сделать приятное своей постоянной клиентке доне Норме.

Однако сеу Сампайо, которому вечером показали покупку, установил, что старый торговец снова надул дону Норму, как надувал уже двадцать лет и будет надувать до тех пор, пока кто-нибудь из них не протянет ноги; и если первой придется помирать доне Норме, Самуэл, наверное, постарается всучить ей контрабандные святые дары…

Часы оказались вовсе не швейцарскими и не на семнадцати камнях; они были собраны в Сан-Пауло и все же были неплохие. «Пора покончить с пренебрежительным отношением к отечественной промышленности, она ничуть не хуже любой другой", – заключил патриотически настроенный сеу Зе Сампайо.

В день дебюта, как и следовало ожидать, с доной Марией до Кармо случился нервный припадок, когда она увидела дочь перед микрофоном и диктор объявил, что ее голос нежней, чем у тропической птички. Дона Флор тоже пустила слезу: она питала к Марилде материнскую нежность, многое сделала, чтобы она стояла здесь, у микрофона, и даже повздорила из-за нее с доктором Теодоро. Своим успехом Марилда была обязана всем соседям, но прежде всего доне Флор, которая к тому же наготовила всяких сластей и отнесла к Марилде, где в знаменательный вечер даже открыли бутылку шампанского – подарок Освалдиньо. Дебют молодой певицы был отмечен критикой и слушателями.

Другим важным событием была неожиданная поездка доны Гизы в Соединенные Штаты, которая вызвала много всяких толков. Даже дона Динора, всегда знавшая все наперед, не предвидела, что в Нью-Йорке скончается некий мистер Шелби, оставив наследство доне Гизе. Кто был этот господин и почему он завещал свое состояние преподавательнице английского языка, уже столько лет живущей в Бразилии? Об этом не успели расспросить дону Гизу, поскольку она уехала, никому ничего не сказав и ни с кем не простившись.

Об умершем и его богатстве ходили самые противоречивые слухи. Говорили, будто мистер Шелби был когда-то мужем доны Гизы, а может быть, и ее старой привязанностью. Вариантов было много, но в одном сходились все: дона Гиза получила в наследство от американского миллионера колоссальное состояние, к тому же в долларах, а не в каких-то мильрейсах.

Однако все эти слухи были опровергнуты, когда авиапочтой пришло письмо доне Норме; прежде чем распечатать конверт, дона Норма долго изучала иностранные марки и знакомый почти мужской почерк.

Дона Гиза сообщала о своем возвращении в Баию, о том, что побывала на могиле двоюродного брата («Пусть рассказывает кому-нибудь другому! Он был ее мужем или любовником!» – судачили на улице и в барах кумушки) и уладила все дела. Она действительно получила наследство как единственная родственница, но наследство состояло из старого автомобиля, личных вещей покойного и нескольких акций ближневосточных нефтяных компаний. Дона Гиза все это распродала, и вырученных денег ей едва хватит, чтобы оплатить расходы на поездку. Еще двоюродный брат оставил породистую таксу Монсеньера, с которой она скоро появится на улицах Баии, после того как оформит бумаги, чтобы ввести собаку в Бразилию.

За последние шесть месяцев два этих события, пожалуй, были единственно достойными хроники двух замужеств доны Флор. Остальное время доны Флор занимали репетиции, собрания в Обществе фармакологов, занятия с ученицами, визиты к родственникам и друзьям, посещения кино и любовь по средам и субботам.

Правда, репетиции дона Флор уже не посещала с прежним постоянством, однако не скучала на них, как некоторые жены музыкантов, даже не скрывавшие этого. Она была верной подругой мужа, а значит, разделяла его взгляды и привязанности, но время от времени все же позволяла себе пропустить репетицию, ибо только люди, влюбленные в музыку, способны в монотонном повторении мелодии обретать покой и наслаждение.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Реже стала она бывать и на собраниях Общества фармакологов, где защищались диссертации и велись дебаты по разным вопросам. К чему себя насиловать? Чтобы бороться весь вечер со сном, пытаться вникнуть в суть речей и под конец, сдавшись, погрузиться в дремоту? Дона Флор уснула даже в тот вечер, когда доктор Теодоро защищал свою спорную диссертацию «О замене химических препаратов органическими средствами при лечении от бессонницы». А между тем в этот знаменательный вечер на карту была поставлена научная репутация доктора. Дискуссия шла до глубокой ночи, и, когда взволнованный и счастливый муж взял ее под руку, дона Флор, проснувшись от аплодисментов, едва не попросила у него извинения за то, что спала, словно ей дали лошадиную дозу снотворного…

– Мой дорогой… – только и пролепетала она.

Но доктор Теодоро был так возбужден, что не заметил ее заспанного лица.

– Спасибо, дорогая. Какая победа!

Он раз и навсегда разделался со снотворными, выполнив свой долг гражданина и фармацевта, хотя по-прежнему продавал эти опасные яды, получая неплохой доход, поскольку снотворные были в моде. Доктор Теодоро, образованный и честный фармацевт, был в то же время владельцем процветающей аптеки и не чувствовал от этого никакого неудобства, ибо добросовестно следовал как морали ученого, так и морали торговца.

Но самым важным событием, которое нашло отражение в печати, обсуждалось в самых высоких сферах и всколыхнуло всех портных, был концерт любительского оркестра «Сыновья Орфея» в особняке Тавейры Пиреса, виртуозно игравшего на виолончели.

Не хватит слов, чтобы должным образом описать этот праздник искусства. Если кто-нибудь пожелает узнать о нарядах дам, об их красоте и элегантности, мы посоветуем просмотреть подшивку газеты, издаваемой Таваресом, где был помещен репортаж блестящего Силвиньо Ламеньи, знатока светской жизни. Что касается самого концерта, то все интересующиеся могут ознакомиться со статьями критиков Финеркаеса и Жозе Педрейры либо отчетом Элио Басто, мастера на все руки, не только музыканта, но и любителя изящной словесности. Дона Розилда в своем Назарете вырезала из газет все места, где расхваливалось прекрасное исполнение на фаготе романса Аженора Гомеса, одного из лучших номеров концерта.

В тот вечер дона Флор чувствовала себя на седьмом небе, ибо поднялась она на самую высокую ступень социальной лестницы и была замечена благодаря «изящному орнаменту, которым парижский портной украсил ее платье из ржавого муара, затмившее туалеты многих дам», как писал Силвиньо. На концерте присутствовал весь цвет баиянского общества: политические деятели, финансисты, интеллигенция, архиепископ, начальник полиции, а также утонченные снобы, очищающие карманы богатых родственников.

На улицах, соседних с площадью Второго июля, приглашение получил лишь сеу Зе Сампайо, коллега Пиреса по Коммерческому клубу и его старый товарищ по колледжу. Однако Зе Сампайо не захотел идти.

– Ради бога, оставьте меня в покое, у меня болит селезенка… Иди одна, Норминья, если хочешь…

Конечно, дона Норма пошла, но не одна, а с доной Флор и доктором. («Как можно было пренебречь таким приглашением? На это способен только мой муж, этот дикарь и отшельник!»)

Комендадор Перес сказал доне Имакуладе:

– Я хочу, чтобы вечер прошел как можно лучше… Не надо скупиться…

И дона Имакулада не поскупилась. Пусть характер у нее был не из приятных, но надо отдать должное – она умела устраивать приемы. Был приглашен архитектор Жилбербет Шавес, весьма недешево ценивший свои услуги, для оформления сада, где будет играть оркестр.

– Не стесняйся в расходах, – сказал комендадор архитектору, – я хочу, чтобы все было сделано как следует и со вкусом. Трать сколько надо. – Обычно прижимистый комендадор, если нужно было пустить пыль в глаза, широко открывал свой кошелек.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Маэстро Шавес истратил целое состояние, зато и результат получился ошеломляющий: в сказочном саду был выстроен маленький амфитеатр, поражавший смелостью замысла, не привычной для Баии: «Жилбербет (запомните: Жилбербет, а не Жилберто или Жилберт, как произносят некоторые нувориши) явил во всем блеске свое ультрасовременное дарование" (еще одна цитата из Силвиньо, и наверняка не последняя).

Дона Флор, войдя в сад, остолбенела от восторга, а дона Норма только и смогла выговорить:

– Вот это да!

Хозяева встречали гостей; дона Имакулада в туалете, выписанном из Европы, с лорнетом в руках, комендадор в смокинге и крахмальной сорочке с жестким воротничком, которые мало его украшали. При виде доктора Теодоро с фаготом его лицо расплылось в счастливой улыбке.

– Дражайший Теодоро! Я не дождусь, когда мы сядем играть…

Дона Имакулада протягивала кончики пальцев для поцелуя мужчинам и для легкого рукопожатия женщинам с таким видом, будто гости пришли просить у нее благословения.

– Ну и страшила! – шепнула дона Норма, увидев комендадоршу с лорнетом.

Но дона Флор сочла нужным сообщить, что дона Имакулада – глава миссионерского общества и очень печется о язычниках. Доктор Теодоро получил от нее однажды письмо с просьбой оказать материальную поддержку католическим миссиям в Азии и Африке.

Вскоре пришел Бедняга Урбано в новехоньком смокинге, сшитом на деньги комендадора, который не мог оставить оркестр без скрипача в столь торжественный вечер. Дома его донимала насмешками жена, и он старался укрыться между деревьями, чтобы меньше попадаться на глаза гостям. Доктор Теодоро увел Урбано в амфитеатр, и они оставили там свои инструменты.

Концерт был назначен на половину девятого, но только в десятом часу маэстро Аженору Гомесу удалось собрать музыкантов и начать программу.

Гости, выпивавшие в залах и в саду, не спешили, поэтому пришлось комендадору брать микрофон в руки и сзывать их:

– Концерт начинается, занимайте места, прошу побыстрее…

Никто не посмел ослушаться; призыв хозяина звучал как приказ. Шум тотчас стих, кавалеры и дамы заняли места, но кое-кто остался на ногах в надежде улизнуть. Публика выглядела очень элегантно: смело декольтированные женщины были увешаны драгоценностями, кавалеры в смокингах, маэстро во фраке. Дона Флор и дона Норма уселись в первом ряду, недалеко от доны Имакулады и архиепископа-примаса, которого, если верить слухам, собирались вскоре возвести в кардинальский сан.

Маэстро Аженор Гомес очень волновался, хотя ему уже давно было пора привыкнуть к выступлениям. Но вот он взмахнул дирижерской палочкой.

Первое отделение концерта публика прослушала внимательно и часто аплодировала. Были сыграны марш Шуберта и мелодия Дрдлы, соло на скрипке блистательно исполнил доктор Венсеслау Вейга, вызвав бурю оваций и восторженные возгласы некоторых ценителей, например доктора Итазила Бенисио, тоже врача и артиста. Счастливый маэстро Гомес вытирал пот со лба.

В перерыве гости, как голодные звери, набросились на изысканные закуски, и дона Флор с доной Нормой впервые попробовали икру.

Доне Флор икра, о которой она так много слышала, понравилась, хотя и показалась не совсем привычной на вкус. Дона же Норма, сделав гримасу, призналась подруге, что ей гораздо больше нравится шампанское и она уже выпила два бокала.

Появился доктор Теодоро под руку с Беднягой, которого он силой притащил к столу, и дона Флор положила ему на тарелку всякой закуски, не забыв и об икре.

На второе отделение концерта гостей удалось собрать с большим трудом. Наконец любители музыки заняли свои места, но их оказалось гораздо меньше, чем любителей поесть и выпить. Комендадор, однако, дал знак начинать, маэстро взмахнул палочкой, и оркестр

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

заиграл «Простое признание».

После этого настала очередь соло на виолончели, которое исполнял комендадор Адриано Пирес. Вот когда воцарилась настоящая тишина: даже в буфетной и на кухне замерли слуги и официанты, получившие строжайший наказ от хозяйки не двигаться и не говорить, пока будет играть хозяин.

А комендадор Адриано Пирес, этот сухарь и миллионер, забыл обо всем на свете и вдруг стал самым обыкновенным человеком.

Его наградили долго не смолкавшими аплодисментами; сеу Адриано, указывая на маэстро и оркестрантов, благодарно кланялся. Кричали «браво!», «бис!», и не только знатоки, особенно усердствовал биржевой спекулянт Алирио де Алмейда, который ничего не смыслил в музыке, зато находился в полной зависимости от комендадора.

Бедняга правильно потом говорил, что номер комендадора нужно было делать последним, так как после него большинство приглашенных покинули сад и отправились пить и болтать.

Те, кто не осмелился уйти, слушали невнимательно, а некоторые, все же набравшись храбрости, извинялись перед соседями и устремлялись в дом к столам с едой и питьем.

«Сыновья Орфея», однако, не замечали этого бегства, продолжали играть с прежним вдохновением. Ценители же музыки были раздосадованы этим хождением и перешептыванием. А когда доктор Теодоро, устремив глаза на жену, начал своё соло на фаготе, доне Флор пришлось шикнуть на сидевших сзади. Дона Имакулада тоже обернулась и взглянула через лорнет; этого было достаточно, наступила тишина, больше ни один человек не осмелился подняться!

Звуки фагота парили над садом, сплетая любовный венец на иссиня-черной головке доны Флор.

А дона Флор, полузакрыв глаза, слушала романс и думала о том, как много ей дал ее добрый муж. Вот она сидит там, куда даже не мечтала попасть, – в саду самого аристократического дома Баии, а рядом с нею восседает его преосвященство господин архиепископ-примас в своей пурпурной мантии, подбитой горностаем.

Теодоро дал ей покой и уверенность, окружил комфортом, ввел в великосветское общество. А сейчас извлекает из тощего фагота страстную мелодию любви. Разве можно желать лучшего мужа?

Когда раздались аплодисменты, дона Норма взглянула на подругу: по щеке доны Флор скатилась слеза. Добрая соседка улыбнулась, тоже гордясь успехом доктора.

– Доктор Теодоро играл божественно…

Сама дона Имакулада снизошла до похвалы:

– Ваш муж выступил очень удачно…

В большом зале для приемов начались танцы, как только замерли последние звуки попурри из «Веселой вдовы». Но в саду все еще поздравляли дирижера и оркестрантов. Дона Флор забыла вытереть слезу, и доктор Теодоро, догадавшись о волнении жены, почувствовал себя вознагражденным за шесть месяцев репетиций.

Из дома пришли за Элио Басто, который играл на рояле все танцы. Там уже танцевали вовсю. Доктор Теодоро предложил уходить – было уже за полночь, – но дона Норма попросила остаться на пять минут, ей хотелось выпить еще бокал шампанского.

Она выпила два и в такси весело смеялась, сама не зная чему. А дона Флор сидела, взяв руку мужа в свою. Они обсудили, как прошел концерт и праздник, и сошлись на том, что все было великолепно, стол богатый и изысканный, комендадор, наверное, истратил на все это много денег.

– Слишком много… – сказал доктор. – Даже икра была… Настоящая, русская…

Немного опьяневшая дона Норма лукаво взглянула на доктора Теодоро.

– И вам, доктор, икра понравилась?

– Я слышал, что это деликатес, но попробовал сегодня впервые, не терять же было такой случай, когда-то еще удастся отведать. Однако признаюсь откровенно, дона Норма, я

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

не распробовал как следует… Какой-то странный у нее вкус…

– Странный? – Дона Норма рассмеялась. – Я тоже так считаю. А некоторые находят его приятным.

Сжав руку мужа, дона Флор тихо сказала:

– Мне все очень понравилось – и музыка и как ты играл, Теодоро.

– Лучше не умею… Ведь я только любитель.

А зачем лучше? Кто она такая, чтобы требовать лучшего? Что она положила на чашу брачных весов, чтобы уравновесить состояние, образованность, воспитание и достоинство своего супруга? Ровным счетом ничего. Она, земная и обычная, каких много, и такая незначительная по сравнению со своим возвышенным и ученым Теодоро.

Ожидавший трамвая Бедняга Урбано видел, как они проехали мимо. В руках он держал скрипку и пакет с гостинцами для сии Марикоты.

9

Профессор Эпаминондос Соуза Пинто любил афоризмы, выражавшие, на его взгляд, вековую мудрость и неколебимые истины.

«Счастье не имеет истории, а счастливая жизнь не становится романом», – ответил он Шимбо, этому влиятельному родственнику Гуляки, когда тот спросил его о доне Флор, которую не видел с того памятного карнавала.

– Она снова вышла замуж и счастлива… Примерно год назад соединила свою судьбу с доктором Теодоро Мадурейрой…

– А больше ничего с ней не случилось?

– Насколько мне известно, ничего… – Профессор не упустил случая: – Как справедливо гласит народная мудрость: счастье не имеет истории…

Да, в счастливом существовании доны Флор и доктора Теодоро поистине не случилось ничего, что заслуживало бы описания, и мы не станем удлинять эту и без того внушительную хронику лишними подробностями о спокойных буднях их семейной жизни.

Сама дона Флор в своих письмах к сестре Розалии писала через год после свадьбы, что ничего значительного в ее жизни не происходит.

Она подробно рассказывала о родственниках и соседях, с которыми Розалия уже заочно

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

познакомилась: тетя Лита все болеет, дядя Порто состарился, дона Розилда почти безвыездно сидит в Назарете, Марилда делает успехи на радио, и ее обещали записать на пластинку. Потом следовала забавная история о доне Норме, которая во вторник отказалась идти на крестины, намеченные на субботу, потому что к субботе, по ее подсчетам, непременно умрет один ее знакомый и, использовав уик-энд, можно будет устроить грандиозные похороны. Дона Гиза привезла из Нью-Йорка собаку, длинную, «как колбаса», а ей, доне Флор, – красивую брошку. «Представь, Розалия, эта сумасшедшая американка подарила Теодоро рубашку, всю разрисованную голыми женщинами! Воображаю доктора в этом наряде! Он, конечно, как человек воспитанный, вежливо поблагодарил и не рассердился, но я сразу же убрала эту рубашку на самое дно ящика с бельем, подальше от его глаз, чтобы он не злился на Гизу, ведь она хотела сделать ему приятное». Дона Динора болеет и не выходит из дому, «страдая от ревматизма и оттого, что узнает обо всем из вторых рук!» Приходится гадать на картах, и от злости она предсказывает всем одни несчастья. Даже ей, доне Флор, она заявила, что никогда еще счастье не длилось вечно. Ну есть ли на свете другая такая ненавистница?!

Вот, пожалуй, и все, больше рассказывать не о чем, ничего интересного в ее жизни не происходит, все по-прежнему. Теодоро собирался купить дом, в котором они живут, но один из владельцев аптеки решил продать свою долю и переехать в Рио. Тогда Теодоро посоветовался с ней и объяснил, что, купив эту долю, он станет старшим компаньоном. Дом же они все равно приобретут при первой возможности. У хозяина нет другого выхода, ибо арендная плата до смешного мала.

По правде говоря, доктор уже решил, как ему поступить, и если, спрашивал совета у доны Флор, то делал это просто из такта. «Время идет, а доктор ничуть не меняется, все такой же деликатный и обходительный. Я могу сказать наперед, что он будет делать в то или иное время дня, что скажет в том или ином случае».

Но если жизнь доны Флор текла так размеренно и безмятежно, каких перемен она могла ждать и как могла отнестись к предсказанию какой-то гадалки, прикованной к постели, которая любила прорицать больше, чем комендадор Адриано Пирес играть на виолончели?

Больше того, дона Флор и не возражала бы, если б что-нибудь неожиданно нарушило монотонность ее счастливых дней. «Грешно говорить так, сестра, при моей нынешней жизни и после всего, что я перенесла, но от однообразия устаешь, даже если это счастье. Мне все завидуют, а я очень часто тоскую, сама не знаю почему… Наверное, у твоей сестры дурной характер и она не умеет ценить то, что даровано ей судьбой, а значит, не заслуживает спокойной жизни и хорошего мужа».

Как-то в воскресенье дона Флор пошла к мессе в церковь св. Терезы, где читал проповедь дон Клементе, и после службы заглянула в ризницу, чтобы пригласить священника на празднование первой годовщины их брака с доктором Теодоро. Собственно говоря, ничего особенного не намечалось, просто соберутся близкие друзья на рюмку ликера. Заодно отпразднуют и назначение аптекаря на должность второго казначея в новом правлении баиянского Общества фармакологов.

– С удовольствием приду поздравить вас с годовщиной счастливого и примерного брака, благословенного господом…

Дона Флор удалилась, а падре, в душе которого все еще оставались сомнения в полезности собственной проповеди, радостно улыбнулся: вот чье сердце не знает бурь, вот кто доволен жизнью и поможет ему избавиться от мрачных мыслей.

Дона Флор задержалась в коридоре перед статуей святой Клары, так странно сочетавшейся с вырезанным из дерева ангелом; наглое и простодушное выражение его лица живо напомнило доне Флор легкомысленного Гуляку.

Бедная святая, даже ее добродетель не могла устоять перед дерзким взглядом соблазнителя, она готова была отдать свою честь, свою жизнь, уже обещанное спасение, сменить рай на ад. Да и чего стоят рай и жизнь без ада?

Перед этой оригинальной скульптурой дона Флор простояла довольно долго, а храм,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

этот корабль из камня и извести, подняв паруса, плыл по облакам в голубые небесные просторы.

10

Дона Флор постаралась, чтобы их маленький праздник удался. Это торжество увенчало первый год «счастливой жизни двух родственных душ», как изящно и точно выразился доктор Силвио Феррейра, генеральный секретарь баиянского Общества фармакологов, подняв свой бокал за «досточтимого второго казначея и его уважаемую супругу дону Флор, олицетворяющую собой редкую добродетель и достоинство».

Дона Флор сказала дону Клементе, что у них будет узкий круг, но, переступив порог, падре увидел, что дом полон народу. Авторитет доктора Теодоро и симпатия, которую все испытывали к доне Флор, собрали на этот интимный праздник самых разных людей: руководителей фармацевтического общества, оркестрантов любительского оркестра, торговцев, учениц кулинарной школы, не говоря о старых друзьях хозяйки: богачке доне Маге Патерностро и докторе Луисе Энрике. Даже не поздравив супругов, дон Клементе поторопился обнять этого «маститого ученого», только что удостоенного премии за «Историю Баии», «обладающую не только научной, но и художественной ценностью" (см. статью Жунота Силвейры „Книги и авторы“ в газете „А тарде“).

После речи доктора Феррейры, полной ярких и образных оборотов, доктор Венсеслау Вейга исполнил две арии на скрипке. Ему аплодировали, как и молодой певице Марилде Рамосандраде, хотя она и пела под аккомпанемент одного Освалдиньо, отбивавшего ритм на барабане.

В этом импровизированном концерте доктор Теодоро исполнил национальный гимн, вызвав сенсацию и бурю восторга.

Гости закусывали, выпивали и веселились. В гостиной обосновались мужчины, женщины – в другой комнате, несмотря на решительные протесты доны Гизы, которая считала подобное разделение средневековым абсурдом. Она и еще две-три дамы рискнули присоединиться к мужскому обществу, где пили пиво и рассказывали анекдоты, чем и заслужили осуждение со стороны доны Диноры, все еще страдавшей от ревматизма, что, впрочем, не мешало ей на всех набрасываться.

– Эта Мария Антония – развратница… Полезла к мужчинам, чтобы слушать всякие гадости… Да еще потащила с собой дону Алису и дону Мизету… Об американке я не говорю… Посмотрите, как эта бесстыжая вытягивает шею, чтобы лучше слышать…

Зато дона Неуза Маседо и К° вела себя на редкость примерно. Скромно сидя среди женщин, она с серьезным видом внимала семнадцатилетнему Рамиро, сыну аргентинца, владельца керамической фабрики. Если бы не она, юноше не с кем было бы разговаривать, так как молодежь атаковала Марилду, умоляя ее спеть, а ему не терпелось рассказать кому-нибудь о своих рыболовных успехах.

– Я поймал рыбу кило пять весом.

– О, – воскликнула дона Неуза, – неужели пять? А что вы еще поймали? – Она обдумывала, какое бы прозвище дать отважному рыболову. Пожалуй, «Рыбий жир». Глаза Неузы загорелись.

Между тем аргентинец, отец юноши, столкнулся в дверях с сеу Вивалдо, владельцем похоронного бюро «Цветущий рай», и по своему обыкновению завел разговор. Бернабе отметил элегантность туалета доны Флор, который вызывал зависть у всех присутствующих дам.

– Ничто не красит женщину так, как богатство… Посмотрите, как изящна и прелестна дона Флор…

Сеу Вивалдо посмотрел, а, кстати сказать, он очень любил смотреть на женщин с пышными формами.

– Она всегда была прелестна, хотя красавицей ее нельзя было назвать, что верно, то

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

верно. А теперь она расцвела и стала еще привлекательней, однако деньги тут ни при чем… Все дело в возрасте, мой дорогой, а дона Флор сейчас в самом соку. Не могу понять тех, кому нравятся девчонки, ну какое может быть сравнение с дамой в расцвете сил, когда у нее на платье отрываются крючки…

– А какие глаза!… – поддержал аргентинец, который, видимо, тоже был ценителем женской красоты.

Глаза, разбивающие мужские сердца, сейчас были устремлены вдаль, словно дона Флор предавалась сладостным мечтам. Дорого бы дал сеу Вивалдо, чтобы узнать, почему дона Флор стала такой задумчивой. Она ходила из комнаты в комнату, приветливо беседовала с гостями, как и следует хозяйке дома, но делала это машинально.

Сеу Вивалдо положил руку на руку аргентинца: не деньги делают женщину красивой, сеу Бернабо, а ласковое обхождение, покой. Это выражение глаз, это покачивание бедрами говорит о том, что дона Флор счастлива.

Странное выражение… Когда он уже видел этот потерянный взгляд, будто погруженный в самую глубину сердца? Сеу Вивалдо не без усилий вспоминает: во время бдения у гроба Гуляки. С тем же отсутствующим видом, с каким принимает сегодня поздравления, принимала она тогда соболезнования, будто не замечала вокруг слез, как не замечает сейчас праздничного веселья. Красота доны Флор, понял вдруг сеу Вивалдо, совсем особая, и к ней нельзя подходить с обычной меркой.

В комнате, где собрались женщины, обсуждалась теперешняя супружеская жизнь доны Флор. Жены фармакологов и музыкантов из любительского оркестра мало знали о ее первом браке. А для кумушек не было большего удовольствия, чем сравнивать обоих мужей доны Флор. И ни пикантные анекдоты, которые рассказывали мужчины (а такие бесстыдницы, как Мария Антония, хохотали), ни песни и романсы Марилды, певшей в кругу дам и поклонников, успевших влюбиться в девушку, не могли оторвать их от этого приятного занятия.

Итак, первый брак доны Флор был сущим адом. Только теперь можно в полной мере понять, каким несчастьем, какой ошибкой было это замужество. Сколько пережила бедняжка из-за этого чудовища, игрока и распутника, он даже бил ее.

– Какой кошмар! – Дона Себастьяна прижала руки к полной груди.

Сколько выстрадала дона Флор! Ей приходилось работать, чтобы содержать дом да еще оплачивать долги мужа, который был игроком, то есть страдал пороком, обходящимся дороже прочих. Так что теперешнему счастью доны Флор предшествовали горе и унижения.

Дона Флор слушает эту болтовню, а взгляд ее рассеянно устремлен вдаль. Дона Гиза хохочет над анекдотами, дона Норма упивается пением Марилды, и некому сказать доброго слова о покойном.

Около полуночи ушли последние гости. Дона Себастьяна, потрясенная рассказом о семилетнем мучении хозяйки дома, прикоснулась щекой к щеке доны Флор и участливо сказала:

– Слава богу, сейчас все переменилось, вы заслужили это счастье…

Восходящая звезда Марилда, ослепляя своей красотой студентов, запела на прощание ту самую серенаду, которую пел когда-то доне Флор Гуляка и которая ушла с ним в могилу.

Довольный вечером, доктор Теодоро пошел проводить своих коллег, обсуждавших влияние музыки на лечение некоторых болезней. Доктор Венсеслау Вейга и доктор Силвио Феррейра отстаивали различные точки зрения, и, чтобы дослушать спор до конца, доктор Теодоро довел друзей до трамвая.

Дона Флор осталась одна, и ей вдруг захотелось уйти куда-нибудь подальше от стола, уставленного бутылками, от беспорядка в комнатах, от голосов, доносившихся с улицы, от фагота, молчаливо стоявшего в углу. Она пошла в спальню и зажгла свет.

– Ты? – сказала она нежно и ничуть не удивившись, будто ждала увидеть его здесь.

На железной кровати, обнаженный, как в тот вечер после карнавала, лежал Гуляка и, улыбаясь, манил ее рукой. Дона Флор тоже улыбнулась, да и разве можно было устоять

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

перед этим негодником, перед его простодушным и откровенным взглядом. Даже святой Кларе это не удалось, а уж о доне Флор и говорить нечего.

– Любимая… – услышала она незабываемый ленивый голос.

– Почему ты пришел именно сегодня?

– Потому что ты меня позвала и так настойчиво, что я не мог не прийти… Я здесь, моя дорогая. – И, приподнявшись, он взял ее руку.

Притянув дону Флор к себе, он поцеловал ее, но она успела отвести губы.

– Нет, нет! Ты с ума сошел!

– Но почему?

Дона Флор присела на край кровати, а Гуляка томно растянулся, словно хвастаясь своим красивым телом, которое так любила дона Флор. Она не видела его целых три года, и он ничуть не изменился за это время, совсем такой, как был раньше.

– Ты все такой же, а я вот располнела.

– Ты даже не представляешь, как ты красива… Ты похожа на мясистую сочную луковку, тебя так и хочется укусить… Этот негодяй Вивалдо прав… Как он пялил на тебя глаза!…

– Убери руку, Гуляка, и перестань говорить чепуху. Сеу Вивалдо ни о чем таком не думает, он всегда относился ко мне с уважением… Сейчас же убери руку…

– Почему, дорогая?… Почему я должен ее убрать?

– Ты забыл, Гуляка, что я замужняя женщина? Только мой муж может меня касаться.

Гуляка насмешливо подмигнул.

– А кто же я, по-твоему? Ведь я и есть твой муж! И к тому же первый, у меня преимущество…

Дона Флор не подумала об этом и не сразу нашлась, что ответить.

– Не говори ерунды…

На улице послышались твердые шаги доктора Теодоро.

– Он идет, Гуляка, уходи!… Я очень и очень рада, что повидала тебя… Это было чудесно.

Но Гуляка нисколько не смутился и не собирался уходить.

– Уходи, сумасшедший, сейчас он откроет дверь!

– А почему, собственно, я должен уходить?

– Что я ему скажу, когда он тебя увидит?

– Глупая… Ничего он не увидит, только ты можешь видеть меня.

– Но он ляжет в кровать…

Гуляка с сожалением пожал плечами.

– Этого я не могу ему запретить, но если потесниться, мы поместимся и втроем…

На этот раз дона Флор не на шутку рассердилась.

– Ты что же это обо мне думаешь? Кто тебе дал право обращаться так со мной? Да как ты смеешь? Забыл, что я порядочная женщина…

– Не сердись, моя радость… Ты же сама меня позвала…

– Я только хотела повидать тебя, поговорить…

– Но мы же не успели…

– Вернешься завтра, тогда и поговорим…

– Я не могу так просто уходить и приходить… Или ты думаешь, это все равно что съездить в Санто-Амаро или в Фейру-де-Сант-Ана? По-твоему, мне достаточно сказать: «Я поехал, скоро вернусь?» Нет, дорогая, раз уж я здесь, я обоснуюсь надолго.

– Но ради бога не в спальне, не в кровати! Послушай, Гуляка, даже если он тебя не увидит, я умру от стыда, зная, что ты тут, рядом. Я так не могу. – В голосе доны Флор послышались слезы.

– Ну хорошо, я лягу в гостиной, а завтра все обсудим. Но сначаля поцелуй меня.

Они слышали, как доктор моется в ванной: оттуда доносился шум воды. Дона Флор подставила щеку.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Э… нет, моя радость… Только в губы, иначе я не уйду…

Доктор вот-вот будет в спальне… Что оставалось делать? Пришлось подчиниться тирану.

– Ах, Гуляка… – только и сказала дона Флор, жадные губы закрыли ей рот. О, этот поцелуй!

Гуляка вышел обнаженный и красивый. Золотистый пушок покрывал его руки и ноги, на груди курчавились светлые волосы. А дона Флор никак не могла опомниться после его поцелуя.

– Вечер удался на славу, дорогая, – сказал доктор Теодоро, войдя в спальню. – Все было отлично, и еды, и питья вдоволь. Вот это я люблю – каждая мелочь предусмотрена… – И он стал переодеваться за изголовьем кровати.

– Да, все сошло хорошо, Теодоро.

По случаю торжественной даты дона Флор решила надеть ту рубашку, которая была на ней в их первую брачную ночь в Парипе: с тех пор она ее ни разу не надевала. Взглянув в зеркало, она убедилась в том, что красива и желанна, и захотела, чтобы Гуляка увидел ее.

– Я пойду выпью воды, Теодоро.

Боясь, что Гуляка заснул после утомительного пути, и стараясь не разбудить его, она прошла по коридору на цыпочках. Ей хотелось лишь взглянуть на него, коснуться его лица и, если он не заснул, показать ему хотя бы издалека свою прозрачную рубашку.

Дона Флор вошла в гостиную как раз в ту минуту, когда Гуляка поспешно покидал ее. Сердце доны Флор сжалось: значит, обиженный Гуляка решил уйти и она снова остается одна.

Что ж, может, это и к лучшему Порядочная женщина не должна смотреть на другого мужчину, когда муж ждет ее в постели. Она повидала Гуляку и рада этому. А он ушел. Наверное, так лучше.

Дона Флор направилась в спальню. Но почему он так торопился? Почему решил вдруг уйти, если попасть сюда ему было нелегко? Ушел ли он навсегда или еще вернется?

А может быть, он отправился побродить по ночной Баии, посмотреть, как без него идет игра? Решил побывать в «Паласе», в игорном доме «Три герцога», а «Табарисе», в притоне Паранагуа Вентуры?

V. Об отчаянной борьбе между духом и плотью, о странных и невероятных событиях, которые возможны только в городе Баия, хотите верьте, хотите нет…

(в сопровождении африканских барабанов и шутливой песенки Эшу «Только закрыл я дверь и снова велел открыть»)

КУЛИНАРНАЯ ШКОЛА «ВКУС И ИСКУССТВО»

ЧТО ЕДЯТ И ЧЕГО НЕ ЛЮБЯТ БОЖЕСТВА ОРИША

(Со слов Дионизии Ошосси)

Шанго любит черепаху и баранину.
Эрива, богиня источников, терпеть не может кашасу и курицу.
Ийа Массэ любит конкем.
Для Огуна готовьте козла и петуха.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Ошун предпочитает блюда с бататом, луком и креветками. В качестве гарнира к козлятине – кукурузную муку с пальмовым маслом и пчелиный мед.

Ошосси, божество наиболее почитаемое, крайне привередлив. В лесу он охотится на вепря, а рыбу ест только очищенную, не выносит батата и белой фасоли.

Воинственной богине Янсан, презирающей смерть, не следует подавать салат-латук или сапоти, она любит акараже.

Фасоль с кукурузой любит Ошумара, а Нанан – хорошо приправленное каруру.

Доктор Теодоро поклоняется Ошале, как все серьезные и вежливые люди. Когда он важно шествует в своем белом костюме, с фаготом в руках, он напоминает Ошолуфана, самого великого из всех богов, который любит батат и белую фасоль. Ошале не выносит никаких приправ, не употребляет соли и терпеть не может оливкового масла.

Говорят, что божеством Гуляки был Эшу. Но даже если Эшу и дьявол, так что из этого? Возможно, это Люцифер, падший ангел, который оделся в огонь и пошел против бога.

Эшу ест все, что попадется, но пьет только чистую кашасу. Ночью Эшу бродит у перекрестков, чтобы выбрать самую трудную, самую узкую, самую неудобную дорогу. Это все знают, ибо все Эшу озорники.

А самый озорной – Эшу Гуляки.

1

Скоро крупье объявит последнюю ставку, уже близок рассвет, и все устали. Мадам Клодетта ходит от игрока к игроку и с мольбой протягивает руку. Ей уже не удается придать своему голосу хотя бы немного игривости. Самолюбия у нее тоже не осталось, остался лишь страх перед голодом. Она не говорит больше с парижским акцентом: «mon chйri», «mon petit coco», «mon chou», – лишь шамкает беззубым ртом, умоляя дать ей фишку хотя бы в пять мильрейсов. Не для того, чтобы сыграть, а чтобы выменять ее на деньги и быть назавтра сытой.

Если бы ей удалось проникнуть в казино, обманув бдительность швейцара или растрогав его, она, конечно, поставила бы эту фишку и, может быть, выиграла, а значит, уплатила за нору в грязном доме на Пелоуриньо, где она живет вместе с мышами и отвратительными черными тараканами, которые заползают к ней в постель. Каждое утро ее будят крики и ругань Федоренто, управляющего сеньоры Имакулады Тавейры Пирес, владелицы этого и многих других домов, населенных беднотой, доход от которых идет на благотворительность.

Впрочем, у нее была слабая надежда добиться отсрочки на день или на два, если Федоренто придет к ней и ей удастся его ублажить. Но о ласках Федоренто даже мадам Клодетта, так низко опустившаяся, думала со страхом.

Сейчас ей было около семидесяти, если не семьдесят. Почти лысая, беззубая, слепая, она разумеется, уже не могла заниматься своей профессией. Мадам Клодетта приехала в Баию в расцвете сил и красоты и, хоть ей тогда было сорок, выглядела она на двадцать пять. До этого она уже побывала в Буэнос-Айресе, Монтевидео, Сан-Пауло, Рио. Но о своем блестящем и бурном прошлом она сохранила лишь очень смутные воспоминания, ибо роскошь и богатство миновали, не оставив никакого светлого следа в ее жизни.

Начав с шикарной гостиницы «Европа» на Театральной площади, где какаовые полковники бросали к ее ногам пятисотмильрейсовые бумажки, после долгих блужданий она оказалась у грязных канав Жулиана и Пилара. Но потом и там для нее не стало места. Она теснилась в жалких комнатушках и голодала. А по вечерам бродила в самых темных закоулках, предлагая себя за гроши. Однажды какой-то негр пожалел ее и почти ласково сказал, дав монетку:

– Иди лучше к своим внукам, бабка, ты уже никуда не годишься…

Но у нее не было ни внуков, ни родственников, ни друзей – никого. Ей нечего было

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

надеть: от ее элегантных платьев остались лишь жалкие тряпки. Она распродала все, что имела. Последнюю дорогую вещь – бирюзовое кольцо – которое мадам Клодетта долго хранила, она продала лет десять назад, а может быть, и больше (мадам Клодетта уже давно потеряла счет времени) одному легкомысленному, но галантному кавалеру за очень приличную цену.

Стоя сейчас у рулетки, когда делалась последняя ставка, мадам Клодетта, у которой не было ни фишек, ни денег, ни надежды, вспоминала Гуляку. Был ли он в выигрыше или в проигрыше, везло ему или не везло, он никогда не забывал дать ей хотя бы одну фишку в десять тостанов.

Если б Гуляка был жив, он бы наверняка дал ей хоть одну фишку, продав которую, она смогла бы съесть бифштекс с фасолью и купить пачку сигарет. Да еще улыбнувшись своей дерзкой улыбкой, сказал бы: «К вашим услугам, мадам, всегда к вашим услугам», – а она ответила бы: «Merci, mon chou». Но, к сожалению, он умер молодым, кажется, во время карнавала, если ей не изменяет память.

Как раз в ту минуту, когда она вспоминала о Гуляке, случилось нечто невероятное: крупье, который принимал ставку, вдруг хрипло вскрикнул и разжал руки – груда разноцветных фишек рассыпалась по полу.

Игроки бросились подбирать их, началась свалка, мужчины и женщины ползали по ковру, выхватывая друг у друга фишки, и только мадам Клодетта, словно оцепенев, продолжала стоять на месте. Наконец крупье пришел в себя и собрал уцелевшие фишки.

Вдруг мадам Клодетта почувствовала, как чья-то рука опустила ей за декольте перламутровую фишку в пятьсот мильрейсов: этой суммы с избытком хватит на то, чтобы заплатить за комнату и обедать две недели.

«Я к вашим услугам, мадам, всегда к вашим услугам». Ей показалось, что она слышит этот дерзкий, насмешливый голос. «Merci, mon chou», – машинально ответила она по старой привычке и направилась к кассе получить деньги. Голодная, измученная мадам Клодетта была не в силах искать объяснение случившемуся. Наверное, игрок подобрее сунул ей за пазуху одну из украденных фишек. Но кто бы он ни был, она поблагодарила его: «Merci, старина».

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

2

Дона Флор проснулась и сразу же вскочила: доктор Теодоро уже принял ванну, побрился и начал одеваться.

– Я проспала все на свете.

– Ты, должно быть, до смерти устала, дорогая, это вполне естественно. Шутка ли сказать приготовить закуску, принять гостей, занимать их… Тебе надо отдохнуть. Почему бы тебе еще не полежать немного, завтрак мне подаст служанка…

– Полежать? Но ведь я не больна…

Дона Флор быстро встала: по утрам она всегда готовила кофе и кускус, только она могла сделать тесто по вкусу мужа – легкое и пышное.

Она нисколько не устала после вчерашнего праздника, она устала от бессонной ночи, как в прежние времена, когда напряженно прислушивалась к шагам на улице. К тому же она беспокоилась, не заметил ли Теодоро некоторой странности в ее поведении, когда они остались наедине: хотя была не среда и не суббота, дона Флор надела прозрачную ночную рубашку с кружевами.

– Какое приятное воспоминание, дорогая, – сказал доктор. – Есть даты, которые нельзя не отметить, и прости меня, если я сегодня нарушу наш календарь… – Теодоро и тут проявил деликатность, какая женщина не оценила бы этого?

Дона Флор согласилась, но чувства ее были в смятении. Ее губы все еще хранили пряный вкус поцелуев Гуляки, и поэтому поцелуй доктора показался ей пресным. Словом, эта ночь очень напоминала ночь в Парипе; дона Флор была так же скованна, и мужу не сразу удалось преодолеть ее сдержанность.

Рано утром, когда первый робкий луч лег на стены комнаты, дона Флор услышала далекие шаги и заснула тяжелым сном, словно ей дали снотворного.

Надев домашние туфли и халат в цветах поверх ночной рубашки, она причесалась и пошла на кухню. Но, проходя через гостиную, заметила Гуляку, растянувшегося на диване в своей бесстыдной наготе. Пришлось разбудить его, прежде чем заняться кускусом (из кухни уже доносился аромат кофе, сваренного служанкой). Когда дона Флор дотронулась до плеча Гуляки, он, открыв один глаз, проворчал:

– Дай мне поспать, я ведь только пришел…

– Но тебе нельзя спать в гостиной…

– Это почему?

– Я уже говорила: мне неудобно…

Он сделал недовольный жест.

– А я-то при чем?… Оставь меня в покое…

– Опять ты за свое… Ну пожалуйста, Гуляка, прошу тебя!

Он снова открыл глаза и лениво улыбнулся.

– Ну хорошо, глупышка, пойду в спальню… Мой коллега уже вышел оттуда?

– Коллега?

– Да, твой доктор… Разве мы оба не мужья тебе? А значит, коллеги, моя милая… – Он лукаво посмотрел на нее.

– Немедленно прекрати свои шуточки!…

Она произнесла это громко, и тут же из кухни раздался голос служанки:

– Вы что-то сказали, дона Флор?

– Сказала, что сейчас приду готовить кускус…

– Не сердись, любимая… – Гуляка встал.

Он протянул руку и хотел схватить дону Флор, но она уклонилась от его объятий.

– Ты с ума сошел…

В коридоре мужчины встретились, и, глядя, как они проходят один мимо другого, дона Флор почувствовала нежность к ним обоим, столь непохожим, столь разным. «Коллеги», –

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

вспомнила она и усмехнулась, но тут же спохватилась: «Боже, я становлюсь такой же бесстыдной, как Гуляка». А тот подмигнул ей с видом заговорщика и показал доктору язык. Дона Флор рассердилась. Нет, она не станет терпеть его хулиганские выходки, пора бы ему научиться вести себя в приличном доме.

Чисто выбритый доктор, уже надевший жилет и пиджак, ласково сказал ей:

– Мы сегодня немножко припоздились, дорогая…

«Боже мой, кускус…» – ахнула Флор и побежала на кухню.

3

К концу занятий утренней группы дона Флор вдруг совершенно ясно почувствовала, что Гуляка здесь, хотя пока не видела его.

Дона Флор никак не могла привыкнуть к тому, что только она одна его видит, и поэтому, обнаружив совершенно голого Гуляку около стола, пришла в ужас, но, тут же вспомнив, что ученицы его, слава богу, не видят, успокоилась.

Ученицы продолжали смеяться и шутить, не подозревая, что среди них мужчина, который оценивающим взглядом рассматривает самых хорошеньких девушек. Гуляка опять взялся за свое: как и раньше, явился мешать доне Флор и приставать к ученицам. Кстати, он еще должен рассказать ей, что у него было с этой кривлякой Инес Васкес дос Сантос.

С самым веселым и беззаботным видом он, пританцовывая, трижды обошел вокруг личной секретарши могущественного магната сеньора Пеланки Моуласа Зулмиры Симоэнс Фагундос, величественной креолки с роскошными бедрами и пышной грудью.

Оценив по достоинству бедра Зулмиры, Гуляка решил выяснить, насколько упруга ее грудь, казавшаяся отлитой из бронзы. Для этого он поднялся в воздух и, перевернувшись кверху ногами, заглянул за декольте красотки.

Дона Флор буквально онемела от ужаса: она еще никогда не видела Гуляку парящим в воздухе, однако он чувствовал себя там так же непринужденно, как на земле, и даже еще непринужденнее, ибо мог принять любую позу, даже висеть вниз головой.

Ученицы, правда, не могли его видеть, но вероятно, ощущали что-то необычное, так как были слишком возбуждены, то и дело смеялись, болтали и дурачились. Дона Флор разъярилась: Гуляка перешел всякие границы.

Так оно и было, ибо, не удовлетворившись осмотром, он сунул руку за декольте, чтобы выяснить, из чего все-таки сделаны эти дивные творения природы…

– Ой! – испугалась Зулмира. – Меня кто-то трогает…

Дона Флор, совсем потеряв голову от подобной наглости, крикнула:

– Гуляка!

– Кто? Что с вами? Что вы сказали? – Удивленные ученицы окружили Зулмиру и дону Флор. – Что случилось, дона Флор? Что с тобой, Зулмира?

Зулмира кокетливо вздохнула.

– Мне показалось, что кто-то схватил меня за грудь…

– Было больно?

– Нет… Скорее приятно…

Дона Флор взяла себя в руки, зато Гуляку вспугнул ее тревожный возглас.

4

В тот день Гуляка несколько раз насмешливо повторил:

– Посмотрим, кто окажется сильней… Ты со своим доктором и своей гордостью или я…

– С чем?

– Со своей любовью…

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Это был прямой вызов. Дона Флор чувствовала себя уверенно, заручившись накануне обещанием Гуляки не применять силу, к тому же она вообще была не из робкого десятка и ничем не рисковала: кто прошел через ад вдовства, устояв против всех соблазнов, не боится угроз.

– Честь для меня превыше всего…

Гуляка рассмеялся.

– Ты рассуждаешь, как твой доктор, любимая. Ты очень смешна и старомодна, точно какой-нибудь профессор…

Теперь настала ее очередь смеяться.

– Так я и есть профессор, ведь я начала преподавать в школе еще до того, как познакомилась с ним и с тобой. Кстати, меня как преподавательницу очень ценят…

– Нечего хвастаться, кухонная профессорша…

– По-твоему, я стала тщеславной? Я изменилась?

– Ты никогда не переменишься, моя любимая. Твое единственное достояние – добродетель. Но однажды мне удалось ее победить, думаю удастся и теперь… Какой бы ты профессоршей ни была, в постели ты моя ученица. И я явился, чтобы завершить твое обучение…

Так, шутя и смеясь, они проговорили почти до обеда. Дона Флор нисколько не сомневалась, что Гуляке никогда не сломить ее упорства, упорства честной и верной жены. Одно дело неопытная девушка, захваченная первым чувством, другое – много испытавшая женщина, знающая цену горя и радости. Гуляка ничего от нее не добьется. Однако он не верил в стойкость доны Флор.

– Ты будешь моей в самый неожиданный для тебя момент. Как и тогда… И знаешь, почему?

– Почему?

И этот нахал объяснил:

– Потому что любишь меня и, даже не подозреваешь, что сама того хочешь…

Какое коварство, какая самонадеянность! Но дона Флор оставалась тверда в своем решении бороться с соблазном.

– На этот раз у тебя это не пройдет… только зря потеряешь время…

Ясный, тихий вечер начался тревожно.

Когда после занятий вечерней группы дона Флор вышла из ванной в бюстгальтере и трусиках и села перед зеркалом причесываться, откуда-то сверху послышался одобрительный возглас. Между тем, прежде чем отправиться в ванную, она убедилась, что оба ее мужа отсутствуют. Доктор все еще был в аптеке, Гуляка после того как напугал Зулмиру, больше не появлялся.

А теперь он сидел на шкафу и болтал ногами. В полумраке комнаты казалось, будто он выточен из того же дерева, что и ангел в церкви св. Терезы. Нескромный взгляд Гуляки с ее мокрых плеч медленно скользнул вниз.

– Боже мой! – прошептала дона Флор и схватила халат, чтобы накинуть на себя.

– К чему это, любимая? Разве я не знаю тебя всю от волос до ножек?

Его обнаженное тело легко оторвалось от шкафа и опустилось на новый пружинный матрац.

– Да он мягкий, как облако! Поздравляю, дорогая, с удачной покупкой.

Гуляка лениво растянулся, на его губах появилась зовущая, томная улыбка. Дона Флор, стараясь держаться в тени, наблюдала за ним.

– Иди ко мне, Флор, ложись рядом, давай немножко позабавимся на этом превосходном матраце…

Все еще сердясь за его нелепую шутку с Зулмирой, дона Флор ответила резко:

– Тебе мало того, что ты натворил? Так ты еще спрятался, чтобы наблюдать за мной? Я вижу, ты не стал вежливее за это время, а мог бы…

– Иди сюда, любимая…

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– И он еще смеет звать меня к себе! Ты думаешь, я совсем потеряла стыд?

Но Гуляка был настроен миролюбиво.

– Ну что ты злишься, дорогая? Что я такого сделал? Подумаешь, решил немножко ознакомиться со сложением девушки, но только из любопытства. Мне хотелось узнать, из чего сделано это чудо, принадлежащее Пеланки Моуласу. – Он рассмеялся, а затем, понизив голос, снова попросил: – Иди сюда, моя хорошая, ну хоть сядь рядом со своим муженьком, раз уж ты боишься лечь. Давай немного поболтаем, ты ведь сама сказала, что нам нужно поговорить.

– Если я сяду, ты прибегнешь к силе…

– Ах! Если бы я мог… Если бы я мог прибегнуть к силе, разве я стал бы терять время на уговоры! Силой, милая, я никогда не буду добиваться твоей любви, заруби это себе на носу…

– Тебе запретили взять меня силой?

– Запретили? Кто? Ни бог, ни черт не могут мне ничего запретить. Неужели ты этого не поняла, прожив со мной семь лет?

– Тогда в чем дело?

– А раньше я когда-нибудь прибегал к силе? Хотя бы раз?

– Никогда…

– Просто я давно поклялся себе, что никогда ни одну женщину не возьму силой. Я, милая, хочу получать только то, что мне дают по доброй воле. Разве может доставить удовольствие то, что отобрано насильно?

Пристально взглянув на нее, он улыбнулся.

– Ты мне отдашься сама, прекрасная Флорзинья, и я с ума схожу в ожидании этой минуты. Но только когда ты этого захочешь. Я не желаю, чтобы к нашей любви примешивалась ненависть.

Она знала: все, что он говорит, – чистая правда. И наконец решилась присесть на край кровати. Гуляка лежал рядом и внимательно наблюдал за ней. Дона Флор немного успокоилась, однако прежняя ее уверенность в себе была поколеблена. Стоило ей присесть на кровать, как Гуляка стал ласково гладить ее. Она тотчас с возмущением поднялась.

– Ты просто обманщик… Я думала, ты умеешь держать слово… А ты тут же дал волю рукам…

– Ну и что? Я только немножко тебя погладил. Послушай, дорогая, если я сказал, что не применю силу, это вовсе не значит, что я вообще не буду добиваться тебя. Всякий раз, как я смогу тебя погладить, я буду гладить, когда смогу поцеловать, поцелую. Да, моя Флор, я сделаю все, чтобы ты мне отдалась, и поскорее, потому что я слишком изголодался по тебе за это время.

Итак, ее честь и достоинство под угрозой: Гуляка признался, что пустит в ход свое обаяние и свою хитрость.

– Я не скрываю, Флор, что буду тебя искушать, и, когда твой доктор меньше всего будет подозревать об этом, он окажется с рогами. И по-моему, они ему очень пойдут.

Ну нет, хоть ее первый муж известный донжуан и умелый соблазнитель, на сей раз ему не удастся овладеть доной Флор. Ему не удастся ни покорить, ни обмануть ее, честную женщину, которая не станет позорить ни своего имени, ни имени Теодоро. Дона Флор приняла вызов и снова уселась на край кровати.

– Не смей так говорить, Гуляка, это нехорошо. Ты должен с уважением относиться к моему мужу… Оставим эти пустые разговоры и давай потолкуем серьезно. Если я тебя и звала, как ты утверждаешь, то только для того, чтобы повидать тебя, когда мне становится особенно тоскливо. У меня и в голове не было никаких глупостей. Почему ты так плохо думаешь обо мне?

– Я? Разве я когда-нибудь говорил это?

– Семь лет я была твоей женой, а ты слонялся по улицам, торчал в игорных домах, валялся в постели со всеми шлюхами Баии, да еще путался с девушками и замужними

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

женщинами… Кстати, раз уж об этом зашла речь, я только недавно узнала, что у тебя был роман с этой чахоточной Инес, которая училась у меня в школе…

– Инес? Это такая тощая? – Гуляка, немного порывшись в памяти, вспомнил стройную Инес Васкес дос Сантос с хищной мордочкой.

– Помню, помню, кожа да кости… Неужели ты расстроилась из-за этого пустякового флирта? Случайная встреча и, скажу прямо, не из лучших. К тому же это было так давно, стоит ли ворошить прошлое?

– Ах, прошлое? Но я-то об этом узнала совсем недавно… Натерпелась я стыда! Ты умер, я снова вышла замуж, а мне продолжают рассказывать о твоем распутстве. Поэтому я и позвала тебя, мне хотелось кое-что выяснить. А ты вообразил бог знает что…

– Но, дорогая, как бы там ни было, я здесь, и ничего плохого не случится, если мы с тобой немного побалуемся. Надо пользоваться возможностью. Ты ведь тоже этого хочешь, а обо мне и говорить не приходится.

– Ты хорошо знаешь, я не из тех женщин, которые обманывают своих мужей. Семь лет ты издевался надо мной, унижал меня… Все соседи возмущались…

– И ты обращаешь внимание на этих сов?

– Другая давно бы бросила тебя, наставила тебе рога, опозорила. А я терпела, потому что я, слава богу, порядочная женщина, я ни разу не взглянула на другого мужчину, пока ты был жив…

– Знаю, дорогая…

– А если знаешь, почему хочешь, чтобы я обманула Теодоро, моего мужа, достойного, хорошего человека? Он носит меня на руках, никогда мне не изменял. Никогда, Гуляка. Однажды даже… – Дона Флор умолкла на полуслове.

– Что даже, милая? – вкрадчиво спросил он. – Расскажи…

– За ним увивается немало женщин, но он не замечает их…

– Немало, говоришь? По-моему, ты преувеличиваешь, дорогая, разве что Магнолия, первая шлюха Баии. Во всей этой истории он вел себя страшно глупо. Где это видано, чтобы солидный мужчина, доктор, испугался женщины, как мальчишка, только что «караул» не

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

закричал. Просто позор… Ты знаешь, как его прозвали после этого? Доктор Клизма…

– Перестань, Гуляка. Не смей насмехаться над моим мужем, не смей… Я его очень люблю, очень ценю его отношение ко мне и никогда не опозорю…

– Но ты ведь первая затеяла этот разговор, моя птичка. Ответь мне, но только правду: кого ты больше любишь? Меня или его?

Он положил голову на грудь доны Флор, и она нежно перебирала его волосы. Каверзный вопрос Гуляки ее смутил.

– Я не стану его обманывать, он этого не заслуживает…

На лице Гуляки блуждала невинная, почти детская улыбка. Дона Флор коснулась волос на его груди, и тогда он с уверенностью сказал:

– Я не сомневаюсь, что меня ты любишь больше.

– Нет, ты этого не достоин…

Рука доны Флор касается шрама от ножа: ей нравится гладить этот шрам, напоминающий о драке после бегства Гуляки из колледжа. Ах Гуляка, как он легкомыслен и как красив!

Слабый ветерок проникает в комнату, мешая свет и вечерние тени.

– Я очень тосковал по тебе, дорогая, тоска давила мне грудь, словно сырая земля. Я хотел прийти к тебе, когда ты впервые позвала меня, но меня держал мокан, который дал тебе Диди. Только теперь я от него освободился… Потому что ты позвала меня по-настоящему, я действительно тебе нужен…

– Я тоже все это время тосковала по тебе… Хоть я и мучилась с тобой, когда ты умер, я тоже чуть не умерла…

Доне Флор вдруг захотелось смеяться, а может быть, и плакать – она сама не понимала. От ласковых рук Гуляки, от головы, лежащей на ее груди, исходило тепло и не хотелось шевелиться. Красивая белокурая голова! Дона Флор медленно наклонилась к лицу Гуляки, он поднял свое и вдруг поцеловал ее в губы.

Дона Флор поспешила вырваться из его объятий, почувствовав, что теряет власть над собой.

– Ах, боже! Боже!

Она не смела хотя бы на минуту поддаться страсти, допустить хотя бы малейшую оплошность, если не хотела, чтобы дьявол ее одурачил.

Насвистывая, Гуляка поднялся и пошел рыться в ящиках шкафа. То ли из любопытства, то ли чтобы не мешать доне Флор собрать остатки ослабевшей воли и решимости.

5

Когда доктор пришел обедать, дона Флор уже полностью овладела собой, твердо решив остаться верной мужу, сохранить незапятнанным его имя и его репутацию. «Я никогда не запятнаю твое имя и не наставлю тебе рогов, Теодоро, уж лучше умереть».

Нужно было противостоять обольщениям Гуляки, не идти навстречу его постыдным домогательствам, иначе, как писал автор брошюры об учении йогов, чистые чувства и честь окажутся поруганными.

Если Гуляка и впредь захочет с нею видеться, то ей следует поддерживать с ним чисто платонические отношения, никаких других дона Флор не могла себе позволить.

Она не скрывала и даже не пыталась скрыть своего чувства к покойному мужу, который ввел когда-то глупую девчонку в новый мир радостей и страданий. Это было странное чувство, не совсем понятное даже самой доне Флор.

Она была счастлива видеть этого разбойника, была счастлива говорить с ним, охотно смеялась его шуткам, ее сердце снова сжималось, как в те бессонные ночи, когда она прислушивалась к шагам по тихой улице. Однако теперь их отношения скорее напоминали нежную дружбу без прежних ссор, без бурных вспышек страсти. Ах, вот где таится опасность! Здесь легче всего попасть в западню!

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Сейчас, когда она снова замужем и счастлива с Теодоро, их отношения с Гулякой должны быть целомудренными, а их бесстыдная страсть должна превратиться в платоническую, возвышенную влюбленность. Только ее второй муж, доктор Теодоро, теперь имеет право на ее любовь – по средам и субботам. Для Гуляки же остается время сна, единственно свободное от супружеского счастья время, и как знать, может быть, счастье доны Флор в какой-то степени зависит от этих снов?

Если бы Гуляка согласился на нежное, платоническое чувство, его присутствие доставило бы ей радость, внесло бы приятное разнообразие в ее размеренную жизнь, скрасив монотонность, которая теперь стала для доны Флор неотделимой от счастья. Вот что изрек по этому поводу Мирандон, уже известный вам философ и моралист:

– Счастье – штука довольно скучная, она быстро приедается.

Если же Гуляка не захочет ограничиться невинными отношениями, дона Флор расстанется с ним навсегда, порвет духовную связь, ибо даже она, эта связь, может стать грешной и украсить рогами светлое чело ее благородного мужа.

Успокоившись и приняв твердое решение, дона Флор, посасывая мятную лепешку, чтобы заглушить пряный вкус поцелуя Гуляки, встретила доктора Теодоро, как обычно, ласково. Она взяла у него пиджак и жилет и принесла легкую пижамную куртку. Обедая, работая за письменным столом или играя на фаготе, доктор всегда надевал пижамную куртку – так он чувствовал себя свободнее.

За столом дона Флор заметила, что супруг ее чем-то озабочен. Он почти не говорил, ел вяло даже свои любимые кушанья – филе с жареной маниоковой мукой и яйцами, язык и перец. Доктор был явно чем-то обеспокоен, и дона Флор, как и положено хорошей жене, встревожилась.

Лишь когда они пили кофе, доктор Теодоро наконец заговорил, хотя и с трудом:

– Я хочу посоветоваться с тобой, дорогая, насчет одного важного дела, касающегося нас обоих…

– Я слушаю, дорогой…

Доктор Теодоро, не зная, как начать, снова умолк. Нерешительность мужа еще больше встревожила дону Флор, которая забыла о собственных волнениях.

– Что-нибудь случилось, Теодоро?

Он взглянул на нее и откашлялся.

– Мне хотелось бы знать твое мнение, давай решать, что для нас будет выгоднее.

– Боже мой, да что случилось? Умоляю, говори скорее, Теодоро…

– Дело в том, что… Словом, дом продается…

– Какой дом? В котором мы живем?

– Да. Ты знаешь, я скопил денег на покупку этого дома, как ты хотела. Но деньги понадобились на другое…

– Знаю… Ты имеешь в виду аптеку…

– …Подвернулась возможность приобрести еще один пай, который фактически делал меня владельцем аптеки… Я не мог поступить по-другому…

– Ты правильно сделал, иначе и нельзя было. Я сама сказала тебе тогда, что дом мы купим потом.

– Так-то оно так… Но дело в том, дорогая, что теперь объявлено о продаже дома и почти за бесценок…

– Но ведь они должны отдать нам предпочтение.

– Это верно, но…

Оказывается, владелец дома занялся разведением скота и, истратив крупную сумму на покупку бычков и телок, решил продать дом. И хотя дона Флор была его давним и аккуратным арендатором, она лишилась всех привилегий, поскольку в свое время отказалась от покупки, когда сделка уже была заключена и оставалось только оформить бумаги. Хозяин не мог ждать, пока доктор Теодоро скупит все паи в своей аптеки. Деньги ему были нужны немедленно. Какой ему прок от дома, если арендная плата столь мизерна? Гораздо выгоднее

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

разводить зебу, мясо которых очень ценится. Продажу дома хозяин поручил отделу недвижимости банка, где директором был его друг Селестино. Желающие приобрести дом наверняка найдутся, цена весьма умеренная.

Селестино по телефону срочно вызвал доктора Теодоро к себе в банк. Изложив суть дела, он посоветовал приобрести дом, более выгодной сделки не придумаешь; сумасбродный– приятель продает дом едва ли не даром, ему, видите ли, понадобились деньги на партию скота.

– Когда его затея лопнет, маэстро Теодоро, пострадает не один хороший человек… Но мой банк не отпустит ни гроша на эту аферу… Покупайте дом и не раздумывайте.

Португалец был прав, у доктора Теодоро безумная затея с разведением телят тоже не вызывала доверия. Но где достать необходимую сумму? Совсем недавно он истратил все свои сбережения на приобретение пая в аптеке да еще взял в банке того же Селестино деньги под краткосрочные векселя.

Банкир знал аптекаря как человека надежного, да и сам доктор никогда не пошел бы на риск, не имея полной уверенности в том, что сможет в нужные сроки погасить долг. Селестино улыбнулся: подумать только, дона Флор, эта добрая, скромная женщина, искусная повариха, взяла себе в мужья двух совершенно разных мужчин. Разве предложил бы он деньги взаймы Гуляке, как предлагал сейчас аптекарю? Тот готов был подписать что угодно, лишь бы получить несколько мильрейсов на игру в рулетку.

– Достаньте часть суммы, нужной для покупки, а остальное я дам вам под залог дома. Вот смотрите…

И, взяв карандаш, Селестино произвел подсчет. Пусть доктор добудет несколько конторейсов, остальное его не должно беспокоить, он получит долгосрочную, льготную ссуду под низкие проценты. Предложение португальца было поистине великодушно, и он еще присовокупил, что знает дону Флор со времен ее первого брака, не раз пробовал приготовленные ею деликатесы и всегда относился к ней с почтением. Впрочем, не меньше он уважает и доктора Теодоро как человека порядочного и прямого. Остался неупомянутым разве только покойный Гуляка, разумеется по соображениям такта. Однако, вспомнив плута, Селестино снова любезно улыбнулся второму мужу доны Флор и продлил срок ссуды еще на шесть месяцев.

– Я очень благодарен вам за ваше предложение и никогда не забуду вашей щедрости, мой благородный друг, но, к сожалению, в настоящее время у меня совсем нет денег и взять их негде. Мне очень жаль, Флорипедес так мечтала купить этот дом, но ничего не поделаешь…

– Флорипедес… – пробормотал Селестино и подумал: какое нелепое имя. – Скажите, сеу доктор, вы дома тоже так зовете свою жену?

– О нет, дома я зову ее Флор, как и все. Впрочем…

– Ну и слава богу… – Селестино жестом остановил доктора: время банкира – деньги. – Так вот, мой дорогой, насколько мне известно, на счету доны Флор, или доны Флорипедес, как вы ее зовете, лежит приличная сумма, более чем достаточная на приобретение дома.

Доктор и не помышлял о деньгах жены.

– Но ведь это не мои деньги. Она их заработала, и я не имею права их касаться…

Банкир опять вскинул взгляд на фармацевта, сидевшего перед ним; он знал, что Гуляка брал деньги жены на игру, иногда отнимал насильно, говорят, даже бил ее…

– Ненужное благородство, мой доктор, вполне достойное глупцов вроде вашей милости… – Изысканная вежливость португальца сменилась откровенной грубостью. – Вы просто осел и напоминаете мне аристократов которые, имея рояль, дробят камни… Скажите, какой прок от денег доны Флор, лежащих в банке? Она хочет обзавестись собственным домом, а вы, уважаемый, разводите здесь антимонию и упускаете единственную возможность. Разве в брачном контракте у вас не оговорена общность имущества?

Доктор Теодоро проглотил и «глупца» и «осла», ибо хорошо знал португальца и был ему многим обязан.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Не знаю, как и сказать ей…

– Советую сделать это в постели, лучшего места для обсуждения деловых вопросов с женой не существует. Я даю вам двадцать четыре часа сроку. Если завтра в это же время вы не явитесь, я продам дом тому, кто даст больше… А теперь я должен работать…

И все же не в постели, а за столом, за вечерним кофе, доктор Теодоро рассказал доне Флор о своем разговоре с банкиром, опустив, разумеется, его грубости.

– По-моему, тебе не следует трогать эти деньги.

– А что мне с ними делать?

– Они должны пойти на твои расходы… Личные…

– О каких расходах ты говоришь, Теодоро, если ты мне не даешь тратить из этих денег ни единого гроша? Даже матери посылаешь ты и еще сердишься, если я возражаю. Я только и делаю, что отношу деньги в банк и всего несколько раз брала оттуда совсем немного тебе на подарки. Так зачем мне эти деньги? Разве что долежатся до моих похорон…

– Не говори глупостей, дорогая… Но согласись, я, как муж, обязан…

– А почему я не могу участвовать в покупке дома? Или ты не считаешь меня своим другом? Значит, по-твоему, я гожусь только на то, чтобы прибирать в комнатах, чинить и гладить твою одежду, готовить и ложиться с тобой в постель? – Дона Флор негодовала. – Выходит, для тебя я лишь служанка и наложница?

Потрясенный столь неожиданной вспышкой жены, доктор Теодоро не нашелся что ответить и застыл с ложкой в руке. Дона Флор немного успокоилась.

– Если ты меня уважаешь, ты должен разрешить мне участвовать в покупке дома…

Пожалуй, за все время их совместной жизни доктор Теодоро еще ни разу не был так растроган. Всегда сдержанный, он горячо воскликнул:

– Ты ведь знаешь, Флор, как я тебя люблю! В тебе вся моя жизнь! Неужели ты в этом сомневаешься?!

– Если ты действительно считаешь меня своей женой, – решительно сказала дона Флор, – ты завтра пойдешь к Селестино, а если ты этого не сделаешь, я сама к нему пойду…

Доктор Теодоро крепко обнял дону Флор, и та прижалась к мужу. Потом, не разнимая объятий, они уселись на софу, в эту минуту дона Флор испытывала к мужу почти страстную нежность.

– Ты самая разумная, самая достойная, самая красивая из всех женщин…

– О нет, мой Теодоро, я совсем не самая красивая… – И, пристально взглянув в добрые, счастливые глаза мужа, она добавила: – Но клянусь тебе, дорогой, я постараюсь быть самой разумной и самой достойной.

Она подставила доктору губы: только ее муж, благородный доктор Теодоро имел право на ее любовь и ее ласки.

В гостиной уже стало совсем темно, и Гуляка, наблюдавший за этой сценой, с недовольным видом провел рукой по волосам и вышел на улицу.

6

После этого разговора между доной Флор и доктором Теодоро события стали разворачиваться быстро.

В городе происходило такое, от чего пришли в изумление даже те, кто самым непосредственным образом был связан с чудесами и магией: ясновидящая Аспазия, каждое утро прибывающая с Востока к воротам Кармо, где она слыла единственным знатоком телекинеза; знаменитый медиум Жозета Маркос, известная своей близостью к потустороннему миру; Архангел Михвил де Карвальо, хозяин лавки чудес в переулке Калафате; доктор Наира Сака с дипломом Университета Юпитера, которая могла излечить магнетизмом любую болезнь; мадам Дебора с Вышки Скорбящих, хранительница секретов тибетских монахов, постоянно беременная от духовного общения с живым Буддой и умеющая предсказывать выгодные браки, а также выигрышные номера в лотерее; не говоря

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

уже о старом Теобалдо Багдадском Принце.

Впрочем, не только эти просвещенные лица были потрясены, смятение царило и среди тех, кто держал тайны Баии в своих руках, среди тех, кто создал ее и хранит уже долгие годы, – среди негритянских святых и богов.

Дона Флор тоже не сразу поняла, что происходит. И только Пеланки Моулас, со своим калабрийским чутьем, сообразил, в чем дело, на это ему понадобилось всего несколько дней. Сначала этот бесстрашный и не знающий жалости бандит из Калабрии, этот гангстер, этот отчаянный игрок испугался и послал своего шофера Аурелио, пользовавшегося его полным доверием, к матери Отавии Киссимби, жрице конголезского божества, а сам отправился к философу-мистику и астрологу Кардозо. Только он, по мнению Пеланки, мог спасти его королевство и его престиж.

Ибо Пеланки Моулас был государем самой могущественной державы – зеленых карточных столов и рулетки. Каждый вечер из всех игорных домов его люди приносили ему крупный куш. Редкие заведения ускользали от алчного взора Пеланки, разве что «Три герцога» да притон Паранагуа Вентуры, над остальными же он распростер свои крючковатые когти, отполированные личной маникюршей.

Даже подпольная лотерея составляла часть его владений, и только ему позволяла полиция собирать дань с обитателей этой страны. И если бы кто-нибудь по неведению отважился конкурировать с ним, недремлющие власти тотчас строго наказали бы наглеца: dura lex, sed lex.

Во всем штате Баия не было более могущественного человека даже среди военных, даже среди епископов и жрецов. Власть Пеланки Моуласа ничем не была ограничена. Он был полновластным хозяином самой богатой державы, на службе которой стояла огромная армия крупье, кассиров, банкометов, подставных игроков, маклеров, шпионов, агентов полиции. Своими подачками он содержал чиновников, государственных служащих, полицейских, занимался благотворительностью и жертвовал на строительство церквей.

Чего стоили по сравнению с ним губернатор и префект, генералы и архиепископы? Не было на земле силы, способной устрашить Пеланки Моуласа, уже немолодого итальянца с любезной улыбкой и холодным взглядом, вечно курящего сигары в мундштуке из слоновой кости и читающего Виргилия и Данте, ибо, кроме игры, он признавал только поэзию и мулаток.

7

Негр Аригоф ходил словно в воду опущенный. Все началось приблизительно месяц назад, когда он, сбегая по лестнице дома, где снимал комнату, неожиданно наткнулся на сверток. Когда он разорвал пакет, оттуда высыпались мука, черные куриные перья, ритуальные листья, две медные монеты и клочья его еще довольно нового вязаного галстука. Галстук сразу навел Аригофа на верный след: это Заира решила отомстить ему, подбросив эбо.

Как-то вечером в «Табарисе», где было полным-полно народу, Аригоф, забыв о рыцарских манерах, дал ей пару затрещин, чтобы она научилась вести себя как следует и не испытывала больше его терпения. Заира была магометанкой, но соблюдала языческие обряды.

Тот, кто приготовил для Заиры этот колдовской сверток, наверняка хорошо разбирался в листьях, а главное, был способен на любую подлость. Теперь ни одно заклинание не поможет ему – негру перестало везти в игре. Он уже заложил свои лучшие вещи: кольцо из настоящего серебра, золотую цепочку с брелоками из слоновой кости, часы, купленные у белокурого матроса и, возможно, украденные из каюты богача. Часы были так красивы, что испанец из Сэте, понимающий в драгоценностях, которому Аригоф принес их заложить, даже присвистнул при виде этой изящной вещицы и предложил еще пятьсот мильрейсов, если негр надумает их продать.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Эта ведьма Заира засушила его судьбу. Озабоченный Аригоф размышлял, где же другая часть его галстука. Наверное, привязана к ноге какого-нибудь кабокло вместе с его фотокарточкой, той самой, где он улыбался, показывая золотой зуб. Аригоф подарил ее когда-то бессердечной любовнице и теперь рисовал себе, как она протыкает булавкой его лицо, чтобы каждое утро гасла его добрая звезда.

Он уже принял ванну, настоянную на листьях, за него молилась Эпифания де Огун, но листья засыхали, едва касались тела Аригофа, – столь велика была сила колдовских чар Заиры.

Негр шел по улице Чили, размышляя над превратностями судьбы. Он только что покинул ресторан и направлялся к Терезе. Валдомиро Линс пригласил его пообедать после злополучного вечера в притоне Зезе, где негр проиграл последние гроши. Со злости Аригоф съел за один присест завтрак, обед и ужин. Приятель удивился:

– Что с тобой, Аригоф?

– Уж и не знаю, доведется ли мне еще когда-нибудь поесть, – мрачно ответил негр.

– Да что с тобой, ты болен?

– Хуже, братец. Мою судьбу привязали к ногам кабокло. Прямо не представляю, что и делать.

И он рассказал о своем несчастье: невезение преследует его уже целый месяц – играл ли он в кости, в карты или рулетку. Игроки стали избегать его, боясь, что колдовство распространится и на них.

– Никак не могу избавиться от этого невезения, братец…

Откровенно говоря, Аригоф надеялся, что Валдомиро Линс, человек обеспеченный и добрый, посочувствует ему и одолжит немного денег на игру. Но надежды негра не оправдались. Валдомиро ограничился советом: от невезения, считал он, можно избавиться только одним способом – какое-то время не играть. Пусть ослабеет сила колдовства, да и самому Аригофу надо успокоиться. Если же он будет упорствовать, то останется без гроша и заложит последние штаны. Он, Валдомиро Линс, никогда не искушает судьбу и однажды более трех месяцев не прикасался к картам, игральным костям и фишкам.

Поднимаясь по улице Чили, Аригоф размышлял о том, что друг его, пожалуй, прав: он не станет упорствовать, а лучше навестит Терезу, эту белую красотку, к которой он питал страсть и которая, кстати сказать, была причиной ревности Заиры. Растянувшись на кровати рядом с Терезой и потягивая кашасу, он забудет о своих неудачах. Ничего другого ему не оставалось. Валдомиро Линс был прав и, как человек опытный, дал хороший совет.

Аригоф не сразу взял курс к дому Терезы; не в его привычках было оставлять поле боя, даже если он знал, что обречен на поражение. Он вспомнил о Гуляке, своем верном и незаменимом друге, который, к несчастью, умер. Вот кто наверняка бы помог ему!

Как тогда в «Табарисе», когда Гуляка, которому в тот вечер везло, дал ему фишку и Аригоф за несколько минут выиграл девяносто шесть конто, чего с ним никогда не случалось. А потом тут же заказал полдюжины костюмов, бросив в лицо портному несколько кредиток в пятьсот мильрейсов. Да, то было незабываемая ночь!

Странно, но стоило ему вспомнить Гуляку, как он вдруг совершенно явственно услышал насмешливый голос друга:

– Куда девалась твоя хваленая храбрость, негр? Ты же знаешь, выигрывают только упорные. Давно ты стал слушаться Валдомира Линса? Разве ты не был игроком высокого класса, когда он пришел играть впервые?

Аригоф даже остановился посреди улицы, настолько живым показался ему голос Гуляки, прозвучавший в его ушах. Луна, поднявшаяся над морем, посеребрила Баию.

– Оставь пока свою белую клячу, трусливый негр, неужели ты испугался колдовства? И не касайся белой женщины, пока не кончится полоса невезения.

Неугомонный Гуляка и сам всегда верил в самые невероятные приметы и продолжал улыбаться, даже если ему не везло. А вдруг, подумал Аригоф, он видит меня сейчас и знает, как мне не везет, знает, что я заложил золотую цепочку, серебряное кольцо и часы?

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Куда девалось твое мужество, негр?

Валдомиро Линс, этот осторожный и опытный игрок, посоветовал ему не искушать судьбы и спрятаться пока в постели у любовницы, такой белой и такой образованной: Тереза знала наизусть все реки Китая, все вулканы и вершины Анд. При таком невезении только безумец мог отправиться к карточному столу.

– Иди, размазня, я тебе обещаю выигрыш… – снова прозвучал голос Гуляки.

Аригоф оглянулся; ему даже почудилось, что его коснулось дыхание Гуляки и еще будто старый друг взял его за руку и повел в «Абайшадиньо».

– Я никогда не отступал перед опасностью… – ответил негр.

И пока Тереза ждала его, жуя шоколадные конфеты, Аригоф без гроша в кармане вошел в зал «Абайшадиньо» и сел за карточный стол.

Банкомет Антонио Дединьо готовил для игры новые колоды, и по унылым лицам игроков можно было догадаться, что они проигрывают. Аригоф сразу увидел что тут нет никого, у кого бы он мог раздобыть денег. Объявив, что в банке сто конто, Антонио Дединьо выложил на стол даму и короля.

– Дама… – услышал Аригоф голос Гуляки.

Но где взять денег? Рядом с Аригофом сидел незнакомый ему господин в белом костюме, судя по виду, завсегдатай игорных домов. Наверное, богатый провинциал. Аригоф вытащил из галстука булавку в виде пронзенного сердца, подарок Терезы. Испанец из Сэте отказался принять ее в залог, заявив, что она лишь позолочена, а бриллианты на ней фальшивые.

Тем не менее Аригоф обратился к соседу:

– Одолжите мне одну фишку, уважаемый, любую, и пусть эта вещица останется у вас в залог. Долг я вам верну, мое имя Аригоф, меня здесь все знают.

Франт протянул ему фишку в сто мильрейсов.

– Оставьте свою булавку при себе, если выиграете, вернете долг. Желаю удачи.

Только Аригоф поставил на даму, больше никто не захотел рисковать. Первая же карта оказалась дамой, и Аригоф выиграл. Дединьо снова открыл две карты, и снова выпали дама и король. Аригоф опять поставил на даму.

Антонио Дединьо вытянул карту из колоды: опять была дама. Аригоф продолжал ставить на даму, вместе с ним поставил мужчина в белом костюме. Постепенно у стола собирались любопытные. Антонио Дединьо снова открыл даму, на этот раз она оказалась червонной, и Аригоф вспомнил о Терезе.

Двенадцать раз выпадали дама и король, двенадцать раз выигрывал Аригоф. Теперь не только мужчина в белом костюме, но и другие игроки делали ставки на ту же карту, что и негр, снимавший в каждый кон три конто – максимальную ставку.

Бледный как смерть Антонио Дединьо приготовил новые колоды. Теперь за ним наблюдала не только взволнованная толпа зрителей, но и старший по залу Лулу. Игроки в баккара и рулетку тоже собрались у стола, где сидел Аригоф.

Из новой колоды Антонио Дединьо опять вытащил даму и короля, руки его дрожали. Аригоф улыбнулся: он победил невезение с помощью Гуляки, одолел колдовство, заставил удачу вернуться к себе. Если только существует потусторонний мир, если души умерших летают по небу, как утверждают компетентные лица, Гуляка, наверное, смотрит сейчас на него и гордится подвигом своего друга Аригофа, отважного негра, поборовшего невезение и колдовские чары.

Но, к счастью, Гуляка был здесь же, в зале, рядом с Аригофом, и, когда негр после сложных расчетов решил поставить на короля, он опять услышал слова друга, прозвучавшие как приказ:

– Ставь на даму, сукин сын!

И Аригоф, подчиняясь какой-то неведомой силе, снова поставил на даму.

Сжав зубы, чтобы сдержать дрожь, Антонио Дединьо вытащил карту: дама! Послышались возгласы, нервные смешки; все больше народу собиралось вокруг стола.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Управляющий Жилберто Кашорран, похожий на собаку-ищейку, с недоверчивым видом уселся рядом с Лулу. Он решил разоблачить это жульничество, но и при нем дама продолжала выигрывать, банк в сто конто был снят.

В полной растерянности Антонио Дединьо повернулся к хозяину, ожидая его распоряжений, но Кашорран лишь взглянул на него, ничего не сказав, и банкомет, распечатав новые колоды, тщательно их перетасовал.

– В банке сто конто…

Снова дама и король! Воцарилась гробовая тишина. Теперь все хотели ставить на даму, люди приходили прямо с улицы и из «Табариса», где уже стало известно об игре Аригофа, но и новый банк продержался недолго.

По распоряжению Жилберто Кашоррана Лулу помчался к телефону. В зале поднялся невообразимый шум.

– Я ухожу, иначе, боюсь, сердце не выдержит, – заявил господин в белом. – Я играю больше десяти лет и всякое повидал, но такое вижу впервые и отказываюсь верить своим глазам.

Аригоф хотел вернуть ему фишку и пригласить на ужин к Терезе, но господин отказался.

– Боже сохрани! Больше всего на свете я боюсь колдовства, так что оставьте при себе свои фишки, а я пойду выкуплю свои, пока они не исчезли.

Лулу вернулся, и вскоре в зале появился пожилой, весьма солидный креол в очках – профессор Максимо Салес, помощник и доверенное лицо Пеланки Моуласа.

Когда Лулу позвонил ему, Моулас отказался поверить в эту невероятную историю, решив, что Лулу снова стал пить и теперь даже в рабочее время. Положив свою усталую голову на теплую грудь Зулмиры Симоэнс Фагундес, он наслаждался покоем, но все же послал на всякий случай Максимо Салеса в игорный дом Кашоррана.

– Если этот Лулу пьян, немедленно гоните его в шею. И доложите мне о результатах…

Едва профессор Салес успел понять, что происходит за карточным столом, и убедиться в полной невиновности Лулу, как банк в сто конто снова был снят.

Антонио Дединьо, вытирая пот с побледневшего лица, умоляюще взглянул на сидевшее перед ним трио. Он должен кормить и воспитывать детей, куда же он денется, если только и умеет, что играть в карты! Все трое недоверчиво смотрели на него, а Максимо Салес прошипел: «Продолжайте». В синем костюме, в очках, с рубиновым кольцом на пальце, Максимо Салес выглядел почтенным профессором, поседевшим на научном поприще. Все так его и называли, хотя разбирался он только в азартных играх. Зато знал их досконально.

С видом жертвы Антонио Дединьо приготовил новые колоды, и опять все повторилось, словно в кошмаре. Максимо Салес, задав несколько вопросов Кашоррану и Лулу, дыхание которого было чистым, как дыхание ребенка, пошел звонить шефу.

Вот почему Пеланки Моулас вскоре появился в зале вместе с Зулмирой. Толпа расступалась перед ним, чтобы он собственными глазами мог увидеть, как испаряются его деньги. Банк в сто конто опять был снят.

Величественным жестом Пеланки Моулас отстранил Антонио Дединьо и осмотрел распечатанные колоды: двенадцать королей лежали внизу. Профессор Максимо, ищейка Жилберто и старший по залу обменялись понимающим взглядом. Антонио Дединьо, хоть и не чувствовал за собой никакой вины, знал, что обречен. Пеланки Моулас с холодным бешенством посмотрел сначала на банкомета, затем на трех своих подчиненных и алчную толпу вокруг стола, замершую в восторге. Впереди, рядом с горой фишек, сидел негр Аригоф: Гималайская вершина, как называла его Тереза; он широко улыбался.

Пеланки Моулас тоже улыбнулся Зулмире, стоявшей позади него, сам приготовил новые колоды и объявил так, будто читал стихи:

– В банке двести конто.

Но хотя он и был Пеланки Моулас, неограниченный властелин игорных домов, судьба

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

не переменилась, подчиняясь уже каким-то сверхъестественным силам. Банк был снят, едва началась игра, и снова двенадцать королей лежали вместе.

Бросив карты, Пеланки Моулас что-то пробормотал, а Жилберто Кашорран громко объявил:

– На сегодня игра кончена…

Аригоф удалился под гул восторженных возгласов, за ним последовали поклонники и дамы, не страдавшие от излишней скромности. Получив в кассе деньги, Аригоф накупил шампанского и отправился к Терезе, белой красотке, любительнице географии. Его так и распирало от гордости и тщеславия: он победил невезение, колдовство и злые чары магометанки Заиры.

Пеланки Моулас напряженно размышлял над случившимся. Лулу только разводил руками, а Жилберто Кашорран был полностью согласен с Максимо Салесом: тут не обошлось без жульничества. Потерпевший крушение Дединьо молча ожидал приговора.

– Сначала нужно выяснить, что же все-таки произошло, – торжественно заявил профессор.

Пеланки Моулас пожал плечами: пусть они занимаются расследованием, вызывают, если нужно, полицию, у него свои опасения: калабриец верил в чудеса, связанные с потусторонним миром.

Зулмира Симоэнс, Фагундес, его секретарь и фаворитка, вдруг кокетливо засмеялась.

– Ой, меня кто-то щекочет, Пекито! Что за чудеса!… Будто привидение…

Пеланки Моулас перекрестился.

8

Эти суматошные дни были заполнены беготней. Усталые и взволнованные, доктор Теодоро и дона Флор носились из одного конца города в другой, из банка в нотариальную контору, из нотариальной конторы в муниципалитет. Доне Флор пришлось отпустить учениц до конца недели, доктор Теодоро почти не показывался в аптеке. Со всей лузитанской прямотой Селестино объявил доне Флор:

– Если вы действительно хотите купить дом, бросьте на несколько дней свои дурацкие занятия. Иначе дело не выгорит.

Появился еще один претендент, и, если б не банкир, сделка вряд ли состоялась бы. Теперь оставалось лишь подписать купчую, которую в нотариальной конторе обещали подготовить через несколько дней. Задаток прежнему хозяину уже был внесен деньгами, снятыми со счета доны Флор.

За эти дни, опираясь на твердую и сильную руку мужа, она обошла полгорода, домой заходила, только чтобы поесть и поспать, но сон не приносил столь желанного отдыха. Мешал Гуляка, который, едва она появлялась, был тут как тут и с каждым разом держался все нахальнее, склоняя ее изменить Теодоро.

– То есть как изменить? – удивлялся хитрец. – Разве не я твой законный муж? И кто это может обвинить жену в измене с собственным мужем? Ведь ты поклялась мне в верности перед судьей и падре. А платонический брак, моя дорогая, – это какая-то нелепость…

Все эти доводы он шептал нежным голосом: Гуляка знал, чем можно смутить дону Флор.

– Разве мы поженились не для того, чтобы любить друг друга? Так в чем же дело?

Дона Флор еще чувствовала на своей руке руку доктора, слышал, запах его пота – они, словно взмыленные лошади, обегали весь город оформляя бумаги на покупку дома. И вместо того, чтобы отдыхать, приходилось быть в напряжении, ни на секунду не забывая, какая опасность ей грозит. Сама того не замечая, она поддавалась очарованию медоточивого голоса, млела от прикосновения коварных пальцев. А когда спохватывалась, уже была в объятиях Гуляки. Дона Флор силой вырывалась из его рук: нет, нет, она ему не отдастся, ни за что!

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Правда, кое-что в эти хлопотливые дни она ему все-таки позволила. Но так ли невинны были эти мимолетные ласки?

Однажды вечером, придя домой после беготни по городу (доктор задержался в аптеке), дона Флор сняла платье, сбросила туфли и чулки и растянулась на железной кровати. Стояла тишина, легкий ветерок бродил по пустому дому. Дона Флор вздохнула.

– Устала, любимая? – Гуляка лежал рядом с ней.

Откуда он взялся?

– Ты даже не представляешь как… Чтобы получить какую-нибудь бумажку, надо потратить полдня… Кто б мог подумать?

Гуляка коснулся ее лица.

– Но ты довольна, дорогая…

– Мне всегда хотелось иметь собственный домик…

– А я всегда мечтал подарить его тебе…

– Ты?

– Не веришь? Впрочем, у тебя есть для этого основания… И все же знай, что самым большим моим желанием было подарить тебе домик. Должен же я был хоть однажды выиграть столько, чтобы хватило на покупку… Я даже тайком от тебя кое-что предпринял, да не успел… Ты мне не веришь?

Дона Флор улыбнулась.

– А почему я должна тебе верить?

Почувствовав на своем лице дыхание Гуляки, она попыталась высвободиться из его объятий.

– Пусти меня…

Но он попросил, чтобы она позволила ему положить голову на грудь, и только.

– Поклянись, что ты не…

– Клянусь…

Руки Гуляки ласково гладили ее лицо, волосы, и от этих прикосновений проходила усталость. Утомленная дона Флор скоро заснула. Проснулась она уже в сумерках, когда пришел доктор Теодоро.

– Ты спала, дорогая? Совсем измоталась, бедняжка… И деньги свои истратила, а тут еще эта беготня по городу…

– Не говори глупостей, Теодоро… – Дона Флор стыдливо прикрылась простыней.

Она поискала взглядом Гуляку, но не увидела его. Наверное, ушел, заслышав шаги доктора. Неужели он ревнует ее к Теодоро? Дона Флор улыбнулась. Хотя Гуляка и отрицал это, у нее были причины для подобных подозрений.

Доктор Теодоро надел пижамную куртку. Встав с кровати, дона Флор набросила халат.

– Много было хлопот, дорогая. – Муж взял ее руки в свои. – Но мы не зря побегали, зато у нас собственный дом. Теперь я не успокоюсь до тех пор, пока не внесу в банк всю сумму, которая лежала на твоем счету.

Обняв жену за талию, доктор Теодоро повел ее в столовую, где уже ждала дона Норма, которой не терпелось узнать, как обстоят дела с покупкой дома.

– Вы похожи на влюбленных голубков… – сказала соседка, и доктор, смутившись, отошел от жены.

На другой день утром дона Норма забежала к доне Флор посоветоваться насчет платья и, взглянув на ее обнаженную шею, усмехнулась.

– Вы ведете себя слишком откровенно, даже вызывающе…

– Не понимаю тебя.

– Я же видела вчера, как вы с мужем вышли из спальни, тесно прижавшись друг к другу!

– Ты имеешь в виду Теодоро? – испуганно спросила дона Флор.

– А кого же еще? Неужели доктор отступил от своих правил… Хотя понимаю, вы

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

решили отпраздновать покупку дома…

– Что за разговор, Норминья!… Какие глупости…

– Ах, моя милая, меня не обманешь, достаточно взглянуть на твою шею. Я и не подозревала, что наш доктор вампир…

Дона Флор побежала к зеркалу: иссиня-багровые следы поцелуев покрывали шею с правой стороны. Какой ужас!

Ах, этот тиран Гуляка, этот безумец… Еще и сейчас чувствуя нежное прикосновение его губ, дона Флор не могла на него сердиться. Она сама разрешила ему целовать шею, после того, как он ее заверил, что больше ничего себе не позволит. Убаюканная его поцелуями, она заснула. Ах, безобразник!

Чтобы скрыть синяки, дона Флор надела блузку с высоким воротом. Доктор Теодоро не должен видеть эти багровые следы от чужих губ. Его ласки никогда не были такими бурными. Дона Флор вернулась в столовую.

– Ради бога, Норминья, не вздумай подшучивать над Теодоро… Ты ведь знаешь, какой он застенчивый…

– Разумеется, я ни слова не скажу доктору, но, Флорзинья, не станешь же ты отрицать, что он отступает от своих правил… Может быть, он и был когда-то застенчивым, моя милая, но не теперь… Он стал совсем как Гуляка, который разве что на улице не занимался любовью.

Дона Флор услышала смех и почувствовала, что Гуляка где-то рядом. К счастью, дона Норма не видела его: плут парил в воздухе и был в рубашке с голыми женщинами, которую привезла в подарок доктору дона Гиза. Рубашка доходила Гуляке только до пояса.

9

– Успокойся, дорогая! Я не делаю ничего плохого. Позволь только, я оставлю руку там, где она есть, и буду гладить тебя. Но что с тобой? – Рука Гуляки целомудренно коснулась округлых бедер доны Флор, но, едва молчаливое согласие было получено, она скользнула дальше, захватывая новые позиции.

Ласками, поцелуями, нежными словами и взглядами, смехом, остроумными выдумками, жалобами и кокетством осаждал Гуляка неприступную, как казалось доне Флор, крепость, разрушал стену ее стыда и достоинства; с каждым наступлением незавоеванных участков оставалось все меньше.

Гуляка занимал все новые рубежи, сдавались бастионы, сраженные силой или хитростью, и, когда дона Флор спохватилась, только один редут – последний – еще не пал под натиском врага. Она и не заметила, как он овладел почти всей территорией.

Дона Флор хотела отругать его за ужасные синяки на шее, но Гуляка обнял ее, стал шептать нежные слова, посмеиваться над ее стыдливостью, а потом легко укусил за ухо, и по всему телу доны Флор пробежала дрожь.

Надо было немедленно покончить со всем этим, весьма мало похожим на невинную дружбу, которую дона Флор считала возможной между собой и Гулякой. Оценив всю меру опасности, угрожавшей чести ее супруга, дона Флор преисполнилась решимости. Кто это

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

видел, чтобы у жены было два мужа?

Сидя на софе, дона Флор обдумывала, как бы ей поделикатней поговорить с Гулякой, чтобы он не обиделся. Ведь она сама его позвала. Как вдруг рука Гуляки приподняла край ее платья.

– Гуляка!

Дона Флор вскочила, охваченная яростью, Гуляка тоже вспылил, и между ними произошла неприятная сцена. Он не ожидал такого резкого отпора со стороны доны Флор, полагая, что завоевал ее полностью.

– Немедленно убери руку и не прикасайся больше ко мне… Если хочешь меня видеть и разговаривать со мной, держись на расстоянии, запомни, мы с тобой только друзья… Сколько раз тебе повторять, что я честная женщина и очень счастлива со своим мужем…

Ответ Гуляки прозвучал насмешливо:

– Твой муж – самое обыкновенное ничтожество и болван… Тоже мне мужчина! Тупица и размазня!

– Теодоро умница и в отличие от тебя, пустомели, образованный человек…

– Очень может быть, но знаний его хватает только на то, чтобы приготовить микстуру. В любви же он невежда, в этом я уверен… Достаточно на него взглянуть…

Дона Флор была возмущена до предела, такой Гуляка ее еще никогда не видел.

– Ты глубоко заблуждаешься, уж я-то знаю об этом лучше тебя. Он настоящий мужчина! Ты ему в подметки не годишься…

Гуляка только презрительно фыркнул.

– Оставь меня в покое, ты мне не нужен… И не смей больше до меня дотрагиваться…

Дона Флор твердо решила, что не позволит ему отныне ни «невинных» поцелуев, ни ложиться рядом с собой, чтобы было «удобнее разговаривать». Она порядочная женщина и верная супруга.

– Зачем же ты тогда меня позвала?

– Я уже тебе говорила, что совсем не для этого… и теперь жалею…

Позднее, оставшись одна, дона Флор ругала себя за то, что была с ним слишком резка. Гуляка ушел из комнаты обиженный, с низко опущенной головой. Когда он явится вечером, она ему все объяснит по-хорошему. Дерзкий и взбалмошный, Гуляка все же должен понять ее щекотливое положение и не переступать границ дозволенного.

Обычно по вечерам, покончив с домашними делами, дона Флор принимала ванну и ложилась на несколько минут отдохнуть. Гуляка обязательно укладывался рядом с ней, и они беседовали о самых различных вещах. А пока они говорили, Гуляка незаметно прижимал ее к груди, пытался поцеловать. Если же дона Флор вырывалась, он принимался рассказывать о тех местах, откуда явился, и дона Флор, охваченная любопытством, забывала обороняться.

– Какой кажется оттуда земля, Гуляка?

– Она совсем голубая, моя милая.

– А бог какой из себя?

– Бог толстый.

– Убери руку, ты не держишь слова…

Гуляка смеялся, и дона Флор чувствовала его горячее дыхание с запахом перца, напоминавшее ей о легком ветерке и морских волнах, ах, Гуляка, бесстыдный обманщик…

В тот день, однако, дона Флор ждала его напрасно, Гуляка не пришел. Дона Флор ворочалась в постели, терзаемая тоской и сомнениями. А вдруг Гуляка оскорбился и ушел? Неужели никогда больше она его не увидит?

Дона Флор вздрогнула. Как она будет жить без него? Без его выходок, шалостей, без его ласк?

И все же придется привыкать к этому, если она хочет остаться порядочной женщиной. Это единственный выход из создавшегося положения. Ей будет тяжело, но что делать? Надо порвать с Гулякой раз и навсегда, иначе у нее когда-нибудь не хватит сил сопротивляться и случится непоправимое. Дона Флор прекрасно понимала, к чему затевает Гуляка все свои

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

разговоры, она уже слабела в этой опасной и сладостной борьбе.

Как противостоять дальше хитрому Гуляке? Удалось же ему убедить ее в том, что все эти поцелуи и объятия совершенно безобидны и отнюдь не угрожают бесчестьем ни ей, ни доктору Теодоро.

Гуляка снова, как в прежние времена, хотел усыпить ее все той же колыбельной песенкой, протяжной и неясной. Малейшая неосторожность со стороны доны Флор и ее честь, как и честь ее образцового мужа, будет запятнана. А по отношению к доктору это было бы величайшей несправедливостью.

Да, другого выхода нет: Гуляка должен вернуться туда, откуда пришел. Конечно, дона Флор будет страдать, но что поделать? Она ему все объяснит по-хорошему: «Прости, любимый, но больше я не могу так жить. Прости меня за то, что я тебя позвала. Я сама во всем виновата, а теперь прощай, оставь меня в покое…»

В покое? Или в отчаянии? Как бы там ни было, она останется порядочной женщиной, сохранившей верность своему мужу.

Гуляка не появился ни в спальне, пока она отдыхала, ни в столовой. Обычно он приходил к обеду и строил гримасы, а дона Флор кусала губы, чтобы не рассмеяться. Иногда Гуляка танцевал в рубашке доны Гизы, иногда становился за стулом доктора и пальцами делал ему рожки, дона Флор еле сдерживалась, чтобы не обругать его.

Дона Флор прождала его до самой ночи, но Гуляка так и не явился. Теперь у нее уже не оставалось сомнений в том, что он обиделся. Гуляка всегда был гордым и самолюбивым. Боже мой, неужели он не захотел даже проститься?

10

Гуляка исчез в среду утром, и дона Флор провела весь день в растерянности и тревоге, хотя и понимала, что только его уход может спасти ее от неминуемой беды.

Кстати о среде: в последнее время доктор Теодоро начал замечать некоторые перемены в своей жене, она стала более пылкой и забывала порой о своей обычной сдержанности. Подобные доказательства растущей любви, разумеется, не могли не радовать доктора, который тоже все больше любил дону Флор, если это только было возможно.

Однажды он даже нарушил строгое расписание; это случилось в тот день, когда была завершена покупка дома. Счастливое событие, с точки зрения доктора, было достаточным для этого поводом.

Возможно, так же считала и дона Флор. Хотя трудно сказать, что больше повлияло на нее – покупка дома или поцелуи Гуляки. Она и сама этого не понимала и не могла разобраться в противоречивых чувствах, охвативших ее. Но так или иначе, а доктор стал подумывать о том, что, пожалуй, стоит раз в полмесяца нарушать заведенный порядок.

Итак, в среду, после ссоры с Гулякой, дона Флор была растерянна и взволнованна. Впрочем, ее утешала мысль, что настал конец ее мучениям, когда она металась между двумя мужьями, обладающими одинаковыми на нее правами, не знала, как вести себя, и даже иногда путала их. Кто скажет, сможет ли она теперь вернуться к прежней спокойной и размеренной жизни?

Однако едва она оказалась с доктором Теодоро на супружеском ложе, в ее ушах раздался издевательский смех Гуляки, заставивший ее вздрогнуть. В первый момент дона Флор обрадовалась, что он здесь, значит, не ушел навсегда, как она опасалась. Но едва она увидела его сочувствующее, насмешливое лицо, как ее охватила злость.

– И это ты называешь любовью? Черт знает что такое, милая! Я никогда не наблюдал ничего более бездарного… На твоем месте я бы лучше попросил у него склянку микстуры – по крайней мере излечивает кашель, да и приятнее… Говорю тебе, более печального зрелища я не знаю…

Дона Флор хотела ответить Гуляке подобающим образом, но не успела.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

11

Пока дона Флор сражалась за свою честь, за благополучие своего семейного очага, рушилась империя Пеланки Моуласа.

Со дня сотворения мира никто не видел ничего подобного. Случалось, кому-нибудь везло, и отчаянный игрок снимал банк, однако было это крайне редко. Бывало и жульничество, но и ему рано или поздно приходил конец.

Против Пеланки Моуласа восстали карты, кости, рулетка. Тот, кто следил в эти дни за тем, что происходило в его казино, отказывался верить своим глазам. Профессор Максимо Салес многое повидал на своем веку: и как умирают от разрыва сердца, сорвав банк, и как кончают с собой, проигравшись, а поэтому всегда и всему находил объяснение. Скептик, он твердо стоял на земле и имел ясный, холодный ум. Он продавал билеты подпольной лотереи в Порто-Алегре, содержал притон в Манаусе, был крупье в Рио, подставным игроком в Ресифе, банкометом в Масейо, так что все шулерские трюки были ему известны.

– Итак, профессор, что вы скажете? Что дало ваше расследование? – спросил его Пеланки, глаза которого сверкали от бешенства.

Ничего конкретного Максимо Салес сообщить не мог и вынужден был признать, что ошибся. Кости и карты были осмотрены самым тщательным образом, но это ничего не дало. Полицейские агенты во главе с инспектором, очень сведущим в азартных играх, с пристрастием допросили служащих, невзирая на занимаемые ими посты, возраст, даже на близость к хозяину. Допрашивали и Домингоса Пропалаго, молочного брата Пеланки. Только Зулмира не подверглась этому унижению, хотя профессор, зная об их отношениях с хозяином, не исключал ее виновности.

– Вот увидите, эта особа состоит в шайке.

Максимо полагал, что только шайка, очень ловкая и хорошо организованная, могла проделывать подобное, только шулерам международного масштаба под силу такое – у местных жуликов не хватило бы на это ни ума, ни опыта. Только европейские или американские специалисты, например, могли два вечера подряд снимать банк в баккара на одном и том же, столе. Старый Анакреон заработал на этом целое состояние. Да и другие не остались в стороне, к удачливому игроку присоединилась куча народу. По мнению профессора Максимо, Анакреон тоже был членом шайки.

Банк в «Табарисе» метал лучший банкомет города, а может быть, и всего севера Бразилии – Домингос Пропалато, молочный брат Пеланки Моуласа. Они родились в одной деревне почти одновременно, и мать Домингоса вскормила своей пышной грудью будущего миллионера. Способный убить и умереть за брата, Пропалато был вне всякого подозрения. Против него играл старый Анакреон. Субъект более чем сомнительный.

Откуда хотя бы у него взялись деньги? Всем было известно, что у старика нет ни гроша, последнее время он торговал билетами подпольной лотереи.

Правда, старик был опытным игроком, задолго до того, как Пеланки Моулас основал свою империю в Баии, он блистал в подпольных притонах, где редко кто мог сравниться с ним. Шли годы, одно поколение сменялось другим, а старый Анакреон, переживший и взлеты и падения, не изменял рулетке, картам и костям.

Молодые люди, которые когда-то ходили за ним по пятам, давно бросили игру и превратились в серьезных и уважаемых людей. Один из друзей его юности – Биттенкур, – став крупным инженером, занял пост директора Управления по водоснабжению. Биттенкур предложил приятелю место с приличным окладом, но растроганный Анакреон, со слезами обняв Биттенкура, отказался:

– Я гожусь только для игры…

Некоторые же, и, к счастью, таких было немного, получив высокие должности или женившись на богачках, старались не вспоминать о временах далекой юности. Другие умерли совсем молодыми, и Анакреон часто думал о них: о веселом остряке Жу, красавце и богаче Дивалдо Миранде, о толстяке Росси, компанейском парне, любителе танцев и

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

выпивки, о незабвенном Гуляке, сумасброде и выдумщике.

Вот кто был молодцом! Даже мертвый, он не мог снести того, что старый Анакреон впал в нищету. Приснившись вдруг ему, когда Анакреон задремал после скудного завтрака, Гуляка велел отправиться в «Табарис» и там играть два дня подряд за столом Домингоса Пропалато. Но где взять денег? Позаимствовав немного у Раймундо, хозяина кафе, пока того не было – не станет же этот добряк поднимать шум из-за нескольких мильрейсов, – Анакреон дал себе слово вернуть долг с процентами на следующий же день.

Опытный игрок, Анакреон, никогда не пренебрегал ни снами, ни предчувствиями, тем более что совет исходил от такого верного друга, как Гуляка.

Потом произошло то, что нам уже известно, – сенсация в «Табарисе». Впервые за всю свою долгую службу Домингос Пропалато потерял самообладание, а совсем растерявшийся Максимо Салес помчался за Пеланки Моуласом.

Сам Анакреон никогда не видел ничего подобного, но он не собирался обсуждать во всеуслышание этот вопрос, совет друга следовало уважать и хранить в тайне. Человек с широкими взглядами, Анакреон верил в свою счастливую звезду, для него не существовало ничего невозможного в картах и костях.

Пеланки же Моулас, едва войдя в зал, заметил в глазах Домингоса Пропалато панический страх. Сев рядом с молочным братом, он услышал отчаянный шепот, прозвучавший для него смертным приговором:

– Dio cane, Pecchiccio! Siamo fututi!

Пропалато, словно марионетка, перевернул карту: снова выиграл Анакреон.

12

«Sono fregato, sono fututo!»– повторил Пеланки Моулас, когда настал черед Мирандона.

Из всех друзей Гуляки Мирандон был единственным, кто, несмотря на все невзгоды, сохранил жизнерадостность и по-прежнему проводил вечера за игрой.

Однажды воскресным утром, когда Мирандон возился со своими птичками, он вдруг совершенно явственно услышал голос Гуляки: «Сегодня вечером, в „Паласе“, 17».

Мирандон никогда не забывал своего лучшего друга, но в тот день у него было такое чувство, будто Гуляка стоит где-то здесь рядом и посвистывает, чтобы птички запели.

Мирандон собирался на завтрак к негритянке Андрезе, которая обещала приготовить сарапател. По дороге к ней и за столом, покрытым белой скатертью, голос друга продолжал напоминать Мирандону о том, что вечером он должен поставить на 17. 17 было счастливым для Гуляки числом, но Мирандону оно никогда не приносило выигрыша.

За три года, прошедшие после смерти Гуляки, Мирандон несколько раз ставил свои скудные гроши на 17 и всегда проигрывал. Но если приятель хочет, сегодня он поставит на 17, для Гуляки он не пожалел бы и большего.

Но как это сделать, если у него, как назло, не было ни гроша в кармане, а из всех гостей Андрезы только Робато Фильо мог дать в долг. Однако Робато, подняв бокал с пивом, прочел в честь Гуляки оду Годофредо, денег же у него, к сожалению, не оказалось.

Наевшись до отвала, Мирандон тщетно бродил по городу в надежде раздобыть хоть несколько мильрейсов. Тогда он мог бы рискнуть, хотя его любимым числом было 3 или 32. А ставить на 17, по его мнению, было все равно, что бросать деньги на ветер. Но он сделает это в память о своем друге. И все же где добыть деньги в воскресенье? Все на футболе или в кино, на улице ни души. Несколько пессимистов, которых он случайно встретил, отказались помочь ему испытать судьбу.

Когда уже не оставалось никакой надежды, Мирандон вспомнил о своей куме доне Флор. Он еще ни разу не обращался к ней с такими просьбами и брал у нее деньги только на лечение детишек да на ремонт крыши, когда владелец дома проявил себя как человек мелочный и бездушный.

– Протекает крыша? Капает на детей? А мне какое дело, сеу Мирандон? Пусть хоть вас

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

всех зальет, пусть хоть крыша обвалится, мне-то что? Вы теперь сами должны обо всем заботиться, мой друг. Уже больше шести лет я не получаю от вас денег. Я даже забыл, как они выглядят…

А вдруг он наткнется на доктора Теодоро? После свадьбы доны Флор Мирандон только раз навестил ее, не желая докучать своим присутствием фармацевту, которому наверняка неприятно было видеть Мирандона, столь живо напоминавшего Гуляку, разумеется не внешностью.

Но сейчас у Мирандона не было иного выхода: если он не потревожит куму, придется отказаться от игры.

– Смотрите, кто к нам пожаловал… – сказала дона Гиза доне Флор, они обе сидели в креслах, стоящих на тротуаре.

«Боже мой, неужели Мирандон тоже видит его?» – испугалась дона Флор, заметив рядом с кумом совершенно голого Гуляку.

Но Мирандон, к счастью, не видел Гуляки. Поздоровавшись с доной Флор и доной Гизой, он осведомился, как поживает доктор.

– Очень хорошо. Он на заседании Общества фармакологов…

– А я и не подозревал, что ты одна дома… – сказал Гуляка, но его услышала только дона Флор, которая оставила его слова без внимания.

Дона Гиза посидела еще немного и вскоре распрощалась, сказав, что ей нужно исправлять домашние задания по английскому. Мирандон уселся в освободившемся кресле.

– Ради бога, кума, простите, что я вас побеспокоил, но дело в том, что мне очень нужны…

– Кто-нибудь заболел?

Мирандон чуть было не сказал, что у сына поднялась температура, нужно вызвать врача и купить лекарства. Но зачем напрасно волновать куму, если она и так даст денег?

– Нет, кума, у нас все здоровы… Мне для игры…

– Слава богу, кум.

И вдруг Мирандон решился рассказать все начистоту

– Его голос совсем такой, какой был при жизни кума, он велел мне обязательно сегодня играть.

Дона Флор видела, как Гуляка уселся на подоконник и уставился на нее своими бесстыжими глазами. Она старалась не смотреть в его сторону, но против воли ее взгляд скользил по белой гладкой коже Гуляки, его белокурым волосам, яркому рту, шраму от ножа.

– Сколько вам нужно, кум?

– Немного…

Дона Флор пошла за деньгами, Гуляка последовал за ней и в спальне, схватив ее в объятия, поцеловал. Бедняжка дона Флор не могла даже прикрикнуть на него из-за кума, который ждал за дверью.

– Ах, Гуляка… – только и простонала она и, совсем потеряв стыд, сама подставила губы.

Гуляка потащил ее к кровати, пытаясь раздеть. Если бы не шаги кума в соседней комнате, дона Флор, может быть, и забыла в этот миг о том, что она порядочная женщина и верная жена. Но она все же взяла себя в руки и вырвалась из объятий Гуляки.

– Ты с ума сошел! Ведь здесь твой кум…

– Он за дверью…

– Там все слышно… Оставь меня, бесстыдник!

Дона Флор пригладила волосы, привела себя в порядок и, выйдя из спальни, протянула Мирандону смятую в потной руке бумажку.

– Спасибо, кума, не знаю, как вас и благодарить. Если я не выиграю сегодня, то не выиграю никогда больше, я в этом убежден. У меня такое чувство, будто кум где-то рядом и принесет мне удачу.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Уже выходя на улицу, Мирандон рассмеялся.

– Только он хочет, чтобы я ставил на семнадцать, но я поставлю на три и тридцать два. Я еще с ума не сошел! Однажды, кума, я ставил на тридцать два четыре раза подряд и все четыре раза снимал банк. Представляете?

– Идиот!

– Вы слышали, кума? Слышали, что он сказал? Это же его голос!

Дона Флор, совсем обессилев, едва пролепетала:

– Не обращайте внимания, кум, иногда он и со мной говорит…

Мирандон не стал вникать в ее слова. В этот день вообще все шло кувырком, и бессмысленно было искать объяснение происходящему. Да и вечер наступил как-то внезапно, без заката и сумерек. Часы Мирандона показывали, что пора торопиться.

– Прощайте, кума, завтра я отдам вам долг…

– Не надо, кум. Если выиграете, купите конфет для мальчиков и подарите им от меня… – Помолчав, дона Флор добавила: – И от кума.

Она почувствовала на своей щеке поцелуй Гуляки, нежный, как дуновение ветерка.

– До свидания, любимая… Ночью я приду и непременно вытащу тебя из постели… Жди меня… Обязательно жди…

13

В этот воскресный вечер залы «Паласа» были переполнены. Оркестр играл фокстрот, и среди танцующих Мирандон узнал аргентинца Бернабо и дону Нанси. Обменяв в кассе сто мильрейсов на фишки, он положил в карман две помельче для Гуляки, остальные же разделил поровну: половина для трех, половина для тридцати двух.

Подойдя к столу, Мирандон улыбнулся крупье Лоуренсо Ман-де-Ваке, своему старому знакомому, и ловко бросил одну фишку на 3, другую на 32. Но фишки упали на 17 как раз в тот момент, когда Лоуренсо объявил игру.

Разумеется, выиграло 17. И потом выигрывало весь вечер, пока в полночь под предлогом неисправности в рулетке Пеланки Моулас не приказал прекратить игру.

14

В уютной квартирке Зулмиры, блаженствуя на ее роскошной груди, Пеланки Моулас слушал отчет профессора Максимо Салеса о том, что осмотр стола рулетки ничего не дал; и в этот раз никакого жульничества не было обнаружено.

– Я так и знал… – простонал несчастный король.

В этой квартире, известной лишь немногим, великий человек, которому подчинялся весь город, скрывался от назойливых посетителей. С утра до ночи они осаждали его контору, каждый со своим делом. Кому были нужны деньги на постройку церкви, кому на покупку колоколов, кому на благотворительность, кому на приюты для престарелых или исправительные колонии для детей. Журналисты и политики желали за его счет спасать родину, христианскую цивилизацию и режим от подрывных элементов и безбожников, литераторы лезли с проектами новых журналов и рукописями. Пеланки хотелось послать их всех подальше, но вместо этого он вытаскивал бумажку в двадцать или пятьдесят мильрейсов, в зависимости от того, кто перед ним стоял – молодой гений или маститый поэт. К нему обращались реформаторы, католики, протестанты – словом, все, кто боролся с падением нравов, анархией, коммунистической опасностью, свободной любовью, отступлением от правил португальской грамматики и слишком открытыми купальными костюмами. Прибегали к его помощи и Ассоциация матерей, борющаяся против алкоголя, проституции и азартных игр, Общество помощи миссионерам в Океании, Общество борцов с неграмотностью, возглавляемое майором Косме де Фариа, Карнавальный клуб веселых

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

смуглянок Кабулы, больные всеми на свете болезнями, слепые, хромые, калеки, не говоря уже о сумасшедших и профессиональных попрошайках. Сейчас это тихое пристанища было для Пеланки единственным местом, где исчезал охвативший его панический страх.

Не желая признать себя побежденным, Максимо Салес предложил смелый и простой план: переделать рулетку таким образом, чтобы шарик никогда не смог попасть на 17. Трюк старый, как и сама игра, но иначе они не смогут обнаружить мошенничества. Домыслы Пеланки насчет черной магии Максимо продолжал считать нелепостью и по-прежнему стоял на своем: сообща с крупье и некоторыми игроками в городе действует шайка иностранных шулеров.

Какая там шайка, sono fregato, sono fututo! Пеланки не верил в ее существование, по его мнению, все обстояло гораздо хуже: желая его разорить, враги прибегли к помощи сверхъестественных сил.

Тем более что в жизни Пеланки всякое бывало и многие имели основания его ненавидеть, проклинать его и мстить за его жестокость. Сейчас у него было такое ощущение, будто его загнали в угол, он не видел путей к спасению от злых чар.

Пеланки не боялся людей, не знал жалости к врагам. Но этот гангстер, дитя прогресса, прятался под одеяло при первом ударе грома, а яркие вспышки молнии превращали его в суеверного крестьянского мальчишку из нищей итальянской деревушки.

– Maledetto, sono stregato!

– Вот увидите, – ответил ему Максимо Салес, который был вольнодумцем и скептиком, боялся только людей и не верил в загробный мир, – мы выведем их на чистую воду. Я знаю, что подобные трюки запрещены, мне это не по вкусу, так же как и вам. И все же я предлагаю прибегнуть к этому крайнему средству, потому что на обман надо отвечать обманом. Если и после нашей операции шарик остановится на семнадцати – а вы, сеньор, прекрасно знаете, что это невозможно, – я соглашусь с вами, что здесь замешан дьявол, и тогда мы обратимся к негритянским жрецам.

Пеланки Моулас пожал плечами: если Максимо нуждается в лишних доказательствах, пусть делает, что считает нужным, только помнит об осторожности.

– Я сам этим займусь, можете не беспокоиться.

– И только на один вечер…

– Согласен.

Потирая руки, Максимо отправился выполнять свою деликатную миссию, которая Пеланки Моуласу казалась заранее обреченной на провал. Настало время отдать свое состояние и свою судьбу в более надежные руки, чем руки Максимо и полиции: объяснение происходящему способен найти лишь Кардозо э Са обладающий сверхъестественной способностью проникать в загадки потустороннего мира, узнавав прошлое и будущее, которое вершится в лучезарных небесах и в черных пропастях.

Зулмира тоже не сомневалась, что все это проделки дьявола. Накануне она промолчала, не желая огорчать и без того расстроенного Пеланки, но едва кончилась игра в «Паласе», кто-то невидимый дотронулся до ее груди, а потом – о, ужас! – ущипнул за бедро.

– Посмотри, Пекито…

Она подняла халат: на бронзовой коже красовался багровый синяк – последнее и решающее доказательство козней нечистого.

– Assidente! – воскликнул калабриец.

15

Итак, за минувшие годы Гуляка ничуть не изменился.

– Ночью я приду, чтобы вытащить тебя из постели. Жди…

Будто дона Флор была распутной девкой и могла отдаться другому, пока муж спит сном праведника.

Дона Флор смотрит в его честное, благородное лицо, слушает его спокойное дыхание, и

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ее охватывает нежность: нет на свете мужчины лучше Теодоро. И пора ей раз и навсегда покончить с колебаниями, недостойными порядочной женщины.

Лучше подождать Гуляку в гостиной, так надежнее: если Гуляке и удастся обнять ее, все же это случится не в той комнате, где спит муж. Не в силах совладать со своей грешной плотью, дона Флор все же опасалась, что не сможет устоять. Ее воля слабела, едва появлялся Гуляка, голова кружилась, она чувствовала себя в полной власти соблазнителя. Дона Флор уже не была хозяйкой своего тела, которым все больше завладевал Гуляка.

Правда, она еще не отдалась ему, но, возможно, лишь потому, что в последние дни Гуляка почти не показывался; его снова захватили игра и легкомысленные развлечения. Так было и в тот вечер. Твердо пообещав прийти, он не сдержал своего слова и остался в казино. А может быть, и в веселом заведении. Дона Флор ходит по гостиной, открывает окно, выглядывает на улицу и считает минуты.

Все его клятвы и пылкие признания – ложь! Дона Флор ждет его, а он забыл о ней ради игры. Но может быть, он еще придет после закрытия казино?

Однако казино уже закрыли – дона Флор хорошо знает, до какого часа оно открыто, уже не первый год она поджидает Гуляку. Где он бродит, почему опаздывает, почему забыл о своем обещании? Почему злоупотребляет ее терпением, почему не приходит, если обещал, а она его ждет вопреки здравому смыслу, забыв о чести, женском достоинстве, о своем супружеском счастье и любимом муже? Почему она хочет только одного – увидеть Гуляку? Почему он сумел внушить ей это желание?

Утром на занятиях дона Флор так нервничала и была так рассеяна, что едва не уронила рисовый пудинг. До нее донесся взволнованный голос Зулмиры Симоэнс Фагуидес:

– Это какое-то колдовство, девочки, я с ума схожу от страха… Помните, как-то на днях мне показалось, будто кто-то коснулся моей груди? Так вот, эта история продолжается…

Девушки бросились на нее с вопросами:

– Неужели? Не может быть! Расскажи…

– Вчера вечером я была в «Паласе»…

– Да ты каждый день бываешь там!…

– Это входит в мои обязанности.

– Хотела бы я иметь такие обязанности…

– Рассказывай, Зулмира…

– Так вот, вчера вечером я со своим хозяином была в «Паласе», и там произошло нечто невероятное: шарик рулетки все время останавливался на семнадцати…

Дона Флор затаила дыхание.

– Вдруг я почувствовала, как кто-то снова коснулся моей груди, а потом, – она понизила голос, – ущипнул меня за бедро…

– Невидимка? Что за фантазия! – усомнилась сеньора, которая давно высохла и поэтому мало верила в чудеса.

– Не верите? Пожалуйста, могу показать.

Зулмира задрала юбку, обнажив бедро, способное внушить зависть даже самым пышным дамам: на коже явственно виднелся уже немного побледневший след от пальцев Гуляки. Дона Флор молча вышла из комнаты.

Настроение у нее было испорчено, и все же она продолжала его ждать. Гуляка не пришел, не явился он и на следующую ночь. Обманщик и лицемер! Дона Флор ждет его, а он преспокойно торчит в казино и щиплет Зулмиру. Притворщик, вероломный и бездушный циник. Муки доны Флор кончились, осталась только грусть.

16

Тщеславие и высокомерие были чужды профессору Максимо Салесу, свои успехи он скромно объяснял поговоркой: «С мошенником может справиться только еще больший мошенник». Как человек образованный, он был подлинным гуманистом.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Хватит с него этих разговоров о потустороннем мире, злых чарах и колдовстве. Достаточно было проделать над рулеткой небольшую операцию, и колдовство рассеялось: теперь жульничество стало очевидным, оставалось только раскрыть главаря шайки и расправиться с ним. Ни о чем не подозревавшей крупье Лоуренсо Ман-де-Вака не переставал удивляться, накануне выпадало только 17, сегодня же это число ни разу не выиграло.

Лицо Пеланки Моуласа просветлело. Сверхъестественные силы не отступили бы перед трюком Салеса, значит, они здесь ни при чем. Максимо сорвал с этой истории покров таинственности, и теперь уж могущественный Пеланки доберется до виновников, заставит их с лихвой заплатить за наглое мошенничество и особенно за тот малодушный страх, который все это время грыз его душу. Сидя между Зулмирой и Домингосом Пропалато, Пеланки снова улыбался игрокам своей обворожительной улыбкой.

Тем временем Мирандон спал в прекрасном розовом будуаре Карлы. Накануне, когда Пеланки Моулас, уже почти не владевший собой, приказал прекратить игру, крупье Лоуренсо Ман-де-Вака и Домингос Пропалато вздохнули с облегчением, так же как и Мирандон, растерянно сидевший перед горой фишек, принесенных выигрышем, в котором было что-то устрашающее.

Пока выигрывало 17, Мирандон испытывал смешанное чувство ликования и в то же время ужаса: в этом необыкновенном везении было что-то нечистое. Все ему казалось подозрительным и странным: и голос Гуляки, неотступно преследовавший его с самого утра, и беседа у доны Флор, в которой покойный друг тоже принимал участие, и фишки, которые упали на 17, хотя он бросил их на 3 и 32. Среди вечера Мирандон еще раз из любопытства решил поставить на свои любимые числа, однако фишки снова упали на 17. Так кто же он – игрок или игрушка в руках судьбы?

Выйдя из «Паласа», новоиспеченный миллионер с тревожным сердцем направился к гостеприимному дому Карлы – самому подходящему месту для тех, кто хочет отпраздновать выдающееся событие или избавиться от душевных мук. Он доверил свой капитал толстой и честной итальянке, велев, разумеется, истратить на праздник сколько потребуется. Мирандон боялся, опьянев, лишиться денег, вокруг него, словно пчелы вокруг меда, уже вились женщины и угодливые дружки. А он собирался закатить грандиозную попойку, чтобы утопить в вине все свои недоумения.

Пир длился до утра, а наиболее выносливые из гостей – литераторы Робато Фильо и Аурео Контрейрас (как всегда, с цветком в петлице) и журналист Жоан Батиста – остались завтракать вкуснейшей фейжоадой, к которой подали кашасу и молодое вино. Только позавтракав, Мирандон наконец свалился, и девушки унесли его неподвижное тело на носилках. Затем Мирандона раздели, опустили в теплую ванну, надушили и уложили на кровать с пышным матрацем, в будуаре, обитом розовым атласом и предназначенном для самых почетных клиентов.

Наиболее чувствительные гости, в том числе и Мирандон, весь вечер не могли избавиться от ощущения, будто кто-то распоряжается на их веселом празднике. Иначе как объяснить, например, то, что толстая Карла вдруг решила исполнить танец семи вуалей?

Да и у Максимо Салеса, этого скептика и рационалиста, было такое впечатление, будто за ним наблюдают, когда он и Домингос Пропалато возились с рулеткой. Иногда он даже оглядывался по сторонам, словно искал неизвестного свидетеля своих многотрудных дел.

Около полуночи Мирандон, спавший мертвым сном после бурного дня и обильной выпивки, вдруг снова услышал тот же голос: сначала не очень отчетливо, затем совершенно ясно. Гуляка приказывал ему немедленно вернуться в «Палас» и снова ставить на 17 и только на 17!

Открыв глаза и увидев только темноту, Мирандон, помертвевший от страха, нырнул под одеяло и закрыл уши подушкой. Накануне в самый разгар веселья Анакреон спросил у него: «Ты тоже слышал голос Гуляки? Второго такого друга не сыщешь. Даже после смерти он нас не забывает».

Мирандон не хотел слышать этот голос, но он звучал все настойчивее. Все ясно, его

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

околдовали, эгун овладел им. Надо скорее сходить на кандомблэ матери Сеньоры, чтобы очистить свое тело и умилостивить божество жертвоприношением.

Но и сквозь подушку проникал властный и уже угрожающий голос Гуляки. И тогда Мирандон, не найдя ничего лучшего, стал звать на помощь, всполошив весь дом. Попросив извинения у уважаемого судьи, который на этот раз задержался дольше обычного, добрая Карла пошла успокоить перепуганного гостя. И когда она обняла Мирандона, прижав его к своей необъятной груди, тот поклялся ей душою своей матери и счастьем своих детей, что никогда больше не будет играть и никто ни на земле, ни в небесах не заставит его еще хотя бы раз коснуться фишек.

17

Когда зазвонил телефон, Джованни Гимараэнс спал сном праведника. После женитьбы он привык ложиться и вставать рано, что было, по мнению его супруги, очень полезно для здоровья и для карьеры, особенно если в молодости человек вел разгульную жизнь, достойную самого сурового порицания.

Журналист Джованни Гимараэнс за очень короткое время изменился, как говорят, до неузнаваемости. И все благодаря браку с женщиной, обладающей твердым характером и не желающей мириться с пороками и ветреным нравом мужа. Джованни по-прежнему оставался веселым сочинителем всяких небылиц, интересным собеседником, всегда готовым обсудить городские новости. Но и только. К удивлению многих, этот неисправимый кутила и игрок совершенно остепенился.

Еще не так давно родители Джованни, встревоженные слухами, дошедшими до их поместья, послали в Баию племянника, сборщика податей, известного своими строгими принципами, узнать, чем занимается их блудный сын. Сборщик податей остановился на холостяцкой квартире Джованни и, чтобы лучше справиться со своей деликатной миссией, целую неделю повсюду сопровождал двоюродного брата. Возвратившись, он уверенно поставил диагноз: «Неисправим!»

Джованни проматывал все свое жалованье и деньги, которые присылали родители, в игорных притонах и других злачных местах, появляясь на службе только в дни зарплаты. Он не вылезал из долгов, носился с какими-то подозрительными идеями, а поэтому ни престиж журналиста, ни острый ум, ни обаяние, привлекавшее к нему все новых друзей, не могли его спасти.

Вернувшись в свою контору, к богу и семье, двоюродный брат возмущался упорством Джованни, который считал, что только законченный болван может отказаться от всех этих удовольствий, в том числе от главного из них – грациозной Заза.

– И не надейтесь… Джованни словно помешался… Вряд ли он когда-нибудь исправится… – говорил сборщик налогов рыдающим родителям.

Но он исправился. Когда родители потеряли всякую надежду и смирились со своей участью, Джованни вдруг влюбился, а через два месяца сыграл свадьбу. Некоторые жалели невесту: «Бедняжка проклянет день, когда дала согласие выйти замуж за этого сумасшедшего».

Так говорили те, кто судил о девушке по ее смиренному виду и скромным манерам. Однако братец из сертана, снова приехавший в Баию через полгода после свадьбы, только покачал головой и поспешил к Заза, надеясь уговорить ее уехать с ним в деревню, чтобы ближе познакомиться с сельской жизнью.

Джованни не появлялся больше в игорных домах и в веселых компаниях. Раз в два месяца он играл в подпольной лотерее, вот и все, а красивых женщин видел только на экране. Он стал почтенным, уважаемым чиновником и примерным семьянином, и, когда он шествовал по улице рядом с женой, держа за руку маленькую Людмилу, нельзя было не растрогаться при виде этого семейства.

Вместе с лысиной у него появились консервативные взгляды, патриархальные

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

наклонности и мечта заняться сельским хозяйством, – словом, еще один муж вернулся в лоно общества и семьи.

Итак, Джованни спал, когда раздался телефонный звонок. Вскочив с постели, он, еще не совсем проснувшись, схватил трубку.

– Джованни? – спросили на другом конце провода.

– Я. А кто говорит?

– Гуляка. Сейчас же беги в «Палас» и ставь на семнадцать, играй без опаски, дело верное, я ручаюсь. Только скорей…

– Сейчас иду.

Стараясь не шуметь, Джованни быстро оделся. Хорошо еще, что жена спала и не надо было ничего объяснять: на это времени у него не было. Он выскочил из дому, забыв взять с собой ключи и бумажник с деньгами и документами. На углу подвернулось такси, и, только когда подъехали к «Паласу», Джованни обнаружил, что у него с собой ни гроша.

– Забыл бумажник…

– Ничего, сеу доктор… Я потом получу с вас…

Джованни узнал Цыгана, а вот себя, Джованни Гимараэнса, он не узнавал. Черт побери, что ему понадобилось в «Паласе» в час ночи? Его разбудил телефонный звонок, и Гуляка велел ему ставить на 17. Но ведь Гуляка умер несколько лет назад, еще до того, как он, Джованни, женился. Наверное, это сон, галлюцинация.

Пусть так, но раз уж он приехал сюда, тайком удрав из дому, за что ему не избежать взбучки, остается только воспользоваться советом, полученным по телефону. Вдохнув свежий ночной воздух, Джованни вновь почувствовал себя свободным и стал подниматься в игорный зал.

Несмотря на поздний час, в зале было полно народу, особенно около рулетки. Джованни шумно приветствовали.

– Рады тебя видеть, давненько ты здесь не появлялся…

– Ба, кого я вижу!

Подойдя к Пеланки, журналист спросил:

– Могу ли я взять у вас в долг? Я так торопился, что забыл бумажник и чековую книжку…

– Сколько угодно… Касса к вашим услугам.

– Много мне не нужно, я только хочу убедиться в правильности предзнаменования. Мне приснилось, будто я должен поставить на семнадцать.

– Семнадцать?

На лице Максимо Салеса появилась торжествующая улыбка, а сердце Пеланки Моуласа забилось от страшного предчувствия. Джованни написал расписку и, взяв фишки, поставил сразу две на 17.

– Сегодня это число ни разу не выиграло, – сказал кто-то.

– Игра сделана… – раздался голос Лоуренсо Ман-де-Ваки.

Шарик закружил по полю рулетки, тщетно стремясь к 17. Максиме Салес сиял, Пеланки Моулас застыл, весь напрягшись.

– Черное. Семнадцать! – объявил Лоуренсо Ман-де-Вака.

18

Субботний вечер, монотонный дождь навевает тоску. Тяжело остаться наедине со своими грустными мыслями. Но даже это доне Флор не удалось.

Надев плащ и взяв зонт, доктор Теодоро ушел на репетицию к доктору Венсеслау. Дона Флор извинилась: у нее мигрень, и она не расположена вести беседу о последних модах и светских новостях, разумеется, она не призналась, что попросту скучает на репетициях оркестра. Напротив, выразила сожаление, что не сможет послушать еще раз медленный вальс «Вздохи при луне на Миссисипи» маэстро Аженора Гомеса, сочиненный в честь доны

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Гизы, с которой автор в последнее время подружился.

Дона Гиза зашла пригласить дону Флор на капоэйру в районе Амаралины: любопытная американка всегда все знала. Дона Флор отказалась, опять сославшись на то, что чувствует себя совсем разбитой. То же сказала она доктору Ивесу и доне Эмине, которые позвали ее в кино. Дона Норма предложила сыграть в карты.

– Пойдем, сыграем в биску, поболтаем.

– Спасибо, Норминья. Но у меня нет настроения, иначе я пошла бы с Теодоро. Пришлось ему отправиться одному…

– Я видела, как он шел к трамвайной остановке мрачный, будто на похоронах. Он очень любит тебя, Флор.

Плохо она поступила, не пойдя с мужем на репетицию: Теодоро просил совсем немного в обмен на свою любовь и преданность. Тогда как другой… Нет, не надо думать об этом дьявольском наваждении. Почему так устроено женское сердце? Почему ей захотелось остаться одной? Ведь для доктора Теодоро не было большей радости, чем играть на фаготе для своей жены. А она осталась дома в надежде, что придет тот, другой, забыв наконец о своей рулетке.

Да, осталась, но только для того, чтобы высказать ему все, прогнать его, раз и навсегда с ним порвать. Так ли? А может быть, для того, чтобы сказать ему: «Я твоя, Гуляка, я не могу больше ждать»? Так что же она ему скажет? Затянувшаяся борьба духа или плоти совсем обессилила бедную женщину.

Из соседнего дома доносится голос Марилды, поющей любовную песню, молодая радиозвезда собирается замуж. Официальное предложение, правда, еще не сделано, потому что жених, богатый какаовый плантатор, требует, чтобы она бросила радио и пела только для него! Но Марилде не так-то просто было пробиться к микрофону и очаровать город своим маленьким мелодичным голоском, так почему она должна так дорого платить за брак? Марилда приходила советоваться с доной Флор, но та не могла разобраться в своих затруднениях, не то что в чужих. Ее цельную натуру раздирали противоречия, разум говорил одно, обуреваемая желанием плоть – совсем другое.

Доктор Теодоро ушел в дождь, прикрыв фагот плащом. Для него на этом свете существовали только Флор и музыка. Ради жены и ради музыки этот образцовый муж, если бы понадобилось, пожертвовал аптекой и доходами, фармакологией и репутацией.

А тот, плут и бродяга, мечтал обесчестить ее во второй раз, но даже ради этого не жертвовал ни одной минутой своего времени. Он и в первый раз ни в чем не отказал себе, ничем не поступился ради доны Флор, отдавая ей лишь крохи своего внимания. «Жди, я скоро вернусь». А сам так и не вернулся. Коварный обманщик!

Опустившись перед доной Флор на колени, Марилда спрашивала:

– Скажи, Флорзинья, что мне делать? В пении вся моя жизнь, а мама говорит, что главное – выйти замуж, иметь семью, мужа, детей, а все остальное – девичьи капризы. А ты как думаешь?

Дона Флор думала, что ей сказать Гуляке: «Уходи, проклятый, я хочу быть честной и счастливо жить со своим мужем» – или: «Обними меня и поцелуй, ибо твой поцелуй стоит любого счастья»? Почему нельзя любить только одного? Почему нужно разрываться между двумя мужчинами и бороться со своими чувствами?

– Ты сама должна выбрать между карьерой и браком.

– Но почему? Неужели я не могу выйти замуж и продолжать петь, если я люблю его и люблю пение? Почему я должна от чего-то отказываться, если мне нравится и то и другое? Скажи, почему?

Действительно, почему, дона Флор? Но вот раздается голос жениха, Марилда поднимает свое красивое лицо и убегает. Дона Флор провожает ее взглядом и вдруг видит Гуляку, который приближается к девушке.

– Гуляка?! С Марилдой?! Нет, нет, ни за что!

Смеясь, он опускается к ногам доны Флор, сменив Марилду, обнимает ее колени и

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

кладет на них голову.

– Оставь меня в покое… – говорит дона Флор рассерженно.

– Почему ты меня гонишь, любовь моя? За что ты на меня все время злишься?

Он еще спрашивает! Будто и не обещал ей прийти, будто не просил его ждать. Она не спала ночами, тревожилась и получила от бесстыдника всего одну весточку – синяки на бедре Зулмиры. А теперь он удивляется!

– Но ты же сама сказала, что не хочешь меня больше видеть! Вот я и пошел немного развлечься с Пеланки. Это было так забавно, Я чуть со смеху не умер!…

– С Пеланки или с его секретаршей?

– Ревнуешь, чернушка? Я решил не надоедать тебе, пока ты не соскучишься и не станешь молить бога, чтобы я вернулся, потому что тебе уже давно хочется быть моей…

– Кто это тебе сказал? Какая ложь! Я честная женщина, так что убери свои руки.

Губы обжигали поцелуями ее кожу, впивались в ее рот. Тело доны Флор охвачено томлением, она готова сдать последние рубежи и тянется к Гуляке, забыв о Зулмире. Силы ее тают, доне Флор все труднее защищать от посягательств Гуляки свою честь. Ах, если бы она могла позвать кого-нибудь на помощь! Гуляка торопится, скоро начнется игра, и вот дона Флор в его объятиях.

– Можно войти?

Дионизия Ошосси переступила порог.

– Что с тобой, кума? Ты такая бледная…

Спасение пришло внезапно, и дона Флор едва слышно пробормотала:

– Сам бог тебя послал, кума Дионизия. Только ты можешь мне помочь. Садись рядом.

– Да что с тобой, кума? Ты вся дрожишь…

Дона Флор взяла руки Дионизии в свои.

– Кто-нибудь мне должен помочь освободиться от Гуляки, прогнать его. Последнее время он не дает мне покоя, я хожу сама не своя, остатки воли потеряла.

– Покойный кум?

– Устрой, кума, чтобы он вернулся обратно, иначе случится что-то ужасное… Не знаю, как тебе это объяснить, но он хочет забрать меня с собой, вот только сейчас, перед твоим приходом, он пытался увести меня, дал мне какое-то зелье, и я чуть было не пошла… Если так будет продолжаться, он меня в конце концов уведет…

Чтобы не закричать, Дионизия закрыла рот рукой.

– Ах, кума, надо скорее что-нибудь предпринять. Я поговорю с отцом Диди, хорошо, я знаю, где он находится. Не каждому под силу справиться с эгуном, для этого нужен священный посох.

– Диди? – Дона Флор вспомнила худого негра с цветочного базара, который дал ей мокан на могилу Гуляки. – Иди, кума, иди скорее, если кто и может меня спасти, то только он. Иначе я пропала, случится непоправимое.

– Пойду сию же минуту…

Дионизия выбежала, она была бессильна перед могущественными божествами, однако твердо решила спасти жизнь кумы: непоправимое значит смерть, что же еще? Скорее, Дионизия, скорее беги по извилистым, узким дорогам до врат царства Ифа, там, на перекрестке, ты найдешь жреца.

– Отец мой, – обратилась к нему Дионизия, поцеловав руку, – покойник хочет увести мою куму, спаси ее, верни эгуна в его царство. – И она рассказала все, что знала.

А в эту минуту, весь промокший, возвратился домой доктор Теодоро. Из-за дождя репетиция не состоялась. Он выпил глоток ликеру – профилактика против простуды, – надел пижамную куртку и, взяв фагот, исполнил для доны Флор самые лучшие вещи из своего репертуара. Слушая музыку, дона Флор постепенно успокоилась, тревога ее улеглась, и она уже не казалась себе бесчестной, легкомысленной женщиной. Тебе больше нечего опасаться, Теодоро, я тебя люблю и только тебе принадлежу, только тебе. Не может одно сердце вместить сразу двоих, я велела половину оторвать и теперь сижу здесь, твоя достойная и

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

верная жена, и слушаю, как ты играешь на фаготе.

В другом конце Баии меж тем зажглись костры, и озаренный их заревом жрец играл на трубах, пока молилась Дионизия, дочь Ошосси. Взревела буря, загрохотал гром, погасли огни, море яростно заволновалось, и боги, прискакавшие на молниях и зарницах, дали свое согласие, только Эшу сказал: «Нет».

19

Записку Пеланки Моуласа Кардозо э Са получил на кладбище, куда он пришел, как всегда в день своей смерти, на собственную могилу. Скончался он в 1836 году в богатом особняке на Корредоре да Вигориа, и звали его тогда Жоаном Перейрой. По покойному была отслужена пышная панихида, на похороны с плакальщицами явилась толпа масонов и богатых оптовиков, а также губернатор провинции.

Могилы Кардозо э Са были разбросаны по всему свету: он был похоронен в одной из египетских пирамид, в вечных снегах Альп, которые покорял с армией Ганнибала, в песках аравийской пустыни, по которой скакал на гнедом коне. Во Франции было по крайней мере две его могилы и столько же в Италии; он умирал в Испании от пыток святой инквизиции, был алхимиком и еретиком, нищим монахом и кардиналом, торговал финиками в Египте во времена Рамзеса II, изучал звезды Восточного полушария еще до рождества Христова, ибо был тогда известным математиком.

Только в Баии у него было две могилы: в негритянской церкви Пассо и в церкви на острове Итапарика, где его убили в сражении с голландцами в 1638 году, когда он был красивым, ловким и легкомысленным тридцатитрехлетним офицером его величества короля Португалии – Франсиско Нунесом Мариньо д'Эса, поклонником хорошеньких индианок.

Для описания всех этих жизней, полных подвигов и любовных похождений, понадобилось бы несколько томов, и все же худому как скелет Антонио Мелшиадесу Кардозо э Силве (Кардозо э Са для избранных), скромному архивариусу муниципалитета и маэстро оккультных наук, удалось совместить в своей персоне богатейший опыт и разносторонние знания людей, живших в разные эпохи.

– Я приехал за вами, сеньор Кардозо, хозяин велел во что бы то ни стало привезти вас. Его ограбили… – сказал Аурелио, шофер Пеланки.

– Знаю, я тебя ждал…

– Знали, что я приеду?

Мудрец рассмеялся в ответ громко и раскатисто, ибо не было на свете человека веселее и счастливее его.

– А ты как думаешь, Аурелио? Я знаю все – тайное и явное…

Но Аурелио не собирался углубляться в эту тему – одно присутствие Кардозо э Са приводило его в замешательство. Сидя рядом с шофером, маэстро все время с кем-то здоровался.

– Добрый вечер, бригадир.

Какой бригадир? А вон там, у моря, он наслаждается вечерней прохладой. Где, сеу Кардозо? Аурелио никого не видит. А не каждому дано видеть, мой дорогой.

– Мое почтение, сеньора, целую ножки.

Тоже не видишь? Очень элегантная дама в шляпке с перьями и платье со шлейфом, когда-то была знаменитой красавицей. Из-за нее погубили себя двое юношей в расцвете сил. А сейчас все трое гуляют по берегу моря, мило беседуют и смеются. Значит, ты слеп, раз не можешь увидеть столь блестящую особу.

– Боже меня спаси и помилуй, сеу Кардозо…

Маэстро снова хохочет, улица полна призраков, шофер напряженно ведет машину: ему не нравится такой седок.

– Значит, с игрой у Пеланки дела обстоят неважно? – вдруг поинтересовался Кардозо.

– И это вам известно? – изумляется шофер.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Но вот Кардозо отворачивается, пряча лицо от белокурой девушки спортивного вида, которая направляется к пляжу. Оказывается, это Жанна д'Арк, а Кардозо э Са не кто иной, как французский кардинал Пьер Кошон, папский легат, чья трусливая рука подписала смертный приговор девственнице. Теперь ему повсюду мерещатся невинные глаза и чистый профиль его жертвы.

– Я был двуличным и легкомысленным подлецом…

В доме Зулмиры Пеланки Моулас с нетерпением поджидал человека, который один на всем свете мог объяснить необъяснимое.

– Вы задержались, сеу Кардозо…

– Я всегда прихожу вовремя.

Он поздоровался с Зулмирой, щеголявшей в развевающихся прозрачных одеждах. Когда-то Кардозо э Са хорошо ее знал: во главе амазонок скакала она по долинам на горячем коне. Грудь у нее по-прежнему великолепна, но, к сожалению, теперь Зулмира ее прячет, подумал маэстро Кардозо, несмотря на свою бесплотность, весьма и весьма неравнодушный к земным соблазнам.

– Я вас разыскиваю уже два дня…

– Должен ли я вас успокоить или решить какое-то затруднение? – Глаза маэстро устремились куда-то вдаль, взгляд стал напряженным.

– Осечка с рулеткой, не так ли?

Пеланки повернулся к Зулмире, как бы говоря: «Он все знает». Не секрет, что весь город обсуждал то, что произошло в «Паласе», слухи, очевидно, дошли и до квартала, где Кардозо обитал в нищете со своей женой и пятью детьми (он никогда не брал денег за труды). Но чтобы узнать о чем-нибудь, маэстро совсем не обязательно было слышать, он никогда не доверял сплетням.

– Сегодня утром, уходя из дому, я сказал себе: «Пеланки пришлет за мной, он попал в тяжелое положение и нуждается в моей помощи».

– В очень и очень тяжелое… Они хотят меня доконать, Кардозиньо, свести со мной счеты…

Пеланки рассказал о чудесах в казино, а Кардозо, сидя против него, спокойно слушал и кивал головой то ли в подтверждение каких-то своих мыслей, то ли уже придя к определенному выводу. При этом, скромно скосив глаза, маэстро отнюдь не бесстрастно взирал на бедро Зулмиры, которое виднелось сквозь прозрачную ткань пеньюара. Очевидно, греховная картина совсем не мешала мудрецу подниматься на вершины духа, а может, даже ласкала его утомленный взор.

Когда Пеланки закончил рассказ, Кардозо э Са все стало ясно, загадка была решена, а ответ готов:

– Это марсиане… – твердо заявил он и рассмеялся своим громоподобным смехом, будто речь шла о какой-то забавной шутке, от которой не страдал ежедневно карман Пеланки.

– Марсиане? Какие марсиане?… Не обманывайте меня, сеу Кардозо! Я вам верю и хочу знать правду. При чем тут марсиане? Я не сомневаюсь, что это мои враги и что тут не обошлось без колдовства. Никто не видел этих самых марсиан, и не известно, существуют ли они вообще. А колдовство существует, и злые духи, и сглаз…

– Не видел тот, кому не дано видеть… Я же утверждаю: это марсиане!… А враги и колдовство здесь ни при чем… Марсиане очень любопытны, особенно их интересует техника. А поскольку они наделены высшим разумом, для них не существует ни везения, ни невезения…

– Марсиане на Земле? – вмешалась в разговор Зулмира, обожавшая всякие новости. – И давно?

– Первые марсиане высадились давно, но лишь три человека присутствовали при этом…

– И вы были одним из них?

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Кардозо скромно улыбнулся.

– Скоро они себя покажут, человечество ждут великие потрясения… – Он снова расхохотался. – Но пока они невидимы, и только избранные…

– Раз вы их видите, сеньор, то скажите, как они выглядят? Они красивы? – прервала маэстро Зулмира.

– В сравнении с ними мы отвратительные твари.

Девушка была озадачена.

– По-вашему, сеу Кардозо, получается, что это именно они щипали меня? Значит, они тоже этим занимаются?

– Чем именно? – Кардозо захотел узнать подробности, и встревоженная жертва межпланетного хулиганства поведала о том, что с нею было.

– Я показывала эти синяки Пекито, а также женщинам в школе доны Флор. Дона Флор так разволновалась, что чуть в обморок не упала.

Жаль, Зулмира не показала их ему, Кардозо э Са, неужели он не внушает ей доверия? А без обследования in loco (как говорил кардинал Кошон) нельзя прийти к определенным выводам.

– Не думаю, чтобы это были марсиане. Они лишь способствуют передаче мыслей на расстоянии.

«И только-то. Вот растяпы…» – подумала Зулмира, возвращаясь к маникюру. Пеланки же все еще был во власти сомнений.

– А если это не они?

– Положитесь на меня, я все выясню…

Пеланки верил в ум и проницательность Кардозо э Са, однако дело было слишком сложным и лишняя консультация не помешает. Например, с матерью Отавией.

Кардозо э Са набивал трубку, глядя куда-то за горизонт, и голос его доносился, словно издалека:

– Марсиане очень меня уважают, всего четыре дня назад я побывал с ними на Марсе, обошел всю планету, у них там один город весь из серебра, другой – из золота… Рыбы летают по воздуху, на дне моря растут цветы…

Куда-то исчезли бедра Зулмира, ее пышная грудь в кружевах, вместе с лучом света он прибыл на Марс. «Маэстро в трансе», – почтительно прошептал Пеланки, а Зулмира расправила кружева на пеньюаре.

20

Врата ада открылись, и мятежный ангел пересек порог спальни доны Флор, сверкая бесстыдными глазами, пылая устами, зовущими к поцелую. Если даже святая не устояла перед этим взглядом, этим обольстительным смехом, могла ли устоять дона Флор? Где ты, кума Дионизия со своим ожерельем Ошосси и с эбо? Скорее, Дионизия, поторопись вернуть дьявола в его царство вечной ночи. Иначе дона Флор не отвечает больше за свои поступки. Ее незапятнанная репутация в опасности: завтра честное имя доны Флор, символ добродетели, будет втоптано в грязь. Она покроет себя позором и будет мучиться угрызениями совести, на нее будут показывать пальцем, смотреть с презрением.

Дона Флор охвачена желанием и тревогой, она готова принять гнусное предложение Гуляки и в то же время готова биться за свою честь смело и непреклонно. Какая же из них истинная? Та, что не подпускает Гуляку к себе, или та, что медленно, шаг за шагом идет ему навстречу? Тишина. Дождь стучит по крыше…

Полуденная мигрень, головокружение, приход Дионизии, концерт на фаготе – все это кажется таким далеким! Вечерняя битва измеряется уже не часами, а минутами, отпор, потом опять желание, мучительное, необоримое. Доктор в ванной готовится к скромному и радостному субботнему празднику, Дона Флор спокойно и покорно ожидает его. И вдруг этот хитрец снова устраивается у нее в ногах и приказывает:

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

– Сегодня ты не ляжешь с этим дерьмом, я запрещаю! Иначе подниму страшный шум.

Какая нелепость! Какое безрассудство! Но странно устроено человеческое сердце – дона Флор почему-то рассмеялась, вместо того чтобы возмутиться и прогнать наглеца.

– Ты ревнуешь к нему? Ну и на здоровье!

– Я хочу тебя, любимая, – ответил он, растягиваясь на кровати. – Я слишком долго ждал… Подумать только, я завоевываю свою законную жену, с которой спал семь лет! Но больше я терпеть не намерен. Ревновать тебя к этому Доктору Касторке? А что мне с ним делить? Он женился на тебе, он твой муж и, по-моему, совсем неплохой, вот только в любви ничего не смыслит. Итак, я отдаю ему должное, однако пусть он меня простит: придется ему сегодня потерпеть, а развлекать тебя буду я. Я-то знаю толк в этом деле.

– Ждать придется тебе и, предупреждаю, довольно долго.

Лаская дону Флор, ее господин все больше и больше завладевал ею, своей рабыней, свободной лишь на словах. Так было и раньше. Гордость и целомудрие доны Флор всегда отступали перед Гулякой – ее мужем и повелителем. Да и чего стоят все эти приличия, если он ради нее вернулся из небытия, откуда, как известно, никто никогда не возвращался.

– Я был словно связан по рукам и ногам и лишь с большим трудом вырвался к тебе, моя любимая. Ты позвала меня, и я явился, пройдя сквозь огонь и лютую стужу, а ты отказываешь мне. Почему?

– Ах, Гуляка…

– Почему ты обращаешься со мной, как с паршивым псом? Хватит, моя милая. Или сегодня, или никогда. Когда придет этот таракан, скажи ему, что ты плохо себя чувствуешь.

– Ни за что! Я порядочная женщина и не стану изменять своему мужу, сколько раз тебе об этом говорить?

Появился доктор в чистой пижаме, благоухая душистым мылом. Приятное открытое лицо, добрая улыбка.

– Прости меня, Теодоро, но сегодня я себя неважно чувствую, что-то нездоровится. Отложим на завтра, если ты не возражаешь.

Доктор обеспокоился. Дона Флор еще днем жаловалась на недомогание. Может быть, простудилась? Надо измерить температуру, принять лекарство.

– Нет, нет, дорогой, не беспокойся, завтра я буду совершенно здорова и к твоим услугам… – нежно шепнула дона Флор.

«Куда девались мои стыд и гордость, мое достоинство?» – спрашивала себя дона Флор, признательно целуя в щеку встревоженного супруга. Но доктор Теодоро продолжал настаивать: она должна принять хотя бы что-нибудь успокаивающее, чтобы как следует выспаться. И едва он вышел за лекарством, дона Флор оказалась в объятиях Гуляки.

– Сумасшедший! Пусти меня, он сейчас вернется…

– А он совеем неплохой парень, – заключил Гуляка. – Знаешь, дорогая, он мне все больше нравится… Ты отлично устроилась: он будет о тебе заботиться, а я – тебя развлекать.

Доктор принес кувшин со свежей водой, два стакана и маленькую склянку с лекарством.

– Выпей капель двадцать валерьянки на полстакана воды и сейчас же уснешь.

Теодоро тщательно отсчитал капли, налил в стакан воды. Но кто поменял стаканы, когда доктор на мгновение отвернулся? Гуляка или дона Флор? И как фармацевт мог не почувствовать специфического вкуса валерьянки? Чудо? Что ж, одним чудом будет больше, это уже не играет никакой роли и никого не удивит. А может, никто стаканов не менял, просто дона Флор не выпила валерьянки, а доктор заснул, убаюканный монотонным стуком дождя по крыше, успев только поцеловать жену.

– Вот и все… – сказал Гуляка. – Теперь мы остались с тобой вдвоем, моя любимая…

– Только не здесь… – взмолилась дона Флор, тотчас забыв о своем втором муже. – Пойдем в гостиную…

Открылись врата рая, раздалась аллилуйя. Обнаженную дону Флор пронзает огненное копье: во второй раз Гуляка лишает ее чести – теперь чести замужней женщины, хорошо, что

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

другой у нее нет, он бы взял и ее. А потом они помчались по росистым лугам навстречу утренней заре.

Никогда дона Флор не испытывала такой страсти, она горела, словно в лихорадке. Ах, Гуляка, если ты так изголодался, то что же говорить мне, когда все это время я сидела на строгой диете, без соли и сахара, став целомудренной супругой почтенного и умеренного Теодоро?! Что мне моя репутация, мое честное имя? Моя добродетель? Целуй меня своим пылающим ртом с запахом лука, сожги в своем огне мое целомудрие, разорви своими шпорами мою стыдливость.

А Гуляка шептал ей о том, как она красива, как он любит ее вот такую, дерзкую, о том, что он никогда не забудет их встречи.

– Помнишь, как я впервые коснулся тебя? Карнавальное шествие пришло на берег, и ты прижалась ко мне…

– Ты обнял меня и провел рукой, вот так…

Он повторил это движение, и дона Флор вспомнила все до мелочей.

– Твой живот цвета бронзы, твои груди, точно ананасы. Ты расцвела, Флор, стала еще роскошней, твое тело сладостно. Я целовал многих женщин, но ни одна не может сравниться с тобой, клянусь тебе, Флор… Ты словно сделана из меда, перца и имбиря.

Сумасшедший Гуляка, тиран, пламя и легкий ветерок. Ты больше не уйдешь от меня, а если уйдешь, я умру от горя. Даже если я буду умолять тебя уйти, не уходи; даже если я тебе велю, не покидай меня…

Я буду счастлива без тебя, я это знаю; с тобой я изведаю только несчастье, бесчестье и страдание. Но даже и счастливой я не могу без тебя жить. Ах, это не жизнь, не оставляй меня!

21

В воскресенье можно поспать подольше. Когда дона Флор проснулась, дождь все еще шел. Она увидела склоненное над нею обеспокоенное лицо доктора.

– Хорошо спала, дорогая? – Он положил ей руку на лоб. – Жара нет…

Дона Флор улыбнулась, потягиваясь. Какой у нее хороший муж, какой заботливый! Она обвила его шею руками и нежно поцеловала.

– Я прекрасно себя чувствую, Теодоро. Все прошло.

Доной Флор овладела какая-то ленивая истома, ей хочется еще поваляться в постели, чувствуя рядом преданного Теодоро. Никаких забот, мягкий матрац, дождь шелестит по крыше. Доктор Теодоро ласково обнимает жену.

– Не хочется вставать, дорогой…

– А почему бы тебе не полежать? Вчера ты плохо себя чувствовала, полежи сегодня подольше. Хочешь, я принесу тебе кофе?

Какой он милый!

– Я полежу, но только с тобой, если ты будешь рядом.

Доктор Теодоро, бесхитростный, как мальчик, несмотря на свое положение, знания и возраст, смущенно рассмеялся.

– Но если я останусь с тобой, я за себя не поручусь…

Дона Флор кокетливо взглянула на мужа и уткнулась лицом в подушку.

– Придется рискнуть, Теодоро…

Простыня сползла, обнажив грудь доны Флор и бедра цвета старой бронзы.

– Ты, наверное, неспокойно спала, дорогая, смотри, кровоподтеки…

Дона Флор съежилась, сердце ее замерло.

– Где?

– Вот… Бедняжка моя…

Губы их встретились, и дона Флор вздрогнула: чистый и пылкий поцелуй Теодоро доставил ей неожиданное удовольствие. Дождь, теплая постель и объятия неискушенного

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

мужа, которые вдруг так взволновали ее. И это среди бела дня. Какой стыд! Какое наслаждение! «Он будет о тебе заботиться». И только? Каждый мужчина по-своему хорош, говорила Мария Антония, ее бывшая ученица, надо только уметь к нему подойти. Робость Теодоро, его смущение восхищали дону Флор.

– Ты у меня в долгу, дорогой…

– Я? – удивился доктор, этот большой и глупый ребенок.

Такой широкий лоб, а что за ним скрывается? Дона Флор ласково провела ладонью по лбу мужа и негромко рассмеялась.

– Вчера ты ускользнул от меня…

– Будь справедливой, Флор, уж если кто ускользнул…

– Ну, если дело во мне, я готова платить, потому что не люблю долгов. – И дона Флор лукаво прикрыла руками свое смеющееся лицо.

Ничего другого фармацевт и желать не мог. Он даже изменил своей обычной серьезности.

– Так я получу с процентами…

Однако дона Флор сорвала простыню, которой педантичный Теодоро по обыкновению хотел прикрыть свою страсть, и заключила супруга в объятия. На всю жизнь запомнил он дождливое утро этого благословенного воскресенья, святого праздника любви, небывалых восторгов.

Потом дона Флор свернулась клубочком и с довольной улыбкой крепко заснула под монотонный шум дождя.

22

Ничто не изменилось, было обычное воскресенье, такое же, как и все. И дона Флор была такая же, как обычно. Она испытала муки ада и не сомневалась теперь, что наступит конец света, но ничего подобного не случилось. У каждого из нас бывают в жизни такие сюрпризы…

Аптека в тот день была открыта, и доктор поторопился к своим клиентам. Вот почему, когда дона Флор вышла из спальни, мужа уже не было дома. Но ей в это утро не удалось поскучать в одиночестве.

Опять явились Марилда, которая никак не могла сделать выбор между замужеством и пением, и рыдающая дона Мария до Кармо. Соседки единодушно высказались в пользу замужества, кроме доны Гизы. Но экстравагантную американку никто не слушал: то, что хорошо для Соединенных Штатов, плохо и даже опасно для Бразилии. Дона Гиза не только защищала развод, но и громогласно заявила в споре с доной Жаси и доной Энаидой, что девственность – это просто устарелое понятие и вредна для здоровья. В сумасшедших домах, по ее утверждению, было полно девственниц.

Соседки же отстаивали банальный взгляд, будто замужество – это единственная цель, к которой должна стремиться женщина, созданная богом, чтобы заботиться о доме и муже, рожать детей и примерно их воспитывать. Возглавляла эту воинственную группу дона Мария до Кармо, мечтавшая, по ее словам, видеть свою дочь хорошо устроенной.

– У девочки должна быть семья, а радио – дело ненадежное.

Тут кумушки вошли в раж. Еще бы! Множество опасностей подстерегает певиц и артисток, да и вообще эта публика очень легкомысленна, утверждала дона Динора, известная нам как суровая блюстительница чистоты нравов. С годами она становилась все непримиримее в борьбе с распущенностью. Едва заходила речь о какой-нибудь артистке, она буквально загоралась. А всех директоров, певцов, музыкантов называла подлецами и донжуанами, которые только и ждут, как бы вцепиться в новую жертву.

Каково же было изумление Марилды, когда вдруг дона Флор в это воскресное утро посоветовала ей послать старомодного жениха ко всем чертям и остаться на радио, где ей обещали вскоре повысить жалованье. Дона Мария до Кармо, увидев, что дочь воспряла

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

духом от этой неожиданной поддержки, обрушилась на дону Флор:

– Вы так говорите потому, что она не ваша дочь… Можно подумать, что вы нам враг…

Спор разгорелся, соседки опять не остались в стороне, но дона Флор стояла на своем:

– У вас просто устарелые взгляды…

Перепалка закончилась истерикой доны Марии до Кармо, которая никак не могла решить, что лучше: успех на радио или обеспеченный, прочный брак. Однако доне Флор удалось склонить большинство на свою сторону.

– Пускай этот жених командует в аду, времена рабства уже кончились… – подвела итог дона Норма.

Дона Флор пошла на кухню готовить завтрак – в те воскресенья, когда аптека работала, они не ходили в гости к тетке и дяде в Рио-Вермельо. Здесь-то ее и застала Дионизия Ошосси, которая явилась за деньгами. Уже все было готово к свершению обряда, и хоровод поджидал ее, чтобы танцевать весь вечер и всю ночь, но дел еще оставалось много: для жертвоприношений надо было купить одного барана, двух коз, дюжину петухов, шесть ангольских кур, десятки метров материи. Дионизия показала длинный список, написанный карандашом на бурой оберточной бумаге. Всюду были проставлены цены плюс двадцать мильрейсов для Оссаина, чтобы он открыл лесные дороги, где бродит Эшу.

Но что это? Дона Флор в отличном настроении, чем-то очень довольна и выглядит совсем иначе, нежели вчера. Может быть, Дионизия напрасно велела жрецам не скупиться на расходы?

Нет, нет, дона Флор сама просила ее об этом, так что спасибо за заботы и хлопоты. Однако сейчас уже все страхи позади, хорошо ли, плохо ли, но все разрешилось.

– Покойник не беспокоит тебя больше?

Дона Флор смущенно улыбнулась.

– Наверное, я перестала его бояться.

Как же теперь быть? Ночью и на рассвете животных принесут в жертву, перед каждым божеством поставят большую миску с ритуальной едой. Остановить это уже невозможно, надо идти до конца. Даже если кума освободилась от страха, эбо только поможет ей сохранить спокойствие духа. Деньги жрецы уже истратили, а боги напились горячей крови животных и съели свои любимые куски мяса, они надели на себя оружие, украсились эмблемами, и крик Янсан уже разнесся по лесу. Теперь дона Флор может быть уверена, что покойник никогда больше не потревожит ее.

Дона Флор отсчитала деньги и, добавив еще немного, поблагодарила Дионизию за ее тяжелый труд, потом пригласила позавтракать курицей в темном соусе, свиным филе в коньяке и сладким пирогом. Но Дионизия торопилась вернуться на жертвенную площадку, где под грохот барабанов Ошосси требовал свою любимую лошадь.

По воскресеньям, после того как доктор прибегал завтракать (ел он наспех, не различая вкуса, лишь бы скорее вернуться в аптеку, оставленную на мальчишку-рассыльного), дона Флор переодевалась и невзирая на протесты мужа шла вместе с ним в аптеку. Там она тоже становилась за прилавок и помогала отпускать лекарства, нарядная и элегантная, словно на приеме у миллионерши доны Маги Патерностро или комендадорши Имакулады Тавейры Пирес. Ее красота и изящество предназначались только доктору Теодоро, и, понимая это, он чувствовал себя вознагражденным за воскресные дежурства.

Так было и на этот раз: грациозная и очаровательная, дона Флор блистала в бирюзовом перстне, подаренном Гулякой. Обычное воскресенье, та же аптека, те же клиенты. Теодоро и она, дона Флор. Никто не указывает на нее пальцем, никто ничего не заметил, никто не обвинял ее в прелюбодеянии, даже дона Динора, ехидная прорицательница. То же солнце, тот же дождь (теперь мелкий, моросящий), те же разговоры, а она-то думала, что наступит конец света, что сердце ее не выдержит, но все осталось по-прежнему. Мы часто так обманываемся…

Отпуская клиента, доктор Теодоро улыбнулся ей из-за прилавка, и дона Флор, улыбнувшись ему в ответ, посмотрела на его лоб: рогов не намечалось. Что за глупости, дона

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Флор, что за нелепая комедия?

Между нею и доктором ничего не изменилось, а приятное воспоминание о сегодняшнем утре придавало какую-то интимность этому их дежурству в аптеке. Но было и другое воспоминание – о ночи в гостиной, и доне Флор уже хотелось вновь видеть этого сумасброда, тирана и хитреца. Наверное, он придет, когда доктор, утомленный работой, заснет сном праведника.

Дона Флор, как и подобает примерной жене, помогает своему второму мужу, и вдруг ее охватывает тревога. Кума Дионизия сказала, что Гуляка никогда больше не станет ее беспокоить. Боже мой, неужели?!

23

Мать Отавия Кизимби заставила Пеланки и Зулмиру принять ванну из листьев, потом положила на перекрестках перья принесенных в жертву петухов, защитив Пеланки со всех четырех сторон, и велела ждать результатов. Но властелин игорной империи уже торопился к другим прорицательницам.

К ясновидящей Аспазии он явился, едва та успела облачиться в свои несколько поношенные одежды. И хотя пророчица была равнодушна к звону золота, отрешившись от земных благ, на этот раз она не отказалась от денег – работа обещала быть трудной.

Хрипло бормоча что-то неразборчивое и иногда вскрикивая, она установила контакт с потусторонним миром. Вид бьющейся, словно в припадке, Аспазии был не из приятных, и профессор Максимо Салес хотел уйти, но Пеланки не позволил. Он стоял, вцепившись в дрожащую руку Зулмиры, которая стала интересоваться сверхъестественным после того, как кто-то невидимый соблазнился ее грудью и бедрами.

Наконец, изрыгая ругательства и вытаращив глаза, жрица Востока вернулась на бренную землю. Когда она увидела Пеланки, из ее тощей, как доска, груди вырвался крик. За изнурительную работу она попросила еще денег. К тому же судьба Пеланки оказалась такой темной, что без свечей в ней невозможно было разобраться. Аспазия положила деньги в ящик, зажгла свечи, и только тогда ее всепроникающий взор различил врагов.

– На обочине дороги вижу троих, и все трое желают вам зла…

– Ах! – простонал Пеланки. – Скажите мне, signora mia, как они выглядят…

Аспазия молчала, словно разглядывая этих троих, а Пеланки ее торопил:

– Один лысый, да? Другой толстяк, а третий…

– Пусть она сама скажет про третьего… – вмешался Максимо Салес. – В конце концов, кто тут пророчица?

Аспазия, хоть и была в трансе, метнула испепеляющий взгляд в сторону грубияна, мешавшего ее сложной работе. И еще говорят, что она даром получает деньги! Она опять застонала, укусила себя за руку, ударила по голове. Нет, нелегко ей достаются деньги Пеланки!

– Первый, – объявила она утробным голосом, – лысый.

– Тоже мне новость… – проворчал Максимо.

– Второй – толстый, очень толстый…

– А третий? – поинтересовался Максимо.

– Третьего я еще не различаю, он во мраке…

Пеланки прорвало:

– Это он, он всегда прячется, maledetto! Посмотрите, нет ли у него усов и не перебит ли нос…

Аспазия словно не слышала его, погруженная в таинственное созерцание.

– Теперь вижу: у него усы и… сломанный нос…

– Так я и знал, это братья Страмби! – воскликнул Пеланки, а потом спросил, что он должен сделать, чтобы убрать их со своего пути.

За их изгнание из Баии на самый дальний Восток утомленная Аспазия потребовала

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

значительную сумму. Пеланки уже вынул было бумажник, но Максимо Салес, этот скептик, снова сунул нос не в свое дело и потребовал, чтобы Аспазия сбавила цену.

Итак, Аспазия помогла ему избавиться от Страмби, но не от невезения в игре, и Пеланки продолжал свой скорбный путь по гадалкам и прорицательницам.

Жозета Маркос, как констатировал Максимо Салес, была хотя бы красива и молода и составляла счастливое исключение среди этих пугал. Неужели жрицы оккультных наук, спрашивал себя профессор, обязательно должны быть безобразны, а их храмы грязны и зловонны. Или тайны всегда дурно пахнут? Скептик Максимо пришел к выводу, что потусторонний мир, судя по всему, не отличается чистотой.

Жозета Маркос, стройная, опрятная блондинка, приняла их в гостиной, где стояли вазы с цветами и пепельницы. Выслушав гостей, она оставила их со своим мужем, ее помощником, и отправилась в специальную комнату. Муж Жозеты, Маркос, тоже молодой и приятный на вид мошенник, сказал им, что Жозета берет за услуги совсем немного, ровно столько, сколько нужно на восстановление ее здоровья (а лекарства теперь такие дорогие!), которое расшатывается после каждого сеанса. Организм его жены, и без того слабый, крайне изнурен спиритизмом. Пеланки, возлагавший на Жозету все свои надежды, не поскупился, и Маркос спрятал гонорар в карман.

В соседней комнате с фиолетовыми занавесками царила почти полная темнота. Вся в белом, Жозета улеглась в кресло, а Маркос велел всем четверым – Пеланки, Зулмире, Домингосу Пропалато и Максимо – взяться за руки. Едва они это сделали, как маленькая лампа, единственная в комнате, погасла.

Потом зазвонили колокольчики, послышался визг, похожий на мяуканье, и какое-то мерцание озарило комнату. Зулмира истерически вскрикнула, Пеланки же онемел, а Пропалато, сжав зубы, дрожал и обливался потом. Все эти чудеса означали, что явился брат Ли У, китайский мудрец из династии Минов. Однако неисправимому Салесу опять потребовалось внести ясность, и он заявил, что Ли У здесь ни при чем и все эти фокусы проделывает Маркос. Впрочем, вряд ли стоит считаться с мнением человека, который ни во что не верит, и если мы его излагаем, то лишь ради объективности нашей хроники.

Жозета меж тем что-то лепетала, может быть на китайском, но, скорее всего, на португальском, потому что при известном усилии отдельные слова удавалось понять. Мудрец Ли У полагал, что причиной всех несчастий Пеланки была женщина, которую Пеланки в свое время обманул и которая не могла ему это простить.

– Блондинка или шатенка?

– Шатенка, красивая, лет двадцати пяти…

– Двадцати пяти? Да ей было около сорока! Я ни в чем не виноват! Пожалуйста, скажите китайцу, что я не виноват…

Ее звали Анунсиата, и казалась она невинной девушкой, но только казалась. А Пеланки было тогда всего семнадцать… Решив рассчитаться с изменницей, он схватился за нож. От тюрьмы его спасло только то, что он был несовершеннолетним, Анунсиата же угодила в больницу и поклялась отомстить ему, живая или мертвая. Теперь, спустя столько лет, она, очевидно, привела свою угрозу в исполнение.

Пеланки никогда не раскаивался в своем поступке: его женщина должна принадлежать только ему, и Зулмира старалась держаться в темноте, подальше от беды.

Китайский мудрец согласился освободить Пеланки от проклятий Анунсиаты, материальную сторону вопроса взялся уладить Маркос, посредник между духами и живыми людьми. Исчезла Анунсиата со шрамами на лице и на шее, однако невезение в игре продолжалось.

Архангел Михаил де Карвальо, закутанный в какую-то простыню и в тюрбане, действовал быстро и решительно: взяв руки Пеланки в свои, он посмотрел ему в глаза. Пеланки преследует неумолимый враг, которому калабриец когда-то нанес оскорбление и который недавно скончался. Всевидящий архангел сразу его обнаружил.

– Он стоит у вас за спиной.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Все невольно сделали шаг вперед, даже Максимо Салес на всякий случай отошел от двери.

– Вы говорите, он недавно умер?

– Да. Вы поссорились из-за женщины…

Пеланки понял, что архангел имеет в виду Диоженеса Рибаса, у которого он отбил жену, уже немолодую мулатку со следами былой красоты. Оскорбленный Диоженес угрожал Пеланки кинжалом, хозяин же игорных домов по наущению мулатки, которую муж изводил своей ревностью, велел избить Рибаса шайке наемных бандитов. Выйдя из больницы,.Диоженес Рибас куда-то пропал, и Пеланки лишь случайно узнал, что он умер в страшной нищете. Мулатка вскоре надоела Пеланки, и он обменял ее на двести пятьдесят карточных колод. Своим мечом архангел обратил в бегство Диоженеса, жалкого рогоносца, и взял за это совсем немного, ибо никогда не наживался на горе ближнего. Рогоносец убрался, но невезение в игре лишь усиливалось.

Доктор Наир Саба, сорокалетняя женщина-врач с университетским дипломом, страшная как смерть, лечила больных магнетическими пассами. За сходную цену она немедленно обнаружила по меньшей мере шестерых врагов Пеланки и тут же всех их уничтожила, заодно вылечив Пеланки от язвы двенадцатиперстной кишки, а Пропалато – от хронического ревматизма. Но невезения в игре она не сломила.

Шестидесятилетней Деборе, одетой в лохмотья, по мнению Максимо, не стоило и гроша давать: она утверждала, что уже более тридцати лет беременна Апокалипсисом, была постоянно пьяна и постоянно простужена. Дебора обнаружила некую Кармозину, старую любовь Пеланки, которую он когда-то безжалостно бросил, поскольку не терпел тощих и некрасивых женщин. Деборе стоило немалых трудов спровадить эту особу, и удалось это благодаря нескольким глоткам водки, налитой в пузырьки из-под микстуры. Она предложила Пеланки несколько способов угадывать выигрыши в подпольной лотерее, тем не менее невезение продолжалось.

Единственный, кто отказался от гонорара, был Теобалдо Багдадский Принц, одетый в белое, высохший восьмидесятилетний старик с пристальным взглядом голубых глаз и добрым лицом. Он не обнаружил ни видимых, ни невидимых врагов, а если и обнаружил, то сохранил это в тайне. Дотронувшись до плеча Пеланки, он сказал:

– Только Маэстро Абсурда может вас спасти. Только он и никто больше.

– А где я могу его найти?

Теобалдо Багдадский Принц, который уже более двадцати лет предвещал конец света, за что его сажали в тюрьму и сумасшедший дом, однако не сломили, объявил:

– Там, где меньше всего ожидаешь… – Сказав это, он закрыл глаза и погрузился в сон.

На квартире Зулмиры в одиночестве, столь необходимом для мыслителя, Кардозо э Са обдумывал детали своего плана: он уже назначил встречу с марсианами, среди которых у него были друзья.

– Ну как? – спросил он Пеланки.

Усталый и подавленный, король рулетки пожал плечами.

– Не знаете, где я могу найти Маэстро Абсурда? Вы слышали о нем?

– Вы хотите встретиться с Маэстро Абсурда? – Раскат громкого хохота потряс гостиную.

– И как можно скорее!

– Он здесь, перед вами.

– Вы? Так поторопитесь же! Если это продлится еще неделю, я пропал.

– Поторопитесь, Кардозиньо, – умоляюще поддержала Зулмира.

Маэстро Абсурда улыбнулся интимному обращению секретарши.

– Будьте спокойны, сейчас все уладим.

«Какой у него орлиный, зоркий взгляд», – подумала Зулмира.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

24

На обед дона Флор и доктор Теодоро пришли под руку. Немного передохнув, доктор должен был вернуться в аптеку, по воскресеньям она была открыта до десяти вечера.

– Бедняжка… – посочувствовала мужу дона Флор.

– А ты ложись сегодня пораньше, вчера тебе нездоровилось.

Дона Флор была рада, что кончилась наконец мучительная, раздиравшая ее борьба между духом и плотью. Ее беспокоило только одно – вдруг Гуляка не вернется? Что она тогда будет делать?

Но он явился, едва только доктор вышел за дверь – в плаще и с зонтом, потому что снова начался проливной дождь.

– Ты бледен, устал и осунулся. Это оттого, что ты опять не спишь, играешь, ведешь бурную жизнь. Тебе нужно отдохнуть, любимый, – сказала дона Флор после первых объятий.

В лице у Гуляки не было ни кровинки, но он улыбался.

– Устал? Немного. Ты не представляешь, как я смеялся над Пеланки.

– Ты собираешься уходить? Не останешься со мной на ночь?

– Наша ночь – сейчас. Потом, дорогая, придет другой твой муж.

Дона Флор вспыхнула.

– Нет, нет! Теперь я никогда не смогу ему принадлежать. Никогда, Гуляка! Неужели ты этого не понимаешь?

Гуляка довольно улыбнулся.

– Не говори так, любимая. Тебе нравится быть честной и серьезной женщиной, я знаю, но зачем себя обманывать? Он тоже твой муж и имеет на тебя такое же право, как я. И знаешь, он мне все больше нравится… Я говорил тебе, что мы прекрасно уживемся втроем…

– Гуляка!

– Что, моя милая!

– Значит, тебя не трогает, что я наставляю тебе рога с Теодоро?

– Разве он годится для рогов? – Гуляка провел рукой по своему бледному лбу. – И он и я твои законные супруги. Только он, дурак, мало тобой занимается. А нашу любовь, милая, если хочешь, можно назвать противоестественной, но она законна, так же как и его любовь.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Разве я не прав? Мы оба твои мужья. Так кто же кого обманывает? Ты, Флор, обманываешь нас обоих, зато себя ты больше не обманываешь.

– Себя?

– Я так тебя люблю. – Его вкрадчивый голос отзывается в сердце доны Флор. – Для того чтобы обнять тебя, я преодолел небытие и явился сюда. Но не требуй, чтобы я был одновременно и Гулякой и Теодоро, это выше моих сил. Я могу быть лишь самим собой и давать тебе только любовь, остальное даст тебе он: собственный дом, верность, уважение, деньги и положение в обществе. Без всего этого ты не можешь быть счастливой, но ты не можешь быть счастливой и без моей любви, порочной, изменчивой и пылкой, хотя она и заставляет тебя страдать. Моя любовь так велика, что, и уйдя из этого мира, я все равно существую, я снова тут. Я пришел, чтобы опять наполнить твою жизнь радостью, страданием и наслаждением, но не затем, чтобы все время быть при тебе, как твой теперешний супруг, который хранит тебе верность и делает все в точно определенное время: ходит в гости, в кино и ласкает тебя. Нет, любимая, я не похож на своего благородного коллегу, я существую для того, чтобы зажигать твои потаенные желания и страсти. Он же заботится о твоей добродетели, о твоей чести, о твоем благополучии. Он – твой день, я – твоя ночь. Мы оба твои мужья, твои два лица, твое «да» и твое «нет». Ты можешь быть счастливой только с нами обоими. Когда я был у тебя один, я давал тебе только любовь и ты страдала! С ним ты ни в чем не испытывала недостатка, но страдала еще больше. Сейчас ты достигла гармонии, Флор, такой ты и должна остаться.

Тела их горели.

– Скорее, любимая, скорее, ночь коротка, и мне скоро пора возвращаться к моей беспутной жизни, а потом наступит время твоего второго мужа, моего компаньона и собрата. Для меня – твоя страсть, твое тайное желание, твое блаженство, для него – остатки твоей любви, заботы о тебе и о твоей добродетели. Это замечательно – я, ты и он. Лучше нам ничего не придумать, все остальное – обман и лицемерие. Почему ты не хочешь этого понять? Ты думаешь, я пришел тебя обесчестить, а между тем я спасаю твою честь. Скажи мне, только откровенно, что случилось бы, если бы не пришел я, твой законный муж? Ты завела бы себе любовника и запятнала свое доброе имя. Помнишь Принца, некоего Эдуардо, известного под кличкой Мощи? Или ты уже забыла, как он торчал под фонарем, а ты пряталась за жалюзи? Если бы я не послал тогда Мирандона, ты, несмотря на траур, изменила бы моей памяти. А сейчас, моя дорогая, не думай ни о чем, настал час любви, и нам ничто не должно мешать.

– Гуляка-путаник, Гуляка-еретик и тиран, я готова.

25

На смуглой бархатной груди Зулмиры возлежал Кардозо э Са…

Кардозо э Са? Нет ли тут ошибки? Увы, так оно и было, на смену Пеланки Моуласу, королю игры и подпольной лотереи, который распоряжался судьбой правительства и Зулмиры, несколько поспешно пришел Маэстро Абсурда и наслаждался теперь этим чудом природы, хотя и мог показаться на первый взгляд почти лишенным плоти.

Как удалось Кардозо э Са добиться столь высокой чести? Очень просто – он прибег к самому обычному попрошайничеству. Пока Пеланки занимался решением своих проблем, ведя переговоры с марсианами, в том числе с Гениальным Вождем – жестоким и прославленным диктатором, которого дотоле не видел ни один человек, наш Кардозо слезно умолял Зулмиру, заискивал перед нею, льстил. И старый как мир способ дал свои плоды.

Сначала лишь из научной любознательности он упрашивал показать следы, оставленные пальцами невидимок на «великолепных бедрах амазонки». Зулмира отнекивалась, говоря, что следы уже исчезли. Но Кардозо э Са непременно нужно было ознакомиться со случившимся in loco, это требовала наука.

Когда же он добился своего, спешить не стал (поспешность – враг науки) и был

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

вознагражден – бедра превзошли все его ожидания. Зулмира лишь смущенно улыбалась. Ведь Кардозиньо и мужчиной трудно было считать, настолько он был далек от всего земного.

– Они напоминают мне горы Марса, – констатировал знаток Вселенной.

Удовлетворив свою любознательность в отношении этой части тела Зулмиры, Кардозо, большой ценитель женской красоты, из чисто эстетических побуждений попросил открыть его взору грудь. Воспитанная Пеланки в культе красоты и поэзии, Зулмира не могла отказать столь учтивой просьбе, лишенной каких-либо низменных целей.

Маэстро Кардозо э Са желал лишь взглянуть на эти «шедевры Творца», но эстетическое наслаждение оказалось столь сильным, что он тут же потерял голову. Если этот почти бесплотный дух поддался земным соблазнам, что же говорить тогда о Зулмире, обычной смертной женщине? И неизбежное случилось.

К тому же, будь Пеланки Моулас пощедрее, он бы вознаградил должным образом нашего астролога и алхимика за его непосильные труды, отдав ему Зулмиру, освободив ее, таким образом, от должности секретаря и оставив за собой лишь приятную обязанность оплачивать весьма значительные расходы этой великолепной девы. Ибо Маэстро Абсурда сдержал слово, спася состояние калабрийца, который раз и навсегда избавился от невезения, путаницы, внесенной в игру марсианами.

Так это или иначе, но именно в эти дни Джованни Гимараэнс покинул поле сражения. Он сделал это последним.

Первым был Анакреон. Как-то вечером этот седовласый патриарх направил стопы в притон Паранагуа Вентуры, где играли только краплеными картами. Он хотел снова кинуть вызов судьбе, ибо не считал настоящей игрой свои выигрыши. Судите сами: ты берешь фишку, ставишь на определенное число и выигрываешь. Где же тут острые ощущения, где удовольствие? Чем он мог прогневить бога?

Разве это игра?! Игра – это когда ты рискуешь, злишься из-за проигрыша, радуешься удаче, напряженно следишь за сумасшедшим бегом шарика рулетки. А сейчас Анакреон даже не смотрел на него, шарик послушно останавливался у числа, на которое он ставил. То же и в картах и в костях. Чем он заслужил такое наказание?

Старый Анакреон привык играть честно, риск был для него наслаждением. А теперь? Боже, какой позор! Но судьба послала ему Паранагуа Вентуру.

– Мое заведение не казино Пеланки, – сказал тот. – У меня не разгуляешься.

Оба рассмеялись. У Вентуры везения было недостаточно, требовалось еще мужество и острый глаз, иначе обыграют в два счета. Но Анакреон в тот вечер не боялся жульничества: ему было важно избавиться от везения, которое приносило только деньги, но не удовольствие. Такова уж была его натура.

Аригоф тоже после нескольких дней небывалого выигрыша отправился в «Три герцога», где шла настоящая игра. Несколько дней он пользовался этими деньгами – правду говорят, что легкий заработок портит человека. Вот и Аригоф забросал Терезу подарками: купил ей певчую птицу, порывался даже платить за ее квартиру и за покупки.

Однако Тереза воспротивилась этим новшествам, заявив, что Аригоф ставит ее в дурацкое положение, что у нее есть гордость и честь, которую она будет защищать. Подарки еще куда ни шло, но платить за ее квартиру? Это уже чересчур! Она сама в силах содержать свой дом и своего негра.

Так Аригоф благодаря Терезе вовремя увидел разверзшуюся перед ним пропасть, поняв вдруг, что ходил в казино не ради игры, а ради денег. Что ж это с ним стало? Тогда он и отправился в «Три герцога», а Тереза снова вернула ему свое расположение.

Что касается Мирандона, то мы уже знаем, какую клятву он дал. Он по-прежнему вел беспутную жизнь, любил женщин, кутил, но никогда больше не играл. Он не хотел испытывать судьбу.

Джованни Гимараэнс, теперь крупный чиновник и фазендейро, вернувшись в «Палас», не стал, однако, как прежде, заядлым игроком. Сначала он решил, что сколько ни проживет,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

будет ставить на 17, а деньги вкладывать в земли и пастбища для скота. Однако жена и знакомые осудили его за возвращение к игре, и обаятельный, хотя и консервативно настроенный журналист, предпочел рулетке семью и банковский кредит. Джованни не пошел в притон «Три герцога» или в логово Паранагуа Вентуры, он отправился в свою супружескую постель и опять стал рано ложиться. Несомненно, у него на это были серьезные причины, совсем иные, нежели у Анакреона и Аригофа.

Теперь понятно, как развивались события, пока Маэстро Абсурда, достигнув соглашение с марсианами, невинно развлекался с амазонкой.

Победа Кардозо э Са отнюдь не поколебала материалистических убеждений упрямого Максимо Салеса. Он стоял на своем: судя по всему, этот мнимый безумец и есть глава шайки, а Зулмира его сообщница. Они давно знают друг друга, давно находятся в преступной связи, а этот старый рогоносец Пеланки ничего не замечает. Другого объяснения происшедшему Салес не находил.

Удивительный, необыкновенный Кардозо э Са, Кардозиньо, кто бы мог подумать, что он так опытен в любви? Он знал даже, как любят на других, более цивилизованных планетах, в других галактиках. И с удовольствием преподавал эту приятную науку своей прилежной и любознательной ученице.

– Как же они любят друг друга на Сатурне, Кардозиньо? Если у них нет рта, то как они целуются? Если у них нет рук, то как они обнимаются…

Маэстро Абсурда раскатисто хохотал.

– Сейчас я тебе покажу…

Зулмира опасалась, как бы Пеланки не стало известно об их духовной привязанности, мистической близости их родственных душ. Ведь он увидит низкую измену там, где были лишь научное любопытство и эстетическое наслаждение.

– А что, если Пекито сейчас войдет и увидит нас? Он может убить, однажды он поклялся…

– Я сделаю руками вот так, и мы станем невидимы, – успокоил ее Маэстро Абсурда и приступил к описанию некоторых обычаев обитателей Нептуна.

26

Дона Флор склонилась над лицом Гуляки, которое становилось все более бледным и измученным.

– Что с тобою, любовь моя?

– Устал…

Еле слышный голос, потухший взгляд, исхудавшие руки.

Дона Флор приписывала все это той беспорядочной жизни, которую вел Гуляка. Какой организм вынесет такое непосильное напряжение?

Когда-то его считали сильным и здоровым, а он свалился в самый разгар карнавала, танцуя в костюме баиянки. Смерть наступила мгновенно. Сердце красивого и веселого молодого мужчины оказалось совершенно изношенным. Когда, растолкав ряженых, прибежала дона Флор вместе с доной Нормой и доной Гизой, она увидела на лице покойного улыбку. Рядом, словно в почетном карауле, стоял Карлиньос Маскареньяс в костюме цыгана, его несравненное кавакиньо молчало; смерть пришла на площадь, звеня бубенцами, ослепляя мишурой нарядов.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

А сейчас она подкрадывается постепенно. Сначала Гуляка бледнел и худел, потом стал вялый, почти прозрачный, какой-то бесплотный, словно таял на глазах.

Сперва дона Флор не придала этому значения, надеясь, что Гуляка просто повел себя легкомысленно, предаваясь мальчишеским выходкам и, возможно, лишь строя ловушку, чтобы посмеяться над ее испугом, подтрунить над ее ужасом. Гуляка не утратил своих старых привычек, он снова стал таким же обманщиком, как и раньше. По словам испуганной доны Розилды: это для него забава.

Мать появилась неожиданно, с большими чемоданами. Вероятно, намеревалась долго гостить. Доктор Теодоро принял этот удар молча и, как человек воспитанный, встретил тещу вежливо: «Всегда рады вас видеть у себя».

С годами дона Розилда ожесточилась еще больше и, едва приехав, тут же стала кричать на весь дом:

– Твой братец тюфяк и размазня! Жена вертит им, как хочет, и я отсюда больше не уеду.

«О господи, дай мне терпение…» – молилась дона Флор, а доктор Теодоро потерял всякую надежду. Перед столь чудовищной угрозой у него было только два выхода: либо отравить тещу, но для этого у него не хватит мужества, либо ждать чуда, но в наше время чудес, как известно, не бывает. Однако тут доктор Теодоро глубоко заблуждался, и в этом ему очень скоро предстояло убедиться.

Менее чем через сутки после приезда дона Розилда неслась на пароход так, будто кто-то кусал ее за пятки. Может, это был Сатана или Люцифер, а может, Вельзевул, Демон или Черт, кто знает, но вероятнее всего, самый страшный из всех дьяволов, который, к несчастью, стал когда-то ее зятем. Он таскал дону Розилду за волосы, а один раз даже сшиб с ног, шептал ей ругательства, грозил надавать оплеух и пинков.

– В вашем доме водятся привидения! Моя нога больше сюда не ступит… – заявила она, укладывая чемоданы.

«Чудо свершилось, значит, чудеса еще существуют…» – смиренно подумал доктор, считая себя недостойным такого благодеяния.

– Этот шалопай хотел меня убить… – прокричала дона Розилда на прощание.

– Она выжила из ума… – поставил диагноз доктор Теодоро.

Дона Флор улыбнулась, но не стала возражать доктору, а только подмигнула Гуляке, который, стоя в дверях, хохотал. С каждым днем он делался все прозрачнее, дона Флор могла даже видеть сквозь него.

– Ах, любимый, ты таешь на глазах…

Впервые у Гуляки не было сил для объятий, он был смущен и растерян. Куда девалась его страсть, его дерзость?

– Меня уводят отсюда, дорогая… Может быть, я не нужен тебе больше? Ведь пока ты меня любишь, пока я тебе нужен, пока ты думаешь обо мне, я буду здесь, с тобой. Что ты сделала, Флор?

Дона Флор вспомнила про эбо. Хорошо, что кума Дионизия предупредила ее. Она сама во всем виновата, сама обратилась к жрецам, умоляя взять Гуляку обратно в царство смерти.

– Это колдовство…

– Колдовство? – Голос Гуляки еле слышался.

Она рассказала ему все, что произошло в субботний вечер: когда она уже была в его объятиях, по ее поручению Дионизия Ошосси обратилась к Диди, и тот взялся за дело.

– Что ты натворила, Флор, мой цветок?

– Я хотела спасти свою честь…

Однако это не помогло: Гуляка оказался сильнее заклинаний Диди. Дона Флор хотела все отменить, но было уже поздно, кровь пролилась, жертвоприношения были сделаны.

– Ты меня отсылаешь туда, откуда я явился, и я должен уйти. Моя сила – это твое желание, мое тело – это твоя страсть, моя жизнь – это твоя любовь, если ты меня разлюбила, я исчезаю… Прощай, Флор, я ухожу, все кончено.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

27

Исчез Гуляка, жертва в схватке богов, добыча заклинаний.

Это твой последний шанс, дона Флор, твоя последняя возможность спасти честь и добродетель, столь важные для тех, кто тебя окружает. У тебя еще остается лазейка: эбо, заказанный Дионизией и изготовленный Диди, хотя не так-то легко колдовством спасти нравственность, добродетель и устои цивилизованного общества. Но что делать, если нет другого выхода? Самое главное, дона Флор, ты восстановишь свою честь перед богом и перед своей совестью, сама придешь с повинной. К счастью, перед людьми тебе не в чем оправдываться, потому что они ничего не знают о твоем дурном поступке.

Если ты дашь Гуляке уйти, ты быстро забудешь эти безумные ночи, они покажутся тебе сном, бредом, галлюцинацией или просто пустыми мечтами в часы праздности. Ты ни в чем не виновата, дона Флор, и будешь жить в мире со своим мужем и своей совестью. Это твой последний шанс, забудь Гуляку, докажи, что ты честная женщина!

Что ты делаешь, дона Флор, и хватит ли у тебя сил для этого? Зачем освобождать его из небытия?

Но без его любви я не смогу жить. Лучше умереть вместе с ним.

28

Город взлетел на воздух, и часы показали одновременно полдень и полночь в войне святых: жрецы, собравшиеся похоронить мятежного Гуляку, с его любовью, ополчились на Эшу, который один защищал его. Молния, гром, буря, сталь скрежещет о сталь, льется черная кровь. Встреча произошла на перекрестке последней дороги, на границе небытия.

Из вод океана вышла Йеманжа вся в голубом, с ее длинных волос струится пена, серебряный хвост опутан зелеными водорослями и темными спрутами. Металлическим веером она отогнала ветры смерти, армия рыб приветствовала ее на своем немом языке…

Леса склонились перед охотником Ошосси, который утром скакал на вепре, ночью – на белой лошади, а на рассвете – верхом на Дионизии, самой красивой из его дочерей, самой любимой. И где бы он ни проезжал, все живое умирало.

Огромная змея Ошумарэ поползла по мосту радуги, за ней ползли другие змеи – гремучие и жаркие. Они вонзили конец радуги в Гуляку, но тот устоял, и навстречу ему вышла прекрасная девушка. Эшу трезубцем проткнул радугу, и Ошумарэ свернулась кольцом, засунув хвост себе в пасть…

Тогда выступила Омолу со своей жуткой армией болезней: черной оспой, проказой, трахомой, – и наслала на Гуляку чахотку и чуму, а затем лишила его зрения и слуха.

С серебряным копьем в руке своей танцующей походкой прошествовал Ошала. Перед ним все склонились. Потом появилась Янсан, повелительница мертвецов, богиня войны. От ее крика все онемели, и сердце Гуляки разорвалось.

Жрецы шли сомкнутыми рядами, бряцая оружием и потрясая древними законами, все они сплотились против Эшу и отправились на последнюю, решительную схватку.

Тогда все на свете перепуталось: по морю плавали дома, маяк Барры и замок Униона; Морской форт оказался на Площадке Жезуса, в садах вырастали рыбы, на деревьях зрели звезды. Часы Дворца показали страшный час. Встала заря из комет, а луна упала на рощи манговых деревьев, влюбленные подобрали ее и в ней отразились их поцелуи.

Закон и предрассудки защищала армия под командованием доны Диноры и Пеланки Моуласа. Любовь и поэзию защищал Кардозо э Са, возлежащий на груди Зулмиры. Ему помогал Дьявол, и в двадцать два часа тридцать шесть минут рухнули порядок и феодальные традиции. От прежней морали уцелели лишь остатки, которые выставили в музее.

Однако крик Янсан заставлял людей трепетать в смертельном страхе. От Гуляки

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

остался лишь серый дымок, кучка пепла и сердце, разбитое в сражении. Только и всего. Настал конец Гуляке и его страстям. Где это видано, чтобы покойник предавался любви на железной кровати?

В схватке наступил перелом. Эшу дрался из последних сил, окруженный со всех сторон – пути к отступлению были отрезаны. Гуляка снова лежал в своем дешевом гробу, в своей глубокой могиле. Прощай, Гуляка, прощай навсегда!

И вдруг по воздуху пронеслась женская фигура. Это, прорвавшись сквозь самые страшные запреты, преодолев расстояние и лицемерие, летела дона Флор. Ее стон заглушил крик Янсан как раз в ту минуту, когда Эшу уже катился вниз по склону, а поэт сочинял эпитафию для Гуляки. На земле разгорелся костер, в котором сгорело время лжи.

29

В ясное, прохладное воскресное утро завсегдатаи бара Мендеса на Кабесе смотрели, как по улице идет нарядная дона Флор, под руку со своим мужем. Супруги направлялись в Рио-Вермельо, где тетя Лита и дядя Порто ожидали их завтракать. Скромно опустив глаза, как и подобает серьезной замужней женщине, дона Флор отвечала на почтительные приветствия.

Сеу Вивалдо, оглядев дону Флор, заключил:

– Никогда бы не подумал, что Доктор Касторка окажется таким прытким…

– Да, этот фармацевт многим даст сто очков вперед… – вмешался торговец святыми Алфредо.

– Вы только взгляните, как она хороша, просто прелесть! Лакомый кусочек, ничего не скажешь, и, судя по всему, очень довольна жизнью. У нее вид женщины, которая завела себе любовника и наставляет рога мужу…

– Не говорите глупостей! – вступился за дону Флор Мойзес Алвес, проматывающий состояние какаовый плантатор. – Если и есть в Баии честная женщина, так это дона Флор.

– А я разве возражаю? Я просто хочу сказать, что этот доктор только прикидывается

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

святошей. Я преклоняюсь перед ним – никогда не думал, что он справится с такой красоткой. – И, восхищенно глядя на дону Флор, сеу Вивалдо добавил: – Посмотрите только на ее бедра! Такое впечатление, будто кто-то их гладит… Счастливец этот доктор…

Идя под руку с счастливцем мужем, дона Флор нежно улыбается. Ах, этот Гуляка, летает вокруг нее и ласково касается ее груди и бедер, словно легкий утренний ветерок! В это светлое воскресное утро дона Флор идет по улице, довольная обоими своими мужьями.

На этом кончается история доны Флор и двух ее мужей, рассказанная во всех подробностях, история веселая и грустная, как сама жизнь. И история эта, хотите верьте, хотите нет, действительно произошла в Баии, где невероятное ни у кого не вызывает удивления. А если вы сомневаетесь, спросите у Кардозо э Са, он скажет вам, правда это или нет. Найти его можно на Марсе или в бедных кварталах города.

Послесловие. «ЖОРЖИ АМАДУ, ДОНА ФЛОР, ДРУГИЕ…»

Спустя год после появления в Бразилии первого издания романа «Дона Флор и два ее мужа», героиня которого уже завоевала читательские симпатии и заслужила единодушное признание критики, Жоржи Амаду в беседе с пишущим эти строки говорил:

«На страницах произведения я описываю народную жизнь в Баие – там, где, кстати, сейчас живу и где, между прочим, родился. История доны Флор позволила мне воссоздать картину быта к нравов моих земляков, рассказать о крупных социальных и о самых простых человеческих проблемах, затрагивающих каждого. Народ действует в этом романе как сила, которая может выдержать удары судьбы; лишь народ способен оказать сопротивление и изменять ход событий».

«Вместе с тем, – подчеркнул писатель, – мне хотелось написать сатирическое произведение, изобличающее нашу мелкую и среднюю буржуазию. Хотелось показать столкновение разных сил. И, видимо, мне удалось коснуться каких-то злободневных, жгучих вопросов нашей внутренней жизни, потому что бразильские читатели не остались равнодушными к моей книге, очень горячо откликнулись на выход романа в свет, даже назвали его подлинно бразильским романом».

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Поясняя успех романа в Бразилии (с 1966 года и по настоящее время выдержавшего на родине автора почти четыре десятка переизданий), Жоржи Амаду заметил: «Я тоже задумывался над этим, и мне представляется, что наши читатели уже устали от произведений, в которых нет никаких горизонтов, нет перспектив, зато царят безнадежность, отчаяние, тоска. Ведь и нашу нынешнюю жизнь в Бразилии не назовешь улыбающейся».

В связи с этим высказыванием Жоржи Амаду, очевидно, следует напомнить, что писатель работал над романом «Дона Флор и два ее мужа» – и книга вышла – в трагичнейший период истории Бразилии: ультраправая военщина, совершив при поддержке империалистических кругов Соединенных Штатов в 1964 году государственный переворот, захватила власть в стране. Реакционной диктатурой был установлен режим жесточайшего террора, развернут поход против национальной культуры – преследовались прогрессивные писатели, ученые, деятели искусств; арестованных патриотов подвергали изуверским пыткам, военные трибуналы осуждали обвиненных в «подрывной» деятельности на многие годы тюрьмы, лишали гражданских прав; проводились массовые конфискации и уничтожение книг в библиотеках. Неудивительно, что на предыдущем романе Амаду, «Пастыри ночи», издательство поостереглось, по понятным причинам, указать полные выходные данные – прошло всего четыре месяца после переворота! Да и в романе «Дона Флор и два ее мужа» нельзя не заметить, что автор порой предпочитает иносказание или недоговоренность в политических оценках и в кое-каких характеристиках; само действие романа отнесено к несколько неопределенному времени: где-то между 1925 и 1935 годами.

«И вот со страниц романа, – продолжал писатель, – в нашу бразильскую повседневность шумно вторгается дона Флор – жизнерадостная, весьма острая на язычок, очень естественная; как сущая баиянка, она искренна, непосредственна, ее оптимизм – это не что-то надуманное. Откровенно признаться, дона Флор, как и в свое время Габриэла, задала мне много работы. При всей своей внешней несерьезности, простоватости, подчас наивности она очень сложный человек. И мне пришлось долго работать над ее образом, как, впрочем, и над образами других героев романа. Все они – живые люди, с которыми я встречался на улицах Салвадора да Баия… В моем романе речь идет о самых простых, обычных, естественных вещах – о любви и труде, о хлебе и мечтах. В жизни каждый сталкивается ежедневно с теми проблемами, о которых говорится в романе, но не каждый вдумывается в философское значение этих проблем, а ведь мудрое кроется и за покрывалом простоты…».

На крутых берегах Баия де Тодос ос Сантос – Бухты Всех Святых – амфитеатром раскинулся Салвадор да Баия, он же зачастую называемый только Салвадором или только Баией, главный город одноименного штата, а в далеком прошлом – первая столица Бразилии.

Здесь обитают персонажи романа «Дона Флор и ее два мужа».

Здесь – в этом живописнейшем двухъярусном городе, «родившемся в море и взобравшемся на гору», с прихотливо извивающимися улочками и улицами, то вздымающимися по склонам, то ниспадающими к бирюзовым водам залива, близ которых хозяйничают юные беспризорники – «капитаны песков». В городе дворцов и трущоб, молчаливых старинных крепостей и шумливых, необычайно пестрых рынков, где торжественно колдуют прославленные чернокожие кулинарки. В городе множества церквей и монастырей, благостно покоящихся меж кокосовых пальм, и разнокалиберных злачных мест и игорных домов, где азарт соседствует с преступлением. В городе, давшем стране выдающихся творцов национальной культуры и неотделимо связанном с древним мистическим негритянским культом, оставшимся от времен рабства.

Сказочной красоты Салвадор воспет прозаиками и поэтами, народными сказителями и многоопытными мореходами, – тому, кто хоть раз видел его, как и автору этих строк, невозможно забыть фантастическое буйство красок, созданных природой и человеком. Легко представить, почему Даниэль Дефо направлял сюда Робинзона Крузо, бежавшего из алжирского плена, и почему Робинзон загорелся желанием остаться тут навсегда.

Но… заглянем в «Путеводитель по улицам и тайнам Баии Всех Святых», впервые

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

опубликованный в 1945 году и к настоящему времени переизданный тридцать раз (в последних изданиях текст в значительной степени переработан и дополнен): «А где же правда, когда речь заходит о городе Баия? Никогда достоверно не узнаешь, что в этом городе правда, а что вымысел. В его поэтической таинственности и в его драматической нищете правда и вымысел смешиваются… И в этом своеобразном путеводителе увидишь не только прелестную оранжевую кожуру апельсина, но и разглядишь попорченные апельсинные дольки, отвратительные на вкус. Такова и Баия – смесь очарования и страдания, изобилия и голода, задорного смеха и скорбных слез… Праздник и траур».

Свидетельство неоспоримо – оно принадлежит одному из авторитетных знатоков Салвадора, влюбленного в этот город, сопереживающего невзгоды всего баиянского края, близко к сердцу принимающего судьбы своих земляков. Да, и эти слова писал Жоржи Амаду, отнюдь не сторонний наблюдатель, с чувством большой душевности заявивший: «Несправедливо, что столько нужды таится в такой красоте… В какой-нибудь из дней ты, быть может, еще вернешься сюда, а мы уже преобразуем этот мир, и лишь радость, здоровье и достаток станут присущи бессмертной красоте Баии».

Этому краю, людям, труженикам Баии посвящено большинство произведений Жоржи Амаду, составляющих его знаменитый «баиянский цикл».

На земле Баии, близ городка Ильеус, что на юге штата, в семье владельца скромной плантации деревьев какао 10 августа 1912 года родился будущий писатель. На земле Баии, в Салвадоре, пятнадцатилетний Жоржи, сбежав из иезуитского колледжа, в интернат которого его зачислили родители, оставшиеся в Ильеусе, поступил на работу в редакцию газеты «Диарио да Баия» в качестве репортера полицейской хроники. А за плечами худощавого подростка, помимо учебы экстерном в другом колледже, уже был «лучший университет», как потом назовет романист годы, проведенные «на свободе улиц города Салвадора да Баия, среди людей порта, рынков и ярмарок, на соревнованиях по капоэйре, на народных празднествах, на мистических церемониях культа кандомблэ и на папертях вековых церквей». А до этого юному беглецу от отцов-иезуитов довелось в течение нескольких месяцев вместе с какими-то бродягами, случайными попутчиками пересечь засушливые, полупустынные равнины штата Баии, чтобы добраться до соседнего штата Сержипе, где жил его дед. Приключения и злоключения в пути, перенесенные лишения и испытания, непосредственное знакомство с обитателями глуши, с жизнью «низов» будут так или иначе отражены впоследствии на страницах романов Амаду.

В редакции салвадорской газеты «О жорнал» он сближается с молодыми литераторами Диасом да Костой, Эдисоном Карнейро, Сосиженесом Костой, Кловисом Аморимом, с другими. Вместе с Диасом да Костой и Эдисоном Карнейро он напишет повесть, печатавшуюся в газете под названием «Король», затем вышедшую отдельным изданием под названием «Ленита» и в конце концов вычеркнутую соавторами, посчитавшими ее незрелой, из библиографии своих произведений.

Соавторы «Лениты» принадлежали к созданному ими сообща ровесниками литературному объединению, наименованному дерзко – «Академия Мятежных». Это была не только дань памяти существовавшему в Салвадоре в 1724 году кружку поэтов, известному как «Бразильская академия Забытых», и возникшей здесь же спустя тридцать пять лет «Академии Возрожденных», где собратья по перу попытались не ограничиваться чтением друг другу стихов и взаимными восхвалениями, но и начали, пока что робко, затрагивать темы духовной, политической эмансипации от португальского колониального гнета.

«Академия Мятежных» в Салвадоре конца двадцатых годов нашего века появилась в момент напряженного положения в Бразилии, переживавшей острый политический и экономический кризис: резко усилились социальные противоречия, вспыхивали восстания, выливавшиеся в вооруженную борьбу народных масс против реакционного буржуазно-олигархического режима.

«Мое поколение, всплывшее на волне народного вооруженного движения, – говорил Жоржи Амаду в 1961 году на торжественном заседании Бразильской академии литературы,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

принимавшей его в число „сорока бессмертных“, – сочло необходимым вымолвить свое слово, подсказанное суровой действительностью и глубокой надеждой. Мы видели нашу страну и наш народ, у которого были отняты его богатства, присвоенные алчными чужеземными хищниками, величие которого было унижено, – и наши сердца переполнялись болью и горем. Мы должны были проломить все стены, чтобы разнеслось эхо нашего слова, нашего решительного протеста. Мы взяли в руки еще несовершенное наше оружие и выступили в поход против всего, что нам казалось олицетворявшим прошлое, включая и Бразильскую академию литературы…».

Завоевавший всемирную славу писатель, единогласно принятый в члены Бразильской академии литературы, в стенах которой за истекшее время произошли серьезные перемены, вспоминал пору своей юности, когда салвадорские бунтари вкупе с ним «первой и не терпящей отлагательств целью поставили: ликвидировать Бразильскую академию литературы, заменив ее „Академией Мятежных“.

Кое в чем «мятежников» можно было понять, в бразильской литературе тех давних лет – за известными исключениями – доминировала тенденция «бегства от действительности»; деятельность национальной академии литературы, замыкавшейся в своей раковине и отстранявшейся от требований эпохи, характеризовалась элитарностью; некоторые академики-пуристы, не считаясь с особенностями народного португальского языка в Бразилии, продолжали пребывать на позициях так называемого португальского классицизма, привнесенного в колониальный период.

«Все-таки я не думаю, что существование „Академии Мятежных“ было бесполезным и неплодотворным, – отмечал Жоржи Амаду. – Литературная атмосфера определялась господством закоснелого консерватизма… Пустая риторика душила творческие устремления и сводила на нет благородные баиянские традиции литературы, обращенной к важнейшим проблемам, к делу народа… пустословие, доведенное до высшего предела скрывало отсутствие идей… Мы же выступали за литературу, отражающую действительность, выражающую чаяния народа».

Нет сомнения, что относительно быстро угасшее выступление «Мятежных», вдохновлявшихся «благородными баиянскими традициями» великих предшественников в Баие – поэта XVII века Грегорио де Матоса Герры, прозванного колонизаторами «Зевом ада» за его сатирические стихи, бичевавшие португальских чиновников, клерикалов, изобличавшие язвы общества, или поэта XIX века Антонио де Кастро Алвеса, певца свободы, – было искренним при всей наивной непосредственности юных «академиков». И, конечно, это выступление не могло не сказаться на формировании сознания его участников, прежде всего Жоржи Амаду. «Грегорио де Матос Герра и Антонио де Кастро Алвес – наши духовные отцы. Столь разные и столь одинаковые. У обоих та же убежденность в том, что литература – это решающее оружие народа», – писал Амаду в «Путеводителе по улицам и тайнам Баии».

Унаследовав такую же убежденность, Жоржи июньским днем 1930 года распростится с Салвадором, с «Академией Мятежных» и отправится в Рио-де-Жанейро, чтобы пополнить свое образование.

А путь в Рио приведет его в большую литературу, к мировой известности.

В Рио-де-Жанейро студенту факультета права столичного университета Жоржи Амаду вскоре посчастливилось установить связи с писателями, принадлежащими к новому поколению бразильской литературы. Кругозор восемнадцатилетнего баиянца намного расширился. Посещая лекции, он возобновляет работу в периодической печати. В газете «А маньян», которой руководил писатель-коммунист Педро Мотта Лима, публикуются статьи юноши по вопросам внутриполитического положения.

С каждым днем ситуация в стране накалялась все более и более – в канун президентских выборов разгорелась ожесточенная борьба за власть между двумя соперничавшими буржуазно-помещичьими группировками, завершившаяся

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

государственным переворотом, в результате которого, при поддержке США, президентом стал Жетулио Варгас, представлявший главным образом националистическую среднюю и мелкую буржуазию. Под руководством Всеобщей конфедерации трудящихся, созданной незадолго до этого по инициативе Бразильской коммунистической партии, развертывалось движение народных масс в защиту демократии, за национальную независимость от иностранного империализма.

В сложных условиях Жоржи Амаду пишет свое первое самостоятельное произведение – «Страна карнавала», и уже в конце 1930 года – прошли какие-то месяцы после его приезда в столицу – читает своим друзьям рукопись этого романа. Молодой автор далек от мысли рекламировать знаменитые бразильские карнавалы – действие книги происходит на плантациях какао юга штата Баия, в Салвадоре и в Рио-де-Жанейро: написал он о том, чему был очевидцем. Неискушенному роману, еще искавшему свой сталь и средства выражения, что-то можно было поставить в укор, но, каковы бы ни были слабые стороны книги (остающейся единственной среди произведений Амаду, перевод которой на другие языки автор не разрешает), она произвела на ознакомившихся с ней такое впечатление, что один из литераторов немедля передал рукопись в издательство. На следующий год «Страна карнавала» вышла из печати. Издательское вступление гласило: «Эту книгу не следует рассматривать таким же образом, как другие художественные произведения. Прежде всего – это впечатляющее свидетельство того, что мы, бразильская молодежь, собой представляем. У автора – лишь начало… Однако люди, действующие в книге, не символические персонажи…». В первом романе Амаду уже явственно проступали чувства солидарности с эксплуатируемыми, бесправными, лишенными надежд анонимными жертвами помещичьего произвола, с «низами» капиталистического мира. «Начиная со „Страны карнавала“, все мои произведения рождены, сформировались в гуще бразильского народа, среди людей Баии», – скажет писатель спустя многие годы. Успех «Страны карнавала» побудил издательство без промедления выпустить второе издание (за полвека, истекшие со дня выхода в свет романа, он переиздавался в Бразилии тридцать восемь раз).

Минул год. Посетив накоротке родной Ильеус, где он по-новому – не детскими глазами – пригляделся к окружающему, Жоржи по возвращении в Рио работает над романом «Какао», опубликованном в 1933 году. На этот раз критики разошлись в оценках: одни приветствовали появление романа, другие метали копья в адрес автора. Более того, роман «Какао» оказался первой из книг Амаду, заслужившей внимание… полиции! По ее строжайшему предписанию книготорговцы обязаны были изъять из продажи книгу. Полицейские меры вызвали шумную огласку в печати, пришлось вмешаться члену правительства Варгаса, влиятельному министру Освалдо Аранье, который потребовал от начальника полиции и департамента «охраны социального и политического порядка» отменить приказ. В итоге – возрос читательский интерес к роману, издательство поспешило напечатать увеличенный тираж. В отличие от «Страны карнавала», где еще ощущались нерешительные поиски путей как автора, так и персонажей книги, роман «Какао» – «оружие народа», если вспомнить приведенное выше высказывание Амаду. По суждению прогрессивных бразильских критиков, этим романом открылось новое направление в развитии национальной литературы, а сам Жоржи Амаду выдвинулся на первый план в литературной панораме. Повествуя о тяжелой жизни закабаленных на плантациях какао, писатель смело встал на их сторону. «Когда же наступит день вашего освобождения?» – Вопрос автора звучит со страниц романа призывом начинать борьбу за права сельскохозяйственных рабочих, борьбу против латифундистов. Постепенно пробуждается классовое сознание у героев романа «Какао», во введении к которому автор посчитал нужным указать: «Я попытался в этой книге с минимумом литературного вымысла ради максимума достоверности рассказать о жизни тружеников на плантациях какао юга Баии».

Поразительна творческая работоспособность молодого писателя. Из-под его пера следуют потоком романы «Пот» (1934), «Жубиаба» (1934), «Мертвое море» (1936), «Капитаны песков» (1937)… И все произведения – каждое со своей палитрой ярких красок –

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

неизменно встречают теплый отклик читателей и критики. Перед картинами голода, нищеты, бесправия, эксплуатации народных масс писатель никогда не остается равнодушным. Он выступает обличителем, обвинителем правящих классов, чужеземных хищников. Уроки «духовных отцов» – Грегорио де Матоса Герры и Антонио де Кастро Алвеса не забыты.

В романе «Пот», появившемся вслед за романом «Какао», Жоржи Амаду ведет читателя мимо аристократических резиденций некоронованных королей какао и кофе, сахара и табака, мимо фешенебельных отелей, ресторанов и универсальных магазинов Салвадора, точнее, его Верхнего яруса – Алты, направляясь в Байшу – Нижний город, далее к старому порту, в трущобах неподалеку от которого ютится бедный люд, выброшенный на мель житейским морем. Писатель ведет к тем, кто очутился за бортом буржуазного общества, – к тем, кто, не имея работы или потеряв ее, не рассчитывая ее обрести, вынужден воровать, заниматься проституцией, нищенствовать, бродяжничать… В одной из дешевеньких двухэтажных гостиниц на Ладейра до Пелоуриньо – Откосе Позорного столба (поблизости в прошлые века публично истязали негров-рабов) в годы юности обитал, занимая террасу под крышей, сам Жоржи Амаду; здесь же он писал роман «Пот», поселив в доме № 68 героя произведения, механика Алваро Лиму, ставшего рабочим лидером, возглавившего забастовку и погибшего от полицейской пули при разгоне демонстрации на Ладейра до Пелоуриньо.

В Салвадоре Жоржи знает все и, пожалуй, всех, потому столь образны главы «Путеводителя по улицам и тайнам Баии Всех Святых», посвященные городу, его жителям – друзьям и знакомым писателя, «лицам вчерашним, сегодняшним, всегдашним», а также народным празднествам и «магическому миру кандомблэ». О последнем нельзя не сказать особо – в романах Амаду зачастую встречаются сцены кандомблэ или его участники.

Сначала обратимся к истории. В течение трех столетий португальского господства через Салвадор были ввезены в Бразилию миллионы черных невольников, тут процветал крупный центр работорговли (рабство было отменено лишь к исходу XIX века). Поныне, как считается, около восьмидесяти процентов населения Баии – негры и мулаты, остальные – кабокло (метисы) и белые. Поныне живы традиции и верования африканских народов, преимущественно ангольцев. Поныне почитаются древние божества Огун, Шанго, Эшу, Ошосси, Омолу, Йансан, Йеманжа. многие иные, в честь которых проводятся красочные ритуальные церемонии с танцами и пением – кандомблэ, «образилившиеся», не похожие на культовые отправления в Африке. Ритуал кандомблэ, в изрядной степени утратив свое былое религиозное значение, теперь стал даже не столько попыткой как-то уйти от суровой, нестерпимой действительности, сколько выражением национального самоутверждения, солидарности, а то и протеста (в те годы, когда власти и католическая церковь запрещали «языческие зрелища»), приблизился к виду народного искусства.

Несколько лет назад на кандомблэ в салвадорском квартале Сан-Гонзало до Ретиро Жоржи Амаду, воспринявшему от матери и индейскую кровь, был присвоен пожизненный почетный титул отум оба – полномочного «жреца» Шанго, слывущего богом молнии, грома и огня; в часы праздничных церемоний писателя именуют Отум Оба Аролу; предопределено ему покровительство Ошосси, бога охоты и тропических лесов. Так своеобразно баиянские негры и кабокло засвидетельствовали свое почтение романисту, автору произведений о их жизни.

«У нас, в Бразилии, – говорил Жоржи Амаду, – огромная масса неграмотных, поставленных за рамки общечеловеческой культуры, не имеющих материальных возможностей учиться… Но если перед вами находятся люди, сумевшие сохранить, несмотря на рабство в прошлом, свою самобытную культуру, свое творчество, свои музыку, танцы, песни – и еще такие прекрасные, – вы не сможете не испытывать к ним уважение. Когда меня наделили этим титулом, я понял, что мне оказана большая честь, я не мог не принять его – повторяю, к этим людям я испытываю чувства искреннего уважения… Смешение рас отразилось и на нашей литературе, национально своеобразной, обладающей бразильской особенностью, своим лицом; мы – продукт смешения рас. Я – уроженец штата

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Баия, важнейшего негритянского средоточия Бразилии, где очень глубоки традиции африканского происхождения, налагающие чрезвычайно сильный отпечаток на всю здешнюю жизнь, и вся моя личная жизнь тесно сплетена с этими традициями».

Было бы, однако, ошибкой считать, что в своих произведениях Амаду, писатель-реалист, склонен к некоей идеализации традиций, дошедших из глубины веков, архаичных верований. Равным образом он не помышляет идеализировать и своих персонажей. Отражая правду жизни, раскрывая сферу их духовных интересов, увлечений и понятий, писатель не упускает случая поиронизировать, придать соответствующую тональность, найти нужные краски, чтобы выявить негативное, подвергнуть его критике. Поэтический талант Амаду позволяет ему свободно переходить в изображении персонажей и в описании эпизодов от достоверного к фантастическому, рожденному народным творчеством, стирать границу между реальным и ирреальным. «Для романиста, ограниченного своим реализмом, либо собственным видением, Баия – опасная территория, – шутливо заметил Жоржи Амаду в ответе своей бразильской читательнице. – Здесь всегда происходит что-то непредвиденное или случайное, не находящее легкого объяснения и толкования». А в эпиграфе к пятой части романа «Дона Флор и два ее мужа» упоминается «о странных и невероятных событиях, которые возможны только в городе Баие, хотите верьте, хотите нет…»

«Непредвиденное и случайное», как и некие сверхъестественные силы из мифологии баиянских негров или кабокло, кое-когда помогают автору в построении, в развитии сюжета, однако созданные писателем литературные типы столь рельефны, что не возбуждают сомнения в их реальном существовании. «Мои персонажи выбраны среди людей Баии, – подтверждает Амаду. – В каждой из моих книг есть немного и от автора, но это не означает включения чего-то из его автобиографии. Вошел лишь опыт жизни. В написанном мною нет ничего иного, кроме так или иначе пережитого лично. Я не способен писать о том, что знаю лишь понаслышке, в чем непосредственно не участвовал».

Создав в тридцатых годах сагу о городе Салвадоре – романы «Пот», «Жубиаба», «Мертвое море», «Капитаны песков», – Амаду представил читателям очень разных людей – рабочих, вступающих в борьбу против предпринимателей, «жрецов» кандомблэ, вместе со своими приверженцами уповающих на могущество Огуна или Эшу, портовых грузчиков, лодочников-савейрос, рыбаков, на утлых парусных плотах-жангадах, идущих на схватку с коварной морской стихией, беспризорных мальчишек, этих бесчисленных «капитанов песков», радости детства которым незнакомы, зато знаком нескончаемо терзающий их голод, понуждающий выпрашивать милостыню или красть…

Не с каждым из своих персонажей писатель расстается, завершив работу над произведением. Нередко он переводит тех или иных героев из романа в роман, сюжетно не связанных, словно желая подчеркнуть единство и неразделимость изображаемых им «низов» буржуазного общества. «В народе – истоки творческой силы Амаду, – отмечал бразильский литературовед Миэсио Тати. – Жизнь, борьбу, страдания и надежды простых людей он понимает, чувствует своим сердцем, как нельзя ближе… А мир богатых чужд миру книг писателя».

«Мир богатых» не прощал обличителя господствующих классов, книги которого, опубликованные на разных языках, приобретали широкую известность, приумножали популярность автора далеко за рубежами его родины. (К слову сказать, в июньском номере московского журнала «Интернациональная литература» за 1934 год уже сообщалось о незадолго до этого вышедших бразильских изданиях романов «Какао» и «Пот» двадцатидвухлетнего писателя, – факт сам по себе примечательный, имея в виду, что тогда между нашими странами не существовало каких-либо контактов. Заметку о романе «Пот» журнал в майском номере того же года озаглавил красноречиво: «Революционная книга завоевывает читателя».)

За политические выступления в печати, разоблачавшие реакцию, «национальные» фашистские организации, происки гитлеровской и итальянской агентуры в Бразилии, Жоржи Амаду был арестован. «Если не ошибаюсь, это произошло апрельской ночью 1936 года, –

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

вспоминал писатель. – Господствовал всюду террор, нацизм подавлял свободу, растаптывались права человека. В Бразилии начался процесс ликвидации демократии, приведший к злосчастным годам „нового государства“. Со многими я очутился в тюрьме Центрального управления полиции».

Реакция свирепствовала на бразильской земле. Вспыхнувшее в ноябре 1935 года народно-революционное восстание, возглавлявшееся «Национально-освободительным альянсом» (в него входили коммунисты, социалисты, другие демократические деятели), было беспощадно подавлено, по всей стране не прекращались ужесточенные репрессии. Жетулио Варгас, установивший диктаторский режим, ввел осадное положение. Разогнав конгресс и запретив политические партии, он позднее – в ноябре 1937 года – огласил корпоративную конституцию, наподобие конституции фашистской Португалии, объявил Бразилию так называемым «новым государством» («эстадо ново»), позаимствовав этот термин также у португальского диктатора Оливейры Салазара. Трагические годы «нового государства» потом будут изображены Жоржи Амаду в известных советскому читателю романах «Подполье свободы» (1954) и «Военный китель, академический мундир, ночная рубашка» (1979).

Освободившись из тюрьмы, Амаду уезжает за границу, предприняв длительное плавание на каботажном судне вдоль тихоокеанского побережья – до Мексики и Соединенных Штатов. В пути он заканчивает работу над романом «Капитаны песков». Изданная за какой-то месяц до провозглашения «нового государства», книга была тотчас же запрещена властями – бразильцы смогли прочесть ее лишь через семь лет, во втором издании. Вернувшегося на родину писателя вновь арестовывают, два месяца он проводит в тюрьме города Манауса, в тропических джунглях за рекой Амазонкой. А на одной из центральных площадей Салвадора вандалы фашистской партии «интегралистское действие», подражая сжигавшим книги гитлеровцам в Берлине, публично бросают в огонь огромного костра произведения Жоржи Амаду, других прогрессивных литераторов. В конце концов властям, не подыскавшим, что можно инкриминировать романисту, кроме его таланта, пришлось пойти на попятную и выпустить Амаду из тюремной камеры.

Жоржи Амаду удостоен важнейшей тогда в Бразилии литературной премии, однако все его романы запрещены в «новом государстве». В поисках заработка он скитается по стране, испытывая немалые лишения. Не находит работы и в Сан-Пауло, где увидели свет «Капитаны песков»: издательство, опубликовавшее роман, уже не числит на службе его автора, возглавлявшего отдел распространения. В городке Эстансии (штат Сержипе), откуда родом его отец, ему удается напечатать свой единственный поэтический сборник «Путь морской» тиражом в… два экземпляра. В Рио-де-Жанейро он помещает кое-какие статьи в газетах, работает над книгой «Кастро Алвес». Полулегально появившаяся в 1941 году эта книга была воспринята как протест против диктатуры «нового государства», но власти не рискнули ее запретить, учитывая, что в ней речь идет о великом поэте XIX века, почитаемом как национальная гордость бразильцев, зато обязали книготорговцев не выставлять издание в витринах магазинов.

Опасность подвергнуться очередным полицейским репрессиям вынудила Амаду эмигрировать в Аргентину. В Буэнос-Айресе на испанском языке (издать ее на языке автора, португальском, в «новом государстве» было нельзя) выходит книга Жоржи Амаду «Рыцарь надежды» – о Луисе Карлосе Престесе, руководившем вооруженной борьбой демократических сил в Бразилии в 1924-1927 годах (в связи с этой публикацией бразильские реакционеры попытались было возбудить судебное дело против Амаду, их замысел провалился: автора не нашли в стране).

В Уругвае Жоржи Амаду пишет роман «Бескрайние земли», взяв эпиграфом к произведению строки народной песни: «Я расскажу вам историю – историю, что ужасает…» История эта не выдумана писателем. Рассказывая о соперничестве помещиков-фазендейрос, захватывавших в штате Баия земли под деревья какао, буквально «отвоевывая» с оружием в руках лучшие участки друг у друга, Амаду воскресил впечатления собственного детства. В

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

те годы наемные убийцы-жагунсос, подосланные теми, кто посягал на плантацию родителей будущего писателя, стреляли в его отца. Спасая маленького Жоржи, отец был тяжело ранен; мать в те годы не ложилась спать без ружья у изголовья постели. Сорок лет спустя Амаду вновь обратится к теме, отраженной в «Бескрайних землях» (произведение увидело свет в конце 1943 года), создав новый роман «Великая Западня: мрачный облик» (изданный в конце 1984 года), в котором всплывает многое, связанное с годами детства.

Под нажимом антифашистского движения в Бразилии и во всей Латинской Америке правительство Варгаса в 1942 году разорвало дипломатические отношения с фашистскими державами, а затем формально объявило войну Германии и Италии (фактически бразильский экспедиционный корпус лишь в июле 1944 года прибыл на итальянский фронт, где был включен в Пятую армию США). Узнав об объявлении войны Бразилией, Жоржи Амаду решил немедля вернуться из эмиграции. Как только он прибыл в южнобразильский город Порто-Алегре, власти «нового государства», заявившего о своем вступлении в лагерь антифашистской коалиции, арестовали писателя-антифашиста.

В сопровождении полицейских конвоиров Жоржи Амаду был доставлен в Рио-де-Жанейро. И на этот раз политическая полиция не подобрала достаточных юридических обоснований, чтобы арестованного держать в заключении. Однако, не разрешив ему пребывание в столице республики или в Сан-Пауло, крупнейшем промышленном центре страны, власти выслали писателя в Баию, где он должен был находиться под домашним арестом. В случае неподчинения ему пригрозили применить более суровые кары.

Амаду, как и раньше, был лишен права публиковать свои новые произведения либо переиздавать старые: его романы значились в индексе запрещенных «новым государством». К счастью, сразу же по прибытии в Салвадор его пригласили в редакцию газеты «О импарсиал», негласно ставшей рупором антифашистки настроенных местных кругов. Писателю поручили редактировать и комментировать сообщения о положении на фронтах второй мировой войны. Под рубрикой «Час войны» за его подписью ежедневно появлялись статьи, излагавшие точку зрения демократических сил. Немного погодя газета начала печатать выступления Амаду по внутриполитическим вопросам, написанные иногда эзоповым, но достаточно ясным для читателей языком и неизменно направленные против диктатуры.

Приближавшийся разгром фашизма в Европе отразился в Бразилии агонией «нового государства», завершившейся его крахом к 1945 году. Еще до объявления амнистии политическим заключенным и разрешения деятельности политических партий, в том числе Бразильской коммунистической партии (весной 1945 года), власти разрешили Жоржи Амаду выехать из Салвадора в Сан-Пауло, сняли запрет на его произведения.

В стране как будто открылся путь к демократии. Для Жоржи Амаду начался этап активнейшей работы. Выходит из печати написанный еще в годы ссылки в Баие роман «Сан-Жоржи дос Ильеус» (1944), в некоей степени продолжающий линию «Бескрайних земель»,

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

издаются «Рыцарь надежды» и «Баия Всех Святых – путеводитель по улицам и тайнам города Салвадора» (1945), о которых говорилось ранее, «Красные всходы» (1946) – роман, воспроизводящий картины трагедии крестьянства северо-востока страны, «Любовь Кастро Алвеса» (1947) – единственное драматургическое произведение писателя, со второго издания выходящее под названием «Любовь солдата».

Напряженная литературная работа сочетается с кипучей общественно-политической деятельностью. В январе 1945 года в Сан-Пауло, на первом конгрессе бразильских писателей, подтвердивших свою решимость бороться за идеалы демократии, Жоржи Амаду выбирают вице-президентом конгресса. 29 ноября того же года он избран федеральным депутатом от штата Сан-Пауло в Национальную учредительную ассамблею и в начале 1946 года приезжает в Рио-де-Жанейро, занимает кресло в парламенте, представляя Бразильскую коммунистическую партию. Депутат-коммунист выдвигает целый ряд законопроектов, нацеленных главным образом на развитие и защиту отечественной культуры, отстаивая свои предложения в бурных дискуссиях с правыми.

Потерявшая было позиции бразильская реакция, поддерживаемая империализмом Соединенных Штатов, рвется взять реванш. К власти приходит антинародное правительство генерала Эурико Дутры, в свое время награжденного Гитлером. В апреле – мае 1947 года диктаторский режим Дутры запрещает деятельность Бразильской коммунистической партии, Союза коммунистической молодежи, профсоюзной Конфедерации трудящихся, а в октябре порывает дипломатические отношения с Советским Союзом. Новая волна террора прокатилась по стране, напоминая о периоде «нового государства».

В январе 1948 года Жоржи Амаду, как и остальные депутаты-коммунисты, был лишен парламентского мандата. «Нам пришлось срочно покидать Бразилию…»– поделилась в интервью Зелия Гаттаи, жена и друг Жоржи, ныне – известная писательница.

Тропы изгнания привели во Францию, где Амаду включается в движение сторонников мира, участвует в международных конгрессах и конференциях. Позднее живет в Чехословакии, посещает другие социалистические страны.

В 1948 году Жоржи Амаду впервые приехал в Советский Союз. Осуществилась его давнишняя мечта. Многозначительны слова его письма, полученного нами: «Моя жизнь писателя началась в тридцатых годах… когда стала разрываться железная блокада – блокада клеветы, которой реакционные, ретроградные правительства пытались скрыть советскую правду. В ту пору в Бразилии появились первые переводы произведений первой великой фазы советской литературы. Я говорю о книгах Серафимовича („Железный поток“), Фадеева („Разгром“), Бабеля („Конармия“), если вспомнить по меньшей мере трех авторов и три произведения, нашедшие большой отклик в то время, уже не говоря о величайшем, неизмеримом влиянии Максима Горького, первого учителя моего поколения, а также о других советских литераторах тех лет. В огромной степени их книги воздействовали на тогдашних молодых бразильских писателей – определили, так сказать, путь создания литературы, обращенной к проблемам народа, к поискам решения этих проблем. Все мы чем-то обязаны советской литературе того времени, рожденной в пламени революционных событий, в гражданской войне, – литературе плоти и крови, живой, свободной, бессмертной».

По своим впечатлениям о пребывании в Советском Союзе и других странах социализма Жоржи Амаду в 1950 году, находясь в Чехословакии, написал книгу «Мир, где царит мир», выдержавшую в Бразилии вопреки препонам пять изданий в течение короткого времени и вызвавшую привлечение писателя к судебной ответственности согласно «закону о безопасности государства». Удостоенный в 1951 году международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», Жоржи Амаду через четыре месяца после награждения приезжает на родину, хотя ему грозит судебный процесс. Однако судья, познакомившись с книгой и ее автором, как рассказывал сам писатель, «вынес определение, что решение привлечь меня к суду необоснованно, поскольку книгу нельзя отнести к „подрывным“ изданиям: она, по его мнению, „сектантская“!…». Так, несколько комично

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

сорвалась очередная попытка реакционеров заставить замолчать Жоржи Амаду. А в 1954 году в Рио-де-Жанейро – и почти одновременно в Москве – выходит из печати начатый автором еще в Чехословакии эпический роман «Подполье свободы» – широкая панорама борьбы народных масс во главе с коммунистами в период «нового государства», по существу, обвинительный акт против бразильской реакции.

Наконец годы эмиграции позади. Возвращение на родную землю в 1956 году вызвало у певца народа Бразилии бурный прилив творческих сил. Мысленно оглядывая произведения писателя, легко представить себе, насколько огромен и плодотворен его литературный труд, – в рамках статьи нет возможности рассмотреть каждое из них. Все же вспомним романы, появившиеся за последние десятилетия: «Габриэла» (1958), «Пастыри ночи» (1964), «Дона Флор и два ее мужа» (1966), «Лавка чудес» (1969), «Тереза Батиста, уставшая воевать» (1972), «Тиета из Агресте, или Возвращение блудной дочери» (1976), «Военный китель, академический мундир, ночная рубашка» (1979), да еще повести «Необычайная кончина Кинкаса Сгинь Вода» и «Чистая правда о сомнительных приключениях капитана дальнего плавания Васко Москозо де Араган», составивших сборник «Старые моряки» (1961), да еще сказку для взрослых «История любви Полосатого Кота и сеньориты Ласточки» (1976); не считая последнего романа «Великая Западня: мрачный облик», напечатанного в конце 1984 года в Рио-де-Жанейро, все – подчеркиваю, все! – эти произведения переведены на русский язык, опубликованы в Советском Союзе и, несомненно, сохранились в памяти наших читателей, высоко оценивших творчество бразильского романиста, близко познакомившего нас со своей родиной, открывшего нам сердце своих соотечественников.

Высокая оценка, популярность романов Амаду вполне оправданны, отдельные критические замечания – при всей их справедливости – неизбежно отходят на второй план, и нет надобности на них в данном случае останавливаться.

Бесспорно, нет такого произведения, в котором писатель не отражал бы мысли, чаяния, веру в будущее народных масс Бразилии. Нет такого произведения, в котором писатель не выступал бы в защиту эксплуатируемых, лишенных прав, жертв капиталистического мира, выявляя и среди оказавшихся «на дне», деклассированных, подлинные ценности человеческой души. Нет такого произведения, в котором писатель не изобличал бы

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

антинародную сущность эксплуататорских классов, не открывал бы огонь против реакции, фашизма, империализма. Нет такого произведения, в котором писатель не откликался бы на животрепещущие вопросы жизни бразильского народа своей страны, на актуальные проблемы, волнующие все человечество. И для каждого произведения, как и для каждого персонажа, писатель находит свежие, неповторимые краски на своей богатейшей палитре.

«Основные достоинства Жоржи Амаду как художника – богатство воображения, высокое мастерство повествования, оригинальный стиль, сочетающий в себе народный и литературный язык…»– так в предисловии к «Старым морякам» охарактеризовал творчество автора этой книги, уже ставшего всемирно известным романистом, в 1961 году избранного в члены Бразильской академии литературы, видный писатель-коммунист Педро Мотта Лима. А за три десятка лет до этого он одним из первых оказал содействие безвестному тогда семнадцатилетнему баиянцу, добравшемуся до Рио-де-Жанейро, предложив ему сотрудничать в газете «А маньян». По суждению другого бразильского литератора, «дарование Амаду позволяет ему выступать и эпиком, и лириком… А за лиричнейшим Жоржи Амаду открываешь тень Максима Горького». И сам Амаду свидетельствовал, что в числе мировых классиков «Толстой и Горький научили меня секретам романа и гуманизму». Горьковские слова «Человек – это звучит гордо» поставлены им эпиграфом к «Пастырям ночи».

Гуманистическое отношение к людям помогло писателю создать полнокровные, жизненные художественные образы. Их так много, что почти неосуществимой кажется задача в данной статье остановиться на оценках всех более или менее значительных героев. Ведь по подсчетам Пауло Тавареса, исследователя творчества Амаду, лишь в романах последнего периода, начиная с «Габриэлы» (опять-таки не включая «Великую Западню: мрачный облик»), действует свыше двух тысяч представителей разных социальных слоев бразильского общества. А коль скоро мы коснулись цифровых данных, то читателю романа «Дона Флор и два ее мужа», быть может, небезынтересно узнать, что из 304 персонажей книги выведены под своими именами 137 реальных лиц– друзей и знакомых писателя, хотя бразильское издание этого произведения предварено авторским предупреждением: «Одно и то же – постоянно и монотонно – повторяется после публикации каждого нового романа автора: всякий раз находится некий комедиант (некая комедиантка), готовый влезть в шкуру того или иного персонажа и затеять громкий скандал на газетных колонках, сопутствуемый саморекламой, взрывами шутих и угрозами в адрес романиста – избить, отдать под суд, убить. Желая заранее предупредить такого рода деяния, автор извещает всех, что никто из живущих здесь, в данном произведении, не списан с натуры». Предупреждение, вполне понятно, обращено к тем, кто между достаточно спорными либо негативными лицами, действующими в романе, обнаружит как в зеркале собственное отображение.

Был, впрочем, и такой случай: родственники некоей ильеусской горожанки пытались убить писателя Ж. Медауара, неосторожно высказавшего в печати предположение, что именно эта Лурдес Марон послужила прототипом для создания образа мулатки Габриэлы в одноименном романе Амаду. Совсем иное – личные друзья романиста, салвадорские поэты, художники, врачи, судьи, промышленники, журналисты, певцы, капоэйристы, профессора, «жрецы» кандомблэ, музыканты, кулинарши… – кого только не встретишь в книге «Дона Флор и два ее мужа»! Кстати, дона Норма, бывшая учительница и приятельница доны Флор, всегда ей помогавшая – в жизни Норма дос Гимараэнс Сампайо, – была ближайшим другом Зелии и Жоржи Амаду и незадолго до своей безвременной кончины сопровождала их в одной из поездок в Москву. Доне Норме, по словам писателя, «благороднейшему и человечнейшему созданию, память которой чтят все бедняки Баии», он посвятил прочувствованные строки в «Баие Всех Святых». На страницах той же книги среди азартных игроков, завсегдатаев салвадорского кабаре «Табарис», впервые промелькнул некий Гуляка (у автора – Вадиньо), рожденный, очевидно, творческим вымыслом, но обогащенный чертами типичного характера, взятыми из реальной действительности, он и в «Баие Всех Святых» фигурирует в компании, знакомой нам по роману, – с Мирандоном (в жизни – Жозе

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Родригес де Миранда Фильо), с негром Аригофом (он же Исайас Карвальо) и прочими.

В бывшем рыбацком селении Рио Вермельо, ныне вошедшем в городскую черту Салвадора, где развертываются кое-какие события романа «Дона Флор и два ее мужа», живет Жоржи Амаду. Здесь он, работая над своим романом, каждодневно видел перед собой тех, кого включил в произведение, превратив в литературных героев.

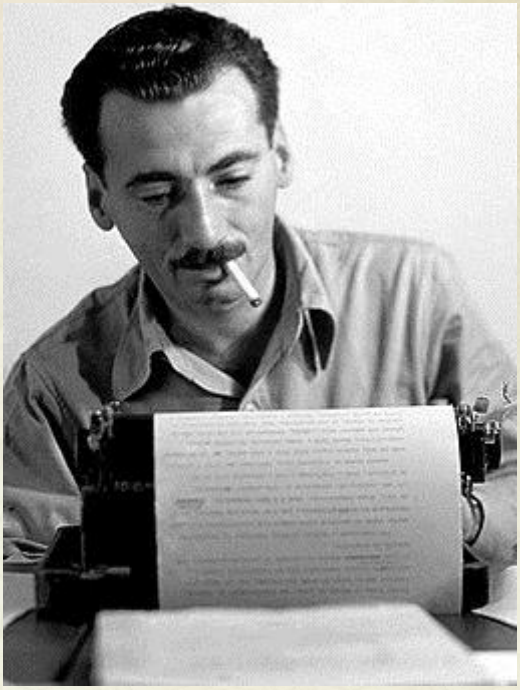
А если на улице Алагоиньяс, в Рио Вермельо, соседи или случайные прохожие встречают неторопливо идущего коренастого, полного и седого человека, все они – негры, мулаты, кабокло – тепло его приветствуют, уважительно к нему обращаясь: «доутор» (доктор) или «мэстре» (мастер). То, что он писатель, не всякому ведомо, не каждый тут грамотен, чаще знают его как сведущего в таинствах кандомблэ либо капоэйры, даже доверенного мифических божеств афро-бразильского культа. Но, конечно, не за горами то время, когда все обитатели Рио Вермельо постигнут грамоту и раскроется перед ними многоцветное творчество их земляка, популярнейшего романиста бразильского народа.

Читая роман «Дона Флор и два ее мужа», невольно думаешь о том, что занимательную историю героини с ее невероятными приключениями рассказал нам все же не тот маститый, седовласый писатель, заседающий в Бразильской академия литературы в золотом расшитом парадном мундире с золотой цепью и шпагой, с окаймленной белоснежным плюмажем треуголкой – в торжественной традиционной форме «сорока бессмертных». Нет, не верится. Знакомству с доной Флор мы обязаны скорее тому юному и неимущему бунтарю из достопамятной салвадорской «Академии Мятежных» конца двадцатых годов, пылкому, неуемному фантазеру, которого звали просто Жоржи.

В самом деле, столько молодого задора в этом романе, столько романтического воображения, лирического вдохновения, бурлящего оптимизма и… поистине бунтовского вызова окружающему, что свойственно более всего юности! И вместе с тем даже не всегда заметен переход от искрометного юмора к беспощадно острой социальной сатире, равно как не сразу бросается в глаза грань между реальным и ирреальным. Немало серьезных, глубоких по значению своему проблем в этом внешне развлекательном произведении. Огонь писателя-сатирика направлен против тупого, заскорузлого мещанства, против деморализирующей буржуазной морали.

Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Дона Флор, пунктирные контуры которой намечались автором еще в первых его романах, по-своему – не будем строги к ней! – хотя порой она и поступает вопреки разуму «в ожесточенной битве между духовным и материальным», как выразился Амаду в ответе бразильской читательнице, – отстаивает собственные права. Право на самостоятельную жизнь, на свободное существование женщины в той среде, где ее хотели бы и еще пытаются связать узами церковных догм, затянуть во враждебный ее воле омут, низвести – как Габриэлу или Терезу Батисту в других романах писателя – к положению бесправного, безропотного существа.



А Гуляка? В цитированном ответе своей бразильской читательнице Жоржи Амаду, касаясь этого достаточно колоритного и достаточно ясного персонажа (как предельно ясен и сеу Теодоро), воздержался комментировать его новое, магическое появление в Салвадоре после внезапной кончины на карнавале: «Я, баиянец, лишь констатировал этот факт, не старался найти ему объяснение, предоставляя читателю воспринять, истолковать». Что ж, о «непредвиденном» в Баие автор уведомлял. И как бы мы ни относились к Гуляке, нельзя отрицать, что его возвращение «с того света» видится своеобразным поединком со смертью, – а в памяти всплывает высказывание тургеневского героя: «Да разве ты не знаешь, что любовь сильнее смерти?…»

В письме к издателю, открывая бразильскую публикацию романа «Тереза Батиста, уставшая воевать», Жоржи Амаду писал:

«Однажды я послал тебе, дорогой Мартинс, девушку по имени Габриэла, аромата гвоздики и цвета корицы, воспетую в краю какао, – где она теперь? Литературный персонаж принадлежит роману, пока оба они вместе трудятся над своим творением – гончарной глиной, вымешанной с ненавистью и любовью на поту и крови, пропитанной болью, опрыснутой радостью. А сейчас девушка Габриэла из Ильеуса шествует по всему свету – кто знает, на скольких языках говорит, я уже счет потерял.

В другой раз, в доказательство нашей дружбы, направил тебе дону Флор, холостую, замужнюю, вдову, после счастливую со своими двумя мужьями, пленницу, разбившую оковы и освободившую любовь от предрассудков. Кроткое создание, кто мог бы сказать, что она сумеет действовать так, как поступала она? Нежданно-негаданно удивила меня она: мне казалось, что я ее знал, а, оказывается, нет. Это другая судьба, которая выскользнула из моих рук…».

Дона Флор выскользнула из рук ее творца, но, продолжая бороться против буржуазного мира, она подтвердила, как мы знаем, в записке автору романа: «…зарю над морем все еще зажигает Ваша покорная слуга Флорипедес Пайва Мадурейра, дона Флор дос Гимараэнс».

Ю. Дашкевич. Жоржи Амаду, дона Флор, другие…